ISSN 1813-7083

2025 – № 4

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Барнаул – Иркутск – Кемерово – Новосибирск – Томск

2025 – № 4

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Барнаул – Иркутск – Кемерово – Новосибирск – Томск

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 2002 г. Выходит 4 раза в год

Сибирское отделение РАН
Институт филологии Сибирского отделения РАН
Алтайский государственный университет
Иркутский государственный университет
Кемеровский государственный университет
Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирский государственный университет
Томский государственный педагогический университет
Томский государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, проф. И. В. Силантьев (ИФЛ СО РАН) – главный редактор; канд. филол. наук А. А. Озонова (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора; д-р филол. наук, доц. И. В. Тубалова (ТГУ) – зам. главного редактора; канд. филол. наук В. А. Горбунова (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

Д-р филол. наук, проф. Т. А. Бакчиев (ГУ Национальная академия «Манас», Кыргызская Республика); канд. филол. наук, доц. Т. И. Белица (НГУ); д-р филол. наук, проф. Н. С. Болотнова (ТГПУ); д-р филол. наук, проф. Э. Вайда (Западно-Вашингтонский университет, США); д-р филол. наук, проф. Л. И. Горбунова (ИГУ); д-р филол. наук, проф. В. З. Демьянков (ИЯ РАН); д-р филол. наук, доц. Д. В. Долгушин (ИИ СО РАН); д-р филол. наук, проф. М. Я. Дымарский (РГПУ им. А. И. Герцена); д-р филол. наук, доц. О. Д. Журавель (НГУ); д-р филол. наук, доц. И. Е. Ким (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. Л. Г. Ким (КемГУ); д-р филол. наук В. Л. Кляус (ИМЛИ РАН); канд. филол. наук А. М. Лаврентьев (Лионский университет, Франция); д-р филол. наук, проф. Н. В. Налегач (КемГУ); д-р филол. наук, проф. Т. И. Печерская (НГПУ); д-р филол. наук, проф. Дж. Руей-Уиллоуби (Университет Кентукки, США); д-р филол. наук, проф. Е. К. Скрибник (Мюнхенский университет, Германия); канд. ист. наук, доц. С. Г. Суляк (Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Республика Молдова); канд. филол. наук, доц. М. Б. Ташлыкова (ИГУ); д-р филол. наук, проф. Т. А. Трипольская (НГПУ); д-р филол. наук, проф. Л. Ю. Фуксон (ТГПУ); д-р филол. наук, проф. Т. В. Чернышова (АлтГУ); д-р филол. наук, проф. М. А. Черняк (РГПУ им. А. И. Герцена); канд. филол. наук, доц. О. Н. Юрченкова (ТГПУ)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д-р филол. наук, проф. Т. Е. Автухович (Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Республика Беларусь); акад. РАН А. Е. Аникин (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. Т. А. Демешкина (ТГУ); д-р филол. наук, проф. Л. И. Журова (ИИ СО РАН); чл.-корр. РАН, проф. Н. В. Корниенко (ИМЛИ РАН); д-р филол. наук, проф. Е. В. Лукашевич (АлтГУ); д-р филол. наук, проф. Э. Малэк (Лодзинский университет, Польша); д-р филол. наук, проф. С. Ж. Тажибаева (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан); д-р филол. наук, проф. Л. Харвилахти (Финское литературное общество, Финляндия)

Журнал индексируется в БД Scopus, Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-77938 от 04.03.2020

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
sibphilology@mail.ru
Официальный сайт журнала: http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Фольклористика

Гриневич А. А. (*Новосибирск, ИФЛ СО РАН*)
Опыт жанровой систематизации хантыйского фольклора 9
Дайнеко Т. В. (*Новосибирск, ИФЛ СО РАН*)
Купальские песни белорусов-переселенцев: основные принципы организации вербального текста 25

Литературоведение

Ромодановская В. А. (*Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН*)
Дмитрий Сергеевич Лихачев в письмах В. П. Адриановой-Перетц к Н. К. Гудзию 1940–1959 годов: В преддверии 120-летия ученого 40
Рылик П. А. (*Афины, Афинский национальный университет им. Каподистрии*)
Бондач А. Г. (*Москва, РГБ*)
Севастьянова С. К. (*Новосибирск, СИУ – филиал РАНХиГС*)
Посвящение царю Алексею Михайловичу в *Книге о соборе*: публикация текста 55
Мазуров А. Е. (*Томск, ТГУ*)
«Дюжина сказок» и «Ракеты»: специфика сказок революционера-народника Ф. В. Волховского 69
Суханов В. А., Гендрин П. А. (*Томск, ТГУ*)
Феномен «обмена» в рассказе А. Чехова «Ионыч» и повести Ю. Трифонова «Обмен» 82
Константинова Н. В. (*Новосибирск, НГПУ*)
«Путешествие с горшком герани» как пародия на «сентиментальный канон» травелога 96
Чжан Юйвэй (*Чжэнчжоу, Чжэнчжоуский университет*)
Две Веры в творчестве Б. К. Зайцева: к проблеме художественной рецепции писателя 106
Куляпин А. И. (*Барнаул, АлтГПУ*; *Санкт-Петербург, РХГА*)
Рассказ В. Шукшина «Свояк Сергей Сергеевич» в контексте культуры хрущевской «оттепели» 119
Колмакова О. А. (*Иркутск, ИГУ*)
Мифо-фольклорный компонент романа А. Г. Игумнова «Пузыри жизни» 128
Ковалев О. А. (*Барнаул, АлтГУ*)
Смерть читателя, или Цена успеха (об одном случае двойной референции фикционального нарратива) 140

Языкознание

Тимкин Т. В. (*Новосибирск, ИФЛ СО РАН*)
Коартикуляция по положению спинки языка в сургутском диалекте хантыйского языка по данным ультразвукового исследования 153

Ооржак Б. Ч. (*Кызыл, ТИГПИ*)
Способы передачи отвлеченных понятий в тувинском языке: существительные с компонентом *чорук* 170
Тазранова А. Р. (*Новосибирск, ИФЛ СО РАН*)
Структурные типы симилятивных сравнительных конструкций с частицами *тен*, *торт* и *чек* в алтайском языке 185
Голев Н. Д., Мельникова В. С., Напреенко Г. В. (*Кемерово, КемГУ*)
Русский юридический текст в парадигме «новой вариантологии» 201
Алексеева А. А. (*Новосибирск, НГУ*)
Разноуровневая репрезентация оценочных признаков концептов в поликодовых текстах 216
Пушкарева И. А. (*Новокузнецк, КГПИ КемГУ*)
Пушкарева Ю. Е. (*Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС*)
Флористические образы в лирике Т. Николаевой: семантико-стилистический анализ 229
Биткеева А. Н. (*Москва, ИЯз РАН*)
Хохолова И. С. (*Якутск, СВФУ*)
Филиппова В. В. (*Якутск, ИГИиПМНС СО РАН*)
Язык в этнологической экспертизе: опыт исследования северного города 242
Орлов В. А. (*Москва, ИЯз РАН*)
Языковая лояльность в марийской диаспоре Республики Башкортостан 257

Рецензии

Вахненко Е. Е. (*Иркутск, ИГУ*)
Валентин Распутин в диалоге научных идей и творческих практик. Рецензия на книгу: Валентин Распутин: pro et contra, антология. Современные аспекты исследования: Монография / Науч. ред., сост., вступ. ст. Н. В. Ковтун; отв. ред. Ю. М. Брюханова. СПб.: РХГА, 2024. 664 с. 272

2025 – No. 4

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOLOGY

Barnaul – Irkutsk – Kemerovo – Novosibirsk – Tomsk

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOLOGY
Founded in 2002. Published quarterly.

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Altai State University
Irkutsk State University
Kemerovo State University
Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk State University
Tomsk State Pedagogical University
Tomsk State University

EDITORIAL BOARD

Igor V. Silantev, Corresponding member of the RAS, Doctor of Philology, Prof., Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Editor-in-Chief*; Aiiana A. Ozonova, Candidate of Philology, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Deputy Editor-in-Chief*; Inna V. Tubalova, Doctor of Philology, Assistant Professor, Tomsk State University, Russian Federation – *Deputy Editor-in-Chief*; Viktoiriya A. Gorbunova, Candidate of Philology, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Executive Secretary*; Talantaaly A. Bakchiev, Doctor of Philology, Prof., Manas National Academy, Bishkek, Kyrgyz Republic; Tatyana I. Belitsa, Candidate of Philology, Assistant Professor, Novosibirsk State University, Russian Federation; Nina S. Bolotnova, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation; Edward J. Vajda, PhD in Slavic Linguistics, Prof., Western Washington University, USA; Ludmila I. Gorbunova, Doctor of Philology, Prof., Irkutsk State University, Russian Federation; Valeriy Z. Demyankov, Doctor of Philology, Prof., Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russian Federation; Dmitriy V. Dolgushin, Doctor of Philology, Assistant Professor, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Mikhail Ya. Dymarskiy, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation; Olga D. Zhuravel, Doctor of Philology, Novosibirsk State University, Russian Federation; Igor E. Kim, Doctor of Philology, Assistant Professor, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Lidiya G. Kim, Doctor of Philology, Prof., Kemerovo State University, Russian Federation; Vladimir L. Klyaus, Doctor of Philology, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Aleksey M. Lavrentyev, Candidate of Philology, Lumiere University Lyon 2, France; Natalya V. Nalegach, Doctor of Philology, Prof., Kemerovo State University, Russian Federation; Tatyana I. Pecherskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Jeanmarie Rouhier-Willoughby, Doctor of Philology, Prof., University of Kentucky, USA; Elena K. Skribnik, Doctor of Philology, Prof., Ludwig Maximilian University of Munich, Germany; Sergey G. Sulyak, Candidate of History, Assistant Professor, Pridnestrovian State University, Moldova; Marina B. Tashlykova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Irkutsk State University, Russian Federation; Tatyana A. Tripolskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Leonid Yu. Fukson, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation; Tatyana V. Chernyshova, Doctor of Philology, Prof., Altai State University, Barnaul, Russian Federation; Mariya A. Chernyak, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation; Oksana N. Yurchenkova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation

EDITORIAL COUNCIL

Aleksandr E. Anikin, Academician of the RAS, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Tatyana E. Avtukhovich, Doctor of Philology, Prof., Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus; Tatyana A. Demeshkina, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State University, Russian Federation; Ludmila I. Zhurova, Doctor of Philology, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Natalya V. Kornienko, Doctor of Philology, Corresponding member of the RAS, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Elena V. Lukashevich, Doctor of Philology, Prof., Altai State University, Barnaul, Russian Federation; Eliza Malek, Doctor of Philology, Prof., University of Lodz, Poland; Saule Zh. Tazhibaeva, Doctor of Philology, Prof., L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; Lauri Harvilahti, Doctor of Philology, Prof., Finnish Literature Society, Finland

Institute of Philology SB RAS
Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
sibphilology@mail.ru
http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php

CONTENTS

Folklore

Grinevich A. A.
Towards a genre systematization of Khanty folklore 9
Dayneko T. V.
Kupala songs of Belarusian settlers: core principles of verbal text organization 25

Literature

Romodanovskaya V. A.
Dmitry S. Likhachev in the letters of Varvara P. Adrianova-Peretz to Nikolay K. Gudziy (1940–1959): On the 120th anniversary of the scholar 40
Rylik P. A., Bondach A. G., Sevastyanova S. K.
The dedication to Tsar Alexei Mikhailovich in the History of the Synod: publication of the text 55
Mazurov A. E.
"Dyuzhina skazok" and "Rakety": the specific nature of the tales of the revolutionary populist Felix Volkhovsky 69
Sukhanov V. A., Gendrin P. A. The phenomenon of "exchange" in Anton Chekhov's story "Ionych" and Yuri Trifonov's novel "Obmen" 82
Konstantinova N. V.
"Journey with a pot of geraniums" as a parody of the "sentimental canon" of travelogue 96
Zhang Yuwei.
The two Veras in the works of Boris Zaitsev: on the problem of the writer's artistic reception 106
Kulyapin A. I.
Vasily Shukshin's story "Svoyak Sergey Sergeevich" in the context of the Khrushchev thaw culture 119
Kolmakova O. A.
The mythological and folkloric component of Andrei Igumnov's novel "Bubbles of Life" 128
Kovalev O. A.
The death of the reader, or the price of success: a case of double reference in fictional narrative 140

Linguistics

Timkin T. V.
Coarticulation by dorsum position in Surgut Khanty based on ultrasound imaging 153
Oorzhak B. Ch.
Ways of expressing abstract concepts in the Tuvan language: nouns with the component *čoruq* 170

Tazranova A. R.
Structural types of similative comparative constructions with the particles *ten*, *tort* and *check* in the Altai language 185
Golev N. D., Melnikova V. S., Napreenko G. V.
The Russian legal text within the "new variantology" paradigm 201
Alekseeva A. A.
Multilevel representation of axiological attributes of concepts in polycode texts 216
Pushkareva I. A., Pushkareva Yu. E.
Floral images in the poetry of Tatiana Nikolaeva: semantic and stylistic analysis 229
Bitkeeva A. N., Khokholova I. S., Filippova V. V.
Language in ethnological expertise: a case study of a northern city 242
Orlov V. A.
Language loyalty in the Mari diaspora in Bashkortostan 257

Reviews

Vakhnenko E. E.
Valentin Rasputin in the dialogue of research and creative practice. The book review: Valentin Rasputin: pro et contra, antologiya. Sovremennye aspekty issledovaniya, monografiya [Valentin Rasputin: Pro et Contra, an Anthology. Modern Aspects of Research, Monograph]. Eds. N. V. Kovtun, Yu. M. Bryukhanova. St. Petersburg, RCHA, 2024, 664 p. 272

Фольклористика

Научная статья

УДК 398.2
DOI 10.17223/18137083/93/1

Опыт жанровой систематизации хантыйского фольклора

Анна Александровна Гриневич

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

annazor@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7607-8387

Аннотация

Статья посвящена проблеме жанровой классификации хантыйского фольклора и анализу историографии вопроса. Рассматриваются подходы к жанрообразованию в фольклористике XX в., от универсалистских моделей (В. Баском, Л. Хонко) до локально-контекстуальных (Б. Малиновский, Д. Бен-Амос). Особое внимание уделяется масштабируемым классификациям, которые учитывают многомерность жанровых признаков. На основе анализа предшествующих исследований и собственных материалов предлагается систематизация жанров хантыйской традиции, включающая сказки, мифологические нарративы, песни, молитвы, шаманские камлания, малые жанры и бессловесные формы. В статье подчеркивается значимость сочетания универсальной терминологии и локальной номенклатуры, что обеспечивает основу для сопоставительных исследований.

Ключевые слова

хантыйский фольклор, жанровая классификация, обско-угорские народы, универсальная терминология, локальная номенклатура, масштабируемые классификации, культурный контекст, сопоставительные исследования, цифровая фольклористика

Для цитирования

Гриневич А. А. Опыт жанровой систематизации хантыйского фольклора // Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 9–24. DOI 10.17223/18137083/93/1

Towards a genre systematization of Khanty folklore

Anna A. Grinevich

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

annazor@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7607-8387

Abstract

This article addresses the long-standing issue of classifying genres in Khanty folklore, contextualizing it within the broader history of folklore theory. The discussion begins with an exam-

© Гриневич А. А., 2025

ination of 20th-century genre theories, from universalist models (W. Bascom and L. Honko) to context-oriented, functionalist, and performance-based perspectives (B. Malinowski, D. Ben-Amos, and R. Abrahams). Consideration is given to the limitations of universalist schemes when applied to local traditions and the necessity of integrating emic categories and native terminology. Emphasis is placed on scalable classifications that categorize genres based on a set of variable characteristics instead of strict demarcations. Among the examples are Littleton's referentiality-based "genre square" and performance-centered models, which offer more adaptable analytical frameworks. A detailed analysis of the historiography of Ob-Ugric folklore studies is undertaken. Account is taken of the contributions of early collectors, including A. Reguly, B. Munkácsi, and S. Patkanov, as well as the later systematic endeavors of E. Schmidt and N. V. Lukina, whose content- and ritual-based classifications proved foundational. Based on the previously mentioned methods and original archival and field data, this article proposes a systematic classification of Khanty folklore genres. This classification integrates previous approaches and is characterized by multidimensionality and adaptability. The classification is based on four key principles: (1) universal terminology to facilitate cross-cultural comparison, (2) respect for local nomenclature, (3) application of multi-criteria and feature-based methodologies, and (4) scalability, which enables the modeling of overlapping and dynamic genre boundaries. The resulting typology encompasses tales, mythological narratives, songs, prayers, shamanic incantations, minor forms, and non-verbal folklore.

Keywords

Khanty folklore, genre classification, Ob-Ugric peoples, universal terminology, local nomenclature, scalable classifications, cultural context, comparative studies, computational folkloristics

For citation

Grinevich A. A. Towards a genre systematization of Khanty folklore. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*], 2025, no. 4, pp. 9–24. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/93/1

Неодинаковое понимание терминов и понятий есть залог прогресса, а не тормоз на его пути.

Сергей Васильевич Гольдин. Стихи и формулы

Термин «жанр» (от лат. gens 'род') применяется для обозначения класса или категории искусства. Определение фольклорного жанра сопряжено с рядом сложностей. В духе подходов второй половины XX в. жанр определяли как единство формы и содержания, обладающее общественной функцией и отражающее определенные принципы восприятия действительности. Например, Б. Н. Путилов определял фольклорный жанр как исторически сложившееся единство определенного содержания и специфической формы, которое «характеризуется единством основных принципов изображения действительности в определенных ее сторонах и аспектах» [Путилов, 1962, с. 6]. С бóльшим акцентом на социальной функции жанров дает определение Н. П. Колпакова: «Жанр есть исторически сложившийся тип художественной формы, обусловленной общественной функцией данного вида искусства и соответствующим характером содержания» [Колпакова, 1962]. В. Я. Пропп понимает жанр как категорию формы и характеризует это понятие в литературоведческом смысле как условное, полагая, что оно определяется совокупностью поэтической системы [Пропп, 1964, с. 148].

Форма сама по себе не всегда может служить надежным критерием для выделения жанров. Это можно проиллюстрировать на примере обско-угорского фольклора, где одни и те же сюжеты встречаются как в песенной, так и в прозаи-

ческой форме. Кроме того, фольклорные жанры, хотя и даны нам в синхронном разрезе, – это продукт истории фольклора, результат сложных эволюционных процессов и различных трансформаций, что порождает интерференцию и взаимовлияние. Разные жанры могут объединять общие стилевые приемы или сюжеты, а внутри одного произведения нередко сочетаются признаки нескольких жанровых категорий. Функции жанров и отношение к ним в разные исторические периоды также претерпевали изменения. Л. Хонко называет время одним из критериев выделения жанров. Действительно, если располагать фольклорные жанры на исторической оси, будет очевидно, что одни жанры сложились и получили свое распространение раньше других, какие-то являются трансформацией более ранних видов (как, например, баллада и эпос) и т. д. Формы фольклора тесно связаны с обрядами, обычаями и бытовыми явлениями, а с их исчезновением пропадают либо меняют свое назначение связанные с ними тексты.

В данной статье наряду с общей проблемой жанрового деления – отсутствие единых критериев – обсуждается необходимость соотнесения «реальных» региональных форм с обобщенными универсальными признаками, двойственная природа жанров (формальные и содержательные признаки), попытки систематизации жанров обско-угорского фольклора, а также предлагается масштабируемая классификация жанров хантыйского фольклора.

В соответствии с классическим определением речевого жанра, сформулированным М. М. Бахтиным, жанр – это типовая модель построения речевого целого, состоящая из объединения тематического содержания, стиля и композиционного построения [Бахтин, 1986, с. 250]. Такие относительно устойчивые типы высказываний отражают цели и условия, в которых они произносятся. Это определение учитывает различные аспекты природы жанров, вписывая их в языковую систему.

Наиболее актуальные современные исследования жанра в фольклористике демонстрируют переход от классических дискуссий середины XX в. к многоуровневым и междисциплинарным моделям анализа. Так, проекты в области цифровой фольклористики показывают, что жанры могут быть описаны не только через традиционные дефиниции, но и через статистические закономерности больших корпусов текстов. Например, в работе по автоматической классификации текстов песен фламенко с использованием методов обработки естественного языка и машинного обучения была выявлена внутренняя структура жанровых разновидностей, подтверждающая их устойчивость на лексико-семантическом уровне [Rosillo-Rodes et al., 2024]. Подобные подходы демонстрируют продуктивность машинного обучения как инструмента жанрового анализа.

Проект Эдинбургского университета исследует возможности крупных языковых моделей (LLMs) в представлении и классификации фольклорных текстов в малоресурсных языках, таких как ирландский и шотландский гэльский [Meaney et al., 2024]. Авторы ставят две задачи классификации и предлагают три адаптации моделей: удлинение последовательностей, дополнительное дообучение на фольклорной предметной области и применение базовых SVM (Support Vector Machine) классификаторов. Эти алгоритмы позволяют кластеризовать тексты, используя опорные векторы. Результаты показывают, что дообучение значительно повышает точность, хотя даже простой SVM дает сильные результаты. Это подчеркивает потенциал машинного обучения для жанрового анализа даже в условиях ограниченных данных.

Другое направление представлено проектом ISEBEL, посвященным исследованию легенд-верований [Abello et al., 2012]. В ходе проекта создана масштабная база данных, где тексты систематизируются с помощью онтологий, а жанровая принадлежность определяется как через традиционные категории (легенда, предание и пр.), так и через алгоритмический поиск паттернов. Такой гибридный подход подчеркивает необходимость согласования «внутренних» жанровых определений с универсальными моделями, что делает возможным сопоставительные исследования между разными традициями.

Универсализм и локальность

При сравнении фольклорных систем разных народов было замечено, что некоторые жанровые модели обладают определенным сходством, а значит, имеют универсальный характер. В. Баском предложил рассматривать миф, легенду и сказку в качестве аналитических концепций, которые могут быть применены в межкультурном контексте, даже если другие системы «коренных категорий» признаются на местном уровне. Он сконструировал квазиматрицу для различения трех типов повествовательной прозы (narrative prose) – мифа, легенды и сказки (см. таблицу). В качестве различительных критериев он использовал категории *достоверность* (достоверный / вымышленный), *время* (отдаленное прошлое / недавнее прошлое / любое время), *место* (другой (или ранний) мир / мир настоящего / любое место), *отношение* (священное / светское / священное или светское) и *главные персонажи* (человек / не человек / человек или не человек). Эта классификация появилась в момент, когда границы термина «сказка» были чрезвычайно размыты, и положила конец терминологической путанице.

Три формы прозаических повествований с отличительными признаками по В. Баскому [Bascom, 1965]

Three forms of prose narratives with distinctive features according to W. Bascom [1965]

Форма	**Достоверность**	**Время**	**Место**	**Отношение**	**Главные персонажи**
Миф	Факт	Отдаленное прошлое	Разные миры: другие или более ранние	Сакральное	Не люди
Легенда	Факт	Недавнее прошлое	Современный мир	Светское или сакральное	Люди
Сказка	Выдумка	Любое время	Любое место	Светское	Люди и не люди

Позднее В. Баском был вынужден признать, что выделенные жанры противоречат локальным категориям. Это не позволило использовать их в качестве универсалий. Хотя его критерии для различения мифа, легенды и сказки применяются по настоящее время, это не положило конец спорам о природе фольклорного жанра в целом.

Другим исследователем, чьи работы также относят к универсалистскому направлению, был Л. Хонко. Он разработал концепцию «идеального типа». В духе методологии М. Вебера это была попытка создать абстрактную модель, учитывающую характерные черты эмпирических явлений, но созданную для научного исследования, что позволяло рассматривать фольклористику как номотетическую науку, обладающую универсальными законами, действительными в любой культурной, исторической и социологической ситуации. Одним из ключевых тезисов Л. Хонко был переход к интернациональной терминологии, способной служить для сравнительных исследований [Honko, 1968]. Его теория идеального типа носила инструментальный характер и была предназначена для лучшего понимания реальности, а не для максимально точного ее описания. Выделенные им критерии жанрового анализа могли варьироваться в зависимости от типа и включали следующие параметры: 1) содержание – о чем текст; 2) форма – проза или стих, способ изложения; 3) стиль – язык и изобразительные средства; 4) структура – композиция, повторяемость элементов; 5) функция, в том числе вопрос, верят ли носители в рассказанное; 6) частотность – насколько часто текст встречается; 7) распространение – география, ареал традиции; 8) возраст – древность или новизна жанра; 9) происхождение – источник возникновения.

Универсалистскому течению противостоит другая традиция, получившая распространение в антропологической научной парадигме, которая основывается на локальных разновидностях жанрового пространства. Как подчеркивал Б. Малиновский, фольклор невозможно анализировать вне культурного и коммуникативного контекста. Каждое высказывание имеет значение только в рамках конкретной ситуации, а жанровая принадлежность определяется функцией внутри данного сообщества [Malinowski, 1926]. Эта идея предвосхищает подход К. Гирца, для которого важен не поиск универсальных схем, а «thick description» – насыщенное, т. е. детальное, описание культурных практик, раскрывающее их значение изнутри, глазами самих участников традиции [Geertz, 1973, p. 3–32]. Согласно этому подходу, жанры не являются «формами вообще», а наполняются смыслом для конкретного сообщества.

Локальный подход к фольклористике применял Д. Бен-Амос, который выступал как непосредственный оппонент Л. Хонко. Он считал, что жанры не являются аналитическими конструкциями или утопиями, а, напротив, представляют собой категории фольклорного дискурса, эмпирические категории, зависящие от культуры и поэтому не универсальные [Ben-Amos, 1992]. Понятия мифа, сказки, легенды и песни существовали задолго до того, как фольклор стал научной дисциплиной. Исследователи, превращая эти термины в научные категории, переносили их из естественного языкового контекста, где присутствуют двусмысленность, амбивалентность и множественность значений, в язык науки, подразумевающий однозначность и точность определений. Таким образом, локальные жанровые категории он рассматривал как эмпирические единицы, зависящие от культуры и функционирующие внутри сообщества, а не как универсальные конструкции.

Компромиссную позицию занимает В. Н. Топоров [Toporov, 1974; Топоров, 1974], который предлагает аналогию с лингвистикой, согласно постулатам которой каждый язык обладает только ему свойственным набором единиц. Сам же универсальный набор понятий «корректируется данными всех известных нам отдельных языков» [Топоров, 1974, с. 3]. Такая классификация будет опираться на локальные традиции и их национальную номенклатуру [Toporov, 1974, p. 692]. Общая жанровая классификация, основанная на локальных традициях, в таком

случае требует разработки общих критериев для описания жанров. Исчерпывающий список критериев может содержать обращение к содержанию, форме, стилю, функции, происхождению, хронологии, распространению, отношению к музыке и т. д. Однако, как подчеркивает В. Н. Топоров, слишком обширный список может «затушевывать» структурные характеристики жанра, поэтому стоит остановиться на действительно релевантных признаках.

Масштабируемые жанровые классификации

Для нашей жанровой модели чрезвычайно интересны «постмодернистские» попытки разработать «подвижные» или «масштабируемые» классификационные системы, основанные на наличии / отсутствии тех или иных признаков. Под масштабируемыми классификациями в данном случае понимаются типологии, позволяющие сопоставлять жанры по нескольким независимым критериям, которые формируют шкалу, по которой оценивается то или иное явление.

Одним таким продуктивным примером является двумерная модель Литтлтона, основанная на критерии референциальности. В ней нарративы распределяются по двум осям: достоверный – недостоверный (factual – fabulous) и светский – священный (secular – sacred). Эти дихотомии рассматриваются как континуум, и каждый текст занимает на шкале промежуточное положение. Литтлтон предложил 20-балльную градацию выраженности признака, что позволило различить пять базовых жанров: миф, сказку, легенду (сагу), историю и священную историю. Модель дает возможность не только классифицировать материал, но и отслеживать жанровые сдвиги, например транспозицию от мифа в разряд секулярных жанров, в частности в область человеческой истории или сказки. На рис. 1 приводится жанровый квадрат, как он был опубликован автором.

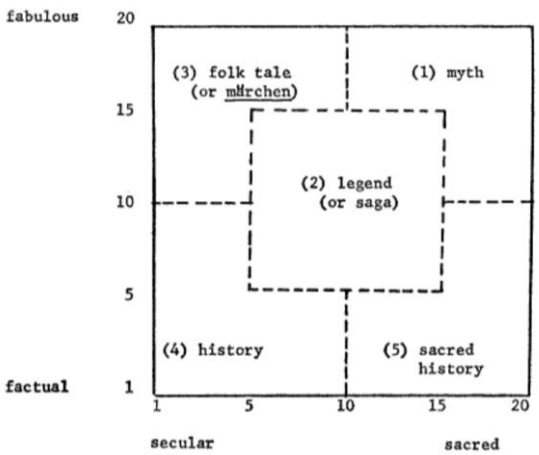


Рис. 1. Жанровый квадрат Литтлтона, различающий сказку (folk tale), миф (myth), историческое предание (history), священное историческое предание (sacred history) и всем им противостоящую легенду или сагу (legend or saga) [Littleton, 1965]

Fig. 1. A two-dimensional genre scheme by Littleton that distinguishes five major categories: *folktale*, *myth*, *history*, *sacred history*, and *legend* or *saga* opposing the first four [Littleton, 1965]

Квадрат Литтлтона может показать перемещение значения текста от фактического к сказочному или проследить эволюцию мифов, которые перестали быть объектами верований (ср. историчность мачехи для XVII–XVIII вв. и сказочность для XIX в., когда медицина продвинулась вперед). Таким образом, рассказ может быть «легендарным», не будучи легендой, сказочным, не будучи вымышленным.

Другим примером шкалы признаков для различения фольклорных жанров является система Абрахамса, основным критерием которой является представление (performance). В своей классификации Абрахамс опирался на работу Hugh Jansen, в которой представление (performance) понималось как способ говорения (a mode of speaking) и предполагало взгляд на фольклор как на способ коммуникации, которая характеризует мышление участников [Jansen, 1957]. Абрахамс ищет способ интегрировать актора фольклорной коммуникации в жанровую классификацию. Все многообразие фольклорных жанров он выстраивает на подвижной шкале, которая начинается с «активного вовлечения» говорящих друг с другом (поговорки, загадки) и заканчивается косвенным вовлечением (vicarious involvement), которое предполагает редуцированный уровень общения [Abrahams, 1966].

Классификации обско-угорского фольклора

В разные годы к вопросам жанрообразования обско-угорского фольклора, его состава и характеристик обращались Б. Мункачи, Г. И. Паллас, К. Ф. Карьялайнен, С. Патканов, А. Н. Баландин, З. К. Куприянова, Е. Шмидт, Н. В. Лукина и другие исследователи. Однако в их трудах не ставилась цель дать исчерпывающее описание или полный перечень жанров обско-угорского фольклора.

Одними из первых жанровых разновидностей обско-угорского фольклора, которые вызывали наибольший интерес еще на заре исследований, были героические сказания. Уже Г. И. Паллас упоминал героические сказания, которые он слышал при проведении медвежьего праздника. Исследователем, который уделил большое внимание этому жанру, был А. Регули. Б. Мункачи даже считает, что главной целью исследований А. Регули и были народные традиции, а не сбор языкового материала, поскольку А. Регули останавливался на более длительный период для сбора грамматических и лексических данных только в тех местах, где он также имел доступ к ценным записям народной поэзии [Munkacsi, 1902]. А. Регули собрал много материала по народной поэзии остяков и вогулов. В письме коллеге он выделил 4 жанра фольклора манси: «Народную поэзию вогулов можно разделить на героические песни, медвежьи песни и лирические поэмы, к которым можно было бы добавить гимны и молитвы как четвертый жанр. В первом типе произведений герои часто появляются в железной одежде. Они носят рубахи и шлемы из крученого железа, у них есть копья и т. д. Медвежьи песни поются в день праздника мертвого медведя» [Baer, 1845, S. 248]. Сгруппированный по содержанию, весь материал народной поэзии вогулов-остяков, собранный А. Регули, включает следующие жанры: 1) мифы о сотворении мира; 2) героические песни и сказания о богах; 3) песни-призывания; 4) медвежьи песни (исполняющиеся от лица медведя); 5) другие песни, исполняющиеся во время обряда; 6) лосиные песни; 7) героические песни; 8) песни судьбы (личные песни); 9) сказки.

Первые попытки классификации обско-угорского фольклора носили гибридный характер и были основаны на содержании, форме и контексте исполнения произведений. Так, Б. Мункачи в своем очерке упоминает следующие жанры угорского фольклора: 1) песни и саги о сотворении мира; 2) героические песни

и героические саги; 3) заклинательные формулы; 4) медвежьи песни; 5) песни о судьбе (лирические песни); 6) военные песни; 7) песни сценических представлений на празднике медведя; 8) звериные песни; 9) сказки; 10) загадки [Munkacsi, 1902].

С. Патканов предлагает схожую классификацию: 1) эпическая поэзия (героические песни и героические саги); 2) мифологическая и космогоническая поэзия (гимны, мифологические и космогонические саги); 3) медвежьи песни; 4) сказки; 5) лирическая поэзия (песни); 6) загадки [Patkanov, 1897]. На этих же принципах основана классификация Кастрена.

Важной особенностью таких классификаций была попытка найти аналоги обско-угорским формам словесного творчества в более крупных европейских традициях. Так, оба автора отказывали обско-угорской сказке в оригинальности. И С. Патканов, и Б. Мункачи воспринимали сказку в более узком значении: первый – как рассказы из жизни простого народа и низших божеств, а также заимствования из русского фольклора, а второй – как неоригинальные творения, заимствованные из общеевропейского фонда сюжетов.

Таким образом, на заре исследований основной упор делался на сбор и группировку материала по содержанию, что позволило выделить главные жанры, но не дало возможности построить системную классификацию.

В дневниках В. Н. Чернецова начинают упоминаться специфические типы мансийского фольклора: «1. Песня *эрыг*, которая поется человеком про себя, в большинстве случаев богата импровизацией. 2. *Уй эрыг* – медвежьи песни. 3. *Кайне эрыг* – шаманские. 4. *Тэрнынг эрыг* – военные былины, часть поется, часть рассказывается. 5. *Мойт* – сказки. Сказки можно разбить следующим порядком. Сказки русские, заимствованные, с неизменными царями и солдатами – *рущ мойт*. Мифы – *ялпинг мойт* о происхождении земли и похождениях различных героев. Эти, пожалуй, наиболее древние из всех сказок, например, *Касум толах най эква* и весь цикл сказок про *Эква пырищ*» [Лукина, Рындина, 1987]. Преимуществами этого перечня являются фокус на особенное в угорской традиции и внимание к национальной терминологии.

Первую попытку систематизировать жанры обско-угорского фольклора как единую структуру предприняли Е. Шмидт и Н. В. Лукина. Трудности решения проблемы классификации фольклорных произведений они видели в первую очередь в отсутствии единых критериев выделения жанров. Вслед за А. Н. Баландиным они основывались на народной традиции и учитывали особенности каждого жанра, которые невозможно передать через общепринятую терминологию. Именно А. Н. Баландин отметил, что обские угры воспринимают сказку (*мойт*) шире, включая в ее состав мифологические, героические и бытовые нарративы [Баландин, 1939, с. 11].

Е. Шмидт и Н. В. Лукина выделяют 4 основные категории: 1) сказание, сказка; 2) песня; 3) старинный рассказ; 4) загадка. Каждая жанровая разновидность объясняется через их социально-историческое значение и соотнесена с определенным периодом мифологического времени: время первотворения, эпоха героев, эпоха людей. Разработанную ими систему можно представить в виде схемы, представленной на рис. 2.

Более подробно эта классификация изложена в [Лукина, 1990]. Значимой в предложенной систематизации представляется опора авторов на традицию, а также соотнесение с универсальными общепринятыми терминами и подробное

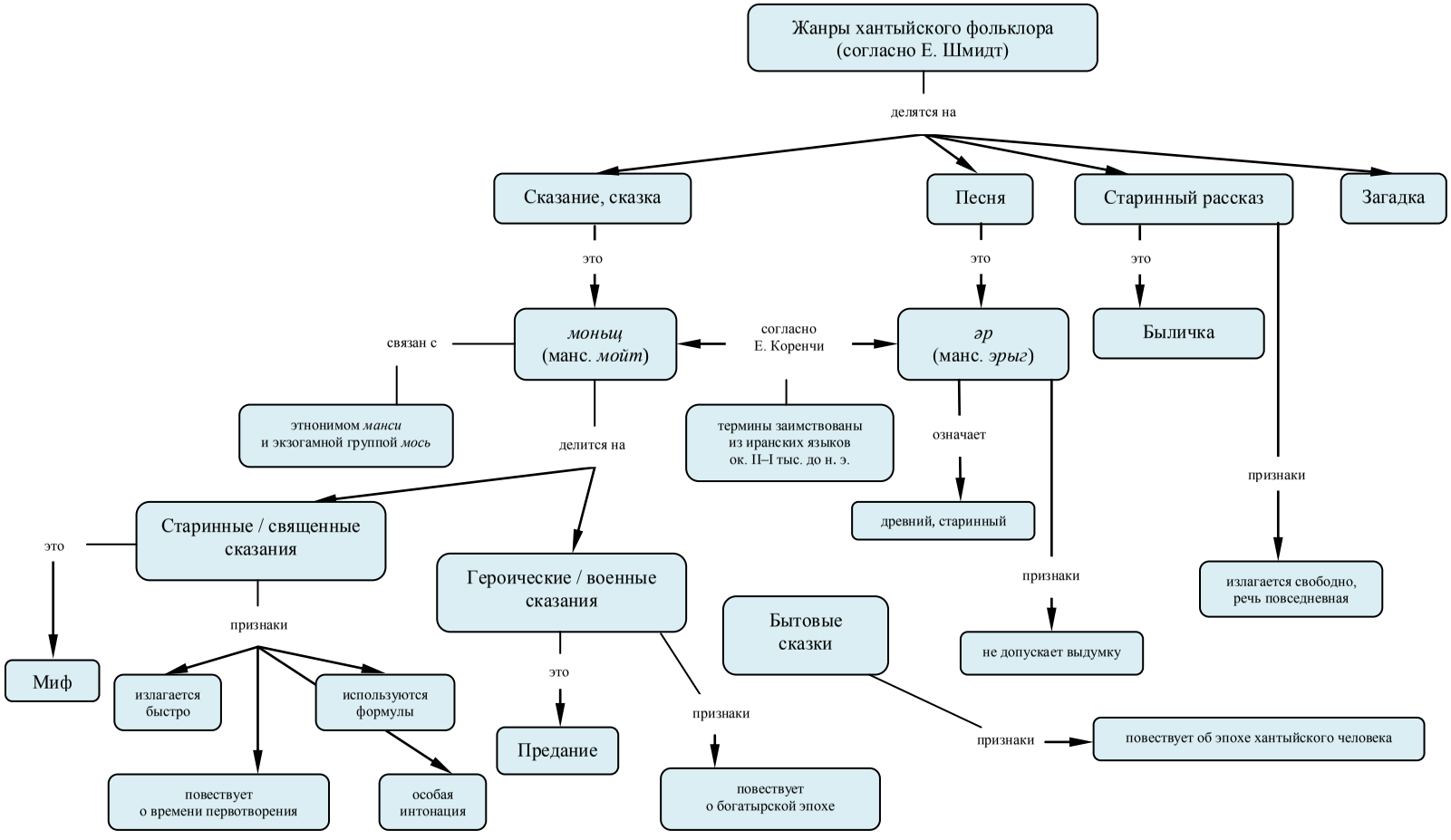


Рис. 2. Система жанров хантыйского фольклора согласно Е. Шмидт и Н. В. Лукиной [Лукина, Шмидт, 1987]
Fig. 2. The Khanty folklore genre system according to E. Schmidt and N. V. Lukina [Lukina, Schmidt, 1987]

описание контекста исполнения каждого жанра. Однако эту классификацию нельзя считать завершенной, она требует дальнейшего уточнения и развития. Накопленный к настоящему времени массив записей позволяет создать более полную классификацию обско-угорского фольклора.

Проект системы жанров хантыйского фольклора

При разработке системы жанров хантыйского фольклора были учтены все четыре описанных подхода: использование универсальной терминологии, опора на традицию и традиционную номенклатуру, применение системы жанровых признаков, подвижные классификации.

Впервые данный опыт был применен при разработке системы жанров для портала «Фольклор народов Сибири» [1], где использовался особый формат представления знаний, разрабатываемый в рамках концепции Semantic Web (семантическая сеть, характеризующаяся стандартизованным представлением информации в виде, пригодном для машинной обработки), – онтологии. Формальными компонентами онтологии являются классы, объекты, отношения, атрибуты, ограничения, аксиомы и др., которые объединяются в систему. Для жанровой атрибуции ресурсов портала были разработаны три взаимосвязанные модели: универсальная жанровая модель, локальная жанровая модель и система жанровых характеристик. Это решение продиктовано необходимостью объединить в базе данных фольклорные произведения из разных языковых традиций. С учетом этого опыта было проведено комплексное исследование жанровой системы хантыйского фольклора.

За основу взята локальная номенклатура хантыйского фольклора (казымский диалект). Для идентификации и корректного использования национальных терминов при составлении классификации автору оказывал консультативную помощь Т. А. Молданов. Для каждого жанра, если это было возможно, выявлены эквиваленты в общепринятой жанровой классификации, а также перечислены признаки, которыми обладает описываемый жанр. Согласно традиции, в фольклоре хантов можно выявить следующие разновидности.

1. *Моньщ* (букв. ‘сказка’), которая делится на:
- 1.1. *Йємэӈ моньщ* (букв. ‘священная сказка’, соотв. мифу)
- 1.2. *Ворт моньщ* (букв. ‘военное сказание’, некоторыми исследователями приравнивается к эпосу)
- 1.3. *Йис моньщ* (букв. ‘старинная сказка’, соотв. преданию)
- 1.4. Собств. *моньщ* (букв. ‘сказка’). Как уже отмечалось, понятие «сказка» у обских угров имеет более широкое значение, для нее применим критерий наличия веры в достоверность рассказа
  - 1.4.1. «Сказка голов» – специфическая разновидность сказки, которая исполняется во время употребления в пищу головы животного. Вынимаемые косточки ассоциируются с определенными образами, о которых ведется повествование
    - 1.4.1.1. *Шовэр моньщ* (сказка заячьей головы)
    - 1.4.1.2. *Сорт моньщ* (сказка щучьей головы) и т. п.

2. *Путэр* (букв. ‘старинный рассказ’, соотв. быличке или преданию)

3. *Ар* (песня), имеет разновидности:

[1] Электронный портал «Фольклор народов Сибири», www.folk.philology.nsc.ru/.

3.1. *Тарнәӈ ар* (военная песня) является эквивалентом 1.2 *ворт моньщ*, но исполняется в песенной форме
3.2. *Йукәӈ ар* (личная песня)
3.3. Обрядовые песни, посвященные животным:
3.3.1. *Вурна ар* (вороньи песни), исполняется весной на обряде встречи весны *вурна хатәл*
3.3.2. *Пупи хот ар* (обрядовые песни медвежьего праздника)
3.3.2.1. *Кайойәӈ ар* (песни, посвященные медведю)
3.3.2.2. *Миш ар* (песни богов, приносящих удачу), исполняются от лица божества
3.3.2.3. *Вөн ар* (большие песни), посвящены богам высшего пантеона, исполняются от лица божества
3.3.2.4. *Пойэкты ар* (песня-молитва), обращение к божеству высшего пантеона
3.3.2.5. *Ньӑх ар* или *ӆуӈәӆтәп ар* (смеховая песня), театрализованное представление, направленное на увеселение зрителей, имеет специфическую разновидность:
3.3.2.5.1. *Йэщаӆт ариты ар* (навстречу поющаяся песня), песня-диалог

4. *Пойэк* (молитва) исполняется во время различных ритуалов, включая медвежий праздник
5. *Щарты кей* (шаманское камлание)
6. Бессловесные формы:
6.1. *Сув* (наигрыш)
6.2. *Увэт* (возгласы), разновидности:
6.2.1. Подражание голосу животного (журавля – *Тори иты увты*, глухаря – *Лук иты увты* и т. п.)
6.2.2. Возгласы во время жертвоприношения
7. Малые жанры (словесные формулы):
7.1. Заклички (национального названия не имеют)
7.2. *Наклэснэм* (прозвища)
7.3. *Сунтәпсы* (считалки)
7.4. *Моньщәпты* (верхнеказ.) / *Амамтәпщи* – загадки
7.5. *Нарэу* (*йємәу* / *нумәу*) *йасәу* – пословицы, поговорки, крылатые слова

Система жанров хантыйского фольклора представлена на рис. 3.

Каждый жанр имеет свои специфику и отличительные жанровые признаки, а также контекст исполнения, что может стать предметом дальнейших исследований.

Заключение

Проблема жанрового деления в фольклористике сохраняет актуальность, поскольку жанры представляют собой не только формы словесного творчества, но и динамические структуры, отражающие эволюцию культурных практик. Рассмотрение основных подходов к жанровой систематике – универсалистского, локального, компромиссного, основанного на признаках, и масштабируемого – показало, что ни один из них не может претендовать на полноту, однако именно их сочетание позволяет приблизиться к многоуровневому и полному описанию традиции.

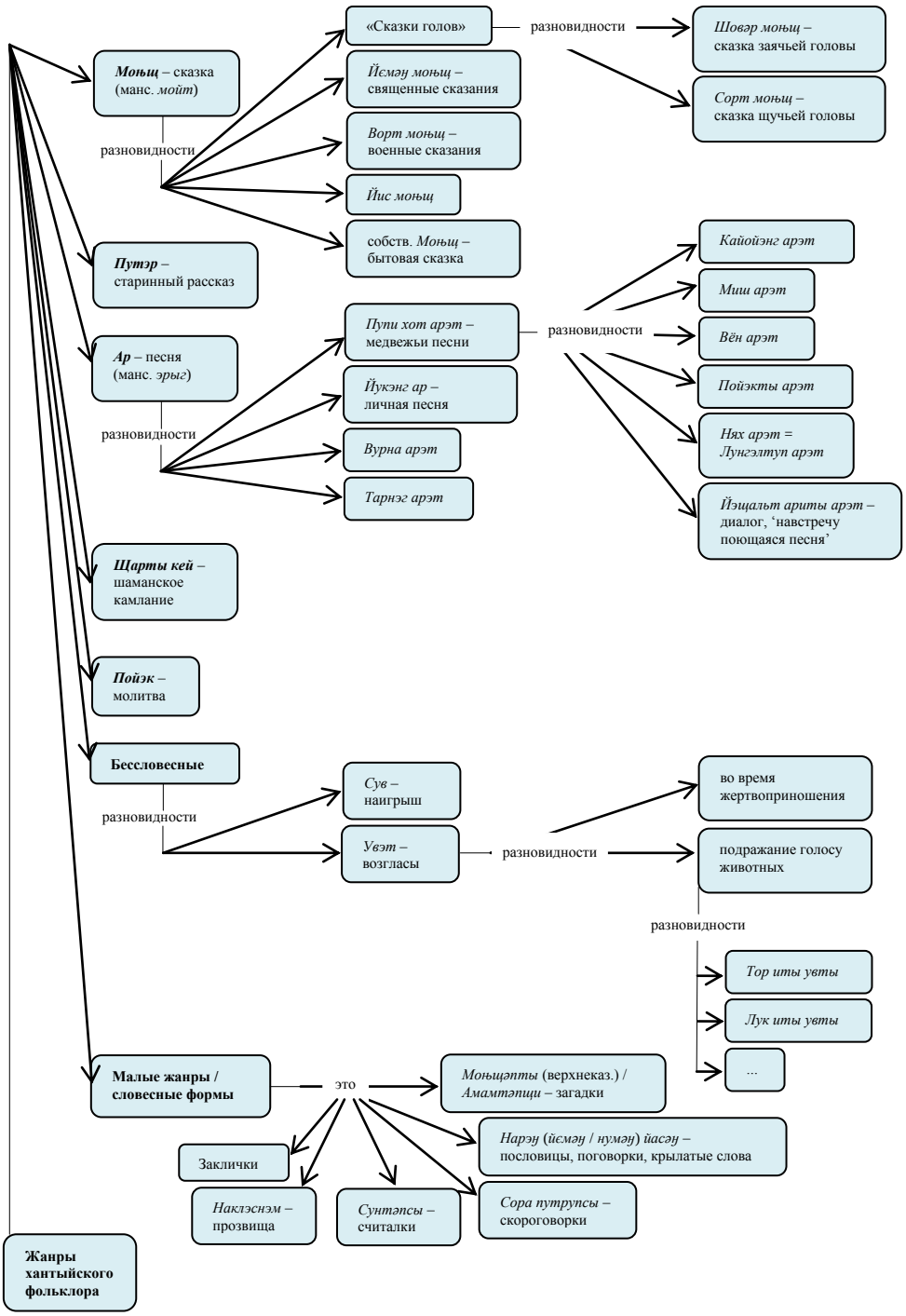


Рис. 3. Проект системы жанров хантыйского фольклора
Fig. 3. A proposed genre system for Khanty folklore

Предложенная система жанров хантыйского фольклора основана на принципе интеграции: она опирается на локальную номенклатуру и традиционное деление и соотносится с универсальными категориями. Она онтологически организована и может быть транслирована в цифровые форматы. Такой подход позволяет выявить как уникальные, так и типологически общие черты хантыйской традиции, обеспечивая возможность сопоставительных исследований.

Перспективы использования данной разработки заключаются в возможности интеграции предложенной классификации в гибридные методы жанровой атрибуции, где ручная разметка и локальная экспертиза будут сочетаться с автоматизированными алгоритмами обработки текстов. Подобные подходы активно обсуждаются в рамках направления «цифровая фольклористика» (computational folkloristics) и подтверждаются результатами исследований, демонстрирующими потенциал цифровых методов для жанровой классификации, например тематического моделирования.

В таком контексте разработанная система жанров хантыйского фольклора может служить не только практическим инструментом описания и каталогизации, но и основой для будущих проектов по автоматической атрибуции фольклорных текстов с использованием искусственного интеллекта.

Список литературы

Баландин А. Н. Язык мансийской сказки. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. 80 с.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.; Л.: Искусство, 1986. 445 с.

Колпакова Н. П. Русская народная бытовая песня. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 284 с.

Лукина Н. В. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М.: Наука, 1990. 568 с.

Лукина Н. В., Рындина О. М. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 284 с.

Лукина Н. В., Шмидт Е. О классификации прозаических жанров в фольклоре обских угров // XVII Всесоюз. финно-угорская конф. Археология, антропология и генетика, этнография, фольклористика, литературоведение: Тез. докл. Устинов, 1987. С. 266–268.

Пропп В.Я. Принципы классификации фольклорных жанров // СЭ. 1964. № 4. С. 147-154.

Путилов Б. Н. Русская историческая песня // Народный исторические песни / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б. Н. Путилова. М.; Л., 1962. С. 5–53.

Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Петерб. востоковедение, 1994. 457 с. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/001/084/ (дата обращения 06.09.2025).

Топоров В. Н. К проблеме жанров в фольклоре // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1974. Т. 1 (5). С. 3–16.

Abello J., Broadwell P., Tangherlini T. R. Computational folkloristics // Communications of the ACM. 2012. Vol. 55 (7). P. 60–70. DOI 10.1145/2209249.2209267

Abrahams R. D. Patterns of Structure and Role Relationships in the Child Ballad in the United States // The Journal of American Folklore. 1966. Vol. 79 (313). P. 448–462.

Baer K. Kurzer Bericht über wissenschaftliche Arbeiten und Reisen, welche zur nähern Kenntniss des Russischen Reichs in Bezug auf seine Topographie, physische Beschaffenheit, seine Naturproducte, den Zustand seiner Bewohner u. s. w. in der letzten Zeit ausgeführt, fortgesetzt oder eingeleitet sind // Beiträge zur Kenntniss des

Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens. 1845. Bd. 9. 350 S. URL: https://www.etera.ee/zoom/9768/view?page=6&p=separate&tool=info&view=0,0,2575,4323 (дата обращения 20.10.2025).

Bascom W. The forms of folklore: Prose narratives // The Journal of American Folklore. 1965. Vol. 78. P. 3–20.

Ben-Amos D. Do We Need Ideal Type (in Folklore)? An Address to Lauri Honko // Nordic Institute of Folklore. 1992. P. 3–37.

Geertz C. The Interpretation of Cultures, 1973. 470 p.

Honko L. Genre Analysis in Folkloristics and Comparative Religion // Temenos – Nordic Journal of Comparative. 1968. Vol. 3. P. 48–66.

Jansen W. H. Classifying Performance in the Study of Verbal Folklore // Studies in Folklore: In Honor of Distinguished Service Professor Stith Thomp Son. 1957. Vol. 9. P. 110–118.

Littleton C. S. A two-dimensional scheme for the classification of narratives // The Journal of American Folklore. 1965. Vol. 78. P. 21–27.

Malinowski B. Myth in Primitive Psychology, 1926. 130 p.

Meaney J. A., Alex B., Lamb W. Evaluating and Adapting Large Language Models to Represent Folktales in Low-Resource Languages. 2024. URL: https://arxiv.org/pdf/2411.05593 (accessed 05.06.2025).

Munkacsi B. Regek es énekek a világ teremteserol. A vogul-osztják népköltés irodalma s főbb sajátságai. A yogül nép ősi hitvilága. Tárgyi és nyelvi magyarázatok. Budapest, 1902. Vol. 1. 294 p.

Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie. II. Teil. Ostjakischt texte mit Deutscher und Russischer Übersetzung nebst erläuterungen. St. Petersburg: l'Académie Impériale des Sciences, 1900. 302 S.

Rosillo-Rodes P., Maxi S. M., Sanchez D. Computational lexical analysis of Flamenco genres. 2024. URL: https://arxiv.org/pdf/2405.05723 (accessed 01.09.2025).

Toporov V. N. Folk Poetry: General Problems // Sebeok T. (ed.). Current trends in linguistics. The Hague Paris: Mouton, 1974. Vol. 12: Linguistics and adjacent arts and sciences. Pt. 2. P. 683–740.

References

Abello J., Broadwell P., Tangherlini T. R. Computational folkloristics. *Communications of the ACM*. 2012, vol. 55 (7), pp. 60–70. DOI 10.1145/2209249.2209267

Abrahams R. D. Patterns of structure and role relationships in the child ballad in the United States. *The Journal of American Folklore*. 1966, vol. 79 (313), pp. 448–462.

Baer K. Kurzer Bericht über wissenschaftliche Arbeiten und Reisen, welche zur nähern Kenntniss des Russischen Reichs in Bezug auf seine Topographie, physische Beschaffenheit, seine Naturproducte, den Zustand seiner Bewohner u. s. w. in der letzten Zeit ausgeführt, fortgesetzt oder eingeleitet sind. *Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens*. 1845, vol. 9, 350 p. URL: https://www.etera.ee/zoom/9768/view?page=6&p=separate&tool=info&view=0,0,2575,4323 (accessed 20.10.2025).

Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Leningrad, Iskusstvo, 1986, 445 p.

Balandin A. N. *Yazyk mansiyskoy skazki* [The language of the Mansi fairy tale]. Leningrad, Izd. Glavsevmorputi, 1939, 80 p.

Bascom W. The forms of folklore: Prose narratives. *The Journal of American Folklore*. 1965, vol. 78, pp. 3–20.

Ben-Amos D. Do we need ideal type (in Folklore)? An address to Lauri Honko. *Nordic Institute of Folklore*. 1992, pp. 3–37.

Geertz C. *The Interpretation of Cultures*. 1973, 470 p.

Jansen W. H. Classifying performance in the study of verbal folklore. *Studies in Folklore: In Honor of Distinguished Service Professor Stith Thompson*. 1957, vol. 9, pp. 110–118.

Honko L. Genre Analysis in Folkloristics and Comparative Religion. *Temenos – Nordic Journal of Comparative*. 1968, vol. 3, pp. 48–66.

Kolpakova N. P. *Russkaya narodnaya bytovaya pesnya* [Russian folk everyday song]. Moscow, AN SSSR, 1962, 284 p.

Littleton C. S. A two-dimensional scheme for the classification of narratives. *The Journal of American Folklore*. 1965, vol. 78, pp. 21–27.

Lukina N. V. *Mify, predaniya, skazki khantov i mansi* [Myths, legends, and tales of the Khanty and Mansi]. Moscow, Nauka, 1990, 568 p.

Lukina N. V., Ryndina O. M. *Istochniki po etnografii Zapadnoy Sibiri* [Sources on the ethnography of Western Siberia]. Tomsk, TSU, 1987, 284 p.

Lukina N. V., Shmidt E. O klassifikatsii prozaicheskikh zhanrov v fol'klore obskikh ugrov [On the classification of prose traditions in Ugric folklore]. In: *XVII Vsesoyuz. finno-ugorskaya konf. Arkheologiya, antropologiya i genetika, etnografiya, fol'kloristika, literaturovedenie: Tez. dokl.* [XVII All-Ugric Finno-Ugric Conference. Archaeology, Anthropology and Genetics, Ethnography, Folklore, Literature Studies: Theses]. Ustinov, 1987, pp. 266–268.

Malinowski B. *Myth in Primitive Psychology*. 1926, 130 p.

Meaney J. A., Alex B., Lamb W. *Evaluating and adapting large language models to represent folktales in low-resource languages*. 2024. URL: https://arxiv.org/pdf/2411.05593 (accessed 05.06.2025).

Munkacsi B. *Regek es énekek a világ teremteserol. A vogul-osztják népköltés irodalma s főbb sajátságai. A yogül nép ősi hitvilága. Tárgyi és nyelvi magyarázatok*. Budapest, 1902, vol. 1, 294 p.

Patkanov S. *Die Irtisch-Ostjaken und ihre Volkspoesie: Vol. II. Teil. Ostjakischt texte mit Deutscher und Russischer Übersetzung nebst erläuterungen*. St. Petersburg, l'Académie Impériale des Sciences, 1900, 302 p., 1897.

Propp V. Ya. Printsipy klassifikatsii fol'klornykh zhanrov [Principles of classification of folklore genres]. *Sovetskaya Etnografiya*. 1964, no. 4, pp. 147–154.

Putilov B. N. Russkaya istoricheskaya pesnya [Russian historical song]. In: *Narodnyy istoricheskie pesni* [Folk historical songs]. B. N. Putilov (Introd., text prep. and notes). Moscow, Leningrad, 1962, pp. 5–53.

Putilov B. N. *Fol'klor i narodnaya kul'tura* [Folklore and traditional culture]. St. Petersburg, Peterb. Vostokovedenie. 1994, 457 p. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/001/084/ (accessed 06.09.2025).

Rosillo-Rodes P., Maxi S. M., Sanchez D. Computational lexical analysis of Flamenco genres. 2024. URL: https://arxiv.org/pdf/2405.05723 (accessed 01.09.2025).

Toporov V. N. Folk Poetry: General Problems. In: *Current trends in linguistics*. Sebeok T. (Ed.). The Hague Paris, Mouton, 1974, vol. 12: Linguistics and adjacent arts and sciences, pt. 2, pp. 683–740.

Toporov V. N. K probleme zhanrov v fol'klore [On the Problem of Genres in Folklore]. In: *Materialy Vsesoyuznogo simpoziuma po vtorichnym modeliruyushchim siste-*

mam [Proceedings of the All-Union Symposium on Secondary Modeling Systems]. Tartu, 1974, vol. 1 (5), pp. 3–16.

Информация об авторе

Анна Александровна Гриневич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
Scopus Author ID 57206664307

Information about the author

Anna A. Grinevich, Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
Scopus Author ID 57206664307

Статья поступила в редакцию 18.08.2025;
одобрена после рецензирования 09.09.2025; *принята к публикации 09.09.2025*
The article was submitted on 18.08.2025;
approved after reviewing on 09.09.2025; *accepted for publication on 09.09.2025*

Научная статья

УДК 398.332 + 161.3 (571)
DOI 10.17223/18137083/93/2

Купальские песни белорусов-переселенцев: основные принципы организации вербального текста

Татьяна Владимировна Дайнеко

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

tan-dai@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9801-3007

Аннотация

Излагаются результаты проведенного автором исследования вербальных текстов обрядовых песен, связанных с днем Ивана Купалы. Материалом послужили тексты купальских песен, записанные на территории Омской области начиная с 1950-х гг. и до настоящего времени, – как архивные, так и опубликованные. Применялись структурно-типологический и сравнительно-сопоставительный методы исследования. Установлено, что в основе всех купальских песен лежит силлабический стих. Практически все поэтические тексты купальских песен имеют строфическую форму: подавляющее большинство – безрефренную нескольких разновидностей, небольшое количество – строфическую с «опоясывающим» рефреном. Рефренная композиция с обрамляющими построениями, основанными на полустишиях основной строки, является характерным жанровым признаком текстов купальских песен, равно как и несколько лексически самостоятельных рефренов («Боже мой», «Купало на Йвано» и др.). Важным стилевым признаком купальских песен является повторность, проявляющаяся на разных уровнях структуры поэтического текста.

Ключевые слова

фольклор белорусов Сибири, календарные песни, купальские песни, вербальный текст, композиция текста

Благодарности

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-01845 «Летние обряды и песни белорусов-переселенцев: сравнительно-сопоставительное исследование» (2024–2025 гг., руководитель Т. В. Дайнеко); https://rscf.ru/project/24-28-01845/

Для цитирования

Дайнеко Т. В. Купальские песни белорусов-переселенцев: основные принципы организации вербального текста // Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 25–39. DOI 10.17223/18137083/93/2

© Дайнеко Т. В., 2025

Kupala songs of Belarusian settlers: core principles of verbal text organization

Tatyana V. Dayneko

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

tan-dai@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9801-3007

Abstract

This paper examines the verbal texts of ritual songs associated with Ivan Kupala Day among Belarusian settlers. This is a case study of Kupala song texts – both archival and published – recorded in the Omsk region from the 1950s to the present. The author employs structural-typological and comparative-contrastive methods. The study is based on the works of Belarusian ethnomusicologist Z. Ya. Mozheiko and scholars of the E. V. Gippius school. The analysis of over 150 Kupala songs reveals that all the texts are structured in syllabic verses. Almost all of them have a strophic form, with most texts exhibiting strophic organization without a refrain, a smaller subset realized in a strophic form with a refrain. A defining genre feature is the use of framing structures based on hemistichs from the main line, which serve a refrain function. The songs also feature several lexically independent refrains, such as "Bozhe moy," "Kupalo na Yvano," and others. An important stylistic feature is repetitiveness, manifesting across multiple levels of the poetic text structure. The principles of the poetic text organization of Kupala songs under study indicate the special place of these songs within the calendrical cycle of Belarusian settlers.

Keywords

folklore of the Belarusian of Siberia, calendar songs, Kupala songs, verbal text, text composition

Acknowledgments

The research was conducted with the support of a grant from the Russian Science Foundation, project no. 24-28-01845, "Summer rituals and songs of Belarusian settlers in Western Siberia: comprehensive-comparative study" (2024–2025; Principal researcher T. V. Dayneko); https://rscf.ru/en/project/24-28-01845/

For citation

Dayneko T. V. Kupala songs of Belarusian settlers: core principles of verbal text organization. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*], 2025, no. 4, pp. 25–39. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/93/2

В летнем сезоне календарного цикла белорусов-переселенцев Сибири, как и в материнской традиции, центральное место занимает фольклорно-этнографический комплекс, связанный с днем Ивана Купалы (7 июля) и примыкающим к нему Петровым днем (12 июля). Во многих ритуальных действиях этого периода важную роль играет песенный компонент. В статье представлены результаты изучения вербальных текстов купальских обрядовых песен сибирских белорусов. Материалом послужили тексты, записанные на территории Омской области начиная с 1950-х гг. и до настоящего времени (более 150 текстов), – как опубликованные [ФЗС, 1974; Аркин, 1993; РП, 2005; АнтОФ, 2022], так и хранящиеся в архивах [1]. Цель исследования – выявить основные особенности организации

[1] Омская область является одним из основных регионов (на территории с востока от Уральских гор до Тихого океана), куда переселялись белорусы. Еще в 1950-х гг. – рань-

вербальных текстов купальских песен, а также установить специфику указанной группы текстов в контексте всего календарного цикла переселенческой белорусской традиции.

Автор статьи использует структурно-типологический метод исследования [2] в сочетании со сравнительно-сопоставительным. При рассмотрении текстов сибирских песен автор опирается на классификацию календарных песен материнской традиции, составленную белорусским этномузыковедом З. Я. Можейко [1985]. Изучив огромный массив обрядовых песен, З. Я. Можейко выделяет девять структурно-ритмических типов напевов купальских песен [3]. Организация поэтического текста является важнейшей характеристикой каждого типа, определяя структурно-ритмические особенности напевов. Для уточнения методики анализа вербальных текстов обрядовых песен, а также в целях установления жанровых и типологических параллелей в отношении купальских песен сибирской переселенческой традиции автор настоящей статьи обращалась также к фундаментальному изданию по календарному фольклору Смоленской области, сопредельного с Беларусью региона [СМЭС, 2003].

Аналитическое рассмотрение вербальных текстов купальских песен сибирского бытования показало, что в основе всех песен лежит силлабический (цезурированный) стих. Практически все поэтические тексты [4] сибирских купальских песен имеют строфическую форму, которая реализуется в двух вариантах композиции: 1) в подавляющем большинстве случаев это безрефренная строфическая форма; 2) тексты небольшого количества песен воплощаются в строфической форме с рефреном. Последний, в свою очередь, может быть нескольких видов (см. ниже).

Рассмотрим указанные композиции поэтического текста подробнее.

1. Строфическая форма, основанная на повторении одного и того же стиха

Поэтический текст значительного количества сибирских купальских песен имеет безрефренную двустрочную строфическую форму, основанную на повторении одного и того же стиха; схематически ее можно обозначить АА [5]. Для этой формы характерно небольшое число элементов – слоговых групп в каждой строке (стихе).

ше, чем в других сибирских регионах, – омскими фольклористами были начаты системные записи фольклора белорусов-переселенцев, в результате чего к настоящему времени собрана обширная коллекция аудио- и рукописных материалов, в том числе касающихся праздника Ивана Купалы.

[2] Основоположником данного подхода в отечественном этномузыкознании является Е. В. Гиппиус (см. [Гиппиус, 1957; 1980] и др.), затем метод получил развитие в работах его учеников и последователей, прежде всего Б. Б. Ефименковой [1993].

[3] Нельзя не отметить, что существует также классификация купальских песен белорусской материнской традиции Г. В. Тавлай [1986], несколько отличающаяся от классификации З. Я. Можейко.

[4] За исключением фрагментарных (вероятно, не полностью сохранившихся в памяти исполнителей) записей, требующих реконструкции.

[5] Здесь и далее в схемах применяются обозначения, принятые в этномузыкологических исследованиях славянских песенных традиций: строчными буквами латинского алфавита показаны полустроки (= полустишия, слоговые группы), прописными – строки (= стихи), буквой r – рефрен (припев), занимающий полустроку, буквой R – рефрен, занимающий целую строку; слеш показывает границы строк.

Первая подгруппа. В коллекции содержится подгруппа текстов со строфой АА, где каждая строка (стих) представляет собой моноячейку – нецезурированный 6-сложник; в этом случае слоговой состав всей строфы 6 + 6. Приведем примеры [6]:

1. *Пойдём, девки, лугом,*
   Пойдём, девки, лугом.
2. *Сарвём па светочку,*
   Сарвём па светочку.
3. *Савьём па веночку,*
   Савьём па веночку (и т. д.)
   (с. Вассис Трс., Арх. ОмГПУ, Маг-9/1980, № 9) [7].

1. *Купала, купала,*
   Купала, купала.
2. *Йде ж ты пробувала,*
   Йде ж ты пробувала?
3. *В Кузьмы на дварочке,*
   В Кузьмы на дварочке (и т. д.)
   (д. Денисовка Сдлн.; опубл.: [РП, 2005, с. 145–146, № 36]).

Вторая подгруппа. В другой, весьма многочисленной, подгруппе текстов с двустрочной строфой АА каждый стих состоит из двух полустиший – ab / ab. Количество слогов в полустишиях может быть различным. В данной группе содержатся песенные образцы со следующими вариантами слоговой структуры каждой строки:

6 + 6

1. *Кругла наша поля, кругла невяличка.*
   Кругла наша поля, кругла наша поля [8].
2. *На нём ягод многа, на нём ягод многа.*
   На нём ягод многа, на нём ягод многа.
3. *И спелах, и зрелах, и спелах, и зрелах.*
   И спелах, и зрелах, и спелах, и зрелах (и т. д.)
   (с. Атирка Трс., Арх. ОмГПУ, Маг-16/1980, № 12).

[6] Здесь и далее в статье в качестве примеров приводятся тексты песен, записанных от белорусов-переселенцев. Следуя традиции, принятой в сибирской фольклористике, мы приводим тексты не на белорусском языке, а так, как их исполняли информанты: по сути, это особый «сибирский» говор, представляющий собой смешение белорусского и русского языков.

[7] В скобках указано место записи текста: название населенного пункта и, в сокращенном виде, название района Омской области – см. «Список сокращений географических названий». Также приведены ссылки на Фольклорный архив Омского государственного педагогического университета (ранее – института, Арх. ОмГПУ), Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки (АТМ) либо на опубликованный источник, где содержится цитируемый песенный текст.

[8] Лексические различия в строках объясняются тем, что в первой строфе часто только устанавливаются структурные особенности стиха (равно как и параметры напева).

4 + 3

1. *На Ивана Купала,*
   На Ивана Купала
2. *Пойду, девки, траву рвать,*
   Пойду, девки, траву рвать,
3. *Сестру с братом поминать,*
   Сестру с братом поминать (и т. д.)
   (с. Чудесное Тврз.; Арх. ОмГПУ, ЭК-5/68, № 46).

1. *Иван, Иван, старый дед,*
   Иван, Иван, старый дед.
2. *Иван ходит по горам,*
   Иван ходит по горам.
3. *Он копает коренья,*
   Он копает коренья (и т. д.)
   (с. Вороновка Клс.; Арх. ОмГПУ, ЭК-78/84).

5 + 4

1. *Як выйду, выйду на вулицу.*
   Як выйду, выйду на вулицу.
2. *А ўдару, вдару в ладоначке.*
   А ўдару, вдару в ладоначке.
3. *Те й звонки маей пярстёначки.*
   Те й звонки маей пярстёначки
   (д. Липовка Знм., Арх. ОмГПУ, Маг-5/1974).

4 (5, 6) **+ 3**

1. *Севодни Купалка, завтря Йван,* 6 + 3
   Севодни Купалка, завтря Йван.
2. *Прихадите, парни, гулять к нам,* 6 + 3
   Прихадите, парни, гулять к нам.
   <…>
4. *Кошки на ёлке скакале,* 5 + 3
   Кошки на ёлке скакале.
   <…>
7. *Да погоне вас домой,* 4 + 3
   Да погоне вас домой (и т. д.)
   (с. Вассис Трс., Арх. ОмГПУ, Маг-10/1980, № 6).

Встречающаяся в разных купальских песнях вариативность слогового объема элементов стиховой формы свидетельствует о том, что поэтический текст этих образцов имеет черты цезурированного временника́, т. е. его ритм в некоторой степени «опосредован ритмом напева» [9] [Ефименкова, 1993, с. 19].

[9] В отличие от литературного, «народный… силлабический стих – поющийся, а в пении слоги получают разную протяженность. Поэтому размеры слоговой группы определяются не только количеством слогов, но и суммой их музыкального времени. А музыкальное время каждой слоговой группы в песнях с цезурированными ритмическими периодами неизменно, что и удерживает цезуру в одном месте формы, даже если количество слогов

Тексты нескольких купальских песен имеют двустрочную строфическую форму, которую можно обозначить как AA_1. Второй стих представляет собой повтор первого стиха, но не точный, а структурно модифицированный – расширенный за счет еще одного проведения заключительного слогового элемента: ab / abb. Пример:

6 (5) + **3** (4) / **6** (5) + **3** (4) + **3** (4)

1. *Сегодня Купала, завтра Иван,*
   Сегодня Купала, завтра Иван, завтра Иван.
2. *Приходите, мальцы, будет вам,*
   Приходите, мальцы, будет вам, будет вам.
   <…>
4. *Кошки на ёлку прыгали,*
   Кошки на ёлку прыгали, прыгали (и т. д.)

(д. Красный Яр Трс.; Арх. ОмГПУ, ЭК-1/71, № 70).

2. Строфическая форма со стихами, разными в лексическом отношении

Вторую обширную группу в коллекции материалов от белорусов-переселенцев составляют тексты купальских песен, имеющие безрефренную строфическую двустрочную форму, в которой каждый стих лексически самостоятелен; ее можно схематически обозначить как AB.

Выделяется *первая подгруппа текстов*, где строфа AB состоит из двух 6-сложных строк-моноячеек (как это наблюдалось и в текстах со строфической формой AA). Например:

1. *Иванскую ночку*
   Усю я не спала.
2. *Усю я не спала,*
   Пётре ключи крала.
3. *У Пётры ключи крала,*
   Зарю размыкала (и т. д.)

(д. Ларионовка Знм.; Арх. ОмГПУ, Маг-4/1973).

В данной подгруппе текстов повторность (так же, как и в текстах с формой строфы AA) играет большую роль: вторая строка каждой строфы повторяется в качестве первой строки последующей строфы, обеспечивая, таким образом, цепную связь строф; схема с учетом лексического параметра стихов: AB / BC / CD и т. д. В некоторых текстах цепная связь строф практически не нарушается от начала до конца, в других песнях таким способом соединяются только некоторые строфы.

Вторую подгруппу составляют образцы, для которых характерны строки, состоящие из нескольких слоговых ячеек. При строении каждого стиха из двух полустиший – ab / cd – обнаружены следующие варианты слоговой структуры строки:

варьируется. Вот почему песенный силлабический стих может быть и часто бывает неравнослоговым» [Ефименкова, 1993, с. 16].

4 + 3

Такая слоговая структура строки характерна в том числе для текстов песни шуточного характера с зачином «Перед Пятром пятым днём», которая имеет довольно широкое распространение [10]. В качестве примера ниже приведен текст, где наблюдается интересная структурная особенность – сочетание двух- и трехстрочных строф. Трехстрочная строфа появляется дважды, обозначая содержательные разделы: ею открывается первая половина текста, где речь идет о ненадежных «парнях», а затем с нее (трехстрочной строфы ABC) начинается вторая половина песни, где восхваляются достоинства «девочек» (последовательность двух- и трехстрочных строф в общей композиции песни: **3**–2–2–2–**3**–2–2–2). Вопрос о том, насколько часто встречаются тексты песен с сочетанием двух- и трехстрочных строф, требует дальнейшего изучения, в том числе с привлечением материалов материнской традиции. Пока же приведем фрагмент текста сибирской песни:

1. *Перед Петром пятым днём,*
   Разгулялся Юрьин конь,
   Разбил камень копытом.
2. *В этом камне ядра нет,*
   В наших парнях правды нет.
3. *У их такая правдочка,*
   А як зимой солненко (и т. д.)

(д. Ларионовка Знм.; Арх. ОмГПУ, ЭК-3/73, № 14).

6 (8) + 3 (4)

1. *(А) Пятрова ночка – невяличка,*
   Да ня выспалася девачка.
2. *Ягодки збирала, драмала.*
   Села перебирати – заснула.
3. *Села пярбирати – заснула.*
   Приехал миленький – ня чула (и т.д.)

(д. Айлинка Знм.; АТМ, оп. 1, № 48).

Среди текстов со строфической формой AB (так же, как и в текстах с формой AA) встречаются образцы, где каждая строка имеет расширение за счет повтора последней слоговой группы: abb / cdd. Приведем пример:

1.	*Сегодня Купала, а завтра Иван, а завтра Иван.*	6 + 5 + 5
	Ня будет, кошки, места вам, места вам.	5 + 3 + 3
2.	*Лезьте вы, кошки, с ёлок долой, с ёлок долой.*	5 + 4 + 4
	Погоним, кошки, вас домой, вас домой (и т. д.)	5 + 3 + 3

(с. Екатериновка Трс.; Арх. ОмГПУ, ЭК-10/73, № 47а).

[10] Тексты с зачином «Перед Пятром пятым днём» встречаются как в форме AA, так и в форме AB.

3. Строфические формы с рефреном

Поэтические песенные тексты, которым свойственны строфические формы с рефреном, как уже упоминалось, занимают в общей коллекции купальских песенных текстов значительно меньшую часть по сравнению с безрефренными строфическими формами. Можно предположить, что это соотношение, зафиксированное в переселенческой традиции, отличается от пропорции между безрефренными и рефренными формами в купальских песнях материнской традиции [11]. Так, в белорусской классификации календарных песен из девяти типов напевов купальских песен, выделенных З. Я. Можейко, рефренные формы свойственны четырем типам. Для напевов, относящихся к первому и второму типам, характерен «опоясывающий» рефрен: r / ab / r. В типе I *куп*. рефрен четырех- или шестислоговой, может иметь самостоятельный текст («Купала на Йвана», «Ой, рана на Йвана») либо быть построенным на повторении полустиший основного стиха [12]. В типе II *куп*. рефрен трехслоговой, за ним в белорусской традиции закреплены несколько лексических единиц: «То-то-то», «Божа мой», «Купалля» и др. Отличительной особенностью напевов третьего типа (III *куп*.) является «вторгающийся» рефрен во второй строке, с хороводной лексикой «люлі-рана»: ab / rb. Наконец, напевы купальских песен, относящиеся к пятому типу (V *куп*.), маркированы рефреном с текстом «Ночка мала купальная» (его слоговой состав 4 + 4) [Можейко, 1985, с. 105–106].

В доступной нам коллекции купальских песен, записанных на территории Омской области, не содержатся песни с напевами третьего и пятого типов, т. е. половина из рефренных форм материнской традиции в данной региональной переселенческой традиции отсутствует. В коллекции имеются тексты купальских песен, которые, судя по их структуре, относятся к первому и второму типам. Таким образом, в переселенческой традиции единственным видом рефренной строфической формы оказывается композиция с «опоясывающим» рефреном. Рассмотрим подробнее ее разновидности.

В *первую подгруппу* входят купальские тексты, имеющие опоясывающий рефрен с лексически самостоятельным постоянным текстом; в сибирской коллекции это рефрены «Боже(а) мой» и «Купало́ на Йвано́» [13]. Форма строфы в таких образцах r / ab / r или R / ab / R, типовой слоговой состав основного стиха 4 + 4.

«Боже мой»
r / ab / r

1. *Боже мой,*
   Як у бору грома нема,
   Боже мой.
2. *Боже мой,*
   Сосна з елью говорила,
   Боже мой.

[11] Для более точного утверждения требуются дальнейшие исследования с привлечением записей купальских песен белорусов-переселенцев из других регионов Сибири.

[12] Вопрос, можно ли построения, представляющие собой повторение полустиший основного стиха, относить к рефренам, является дискуссионным – см. об этом ниже.

[13] Также в коллекции содержится один небольшой песенный образец, явно фрагментарного характера, с непоследовательным двукратным проведением рефрена с текстом «Ой, рано на Ивана» (с. Андреевка Срг., Арх. ОмГПУ, ЭК-12/75, № 4).

3. *Боже мой,*
   Счастливая тая матка,
   Боже мой.
4. *Боже мой,*
   У которай дочек много,
   Боже мой (и т. д.)
   (с. Екатериновка Трс.; Арх. ОмГПУ, ЭК-11/73, № 15).

«Купало́ на Ивано́»
R / ab / R
<…>
4. *Купало́ на Йвано́,*
   Усе деуки переплыли,
   Купало́ на Йвано́.
5. *Купало́ на Йвано́*
   Сироточка утопилась,
   Купало́ на Йвано́.
6. *Купало́ на Йвано́,*
   Не жаль мине той сиротки,
   Купало́ на Йвано́ (и т. д.)
   (с. Милютино Срг.; Арх. ОмГПУ, ЭК-9/75, № 58).

В омских песенных материалах имеются единичные песенные образцы с модифицированной структурой строфы: начальное проведение рефрена отсутствует, а слоговой состав смысловой строки варьируется, проведение рефрена в конце строфы остается стабильным элементом формы.

ab / r
<…>
3. *Не близ села, близ Котлинского,* 4 + 5
   Боже мой.
4. *А там девочки ленивые,* 5 + 4
   Боже мой.
5. *И ленивые, и сонливые,* 5 + 5
   Боже мой (и т. д.)
   (д. Кутырлы Тклн.; Арх. ОмГПУ, ЭК-3/76, № 88).

Интересен текст с композицией ab / r, в котором строго выдерживается слоговая структура смысловой строки 5 + 5:

1. *А в купалочки три дачушачки,*
   Боже мой!
2. *Одна дачушка бела-румяна,*
   Божа мой!
3. *Друга дачушка тонка-высока,*
   Божа мой! (и т. д.)
   (п. Муромцево Мрмц.; Арх. ОмГПУ, Ом/М-5, № 9).

Можно предположить, что это некая версия основного типа (II *куп*., по З. Я. Можейко), где слоговой состав смысловой строки 4 + 4; для подтверждения этого предположения требуется большее количество образцов с аналогичной структурой, записанных в Сибири.

В одном песенном тексте представлена композиция поэтической строфы R / ab, где присутствует только начальное проведение рефрена, слоговой состав смысловой строки варьируется:

R / ab

1. *Купало́ на Йвано́,*
   Пошли девки по ягодки.
2. *Купало́ на Йвано́,*
   Надо девкам да через Дунай плысть.
3. *Купало́ на Йвано́,*
   Все девочки переплыли.
4. *Купало́ на Йвано́* (и т. д.)

(д. Андреевка Срг.; Арх. ОмГПУ, ЭК-43/79, № 25).

Вторую подгруппу составляют купальские песни с характерной композицией строфы a / **ab** / b, где, в отличие от текстов первой подгруппы, в качестве обрамляющих построений выступают повторяющиеся полустишия основного стиха:

a / ab / b

1. *Купаленка,*
   Купаленка – ночь маленька,
   Ночь маленька.
2. *Купалося,*
   Купалося две сестрицы,
   Две сестрицы.
3. *Купавшися,*
   Купавшися говорили,
   Говорили (и т. д.)

(д. Атирка Трс.; Арх. ОмГПУ, ЭК-4/71, № 91).

В коллекции есть песенный текст, композиция которого модифицирована – при наличии повторения первого полустишия, отсутствует повторное проведение второго:

a / ab

1. *Й-а ны Ивана,*
   Й-а ны Ивана, ны Купалу
2. *Й-а всю ночку,*
   Й-а всю ночку я не спала.
3. *По Купалу,*
   По Купалу ходила,
4. *Хлеба-солю,*
   Хлеба-солю п(ы)росила (и т. д.)

(д. Саратовка Сдлн.; опубл.: [Аркин, 2022, с. 27. № 46]).

В своей классификации З. Я. Можейко безоговорочно относит рассмотренную структуру a / ab / b к числу рефренных форм: «В напевах типа I *куп.* подобный (опоясывающий. – *Т. Д.*) рефрен образуется путем периодического повторения первого и второго полустишия основного стиха» [Можейко, 1985, с. 105]. Вероятно, причина кроется в том, что исследователь оперировала огромным количеством текстов, записанных ею в период живого бытования богатейшей календарной традиции Беларуси. Части из этих песен свойственна форма поэтической строфы с лексически самостоятельным рефреном, другой части – с обрамляющими построениями на материале смысловой строки, но общая композиция строфы в текстах из обеих частей совпадала. И самое важное: и в той, и в другой композиции рефрен и выступающие в этой роли полустишия были выделены в напеве музыкальными средствами – ритмически и интонационно. Видимо, всё это и дало исследовательнице основания функционально приравнять обрамляющие построения к рефрену. В данной статье, вслед за З. Я. Можейко, песенные тексты с композицией строфы a / ab / b (и ее вариантами) отнесены к числу рефренных форм.

Заметим, что исследователи смоленской календарной традиции, изучая структурно-ритмическое строение купальских и духовских песен, установили в них композиции строфы, аналогичные указанным выше (aabb и др.) [СМЭС, 2003, с. 365–366]. Авторы работы не определяют повторения полустиший основного стиха как рефрены, последовательно употребляя для обозначения этих элементов формы лишь словосочетание «обрамляющие построения». Важно, что исследователи смоленских песен отмечают нестабильность композиционной структуры в «рамочных» формах (термин Б. Б. Ефименковой) – количество построений в них варьируется, в частности, может отсутствовать одно из обрамляющих построений. «И хотя в подобных версиях собственно рамочная конструкция не очевидна, она реконструируется на уровне типа» [Там же, с. 366]. Представляется, что указанные особенности могут быть полностью экстраполированы на рассматриваемый в данной статье песенный материал переселенческой белорусской традиции, как это и подтверждается приведенными выше примерами текстов.

Выводы

Исследование поэтических текстов купальских песен, записанных на территории Омской области, позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

Тексты купальских песен, сопровождающих центральный обрядовый комплекс лета, имеют собственные стилевые особенности, которые отличают их от текстов обрядовых песен зимнего, весеннего и позднелетне-осеннего календарных сезонов. Так, подавляющее большинство купальских текстов имеет строфическую безрефренную форму, тексты в строфической рефренной форме занимают незначительную часть от общего числа образцов. В зимнем и весеннем обрядовых песенных циклах пропорция обратная: песни с рефренными формами в количественном отношении занимают гораздо большее место по сравнению с песнями, имеющими другие виды композиции поэтического текста (строфическими безрефренными, строчными и пр.) [14]. В песнях позднего лета и осени представлена

[14] См.: *Дайнеко Т. В.* Типология напевов зимних календарных песен белорусов Сибири и Дальнего Востока // Вестник Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2021. № 55 (2). С. 177–188. DOI 10.31773/2078-1768-2021-55-177-188; *Дайнеко Т. В.* Масленичные песни в белорусских традициях сибирского бытования: структурно-ритмическая типология // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 9–28. DOI 10.17223/18137083/79/1; *Дай-*

достаточно пестрая картина композиций поэтических текстов, что связано, вероятно, с большим количеством песен, предназначенных для сольного исполнения – например, жнивных [15]. Для сравнения, в русской переселенческой традиции, которая является близкородственной для белорусской традиции, среди текстов купальских песен также наблюдается весьма незначительное количество рефренных композиций [РКОФС, 1997, с. 219–231]. В материнской же белорусской традиции рефренные формы среди текстов купальских песен имеют гораздо больший вес.

В коллекции купальских песен белорусов-переселенцев представлены рефренные строфические формы, по сути, с рефреном только одного вида – опоясывающим. И этот факт также выделяет купальский песенный цикл среди других календарных обрядовых циклов. В зимних обрядовых песнях большую роль играют формы с коротким припевом (типа «Коляда!»), в весеннем цикле преобладают рефренные формы с хороводной структурой (например, ab / rb), и сами рефрены имеют чаще всего соответствующий текст («люли-люли, «ой-ле-лё» и другие свойственные жанру хоровода лексические варианты). Купальский песенный цикл обладает собственными, лексически уникальными рефренами, безошибочно его маркирующими: «Боже(а) мой», «Ой, рано на Ивана», «Купало́ на Йвано́». Кроме того, только в купальском цикле присутствуют тексты с «рамочной» строфической формой a / ab / b, где обрамляющие построения основаны на лексическом материале полустиший основной строки и выполняют при этом рефренную функцию.

Купальские песни сибирских белорусов отличаются структурной четкостью. Так, в значительной части песенных текстов слоговая структура каждой строки сохраняется от начала до конца песни. Но есть песенные тексты с варьированием слоговых структур: главным образом это касается начальных слоговых групп (разница между начальными слоговыми группами разных строк может составлять 1–3 слога). На уровне структуры словесных строк варьирование осуществляется за счет повторения заключительных слоговых групп. Это приводит к возникновению вариантов строфической композиции, что особенно заметно при рассмотрении песен на один и тот же сюжет (например, «Сегодня Купала, завтра Йван»).

Вообще, повторность играет важнейшую роль в организации поэтических текстов купальских песен. Она проявляется на различных уровнях. Как уже было сказано, ряд песенных образцов разной структуры отличается тем, что в их текстах присутствует повторение заключительного короткого, в одну-две лексические единицы, слогового построения («Погоним, кошки, вас домой, вас домой» и пр.). Повтор полустиший внутри строфы a / ab / b придает этим полустишиям функцию рефрена, и таким способом образуется новая рефренная форма, родственная форме r / ab / r. В безрефренных строфических формах с помощью цепного повторения полустрок происходит связывание между собой предыдущей и последующей строф. Форма AA (ab / ab) основана на повторении целых строк.

Представляется, что большая роль повторности в купальских песнях отнюдь не случайна. Она коррелирует с их обрядовой функцией, отражает заклинатель-

---

неко Т. В. Весенние песни белорусов Сибири и Дальнего Востока: структурно-ритмическая типология // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 9–25. DOI 10.17223/1813 7083/82/1; *Дайнеко Т. В*. Волочебные песни в белорусской традиции сибирского бытования // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 250–271. DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-250-271

[15] См.: *Дайнеко Т. В.* Календарная традиция белорусов-переселенцев: структурно-ритмическая типология песен позднего лета и осени // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51). С. 105–118. DOI 10.25205/2312-6337-2024-51-105-118

ный, суггестивный характер текстов. Кроме того, купальские песни в основном предназначены для коллективного исполнения, бóльшая часть из них сопровождала какие-либо ритуальные действия, звучала во время движения (например, по комментариям информантов, когда шли на луг собирать цветы, шли к реке и т. д.), и повторения способствуют более легкому запоминанию текстов.

Выявленные особенности организации поэтических текстов купальских песен свидетельствуют об особом месте купальского фольклорно-этнографического комплекса в контексте всего календарного цикла белорусской переселенческой традиции.

Список географических названий

Знм. – Знаменский р-н Омской обл.
Клс. – Колосовский р-н Омской обл.
Сдлн. – Седельниковский р-н Омской обл.
Срг. – Саргатский р-н Омской обл.
Твр. – Тевризский р-н Омской обл.
Тклн. – Тюкалинский р-н Омской обл.
Трс. – Тарский р-н Омской обл.

Список литературы

АнтОФ – Ушедшее, живое, вечное: звуковая антология омского фольклора / Авт.-сост. Е. Я. Аркин. Омск: Золотой тираж, 2022. Т. 1. 176 с.

Аркин Е. Я. Со венком я хожу: Народные песни Омской области. Омск: Омск. кн. изд-во, 1993. 256 с.

Гиппиус Е. В. Текстологическое исследование // Балакирев М. Русские народные песни. М.: Музгиз, 1957. С. 229–281.

Гиппиус Е. В. Общетеоретический взгляд на проблему каталогизации народных мелодий // Актуальные вопросы современной фольклористики: Сб. ст. и материалов / Сост. В. Е. Гусев. Л.: Музыка, 1980. С. 23–36.

Ефименкова Б. Б. Ритмика русских традиционных песен / РАМ им. Гнесиных. М.: Изд-во Моск. гос. ин-та культуры, 1993. 152 с.

Можейко З. Я. Календарно-песенная культура Белоруссии: опыт системно-типологического исследования. Минск: Наука и техника, 1985. 247 с.

РКОФС – Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры / Сост. Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников, Н. В. Леонова. Новосибирск: Наука, 1997. 605 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 13).

РП – Русский народный праздник: Науч.-метод. пособие для работников культуры и образования / Отв. ред. М. А. Жигунова, Н. А. Томилова. Омск: Наука, 2005. 284 с.

СМЭС – Смоленский музыкально-этнографический сборник / Ред. коллегия: О. А. Пашина (отв. ред.), Л. М. Винарчик, Е. А. Дорохова, М. А. Енговатова, И. А. Никитина. М.: Индрик, 2003. Т. 1: Календарные обряды и песни. 760 с.

Тавлай Г. В. Белорусское купалье: Обряд, песня. Минск: Наука и техника, 1986. 174 с.

ФЗС – Фольклор Западной Сибири / Сб. составлен Т. Г. Леоновой по материалам фольклорных экспедиций ОмГПИ им. А. М. Горького. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ин-та, 1974. Вып. 1. 116 с.

References

Arkin E. Ya. *So venkom ya khozhu: Narodnye pesni Omskoy oblasti* [With a wreath I walk: Folk songs of the Omsk region]. Omsk, Omsk. kn. izd., 1993, 256 p.

Efimenkova B. B. *Ritmika russkikh traditsionnykh pesen* [Rhythmics of Russian traditional songs]. Moscow, Izd. Mosk. gos. in-ta kul'tury, 1993, 152 p.

Fol'klor Zapadnoy Sibiri [Folklore of Western Siberia]. T. G. Leonova (Comp.). Omsk, Izd. Omsk. gos. ped. in-ta, 1974, iss. 1, 116 p.

Gippius E. V. Obshcheteoreticheskiy vzglyad na problemu katalogizatsii narodnykh melodiy [General theoretical view of the problem of cataloging folk melodies]. In: *Aktual'nye voprosy sovremennoy fol'kloristiki. Sbornik statey i materialov* [Current issues of modern folklore studies. Collection of articles and materials]. V. E. Gusev (Comp.). Leningrad, Muzyka, 1980, pp. 23–36.

Gippius E. V. Tekstologicheskoe issledovanie [Textual research]. In: Balakirev M. *Russkie narodnye pesni* [Russian folk songs]. Moscow, Muzgiz, 1957, pp. 229–281.

Mozheyko Z. Ya. *Kalendarno-pesennaya kul'tura Belorussii: opyt sistemnotipologicheskogo issledovaniya* [Calendar-song culture of Belarusia: a systemic-typological study]. Minsk, Nauka i Tekhnika, 1985, 247 p.

Russkiy kalendarno-obryadovyy fol'klor Sibiri i Dal'nego Vostoka: Pesni. Zagovory [Russian calendar and ritual folklore of Siberia and the Far East: Songs. Zagovory]. F. F. Bolonev, M. N. Mel'nikov, N. V. Leonova (Comps.). Novosibirsk, Nauka, 1997, 605 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the Peoples of Siberia and the Far East], vol. 13).

Russkiy narodnyy prazdnik: Nauch.-metod. posobie dlya rabotnikov kul'tury i obrazovaniya [A scientific and methodological manual for cultural and educational workers]. M. A. Zhigunova, N. A. Tomilova (Eds.). Omsk, Nauka, 2005, 284 p.

Smolenskiy muzykal'no-etnograficheskiy sbornik [Smolensk musical and ethnographic collection]. O. A. Pashina, L. M. Vinarchik, E. A. Dorokhova, M. A. Engovatova, I. A. Nikitina (Eds.). Moscow, Indrik, 2003, vol. 1: Kalendarnye obryady i pesni [Calendar rites and songs], 760 p.

Tavlay G. V. *Belorusskoe kupal'e: Obryad, pesnya* [Belarusian kupal'e: Ritual, song]. Minsk, Nauka i tekhnika, 1986, 174 p.

Ushedshee, zhivoe, vechnoe: zvukovaya antologiya omskogo fol'klora [Gone, alive, eternal: a sound anthology of Omsk folklore]. E. Ya. Arkin (Comp.). Omsk, Zolotoy tirazh, 2022, vol. 1, 176 p.

Информация об авторе

Татьяна Владимировна Дайнеко, кандидат искусствоведения, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
Scopus Author ID 57210122197
WoS Researcher ID AAQ-9955-2020

Information about the author

Tatyana V. Dayneko, Candidate of Art History, Researcher, Department of Folklore of Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
Scopus Author ID 57210122197
WoS Researcher ID AAQ-9955-2020

Статья поступила в редакцию 18.08.2025;
одобрена после рецензирования 09.09.2025; *принята к публикации 09.09.2025*
The article was submitted on 18.08.2025;
approved after reviewing on 09.09.2025; *accepted for publication on 09.09.2025*

Научная статья

УДК 821.161.1+ 930.253
DOI 10.17223/18137083/93/3

Дмитрий Сергеевич Лихачев в письмах В. П. Адриановой-Перетц к Н. К. Гудзию 1940–1959 годов: В преддверии 120-летия ученого

Варвара Андреевна Ромодановская

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
romodan@list.ru, https://orcid.org/0000-0003-2028-4533

Аннотация

Статья основана на архивном материале – переписке члена-корреспондента Академии наук СССР Варвары Павловны Адриановой-Перетц и доктора филологических наук Николая Каллиниковича Гудзия. Выявлены неизвестные ранее детали биографии академика Дмитрия Сергеевича Лихачева (1906–1999), в течение 45 лет возглавлявшего Отдел древнерусской литературы в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Письма В. П. Адриановой-Перетц за 20 лет (с 1940 по 1959 г.) являются наглядной иллюстрацией становления Д. С. Лихачева как ученого и руководителя ведущего научного подразделения.

Ключевые слова

Дмитрий Сергеевич Лихачев, Варвара Павловна Адрианова-Перетц, древнерусская литература, Институт русской литературы, переписка, биография

Для цитирования

Ромодановская В. А. Дмитрий Сергеевич Лихачев в письмах В. П. Адриановой-Перетц к Н. К. Гудзию 1940–1959 гг.: В преддверии 120-летия ученого // Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 40–54. DOI 10.17223/18137083/93/3

© Ромодановская В. А., 2025

Dmitry S. Likhachev in the letters of Varvara P. Adrianova-Peretz to Nikolay K. Gudziy (1940–1959): On the 120th anniversary of the scholar

Varvara A. Romodanovskaya

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
romodan@list.ru, https://orcid.org/0000-0003-2028-4533

Abstract

This paper examines the correspondence between Varvara Pavlovna Adrianova-Peretz and Nikolai Kallinikovitch Gudziy, housed within the archives of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. The letters focus on scholarly work, the Pushkin House, the Department of Old Russian Literature, with particular attention paid to the future head of the Department, Academician Dmitry Sergeevich Likhachev. As the biographical details of Likhachev are widely known, any chance to add to and clarify them is of great value, with the letters of Adrianova-Peretz representing an invaluable source. The paths of Varvara Pavlovna and Dmitry Sergeevich crossed in the mid-1930s, with his work at Pushkin House starting in 1938. Within the correspondence with Gudziy, Dmitry Sergeevich is principally referenced in relation to the planned publications of the Institute of Russian Literature, specifically the "History of Russian Literature" (10 volumes), the Proceedings of the Department of Old Russian Literature ("Literary Monuments" Series). Also discussed is the defense of Likhachev's doctoral thesis, in which Gudziy participated as an opponent. Adrianova-Peretz writes of Likhachev with notable emotion and intricate observation, praising his "efficiency and ingenuity" and the "freshness of his thought." By the turn of the 1950s, Dmitry Sergeevich became the main assistant for Varvara Pavlovna. He was elected a Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences in 1953 and succeeded Varvara Pavlovna as head of the Department of Old Russian Literature in 1954.

Keywords

Dmitry S. Likhachev, Varvara P. Adrianova-Peretz, Old Russian literature, Institute of Russian Literature, correspondence, biography

For citation

Romodanovskaya V. A. Dmitry S. Likhachev in the letters of Varvara P. Adrianova-Peretz to Nikolay K. Gudziy (1940–1959): On the 120th anniversary of the scholar. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*], 2025, no. 4, pp. 40–54. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/93/3

Дмитрий Сергеевич Лихачев – человек, имя которого, безусловно, знакомо в нашей стране почти каждому, – прожил большую жизнь, охватив весь XX век. Его можно назвать одним из самых известных российских ученых, чья биография изучена всесторонне [1]. И тем большее значение имеют исторические документы, позволяющие уточнить детали жизнеописания Д. С. Лихачева, дополнить его новыми фактами и оттенками.

[1] В основе последующих многочисленных жизнеописаний Д. С. Лихачева лежит статья: [Адрианова-Перетц, Салмина, 1989].

К таким источникам, в частности, относится переписка Варвары Павловны Адриановой-Перетц и Николая Каллиниковича Гудзия – старших товарищей Дмитрия Сергеевича по литературоведческому цеху, фактически – его учителей.

Знакомство Варвары Павловны и Николая Каллиниковича, скорее всего, состоялось в Киеве в 1907–1908 гг., после того, как Н. К. Гудзий, окончивший реальное училище, поступил на славяно-русское отделение историко-филологического факультета Киевского университета Святого Владимира. В эти же годы в Киевском университете начал свою работу Семинарий русской филологии под руководством профессора Владимира Николаевича Перетца – выдающегося ученого, чья методология основывалась на внимательном анализе текстов и глубоком понимании историко-культурного контекста. Именно в этом Семинарии, школе многих литературоведов, и встретились Николай Каллиникович и Варвара Павловна. Разница в возрасте между ними была минимальна – всего один год, у них был общий учитель и общий глубокий интерес к слову, и киевский период их жизни положил начало многолетней дружбе, продолжавшейся без малого шесть десятков лет [2].

Дмитрий Сергеевич Лихачев. Ленинград, середина 1930-х гг.
Dmitry S. Likhachev. Leningrad, mid-1930s

С Дмитрием Сергеевичем Лихачевым Варвара Павловна познакомилась в середине 1930-х гг., в пору его работы корректором и редактором в издательстве Академии наук СССР, когда он учился практической филологии на сданных в печать научных трудах. «Четырехлетняя работа “ученым корректором” в Ленинградском отделении Издательства Академии наук не осталась без пользы. Работа эта создала у меня интерес к проблемам текстологии и, в частности, текстологии печатных изданий», – вспоминал он много лет спустя [Лихачев, 1991а, с. 147]. Там же, в академическом издательстве, у Дмитрия Сергеевича зародился

[2] Подробно см.: [Рождественская, 1993]. В настоящее время переписка В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзия готовится к публикации.

и интерес к русскому летописанию – в дальнейшем одной из основных его научных тем, ставшей предметом и кандидатской, и докторской диссертаций: «В 1937 году я редактировал и корректировал “Обозрение русских летописных сводов” А. А. Шахматова, которое издавала В. П. Адрианова-Перетц. Я увлекся работой по летописанию, проверкой всех данных шахматовской рукописи и в конце концов попросил Варвару Павловну дать мне работу в Отделе древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Перевод быстро осуществился, и я с этого момента стал специалистом по древнерусской литературе» [Там же, с. 148] [3].

В Пушкинский Дом, при поддержке Варвары Павловны, Дмитрий Сергеевич был принят в 1938 г. 11 июня 1941 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Новгородские летописные своды XII века», а 14 января 1948 г. – докторскую: «Очерки по истории литературных форм летописания XI–XVI веков». В 1953 г. его избрали членом-корреспондентом Академии наук СССР, и годом позже он сменил В. П. Адрианову-Перетц на посту заведующего Сектором древнерусской литературы, которым руководил до конца жизни.

* * *

Переписка В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзия хранится в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в фонде В. П. Адриановой-Перетц (РО ИРЛИ, ф. 728). После смерти Н. К. Гудзия его сестра, Анна Каллиниковна, возвратила Варваре Павловне все ее письма к Николаю Каллиниковичу, и сегодня вся переписка хранится в одном фонде. Письма В. П. Адриановой-Перетц, написанные Н. К. Гудзию, сохранились с 1934 г., письма Николая Каллиниковича – с 1956-го, поскольку довоенный архив Варвары Павловны существенно пострадал во время блокады Ленинграда [4].

Характерная особенность переписки – ее лаконичность и эмоциональная сдержанность. Это объясняется не только личными чертами обоих адресатов – они были людьми достаточно закрытыми, – но и близостью их дружеских отношений, они понимали друг друга с полуслова. Переписка не носит чисто делового характера, большое место в ней занимают и семейные темы. Но основное внимание в письмах уделяется научной работе, Пушкинскому Дому и Отделу древнерусской литературы. Одна из главных тем – создание десятитомной «Истории русской литературы», над которой трудились сотрудники Института русской литературы.

Именно в связи с написанием глав для древнерусских томов «Истории русской литературы» Варвара Павловна впервые упоминает Дмитрия Сергеевича, в письме от 7 декабря 1940 г., не называя, правда, его по имени: «“Движение” жидовствующих – термин, взятый, чтобы согласовать заглавие с содержанием статьи, где автор доказывает, что это было умственное движение, а не ересь». Речь идет о написанном Д. С. Лихачевым параграфе [5].

В таком же контексте, как автор параграфа «Летопись как литературный жанр (от возникновения до вырождения)», упоминается он в письме от 19 сентября

[3] Речь идет об издании: [Шахматов, 1938].

[4] Поскольку фонд В. П. Адриановой-Перетц до сих пор не описан, у меня нет возможности ссылаться, как это принято при работе с архивными источниками, на номера дел и цитируемые листы, поэтому указываю лишь даты писем.

[5] См.: [Лихачев, 1945].

Н. К. Гудзий и В. П. Адрианова-Перетц
на Пятом всесоюзном совещании по древнерусской литературе.
Ленинград, 1962 г.

Nikolay K. Gudziy and Varvara P. Adrianova-Peretz
at the Fifth All-Union Conference on Old Russian Literature.
Leningrad, 1962

1943 г., написанном из Казани, куда Варвара Павловна приехала из Ташкента [6]. Такой параграф для «Истории русской литературы» написан не был, обзор русских летописей там представлен довоенными статьями В. П. Адриановой-Перетц, В. Л. Комаровича и А. С. Орлова. В письме к Николаю Каллиниковичу эта тема не прозвучала, но нужно отметить, что в военные годы Варвара Павловна сблизилась и с Дмитрием Сергеевичем, вместе с которым в первую блокадную зиму она дежурила в Пушкинском Доме, и с его семьей – они жили в соседних комнатах во время эвакуации в Казани, во Дворце труда на улице Комлева (ныне улица Муштари), д. 9. Вот как Варвара Павловна описывает казанскую жизнь в письме от 10 июля 1943 г. к своей подруге, Наталии Павловне Колпаковой: «Живу по-птичьи: не сею, не жну, а только ем. Лихачевы (в соседней комнате) с утра

[6] «При эвакуации летом 1942 г. руководство Института [русской литературы] и ряд сотрудников были направлены в Казань, несколько человек, в том числе и В. П. Адрианова-Перетц, – в Ташкент, где с 1941 г. находился эвакуированный из Москвы Институт мировой литературы. Будучи прикомандированными к ИМЛИ, сотрудники Пушкинского Дома получили возможность воссоединиться со своим Институтом в Казани лишь в 1943 г., после реэвакуации ИМЛИ в Москву» [Адрианова-Перетц, 2022, с. 660].

приносят мне кофе и кипяток, то же и вечером, делают все покупки. А я строчу с утра до вечера» [Адрианова-Перетц, 2022, с. 668].

Упоминания Д. С. Лихачева в послевоенных письмах В. П. Адриановой-Перетц более эмоциональны и подробны. В это время Варвара Павловна продолжала работать в первую очередь над «Историей русской литературы». В 1946 г. (письмо не датировано) она пишет Николаю Каллиниковичу: «На днях получила письмо от В. Ф. Ржиги [7], который предлагает написать новую статью о Горе-Злочастье, но на это уже нет времени. Так как под старой он подписываться не хочет, то я поступила самовольно: вынула ее и вложила вместо нее готовую уже (для другой цели назначавшуюся) статью Д. С. Лихачева, свежую, как всегда, по мысли [8]. Пожалуйста, не браните меня за это! У меня не было выхода: не могла же я подписывать свое имя под статьей Ржиги, которую я только редактировала. По совету Десницкого [9], я отделила повесть о Горе от “бытовых повестей” и сделала из нее особую главу. Она и подана Лихачевым как философская, а не бытовая. Получилось в плане неплохо». Эта тема продолжается в письме от 18 мая 1946 г.: «…Я выделила Пов[есть] о Горе-Злоч[астии] в особую главку под ее собственным заглавием. Она сейчас больше по размеру, и уже это само по себе позволило ее выделить, а кроме того, Лихачев показал, что в ней автор стремится максимально обобщить свой замысел, потому и начинает с истории грехопадения и вообще дает доброго молодца как пример “злого племени человеческого”, очень скупо вводя собственно бытовой элемент». И далее: «Лихачев добавил несколько слов, подчеркнув литературное значение описаний путешествий на Запад, хотя бы и сохранившихся в статейных списках, и тоже подвел их к будущим путешествиям XVIII в.» [10].

---

[7] Вячеслав Федорович Ржига (1883–1960) – филолог, историк, профессор Московского университета. В 1907 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета с золотой медалью за сочинение «И. С. Пересветов, публицист XVI века» (изд. в 1908 г.). Активно участвовал в основании общества истории литературы при Московском университете, был его секретарем. С 1914 г. вел курс древнерусской литературы и фольклора в Московском университете и на Высших женских курсах. В советский период преподавал в Московском педагогическом институте имени В. И. Ленина и других учебных заведениях. Основные работы посвящены древнерусской литературе, «Слову о полку Игореве», «Задонщине», а также публицистике XVI в., повестям XVII в. и крестьянской литературе XVIII в.

[8] Речь идет о параграфе: [Лихачев, 1948а].

[9] Василий Алексеевич Десницкий (1878–1958) – революционер, социал-демократ, литературовед и педагог. Окончил в 1899 г. духовную семинарию в Нижнем Новгороде. В 1899 г. поступил в Юрьевский (Дерптский) университет, окончил историко-филологический и юридический факультеты. С 1902 г. член РСДРП, но после знакомства с В. И. Лениным отказался вступить в РСДРП(б). С 1920 г. и до конца жизни беспартийный, отошел от политической деятельности и стал заниматься научной и педагогической работой. Один из организаторов Третьего педагогического института в Петрограде (1918), который после нескольких реорганизаций и объединений стал Ленинградским педагогическим институтом им. А. И. Герцена. Более сорока лет был профессором кафедры русской литературы этого института (1918–1958), заведовал кафедрой (1918–1946), был деканом отделения языка и литературы (1918–1934) и факультета русского языка и литературы (1934–1941). Профессор Петроградского-Ленинградского университета с 1918 по 1946 г. В 1945–1950 гг. заведовал Отделом новейшей русской литературы Пушкинского Дома. Автор книг и статей по истории русской и зарубежной литературы XVIII–XX вв.

[10] См.: [Лихачев, 1948б].

В том же письме, датированном 18 мая 1946 г., В. П. Адрианова-Перетц пишет и о занятиях Дмитрия Сергеевича «Словом о полку Игореве» – одной из его любимых тем в последующие годы: «В V том дополнительно включила замечательную заметку Лихачева о Слове о п[олку] Иг[ореве], которая, мне кажется, больно ударит по Мазону, хоть его и не называет [11]. Ему удалось установить, что находившийся в одной рукописи со Словом “Временник еже нарицается летописание Русских князей и земли рускыя” – это новгор[одская] (кажется, вторая – боюсь спутать) летопись младшего извода, возникшая в XV в. Это точное воспроизведение заглавия ряда ее списков. В одном из них кто-то из князей (забыла), виновников раздоров и войн, назван вместо своего настоящего отчества “Гориславич”. А ведь С. П. Обнорский предполагает, что список Слова побывал в Новгороде [12]. Понимаете, как это хорошо связывается. В этой заметке три страницы, но это несомненное доказательство, что Мусин-Пушкин не тот жулик, какого пытается представить Мазон».

В конце 1947 г. в письмах Варвары Павловны, в это время уже заведующей Отделом древнерусской литературы, появляется другая тема – предстоящая защита Д. С. Лихачевым докторской диссертации и связанные с этим волнения. Н. К. Гудзий был одним из оппонентов Дмитрия Сергеевича, и в связи с этим «Лихачев несколько встревожен тем, что здесь распространился слух, будто с 1 января можно будет защищать в качестве докторских только напечатанные работы. Правда ли это? Боится, что Вас задержат в Киеве и в конце декабря диспут [13] не состоится. У него вообще характер мнительно-пессимистический. Успокаиваю как могу. Если в Киеве будет минутка, черкните ему два слова. Он очень тронут Вашим “неформальным” отзывом, вниманием к его работе», – пишет В. П. Адрианова-Перетц 8 ноября 1947 г. 30 декабря того же года вопрос о сроках защиты Дмитрия Сергеевича был уже более ясен: «Сегодня окончательно выяс-

---

[11] См.: [Лихачев, 1947б].

Андре Мазон (фр. André Mazon; 1881–1967) – французский славист, профессор, член Академии надписей и изящной словесности (1941). Автор работ по древнерусской и русской классической литературе, русскому и чешскому языкам, славянскому фольклору. Хорошо известна скептическая позиция А. Мазона по поводу «Слова о полку Игореве», которое он считал поздним подражанием «Задонщине» или даже памятником, созданным в конце XVIII в. если не самим коллекционером А. И. Мусиным-Пушкиным, то, во всяком случае, кем-то из близких к нему ученых мужей [Mazon, 1940, p. 76–77 et al.].

Гипотеза А. Мазона относительно «Слова о полку Игореве» была подвергнута критике со стороны большинства отечественных литературоведов. См., в частности: [Слово…, 1950б; 1962].

В. П. Адрианова-Перетц в предыдущем письме, которое датируется 1946 г., дает краткую, но весьма емкую неакадемическую характеристику концепции А. Мазона: «Из Парижа получили записи лекций Мазона, которые сделала его русская слушательница. Непередаваемо гнусно. И не только в отношении к Слову о полку Игореве, но и вообще к нам. Свинья!».

[12] См.: [Обнорский, 1939; 1946, с. 132–198].

Сергей Петрович Обнорский (1888–1962) – лингвист, декан историко-филологического факультета (1919) и факультета общественных наук (1920–1921) Пермского университета, академик АН СССР (1939; член-корреспондент с 1931). Выпускник Петербургского университета, ученик А. А. Шахматова. С 1922 г. профессор Петроградского университета. В годы Великой Отечественной войны переехал в Москву, был первым директором Института русского языка АН СССР (1944–1950).

[13] Диспут – устаревшее название публичной защиты диссертации.

нится вопрос о сроке защиты Лих[ачева]. После его разъяснений в дирекции “получено разрешение” от П. Ив. [14] поставить защиту, не дожидаясь выздоровления “самого”. Это будет, видимо, 17-е янв[аря]. Умоляю Вас, подождите с вторичной поездкой в Киев до этого времени. Это будет большое личное одолжение не только для Лих[ачева], но и для меня. Закулисная возня интриганов, завидующих талантливому и печатающемуся автору, возмутительна и отнимает у нас обоих немало сил, нервов, а следовательно, и здоровья, которое могло бы быть употреблено на более разумное дело». Очевидно, несколькими днями позже Н. К. Гудзию была отправлена записка (она не датирована, но можно предположить, что это первые дни 1948 г.): «Итак – диспут 14-го. Жду Вас, как манны небесной. Сообщите, когда Вы хотите возвращаться в Москву, чтобы заказать Вам заранее билет. Дмитрий Сергеевич опять плохо себя чувствует, поэтому никаких банкетов пока не устраиваем». Защита прошла весьма успешно, а «неформальный» отзыв Николая Каллиниковича был опубликован как рецензия на вышедшую в 1947 г. книгу Д. С. Лихачева по теме докторской диссертации [15].

Вторая половина 1940-х гг. известна серией разгромных процессов, затронувших самые разные отрасли науки, достаточно напомнить об августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г., завершившейся разгромом отечественной генетики. В филологии подобные процессы были направлены против В. В. Виноградова и «компаративистской школы», основателем которой был скончавшийся в 1906 г. А. Н. Веселовский. Не избежали этой участи, правда, не в самом страшном ее варианте, и литературоведы-«древники». 10 октября 1948 г. в газете «Культура и жизнь» была опубликована критическая рецензия на первые тома «Истории русской литературы», охватывающие XI–XVII вв. [16] За несколько месяцев до этого, судя по всему, М. М. Кузнецовым – одним из авторов газетной публикации, была написана суровая рецензия на пятый том Трудов Отдела древнерусской литературы. 5 июля 1948 г. Варвара Павловна пишет об этом с досадой: «Мои молодые и немолодые люди встревожены слухами о разносной рецензии на пятый том Трудов, со свирепыми выводами о том, что-де мы не “перестроились” и т. д. Осаждали меня настойчивыми убеждениями “повлиять” на Вас в сторону смягчения этого разноса. Я тщетно пыталась им доказать, что Вы делаете все возможное для умиротворения грозных рецензентов, но что-де не всегда это удается. Пугают

[14] Павла Ивановича Лебедева-Полянского.

Павел Иванович Лебедев-Полянский (1882–1948) – литературовед-марксист, литературный критик, один из видных функционеров государственного идеологического аппарата 1920–1940-х гг. Академик АН СССР (1946, член-корреспондент с 1939), профессор МГУ. В 1902 г. окончил Владимирскую духовную семинарию и продолжил образование в Юрьевском университете на медицинском и историко-филологическом факультетах. С 1902 г. член РСДРП. В 1907 г. познакомился с В. И. Лениным, А. А. Богдановым, А. В. Луначарским и другими лидерами русской социал-демократии, входил в марксистскую группу «Вперед» и был ее секретарем. Участвовал в ликвидации Святейшего Синода и Ученого совета при Министерстве народного просвещения, провел декрет о национализации наследия классиков русской литературы (Декрет о государственном издательстве). Создатель советской цензуры. Автор ряда работ по истории русской критики, статей о советской литературе. В 1937–1948 гг. директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, главный редактор «Истории русской литературы» в 10 томах.

[15] См.: [Лихачев, 1947в; Гудзий, 1948].

[16] [Козьмин, Кузнецов, 1948].

«Культура и жизнь» – центральная советская газета, орган Управления пропаганды ЦК ВКП(б). Издавалась с 28 июня 1946 до 8 марта 1951 г.

меня тем, что такая рецензия приведет в замешательство Издательство АН… Это было бы хорошо, если бы там смотрели специалисты, но не принципиальные сторонники разгрома во что бы то ни стало. В пятом томе по теперешним настроениям, конечно, под ударом статья Данилова [17] (которую вознес до небес Орлов и потребовал включения в том), издание Феодосия Печ[ерского] [18], но почему же все огулом, даже прекрасная статья Лихачева [19] оказывается никуда не годным "формализмом"?»

Но в том же письме Варвара Павловна сообщает Николаю Каллиниковичу и хорошую новость: «…Научно-популярная серия "Литературные памятники" [20] дает приют древней литературе. Недавно С. И. Вавилов запросил меня, что можем предложить. Утвердил нам на 49 г. три выпуска: "Воинские повести" [21], "Сказочные и бытовые повести" [22] и "Симеон Полоцкий" [23] – и встречно попросил приготовить "Повесть временных лет" [24]. Это было совсем неожиданно». Дмитрий Сергеевич новой серией заинтересовался – сначала как автор, в 1950 г. он опубликовал в «Литературных памятниках» два тома «Повести временных лет». В 1952 г. он стал членом редколлегии серии, с 1971 г. – ее председателем, а с 1990 г. и до конца жизни – почетным председателем [25]. В переписке В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзия тема «Литературных памятников» становится с этого времени постоянной.

На рубеже 1940–1950-х гг. Д. С. Лихачев становится главным помощником Варвары Павловны, она постепенно передает ему основную нагрузку. 9 января 1950 г. она пишет: «Ближайшие два месяца будем гнать с Дм[итрием] Серг[еевичем] работы о Слове, которые надо сдать в печать не позднее 1 марта (т. е. в РИСО к 20 февр[аля]), чтобы они вышли к осени» [26]. Далее, в том же письме: «Собирается завтра в Москву по делам Малышев [27], но что-то сегодня плохо себя чувствует: манера на ногах переносить грипп, а потом начинаются всякие осложнения. Мих. Осип. [28] вторую неделю гриппует. И вот два "здоровяка" –

[17] См.: [Данилов, 1947].

[18] См.: [Еремин, 1947].

[19] См.: [Лихачев, 1947а].

[20] Инициаторами создания серии «Литературные памятники» были А. К. Дживелегов и А. М. Эфрос, активное содействие оказывал Президент АН СССР С. И. Вавилов. См. об этом: [Лихачев, 1991б].

[21] См.: [Воинские повести…, 1949]. В подготовке издания приняли участие В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев, А. Н. Робинсон.

[22] Это издание не было осуществлено.

[23] См.: [Симеон Полоцкий, 1953].

[24] См.: [Повесть…, 1950а; 1950б].

[25] См. также: [Лихачев, 1977].

[26] В 1950 г. отмечалось 150-летие первого издания «Слова о полку Игореве».

См.: [Слово…, 1950а; 1950б; Адрианова-Перетц, 1950а; 1950б; Лихачев, 1950а; 1950б].

[27] Владимир Иванович Малышев (1910–1976) – литературовед, археограф, доктор филологических наук. Исследователь древнерусской литературы, знаток и собиратель древних рукописей, организатор археографических экспедиций, основатель Древлехранилища Пушкинского Дома, ныне носящего его имя.

[28] Михаил Осипович Скрипиль (1892–1957) – литературовед, специалист по фольклору и древнерусской литературе. Доктор филологических наук (1944), профессор. В 1916 г. окончил историко-филологический факультет Киевского университета, посещал Семинарий русской филологии В. Н. Перетца. В 1934–1954 гг. сотрудник Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома. Занимался изучением истории древнерусской повести,

Дмитрий Сергеевич Лихачев. Ленинград, 1950 г.
Dmitry S. Likhachev. Leningrad, 1950

Лихачев и я – тянем лямку, т. к. Игорь [29] – совместитель и с него взятки гладки». И – как итог: «А по-настоящему мне бы теперь без всякого Института стряпать книжечки вдвоем с Лихачевым – вот и достаточно было бы. С ним работать хорошо: дисциплинирован, невероятно работоспособен и изобретателен».

В 1953 г. Дмитрий Сергеевич был избран членом-корреспондентом АН СССР, а с 1954 г. он сменил Варвару Павловну на посту заведующего Сектором древнерусской литературы. С этого времени он формировал Сектор из своих учеников. «Он [Сектор] ведь сейчас похож на детский сад, где один садовник – Дм[итрий] С[ергеевич] тщетно пытается заразить своим интересом к собственно литературным вопросам подрастающее поколение. Кроме него самого и Иг[оря] Петр[овича] (загруженного университетом и потому мало активного у нас), остальные предпочитают уклоняться от этих вопросов. Впрочем, на мой взгляд, подает хорошие

истории литературы XI–XVII вв., агиографии. В годы эвакуации Пушкинского Дома в Казань (1942 – апрель 1945) – ученый секретарь Института.

[29] Игорь Петрович Еремин (1904–1963) – литературовед, исследователь древнерусской книжности и восточнославянской литературы эпохи барокко. Доктор филологических наук (1937), профессор. В 1924 г. окончил Ленинградский университет по отделению языка и литературы факультета общественных наук, ученик В. Н. Перетца. В 1934 г. принят в аспирантуру ИРЛИ АН СССР, в том же году защитил кандидатскую диссертацию «Исследование новгородской Повести о посаднике Щиле». В 1937 г. защитил докторскую диссертацию «Иван Вишенский и его публицистическая деятельность». В 1934–1941 и 1945–1960 гг. сотрудник Отдела древнерусской литературы. С 1938 г. профессор ЛГУ.

надежды в этом направлении ученица Иг[оря] П[етровича] Нат. С. Сарафанова [30]», – пишет В. П. Адрианова-Перетц 25 марта 1959 г.

* * *

Образ Д. С. Лихачева-садовника, созданный Варварой Павловной, можно назвать пророческим: взрастив заложенный ею Сектор-сад, Дмитрий Сергеевич на рубеже 1970–1980-х гг. обратил внимание и на сады земные, прочитал их поэзию и написал ряд работ о садово-парковой культуре [31].

Варвара Павловна до конца жизни оставалась «игуменьей» секторского «монастыря» и благословляла на научные подвиги всех молодых секторян, которых Дмитрий Сергеевич обязательно знакомил с нею и спрашивал ее одобрения.

Список литературы

Адрианова-Перетц В. П. Народность «Слова о полку Игореве» // Вечерний Ленинград. 1950а. 11 дек. № 290.

Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и русская народная поэзия // Изв. АН СССР. Отд-ние литературы и языка. 1950б. Т. 9, вып. 6. С. 409–418.

Адрианова-Перетц В. П. Письма из эвакуации к Наталии Павловне Колпаковой (1942–1944) / Вступ. ст., подгот. текстов и коммент. В. А. Ромодановской // ТОДРЛ. СПб., 2022. Т. 69. С. 658–691.

Адрианова-Перетц В. П., Салмина М. А. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности // Дмитрий Сергеевич Лихачев / Вступ. ст. В. П. Адриановой-Перетц, М. А. Салминой; библиогр. сост. М. А. Салминой и Г. Н. Финашиной. 3-е изд., доп. М., 1989. С. 11–42. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Серия литературы и языка; вып. 17)

Воинские повести Древней Руси / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1949. 358 с. (Литературные памятники)

Гудзий Н. К. Рец. на кн.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947 // Сов. книга. 1948. № 4. С. 113–120.

Данилов В. В. «Октавий» Минуция Феликса и «Поучение» Владимира Мономаха // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 97–107.

Еремин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 159–184.

Козьмин М., Кузнецов М. За марксистскую историю литературы // Культура и жизнь. 1948. 10 окт. (№ 29).

Лихачев Д. С. Движение «жидовствующих» 70–90-х годов XV в. // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1: Литература 1220-х – 1580-х гг. С. 377–383.

Лихачев Д. С. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского // ТОДРЛ. М.; Л., 1947а. Т. 5. С. 36–56.

[30] Наталья Сергеевна Демкова (Сарафанова; 1932–2018) – литературовед, археограф, исследователь древнерусской литературы. Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. В 1955 г. окончила филологический факультет ЛГУ, научный руководитель И. П. Еремин. В 1958–1964 гг. младший научный сотрудник Сектора древнерусской литературы Пушкинского Дома. С 1964 г. работала на кафедре русской литературы филологического факультета ЛГУ (СПбГУ).

[31] См.: [Лихачев, 1979; 1981; 1982а; 1982б; 1982в].

Лихачев Д. С. О русской летописи, находившейся в одном сборнике со Словом о полку Игореве // ТОДРЛ. М.; Л., 1947б. Т. 5. С. 139–141.

Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947в. 499 с.

Лихачев Д. С. Повесть о Горе-Злочастии // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1948а. Т. 2, ч. 2: Литература 1590-х – 1690-х гг. С. 207–221.

Лихачев Д. С. Путешествия на Запад [в русской литературе второй половины XVII в.] // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1948б. Т. 2, ч. 2: Литература 1590-х – 1690-х гг. С. 420–427.

Лихачев Д. С. Бессмертное произведение русской литературы: К 150-летию первого издания «Слова о полку Игореве» // Звезда. 1950а. № 12. С. 150–154.

Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве: Историко-литературный очерк. М.; Л., 1950б. 164 с. (Научно-популярная серия)

Лихачев Д. С. Сады Лицея // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9. С. 188–194.

Лихачев Д. С. Задачи серии «Литературные памятники» // Русская литература. 1977. № 4. С. 103–108.

Лихачев Д. С. Заметки о реставрации мемориальных садов и парков // Восстановление памятников культуры: Проблемы реставрации. М., 1981. С. 95–120.

Лихачев Д. С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982а. 343 с.

Лихачев Д. С. Сад и культура России: О садово-парковом искусстве // Декоративное искусство СССР. 1982б. № 12. С. 38–46.

Лихачев Д. С. Слово и сад // Finitis duodecim lustris: Сб. ст. к 60-летию Ю. М. Лотмана. Таллин, 1982в. С. 57–65.

Лихачев Д. С. Книга беспокойств: Статьи, беседы, воспоминания. М., 1991а. 527 с.

Лихачев Д. С. Несколько слов о С. И. Вавилове как инициаторе серии «Литературные памятники» // Сергей Иванович Вавилов: Очерки и воспоминания. 3-е изд. М., 1991б. С. 292–293.

Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1995. 519 с.

Обнорский С. П. «Слово о полку Игореве» как памятник русского литературного языка // Русский язык в школе. 1939. № 4. С. 9–18.

Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946. 200 с.

Повесть временных лет. Ч. 1: Текст и перевод / Подгот. текста Д. С. Лихачева; пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950а. 405 с. (Литературные памятники)

Повесть временных лет. Ч. 2: Приложения / Ст. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950б. 557 с. (Литературные памятники)

Рождественская М. В. Переписка В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзия: По архивным материалам // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 186–193.

Симеон Полоцкий. Избранные сочинения / Подгот. текста, ст. и коммент. И. П. Еремина; отв. ред. М. О. Скрипиль. М.; Л., 1953. 281 с. (Литературные памятники)

Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950а. 483 с. (Литературные памятники)

Слово о полку Игореве: Сборник исследований и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950б. 480 с.

Слово о полку Игореве – памятник XII века / Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л., 1962. 432 с.

Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. 372 с.

Mazon A. Le Slovo d'Igor. Paris, 1940. 182 p.

References

Adrianova-Peretts V. P. "Slovo o polku Igoreve" i russkaya narodnaya poeziya ["Slovo o polku Igorove" and Russian folk poetry]. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*. 1950b, vol. 9, iss. 6, pp. 409–418.

Adrianova-Peretts V. P. Narodnost' "Slova o polku Igoreve" [Nationality of the "Slovo o polku Igoreve"]. *Vecherniy Leningrad*. 1950a, 11 Dec., no. 290.

Adrianova-Peretts V. P. Pis'ma iz evakuatsii k Natalii Pavlovne Kolpakovoy (1942–1944) [Letters from the evacuation to Natalia P. Kolpakova (1942–1944)]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. V. A. Romodanovskaya (Introd. art., prepar. of the texts, and comm.). St. Petersburg, 2022, vol. 69, pp. 658–691.

Adrianova-Peretts V. P., Salmina M. A. Kratkiy ocherk nauchnoy, pedagogicheskoy i obshchestvennoy deyatel'nosti [A brief outline of scientific, pedagogical and social activities]. In: *Dmitriy Sergeevich Likhachev*. V. P. Adrianova-Peretz, M. A. Salmina (Introd. art.), M. A. Salmina and G. N. Finashina (Comps.). 3rd ed. Moscow, 1989, pp. 11–42. (Materialy k bibibliografii uchenykh SSSR. Seriya literatury i yazyka [Materials for the biobibliography of scientists of the USSR. A series of literature and language]. Iss. 17).

Danilov V. V. "Oktaviy" Minutsiya Feliksa i "Pouchenie" Vladimira Monomakha ["Octavius" by Minucius Felix and "The Teaching" by Vladimir Monomakh]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, 1947, vol. 5, pp. 97–107.

Gudziy N. K. Rets. na kn.: Likhachev D. S. Russkie letopisi i ikh kul'turno-istoricheskoe znachenie. M.; L., 1947 [Review of the book: Likhachev D. S. Russian chronicles and their cultural and historical significance. Moscow, Leningrad, 1947]. *Sovetskaya kniga*. 1948, no. 4, pp. 113–120.

Eremin I. P. Literaturnoe nasledie Feodosiya Pecherskogo [The literary legacy of Feodosiy Pechersky]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, 1947, vol. 5, pp. 159–184.

Koz'min M., Kuznetsov M. Za marksistskuyu istoriyu literatury [For the Marxist history of literature]. *Kul'tura i zhizn'*. 1948, 10 October, no. 29.

Likhachev D. S. Bessmertnoe proizvedenie russkoy literatury: K 150-letiyu pervogo izdaniya "Slova o polku Igoreve" [An immortal work of Russian literature: On the 150th anniversary of the first edition of the "Slovo o polku Igorove"]. *Zvezda*. 1950a, no. 12, pp. 150–154.

Likhachev D. S. Dvizhenie "zhidovstvuyushchikh" 70–90-kh godov 15 v. [The "Judaizers" movement of the 70–90s of the 15th century]. In: *Istoriya russkoy literatury: V 10 t.* [History of Russian literature: In 10 vols.]. Moscow, Leningrad, 1945, vol. 2, pt. 1: Literatura 1220-kh – 1580-kh gg. [Literature of the 1220s – 1580s], pp. 377–383.

Likhachev D. S. Galitskaya literaturnaya traditsiya v zhitii Aleksandra Nevskogo [Galician literary tradition in the life of Alexander Nevsky]. In: *Trudy Otdela drevne-*

russkoy literatury [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, 1947a, vol. 5, pp. 36–56.

Likhachev D. S. *Kniga bespokoystv: Stat'i, besedy, vospominaniya* [The book of worries: Articles, conversations, memoirs]. Moscow, 1991a, 527 p.

Likhachev D. S. Neskol'ko slov o S. I. Vavilove kak initsiatore serii "Literaturnye Pamyatniki" [A few words about S. I. Vavilov as the initiator of the "Literary Monuments" Series]. In: *Sergey Ivanovich Vavilov: Ocherki i vospominaniya* [Sergey Ivanovich Vavilov: Essays and memoirs]. 3rd ed. Moscow, 1991, pp. 292–293.

Likhachev D. S. O russkoy letopisi, nakhodivsheysya v odnom sbornike so Slovom o polku Igoreve [About the Russian chronicle, which was in the same collection with the Slovo o polku Igorove]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, 1947b, vol. 5, pp. 139–141.

Likhachev D. S. *Poeziya sadov: K semantike sadovo-parkovykh stiley* [Poetry of gardens: Towards the semantics of gardening styles]. Leningrad, 1982a, 343 p.

Likhachev D. S. Povest' o Gore-Zlochastii [The Tale of Woe-Misfortune]. In: *Istoriya russkoy literatury: V 10 t.* [History of Russian literature: In 10 vols.]. Moscow, Leningrad, 1948a, vol. 2, pt. 2: Literatura 1590-kh – 1690-kh gg. [Literature of the 1590s–1690s], pp. 207–221.

Likhachev D. S. Puteshestviya na Zapad v russkoy literature vtoroy poloviny 17 v. [Travels to the West in Russian literature of the second half of the 17th century]. In: *Istoriya russkoy literatury: V 10 t.* [History of Russian literature: In 10 vols.]. Moscow, Leningrad, 1948b, vol. 2, pt. 2: Literatura 1590-kh – 1690-kh gg. [Literature of the 1590s–1690s], pp. 420–427.

Likhachev D. S. *Russkie letopisi i ikh kul'turno-istoricheskoe znachenie* [Russian chronicles and their cultural and historical significance]. Moscow, Leningrad, 1947v, 499 p.

Likhachev D. S. Sad i kul'tura Rossii: O sadovo-parkovom iskusstve [Garden and Culture of Russia: About gardening and park art]. In: *Dekorativnoe iskusstvo SSSR* [Decorative art of the USSR]. 1982b, no. 12, pp. 38–46.

Likhachev D. S. Sady Litseya [Lyceum Gardens]. In: *Pushkin: Issledovaniya i materialy* [Pushkin: Research and materials]. Leningrad, 1979, vol. 9, pp. 188–194.

Likhachev D. S. Slovo i sad [The word and the garden]. In: *Finitis duodecim lustris Sb. st. k 60-letiyu Yu. M. Lotmana* [Finitis duodecim lustris: Coll. of art. dedicated to the 60th anniversary of Yu. M. Lotman]. Tallin, 1982v, pp. 57–65.

Likhachev D. S. *Slovo o polku Igoreve: Istoriko-literaturnyy ocherk* [Slovo o polku Igoreve: Historical and literary essay]. Moscow, Leningrad, 1950b, 164 p. (Nauchno-populyarnaya seriya [Popular science series]).

Likhachev D. S. *Vospominaniya* [Memories]. St. Petersburg, 1995, 519 p.

Likhachev D. S. Zadachi serii "Literaturnye Pamyatniki" [Tasks of the "Literary Monuments" series]. *Russkaya literatura*. 1977, no. 4, pp. 103–108.

Likhachev D. S. Zametki o restavratsii memorial'nykh sadov i parkov [Notes on the restoration of memorial gardens and parks]. In: *Vosstanovlenie pamyatnikov kul'tury: Problemy restavratsii* [Restoration of cultural monuments: Problems of restoration]. Moscow, 1981, pp. 95–120.

Mazon A. *Le Slovo d'Igor.* Paris, 1940, 182 p.

Obnorskiy S. P. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka starshego perioda* [Essays on the history of the Russian literary language of the older period]. Moscow, Leningrad, 1946, 200 p.

Obnorskiy S. P. “Slovo o polku Igoreve” kak pamyatnik russkogo literaturnogo yazyka [“Slovo o polku Igoreve” as a monument of the Russian literary language]. *Russkiy yazyk v shkole*. 1939, no. 4, pp. 9–18.

Povest’ vremennykh let. Pt. 1: Tekst i perevod [The Tale of Bygone Years. Pt. 1: Text and Translation]. D. S. Likhachev (Prep. of the text), D. S. Likhachev, B. A. Romanov (Transl.), V. P. Adrianova-Peretts (Ed.). Moscow, Leningrad, 1950a, 405 p. (Literaturnye Pamyatniki [Literary Monuments]).

Povest’ vremennykh let. Pt. 2: Prilozheniya [The Tale of Bygone Years. Pt. 2: Appendices]. D. S. Likhachev (Art. and comm.), V. P. Adrianova-Peretts (Ed.). Moscow, Leningrad, 1950b, 557 p. (Literaturnye Pamyatniki [Literary Monuments]).

Rozhdestvenskaya M. V. Perepiska V. P. Adrianovoy-Peretts i N. K. Gudziya: Po arkhivnym materialam [Correspondence of V. P. Adrianova-Peretz and N. K. Gudzia: According to archival materials]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. St. Petersburg, 1993, vol. 46, pp. 186–193.

Shakhmatov A. A. *Obozrenie russkikh letopisnykh svodov 14–16 vv.* [Review of Russian chronicles of the 14–16 centuries] Moscow, Leningrad, 1938, 372 p.

Simeon Polotskiy. *Izbrannye sochineniya* [Selected writings]. I. P. Eremin (Text prep., art. and comm.), M. O. Skripil (Ed.), Moscow, Leningrad, 1953, 281 p. (Literaturnye Pamyatniki [Literary Monuments])

Slovo o polku Igoreve. V. P. Adrianova-Peretts (Ed.). Moscow, Leningrad, 1950a, 483 p. (Literaturnye Pamyatniki [Literary Monuments]).

Slovo o polku Igoreve – pamyatnik 12 veka [Slovo o polku Igoreve – a monument of the 12th century]. D. S. Likhachev (Ed.). Moscow, Leningrad, 1962, 432 p.

Slovo o polku Igoreve: Sbornik issledovaniy i statey [Slovo o polku Igoreve: Collection of studies and articles]. V. P. Adrianova-Peretts (Ed.). Moscow, Leningrad, 1950b, 480 p.

Voinskie povesti Drevney Rusi [Military stories of Old Russia]. V. P. Adrianova-Peretts (Ed.). Moscow, Leningrad, 1949, 358 p. (Literaturnye Pamyatniki [Literary Monuments]).

Информация об авторе

Варвара Андреевна Ромодановская, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Information about the author

Varvara A. Romodanovskaya, Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of Old Russian Literature, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 19.02.2025;
одобрена после рецензирования 17.03.2025; принята к публикации 17.03.2025
The article was submitted on 19.02.2025;
approved after reviewing on 17.03.2025; accepted for publication on 17.03.2025

Научная статья

УДК 821.14; 06.053.56; 347.78.034
DOI 10.17223/18137083/93/4

Посвящение царю Алексею Михайловичу в *Книге о соборе*: публикация текста

Полина Александровна Рылик [1]
Альберт Григорьевич Бондач [2]
Светлана Климентьевна Севастьянова [3]

[1] Афинский национальный университет им. Каподистрии
Афины, Греция

[2] Российская государственная библиотека
Москва, Россия

[3] Сибирский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
Новосибирск, Россия

[1] rylikpa@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-6967-5581
[2] bondatch@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0489-6759
[3] sevask@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9131-3285

Аннотация

Посвящением царю Алексею Михайловичу открывается *Книга о соборе* митрополита Газы Паисия Лигарида, повествующая о суде над патриархом Никоном на Московском поместном соборе 1666–1667 гг. Сохранившееся в четырех греческих списках конца XVII – конца XIX в. произведение не имеет полного русского перевода и научной публикации. Восполняя эти пробелы, публикуем предисловие на греческом языке с историко-филологическим комментарием и авторским переводом. Вводимый в научный оборот источник демонстрирует литературные приемы, используемые автором в пределах всего произведения, раскрывает те грани Лигарида, которые характеризуют его как творческую личность и неординарного писателя, ставшего в русской литературе XVII в., как считается, представителем светского направления.

Ключевые слова

Газский митрополит Паисий Лигарид, предисловие к *Книге о соборе*, царь Алексей Михайлович, греческо-русские связи в XVII в.

Для цитирования

Рылик П. А., *Бондач А. Г.*, *Севастьянова С. К.* Посвящение царю Алексею Михайловичу в *Книге о соборе*: публикация текста // Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 55–68. DOI 10.17223/18137083/93/4

© Рылик П. А., Бондач А. Г., Севастьянова С. К., 2025

The dedication to Tsar Alexei Mikhailovich in the History of the Synod: publication of the text

Polina A. Rylik [1], **Albert G. Bondach** [2]
Svetlana K. Sevastyanova [3]

[1] National and Kapodistrian University of Athens
Athens, Hellenic Republic

[2] Russian State Library
Moscow, Russian Federation

[3] Siberian Institute of Management – Branch of RANEPA
Novosibirsk, Russian Federation

[1] rylikpa@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-6967-5581
[2] bondatch@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0489-6759
[3] sevask@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9131-3285

Abstract

The book by Metropolitan Paisius Ligarides of Gaza († 1678) on the trial of Patriarch Nikon († 1681) at the Great Moscow Synod of 1666–1667 opens with a dedication to Tsar Alexei Mikhailovich. The document, though lacking its original autograph, has been preserved in four Greek copies from the late seventeenth to the late nineteenth centuries. Also, it does not yet have a complete Russian translation or scholarly edition. Acknowledged by many 19th-century historians as a crucial document concerning the relationship between the clergy and the tsarist system in mid-17th century Russia, this invaluable source, written by an observer, adds to our understanding of Greco-Russian relations and the influence of the Greek Church in Russia's political and religious environment during that time. The authors conducted a comprehensive study of the preface-dedication text, which is of significant literary interest and contains numerous factual details, and introduced it into scholarly discourse through a concise mid-19th-century Russian translation. To fill the gap in the original Greek edition of the preface, we are publishing the text based on three manuscript copies, preceded by a brief introduction, and accompanied by a detailed historical and philological commentary. The Greek source examined characterizes Ligarides not solely as a dedicated churchman and ideologue with distinct perspectives on power, but also as an imaginative and skilled writer, a key participant in the secular trend within Russian literature in the 1600s.

Keywords

Paisios Ligarides, metropolitan of Gaza, preface to the History of the Synod, Tsar Alexei Mikhailovich, Greco-Russian relations in the 17th century

For citation

Rylik P. A., Bondach A. G., Sevastyanova S. K. The dedication to Tsar Alexei Mikhailovich in the History of the Synod: publication of the text. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*], 2025, no. 4, pp. 55–68. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/93/4

В апреле 1667 г. митрополит Газы Паисий Лигарид (1610–1678) завершил книгу, посвященную суду над патриархом Никоном (далее – *Книга о соборе*). Это произведение, представляющее собой своеобразную хронику Московского поместного собора 1666–1667 гг., давно известно исторической науке. Благодаря фактологической насыщенности *Книга о соборе* до сих пор воспринимается исследователями как исторический источник, составленный очевидцем; при этом не учитывается, что автором произведения был человек пристрастный, имею-

щий субъективное мнение о персоне бывшего Московского патриарха и его поступках.

Сохранившаяся в четырех греческих списках конца XVII – конца XIX в. [1] *Книга о соборе* остается малодоступной для изучения: две ее копии хранятся в европейских библиотеках, и чтение этих манускриптов требует тщательной языковой и палеографической подготовки. Поэтому введение в оборот любой из частей произведения Газского митрополита на греческом языке становится важным шагом на пути освоения отечественной гуманитарной наукой одного из важнейших источников о ключевом для XVII в. в России вопросе о священстве и царстве. В то же время публикация фрагментов на греческом языке позволяет оценить неординарный талант писателя, его виртуозное владение архаичным греческим языком, проследить мастерство работы полемиста с многочисленными и разнообразными текстами, многие из которых сохранились только в произведении митрополита, насладиться легкостью авторской стилистики и искусной игрой смыслов, заключенных в именах «героев» повествования, нумерологических построениях, исторических экскурсах, содержащих хронологические параллели и типологические подобия. Но главное – окунуться в мир античности, обращение к которому в произведении Лигарида стало художественным приемом, отвечающим потребностям российского просвещенного общества в знаниях о классической эпохе и создающим условия для «нового русского государственного космоса», выстроенного впоследствии императором Петром I. Во второй половине XVII в. в России, когда по-особому переосмыслялись и получали оригинальное преломление классические образы, символы и смыслы, античность, как было сказано В. М. Живовым и Б. А. Успенским о русской культуре XVIII в., «выступала как средство перевоспитания русского общества». Вступительная часть *Книги о соборе*, посвященная царю Алексею Михайловичу, – яркое тому подтверждение.

Ниже публикуется текст предисловия Лигарида к *Книге о соборе* в сопровождении краткого историко-филологического комментария. Греческий текст печатается по бухарестской рукописи с разночтениями из афинской и московской, которые далее обозначаются соответственно сиглами **B** (codex Bucarestensis), **A** (codex Atheniensis) и **M** (codex Mosquensis). С учетом формата журнальной публикации приведены только важнейшие разночтения: отмечены места, в которых **M** или **A** дают лучшее чтение, чем **B**, а также те, где все три рукописи содержат ошибочное написание слова (правильный вариант в таких случаях восстанавливается издателями в основном тексте); кроме того, указаны вставки слов над строкой в **B** и **A**, отсутствующие в **M**, и воспроизведены примечания, сделанные писцом **B**.

[1] Бухарест. Библиотека Румынской академии. № 371 (675) (1710-е – 1720-е гг.); Афины. Геннадьевская библиотека. Mss. 260 (29433) (перв. треть XVIII в.); Москва. ГИМ. Синодальное собр. греч. ркп. № 409 (1674–1675 гг.); Санкт-Петербург. ОР РНБ. Ф. 253 (А. А. Дмитриевский). № 231 (кон. XIX в., список с московской рукописи).

(л. 2) Βιβλίον συνοδικὸν περιέχον τὰ κατὰ Νίκωνος πατριάρχου Μοσχοβίας ὑπὸ Παϊσίου μητροπολίτου Γάζης, ἀνατεθὲν τῷ αὐτοκράτορι πασῶν τῶν Ῥωσσιῶν Ἀλεξίῳ Μιχαήλοβιτζ, ἐν ἔτει 1668

(л. 3) Τῷ θειοτάτῳ, γαληνοτάτῳ καὶ θεοστέπτῳ βασιλεῖ τῆς τρισευδαίμονος καὶ μεγαλοπόλεως Μοσχοβίας καὶ πάσης μεγάλης μικρᾶς τε καὶ λευκῆς Ῥωσσίας μονοκράτορι καὶ ἄλλων πολλῶν ἐπαρχιῶν καὶ δεσποτειῶν Αὐγούστῳ δεσπότῃ καὶ φυσικῷ κληρονόμῳ καὶ διαδόχῳ κυρίῳ κυρίῳ Ἀλεξίῳ Μιχαηλοβίτζῃ εὐημερίαν, νίκην καὶ σωτηρίαν ἐπεύχεται ὁ Γαζέων μητροπολίτης Παΐσιος.

Ἀλλ᾽ ὅπερ ἔφη τις τῶν ῥητόρων χαριεντιζόμενος τάχα καὶ κολακεύων πρὸς τὸν σεβασμιώτατον Αὔγουστον Καίσαρα: «Ὦ αὐτοκράτορ καὶ αὐσωνάρχα[2] – εἰπών – ὅστις μὲν ἀποτολμᾷ τῇ κραταιᾷ βασιλείᾳ σου προσπελάσαι καὶ προσεγγίσαι, ἀγνοεῖ τὸ παράπαν τὸ ἀπρόσιτον κράτος τῆς μοναρχίας σου, ὅστις δ᾽ αὖ πάλιν οὐ θαῤῥεῖ προσιέναι τῇ φιλανθρώπῳ καὶ παγγαληνοτάτῃ μοναρχίᾳ σου, τῆς σῆς μονοκρατορίας τὴν εὐσπλαγχνίαν καὶ τὴν εὐμένειαν οὐκ ἐπίσταται». Τοῦτ᾽ αὐτὸ κἄγωγε ἀληθεύων πρὸς σὲ τὸν κράτιστον ἡμῶν αὐτοκράτορα, θαῤῥαλέως ἐναποφαίνομαι, ὑπέρευ[3] κατειδὼς τὴν ἔμφυτόν σου καλοκἀγαθίαν, τὸ εὐπρόσιτον εἰς πάντας καὶ τὸ εὐπροσήγορον τῆς παντοκρατορικῆς βασιλείας σου. Ἥκω τοιγαροῦν πρὸς σὲ τὸν ἀκαταγώνιστον παντάνακτα τὸν καὶ πολλοὺς θριάμβους θριαμβεύσαντα καὶ νικοποιὰ κατ᾽ ἐχθρῶν ὁρατῶν καὶ ἀοράτων ἐπεγείραντα τρόπαια, συνιστῶν ὁμοῦ καὶ ἀφιερῶν, ὡς εὐκλεές τι ἀνάθημα, τουτὶ τὸ συνοδικὸν βιβλίον ἀπ᾽ ἀρχῆς ἕως περιεσχάτου τέλους τῆς κατὰ Νίκωνος ἱστορίας συνηρμοσμένον, μυρίοις ὅσοις κανόσι καὶ ἀπορήμασι περιέργοις πεποικιλμένον, ἔτι δὲ καὶ φιλοκάλοις ἐρωτοαποκρίσεσι κατηγλαϊσμένον καὶ πατριαρχικαῖς ἀποφάσεσι καὶ συνοδικαῖς ὑποθήκαις διηνθισμένον ταμάλιστα. Πέποιθα δ᾽ ἐμαυτῷ καὶ σὲ τὸν κράτιστον καὶ θειότατον βασιλέα ὑπόχρεων γενήσεσθαι τοῦ ἀμύνασθαι καὶ ἀπαλεξῆσαι τὰ κράτιστα τῇ ποικίλῃ μου τῇδε καλῇ συγγραφῇ τῇ ἀντεχομένῃ τῆς ἀψευδείας ὅτι καρτερῶς. Ἐγὼ γάρ (νὴ τὴν βασιλικωτάτην ἀλήθειαν) οὔτε ῥητορικαῖς ἐπεχρησάμην ἐπιτάσεσι, ταῖς ἐπιφορτιζομέναις καλλωπισμὸν τοῖς πράγμασι καὶ μέγεθος ἐπιτερπὲς καὶ μετέωρον, οὔτε μὴν ἐπετάχυνα ταῖς ἀντιτέχνοις μειώσεσι, ταῖς ἐλαττούσαις καὶ σμικρυνούσαις διακενῆς τὰς ὕλας τῶν ὑποθέσεων (φαίη τις ἂν κατά γε τὰς τῆς θαλάσσης ἀμπώτεις, τὰς καὶ κυμάτων ἄρσεις καὶ ὑγρῶν μεταστάσεις ἐς βάθος συμπεριοδευούσης τῆς Σελήνης εἰθισμένας ἐγγίνεσθαι κατά τινας ὡρισμένους καιροὺς μεταβαλλομένας ταῖς ἐπιῤῥοαῖς καὶ ταῖς ἀναβάσεσιν), ἀλλ᾽ ὥσπερ πάλαι τῇ ἑαυτοῦ λόγχῃ τε καὶ ἀσπίδι ἐπηρείδετο[4] ἕκαστος Σπαρτιάτης ἐπιλέγων || (л. 3 об.) τὸ ᾀδόμενον, ἢ τάν, ἢ ἐπὶ τᾶς[5], τουτέστιν ἢ ταύτην οἴσω νικητής, ἢ ἐπὶ ταύτης τελευτήσας ἀχθήσομαι, ἄλλως καὶ τῇ ποιμαντικῇ μου βακτηρίᾳ καὶ ῥάβδῳ, τῇ λαβὰς καὶ χηλὰς διὰ τοῦτο ἐχούσῃ, ἀγκύρας δίκην πρὸς τὸ συνάγειν εἰς ἑαυτὴν τοὺς μακρὰν καὶ στηρίζειν τῷ Πνεύματι, ἔτι δὲ καὶ παιδεύειν τοὺς ἀπειθοῦντας καὶ διώκειν τοὺς πολεμίους, ὡς λυμαντικούς τε καὶ θηριώδεις τὸν νοῦν, ἐμυήθην ἐπισκεψιπτόμενος (ἐπιστηριζόμενος[6]). Ὥστε μοι δοκῶ, οὐδὲ τὸν χλευαστὴν Μῶμον καὶ σκώπτην Ζωΐλον[7], ἢ Ἀρχίλοχον, ἢ καὶ Ἱππώνακτα ἔχειν ἐπιμωμήσασθαί τε μωκώμενον, ἢ κατὰ

[2] **B**, примечание (внизу листа) к этому слову: Αὐσωνία ἢ Αὐσονία, Ausonia, Italia. Αὔσωνες, reges. Αὐσονία, ἡ Ἰταλία, κέκληται ἀπὸ τοῦ Αὔσονος, τοῦ Ὀδυσσέως καὶ Καλυψοῦς υἱοῦ. Αὔσονες, οἱ βασιλεῖς, παρὰ τὸ αὔσω, τὸ τολμῶ: οἱ πάντα ἐπιτολμῶντες τοῖς προστάγμασι.

[3] **BA**: καίπερ εὖ **M**: ὕπερ εὖ.

[4] **BAM**: ἐπερείδετο.

[5] **BAM**: ἐπὶ τάν.

[6] **BA**: слово надписано той же рукой над строкой. **M**: слово отсутствует.

[7] **BAM**: Ζώϋλον.

τοῦ ἐγχειρήματος φανῆναι σατυρικῶς κερκωπίζοντα. Πλὴν ἄλλ᾽ ὅς τις αὐχηματίας τοὺς Λαπίθας κατατροπώσομαι, καίτοιγε διαμαχομένους τοῖς Κενταύροις ἀεὶ καὶ ὡς Τριπτόλεμος ἐπισπερῶ τοὺς κόκκους τοῦ λόγου μου, καὶ ὡς Ἄβαρις πετασθήσομαι διὰ τοῦ πετωμένου μου ὀϊστοῦ, ἀφιγμένος εἰς τὴν Ἑλλάδα, ἢ καὶ ὡς Γύγης, ὁ ἐπὶ τῷ δακτυλίῳ αὐτοῦ βρενθυόμενος, τὸ ῥόπαλον τοῦ Ἡρακλέους ἐπιφέρων, καὶ τοῦ Ποσειδῶνος ἐπισείων τὴν τρίαιναν, καὶ ὡς ἄλλος τις Καρνεάδης, τοὺς Ὀλυμπιακοὺς ἀγῶνας ἐκκαυχώμενος[8] ὑποδύσομαι. Καὶ πάλαι μὲν Φειδίας ὁ περιβόητος ἐκεῖνος ἀγαλματοποιός, ἀφ᾽ οὗ τὸν Ἠλεῖον Δία καλῶς ἐτεχνούργησε καὶ ἐξήσκησεν, ἐν περιόπτῳ τινὶ τόπῳ στησάμενος τέθεικε, καθ᾽ ὃν πολλοὶ περιελαύνοντες διέβαινον, ἵνα πᾶς ἕκαστος τῶν παραπορευομένων τὴν οἴκοθεν ἀποφανῆται[9] διάνοιαν, αὐτὸς δ᾽ ὄπισθεν στὰς τοῦ ἀγάλματος ἐπισημειοῦ τὰ εἰρημένα καί γε μὴν πρὸς τὸ δοκοῦν τῶν πλείστων οἴκοι καθήμενος τὸν ἀνδριάντα ἐῤῥύθμιζε. Καθάπερ δὴ καὶ Ἀπελλῆς, ὁ πρὸς τὸ γράφειν θαυμάσιος, ἐπαΐων τοῦ σκυτοτόμου τὴν ὑπ᾽ αὐτοῦ γεγραμμένην κρηπῖδα μωμήσασθαι, κατεπείσθη εὐθέως λωροτόμον αὐτὸν ἡγησάμενος κἀπὶ τῷ ἰδίῳ ἐπαγγέλματι σεμνυνόμενον, μάλα ῥᾳδίως καὶ ἡδέως κἄγωγε ἠβουλόμην τοὺς ὁμοτέχνους μου πάντας συναγαγεῖν καὶ τὰ δοκοῦντα εἶναι αὐτοῖς διημαρτημένα ὅτι τάχιστα διορθῶσαι (καὶ γὰρ οὐκ εἰμὶ ἐγὼ Ἱππίας, ὁ πᾶσαν ἐπιστήμην καὶ μέθοδον λογικὴν καὶ βάναυσον ἐπίστασθαι ἀλαζονευόμενος[10], οὔτε Γοργίας ὁ περπερευόμενος (προπετῶν[11]), οἷόν τε εἶναι περὶ παντὸς πράγματος καὶ προβλήματος λαλῆσαι καὶ λῦσαι αὐτὸ τοῦτο ἐξ ὑπογυίου καὶ παρειμένως[12]). Ἀλλὰ πάνυ σφόδρα δέδια ἐπὶ τῷ ἀλλοτριοφθονεῖν, ὅτι κατὰ τὸν Χρυσοῤῥήμονα, αἱ τῶν πλησίον εὐδοκιμήσεις, βασκανίας τροφαὶ εἶναι νομίζονται καὶ οἱ πλείους, ὡς μυῖαι σαπραί, τοῖς ἕλκεσιν ἐφιζάνουσιν. Ἔνθεντοι καὶ ὁ Ἀσκραῖος ᾖσε ποιητής: «Καὶ κεραμεὺς κεραμεῖ κοτέει, καὶ τέκτονι τέκτων, καὶ πτωχὸς πτωχῷ φθονέει, καὶ ἀοιδὸς ἀοιδῷ». Τοιγάρτοι ὃν τρόπον ἀνέκαθεν οἱ ἀνίσχυροι ἐν τῷ λέγειν καὶ πάσης ἀττικῆς κομψείας ἀμέτοχοι, συνηγόρους καὶ προστάτας ἐν τοῖς δικαστηρίοις σφίσιν αὐτοῖς προῃροῦντο πρὸς τὴν κατε|| (л. 4) πείγουσαν αὐτῶν ἀνάγκην ἀποβλέποντες καὶ προστασίαν καὶ προσηγορίαν διώκοντες ἐπικαίριον. Τὸν αὐτὸν δὴ τρόπον κἀυτὸς εἴληφα, προκρίνας τὴν μεγίστην σου βασιλείαν εἰς προστάτην ἐμήν, συνήγορον καὶ προσήγορον, ἵν᾽ εἴπω μετὰ τοῦ τραγῳδοῦ μου Αἰσχύλου τοῦ μέλποντος: «Τέρας τ᾽ ἄπιστον, αἱ προσήγοροι δρύες...», ὡς ἔμφωνοι δηλαδὴ ἐμαντεύοντο, ἀνθ᾽ ὧν καὶ ἀντιβολῶν κλίνω γόνυ καρδίας τοῦ μὴ ἐᾶσαί με ἐς τοὐπιόν, ἄλλ᾽ ἔσεσθαί μοι διηνεκῶς τοιοῦτον, οἷον ἄχρι τοῦ νῦν ἔγνων σε ὑπέρμαχον καὶ συλλήπτορα κατὰ παντὸς Τελχῖνος καὶ Τιτᾶνος, κορυβαντιώντων ἀνδρῶν κατεπιχειρῆσαι μελλόντων καὶ προσπηλακίσαι καὶ προσοχθίσαι τῇ ἐγχειρήσει μου ταύτῃ, ὡς μακρᾷ, ὡς δεινῇ, ὡς παραφόρῳ, ψόγων μεμεστωμένῃ, μέμψεων παμπληθεῖ καὶ γεμούσῃ πασῶν στηλιτεύσεων. Ἀλλ᾽ ὑπεραπολογήσομαι ὥσπερ ἐν Ἀρειοπάγῳ, δικαιότατε βασιλεῦ, ὡς ἡ ἱστορία κατὰ τὸν φιλαλήθη Ἀττικὸν Θουκυδίδην, «κτῆμά ἐστιν ἐσαεὶ συγκείμενον» καὶ καλὸν τοῦ ἀνθρωπίνου βίου κάτοπτρον. Κάτοιδα πρὸς τούτοις, ὡς ἔστιν ἑτοιμοτάτη διόρθωσις καὶ ἀληθινωτάτη παιδεία, κατὰ τὸν πάνυ Πολύβιον, ναὶ δὲ καὶ κατὰ τὸν Ἁλικαρνασσέα Διονύσιον, ἀρχὴ φρονήσεως καὶ σοφίας καὶ πρὸς τὰς πολιτικὰς πράξεις γυμνασία, ἔτι δὲ καὶ παράδειγμα τῆς εὐβουλίας καὶ τῆς ἀληθείας ἐκτύπωμα, κατὰ τὸν πολυμαθέστατον Πλούταρχον. Διάτοι τοῦτο καὶ ἀληθεύειν μεμάθηκα καὶ τὸ κολακεύειν αὐτὸ τελείως ἀπεσκοράκισα, μόνης τῆς ἁπλῆς

[8] **BAM**: ἐγκαυχώμενος.
[9] **BA**: ἀποφανῇναι **M**: ἀποφανῆται.
[10] **BA**: ἀλαζωνευόμενος.
[11] **BA**: слово надписано той же рукой над строкой. **M**: слово отсутствует.
[12] **BAM**: παρημένως.

ἀψευδείας ἀπρὶξ ἀντεχόμενος. Ἐπέσκωπτον ἔνιοί ποτε τοὺς Μακεδόνας ὡς ἀπερισκέπτως λαλοῦντας καὶ φθεγγομένους ἀπεριμερίμνως, ἄνευ θωπείας δηλονότι καὶ δολιότητος, ἀλλ᾽ ἀντεῖπεν αὐτοῖς ὁ Ἀμύντου Φίλιππος ἀπαμειβόμενος: «Οἱ ἐμοὶ Μακεδόνες ἀφελεῖς πεφυκότες καὶ ἁπλοϊκοὶ γεγεννημένοι, τὴν σκάφην σκάφην λέγουσι καὶ τὰ σῦκα σῦκα φράζουσιν, ἀπαραποιήτως φρονοῦντες καὶ ἁπλάστως συνείροντες». Ἀρχαῖος ἀνὴρ πέφηνα κἄγωγε, ἀφυής τε καὶ ἄμουσος, ἔνθεντοι ὥς περ κάτοιδα τὰ πράγματα, οὕτως ἀφοσιούμενος ταῦτα τῇ συγγραφῇ παραδίδωμι, οὐδοτιοῦν ἀφαιρούμενος ἢ προσθέμενος, ἀλλ᾽ ἀφελῶς καὶ ἁπλῶς, μήτε πλεονάζων, μήτε τοῦ δέοντος σώματος τῆς ἱστορίας στερούμενος, ἀπαγγέλλων καὶ παριστῶν, ὥς περ γνώμων σκιαθήρας, τὴν πᾶσαν ἀλήθειαν ἀφιλοτίμως καὶ ἀφροντίστως, καθάπερ ἐπίσταμαι. Γραφεὺς γὰρ θᾶττον εἶναι βούλομαι, ἀψευδὴς καὶ οὐ σοφιστής, ψευδῶν συγκολλητής, τὰ ἀρχέτυπα νοθεύων καὶ παραχαράττων αὐτὰ τὰ πρωτότυπα. Πυθαγορικῶς ἀποφαίνομαι, καθὼς ἔγνων καὶ προέγνων τὸν Νίκωνα, οὕτω καὶ κατέγνων, καὶ περιγράφω καὶ ζωγραφῶ, κεχρημένος ὡς βαφαῖς ταῖς λέξεσι καὶ τοῖς ῥηματισκίοις ὡς χρώμασι, μηδὲν χαριζόμενος ἢ καὶ φιλανθρωπευόμενος. Εἰδέ τις ἐφίεται καὶ ἐφίσταται χιάσων τὴν ἐμὴν τήνδε ἱστορίαν, καὶ διαπειρᾷ ἐφόσον παραβλάψαι καὶ παραγράψαι τῇ συγγραφῇ μου, ὥς ποτε ὁ Κυθήριος Φιλόξενος ἐπεποιήκει, ‖ (л. 4 об.) τὸ *χ* προσβαλὼν ἐπὶ τοῖς τοῦ Διονυσίου συγγράμμασιν, ἐπιμνηθήτω καὶ ὅπως εἰς τὰς λατομίας τῆς Συρακούσης ἐνεβλήθη, ὅτι οὐκ ἐπήνει τοῦ τυράννου τὰς τραγῳδίας, διὸ καὶ ἀντέγραφε πλειστάκις τὸ *α*, παρακληθεὶς σημαίνων, ὡς τὴν παράκλησιν, ἀπωθεῖτο καὶ ἀπηνήνατο. Ἀλλ᾽ ὅμως γε μέντοι οὔ με λέληθεν, ὅτι ἀνακηρύξουσι καὶ στεφανώσουσιν ἡμᾶς καὶ αὐτοὶ μετέπειτα οἱ ἐχθροὶ καὶ οἱ τανῦν δοκοῦντες εἶναι φιλονίκωνες, καὶ ἀντίπαλοι καίτοιγε ἀναγορεύσουσι μὴ φανερῶς ἐπαισχυνόμενοι, πλὴν ἀλλ᾽ ἐσχηκότες κροῦον τὸ συνειδός, ἀναπτύξουσι τὸ ἀψευδὲς καὶ μὴ θέλοντες. Τοιοῦτον γὰρ πέφυκεν ἡ ἀρετή, ὅτι καὶ παρὰ τοῖς πολεμοῦσιν αὐτήν, εὐθυβόλως θαυμάζεται, καὶ ἀνάπαλιν τοιοῦτον γὰρ καθέστηκεν ἡ κακία, ὅτι καὶ παρὰ τοῖς μετιοῦσιν αὐτήν, αὐτόχρημα καταγινώσκεται καὶ ἀραρότως τῆς ἀρετῆς οἱ πάντες ἀντιλαμβάνονται. Καὶ γὰρ οἶδεν ἀνδρὸς ἀρετὴν θαυμάζειν πολέμιος, κατὰ τὸν ἐμὸν Γρηγόριον τὸν τῆς θεολογίας ἐπώνυμον, οὗπερ ἀξιώματος τὴν ἀλήθειαν, καὶ Γαϊνᾶς ἐκεῖνος ὁ μέγας στρατάρχης ἐπίστωσεν, ἰδὼν τὸν Χρυσόστομον μετὰ τοσαύτης ἐλευθεροστομίας καὶ παῤῥησίας, εἰς αὐτὸν ληγατεύσαντα. Ὅθεν εἶχεν ἄν τις ἐπᾷσαι τὸ προφητικὸν λόγιον: «Οἱ θλίβοντές με ἠσθένησαν καὶ ἔπεσον χαμαί, ῥοιζηδὸν φερόμενοι καὶ παρασυρόμενοι». Εὔελπις τοιγαροῦν γεγενημένος, παγίαν τε ὑποβαλλόμενος [13] ὑποβάθραν καὶ βάσιμον κρηπίδα εὑράμενος τὴν βασιλικὴν προστασίαν σου, θάῤῥος ἔξω καὶ οὐ θράσος, τεθωρακισμένος, λαχὼν καὶ λαβὼν κατὰ παντῶν τὰ ἀμυντήρια, ναὶ δὲ καὶ καθωπλισμένος, φέρων ὡς πανοπλίαν τὴν Ἀλεξητικήν σου Ἀλέξησιν, ἤτουν ἐπιείκειαν καὶ χρηστότητα, ὡς Μῶλυ τι καὶ Νηπενθὲς ἀλεξιφάρμακον καὶ ἀλεξητήριον [14] καὶ παιώνιον, καὶ κατὰ Νίκανδρον εἰπεῖν: «Τὸ δέ τοι μέγ᾽ ἀλέξιμον εἴη». Καὶ δήπουθεν, εἰ κατ᾽ ἴχνος ἔβαινον τοῖς γραμματικευομένοις, τοῖς ἐθάσι τὰς λέξεις τεχνολογεῖν, ἐτυμολογεῖν τὰ ὀνόματα καὶ κανονίζειν τὰς κλίσεις καὶ ἀναγραμματισμοὺς ἐπικαιρίους ποιεῖν τὸ τεχνάζειν ἐπισταμένοις, φαίην ἂν κἄγωγε, ὡς ὁ ὕψιστος ἐκλεξάμενος ἀπὸ πάντων, σὲ καὶ μόνον κατέστησεν ἐκλεξάμενος τῆς ἀπολωλυίας Ἑλλάδος σωτῆρα καὶ ἀντιλήπτορα. Καὶ δὴ φέρε ἴδωμεν τὰ στοιχεῖα τοῦ ὀνόματός σου καὶ τὰ ψηφία, ὡς μέταλλα, μεταλλεύσωμεν. Ἀλέξιος [15]: τὸ «α» σημαίνει

[13] **ВАМ**: ὑποβαλόμενος.

[14] **ВАМ**: ἀλεξιτήριον.

[15] **В**, примечание (на поле) к этому слову: Ἐπεξήγησις τῶν στοιχείων τοῦ ὀνόματος Ἀλέξιος.

ὅτι ἄρξεις, «λ» – λαοῦ, «ε» – ἐλευθέρου, «ξ» – ξενοπρεπῶς, «ι» – Ἰσμαήλ, «ο» – ὀλέθριον, «σ» – συντρίψεις. Ναὶ ναὶ γενοῦ ἡμῖν ἔργῳ καὶ λόγῳ Ἀλέξιος: φιλόχριστος, ἀλέξανδρος καὶ φιλόθεος, ἀπείργων τὰ δεινὰ κατὰ τὸ φερώνυμον. Καὶ μὴν ᾄδεται, ὡς ὁ Εὔδημος φιλόσοφος ἀνὴρ τὸ ἐπάγγελμα δακτυλίδιά τινα κατεσκεύαζεν, ἅττα καὶ ἀλεξητήρια [16] προσηγόρευε καὶ περίαπτα, ταῖς δυστοτοκούσαις φυλακτήρια περιάμματα, ὥσπερ ἀλέξησιν χορηγοῦντα καὶ βοήθειαν ἄκραν περιαπτόμενα. Εὕρηται καὶ γῆ ἀλεξιάρη παρ᾽ Ἡσιόδῳ, ἅτε δὴ τὰς ἀρὰς ἀπελαύνουσα, καὶ παρὰ Νικάνδρῳ Θηριακή, «ἣ [17] καὶ ἀλεξιάρης πτόρθους ἀπαμέργεο [18] ῥάμνου [19]», δηλονότι ἀγαθὴ ἀπαλλάξαι τοὺς ὑπὸ ἑρπετῶν πληγέντας τοῦ πάθους. Ἀλλὰ καὶ κατὰ τοῦ λοιμοῦ περιτεθρύλλεται ἀλεξιφάρμακος δύναμις. || (л. 5) Καὶ τί ἔτι λέγω διὰ σὲ τὸν Ἀλέξιον «ἄλλοτ᾽ ἀλεξέμεναι μεμαῶτα», καθ᾽ [20] Ὅμηρον [21]; Δῴη ὁ Παντοκράτωρ καὶ Παντοδύναμος, ὅπως πληρωθῇ τὸ εἰρημένον ὑπὸ τοῦ μακαρίου Ἀνδρέου τοῦ διὰ Χριστὸν σαλοῦ, καὶ τὸ ιζ^{ον} στοιχεῖον τὸ ἀνακεφαλαιούμενον ἐν τοῖς κδ΄ ἑλληνικοῖς γράμμασι συμπληρωθῇ τελειούμενον εἰς τὸ ἔθνος τῶν Ῥώσσων ἐν τῷ καιρῷ τούτῳ τῆς παμμακαρίστου καὶ τρισευδαίμονος βασιλείας σου. Ὦ καὶ πότε τοῖς ἐμοῖς ὠσὶν ἐνηχηθήσεται ἡ ᾠδὴ τοῦ προφητικωτάτου Μωϋσέως, ὡς εἷς διώξει χιλίους; Ὦ πότε καὶ πληρωθήσεται τὸ θειότατον λόγιον τοῦ Πατάρων Μεθοδίου τοῦ φάσκοντος, ἆρόν σου τόξον ἐπὶ τῶν νεφελῶν καὶ θές «σημεῖα ἐν τῷ οὐρανῷ καὶ τέρατα ἐπὶ τῆς γῆς»; Πότε, πότε εἰς πέρας ἥξει ἐκείνη ἡ θαυμαστὴ πρόῤῥησις: παραδώσω τὸν ἁμαρτωλὸν εἰς χεῖρας αὐτοῦ καὶ στραφεὶς ἐκδικήσω τὸ αἷμα αὐτοῦ; Πότε, πότε ἀναστήσονται τὰ δύο ἔθνη, ὧν ἡ διάλεκτος καὶ ἡ γλώσσα ἔσται μία, καὶ συνάψουσι τὸν πόλεμον ἐν τῷ τόπῳ, οὗ ἐστιν ὁ λίθος ὁ τρυπητός; Τότε γὰρ τροπώσονται ὅλον τὸν Ἰσμαήλ. Τότε κατατακήσονται οἱ ἄνδρες τῆς τυραννίδος πόλεως, καθάπερ τήκεται καιρὸς ἀπὸ προσώπου πυρός, τότε ἀποτελειωθήσεται τὸ ῥηθὲν ὑπὸ τοῦ προφήτου, λέων καὶ σκύμνος διώξουσιν ὄναγρον. Πλὴν «ἀλλὰ ταῦτα Θεοῦ ἐνὶ γούνασι κεῖται». Ἐν δὲ τῷ μεταξὺ δέχου τῇ συνήθει καλοκαγαθίᾳ σου καὶ τῇ συμπαθεστάτῃ φιλανθρωπίᾳ σου ταύτην τὴν ἱστορίαν μου, κατὰ α^{ην} μὲν πρόσοψιν, δοκοῦσαν στηλιτευτικήν, κατ᾽ ἀλήθειαν δὲ τυγχάνουσαν ἀποδεικτικήν, καθάπερ ἀμέλει φιλοφρόνως προσήκατο Πτολεμαῖος ὁ βασιλεὺς τῆς Αἰγύπτου, τὸν ἐξαίσιον πύργον, ὃν ἀνύψωσε Σωστράτος. Ὡς Μέμνων ὁ τῶν Μήδων βασιλεὺς τὸν χρυσὸν οἶκον ἠγάπησεν. Ὡς Ζηνόδωρος, ὁ τὸν κολοσσὸν τῆς Ῥόδου μηχανησάμενος εἰς τιμὴν τοῦ Ἀπόλλωνος. Ὡς ὁ Ἑρμόδωρος, ὁ τὸν θαυμαστὸν ὀβελίσκον ἐπεγειράμενος, οὓς στύλους καὶ κίονας, οὐδ᾽ ὁ πᾶς αἰὼν ἐξαλείψαι κατίσχυσεν, ἀλλ᾽ ἀφῆκε στεγανοὺς καὶ μονίμους ἄχρι τῆς σήμερον. Ἀνδριάντα ἡγοῦ τὸν ἱστορικὸν τοῦτόν μου λόγον, πεποιημένον οὐκ ἐπὶ δέκα ἔτεσιν, ὥσπερ ὁ Ἰσοκράτης τὸν ἑαυτοῦ πανηγυρικὸν σπουδάσας τετέλεκεν, οὔτε μὴν ὥσπερ ὁ λαμυρώτατος Κίννας τὴν ἑαυτοῦ «Σμύρναν» ἐπὶ ἐννέα ἔτη συντεθειμένην, μετ᾽ ἐῤῥωμενεστάτης εὐεξίας ἄνωθεν ἐπιχορηγηθείσης μοι πρὸς τὴν τῆς ἐργασίας ἀποπλήρωσιν καὶ τελείωσιν. Οὐ γὰρ μόνον αἱ κακουργίαι ἀκμὴν ἐνεχαράττοντο ταῖς στήλαις, ἀλλὰ καὶ αἱ ἀνδραγαθίαι πρὸς διηνεκὲς μνημόσυνον, ὡς τῷ μέλλοντι αἰῶνι συμπαρεπέμποντο. Οὕτως Ἀπολλόδωρος κατεσκεύασε τὸν κίονα, τὸν καὶ μέχρι νῦν τοῦ Τραϊανοῦ προσαγορευόμενον. Σύγγνωθι δέ, ναὶ δέομαι, εἰ ὡς ἄπειρος τεχνίτης οὐκ ἠπιστάμην ἐγγλύψαι τὰς ἡρωϊκὰς πράξεις σου, ὅπερ δὴ καὶ Πλάτων καθ᾽ ἑαυτοῦ

[16] **BAM**: ἀλεξιτήρια.
[17] **BA**: ἣ.
[18] **B**: ἀπαμέργεται **M**: ἀπαμὲν γε ὁ.
[19] **BAM**: ῥάμνους.
[20] **BA**: ὡς.
[21] **BA**: Ὅμηρος.

ὡμολόγησεν, ὡς ἠλάττωσε μᾶλλον, ἤπερ ὕψωσε τὰ τῶν Ἀθηναίων προτερήματα καὶ ἀγωνίσματα. Πλὴν ἀλλ᾽ ἀρκεῖ τοῦτο μόνον καὶ ἀπόχρη. || (л. 5 об.) Φησί, ὅτι καθάπερ αἱ γραμμαὶ εἰς ἕν λήγουσι κέντρον, καὶ τὰ πελάγη πάντα εἰς τὸν μέγαν ῥέουσι καὶ βαθὺν ὠκεανόν, οὕτως αἱ ἰδέαι πᾶσαι τῶν ἀρετῶν καὶ τῶν Χαρίτων αἱ καλλοναὶ εἰς σὲ τελευτῶσιν, εἰς σὲ χαίρουσαι, ἀναπαύονται τὸν παντάνακτα καὶ θειότατον μονοκράτορα κύριον κύριον Ἀλέξιον Μιχαηλοβίτζην, ὅτῳ ἐπιδαψιλεύοιτο τῆς ζωῆς ὁ Χορηγὸς τὰ Μαθουσάλια ἔτη, τὰ Ἀργανθώνια κύκλα, τὰς ὀλυμπιάδας τοῦ Νέστορος, τοὺς ἐνιαυτοὺς τῶν Μακροβίων, εἰς ἀντίληψιν τοῦ ἐκκλησιαστικοῦ στερεώματος, εἰς περίληψιν τοῦ χριστωνύμου πληρώματος, εἰς αὔξησιν τοῦ βασιλικοῦ διαδήματος, εἰς ὕψωσιν καὶ κραταίωσιν τοῦ παγκοσμίου ἐγκαλλωπίσματος καὶ ἐρεῖ πᾶς ὁ λαός: γένοιτο, γένοιτο.

Книга о соборе, содержащая сочинение Паисия, митрополита Газского, против Никона, патриарха Московии, представленная императору всея России Алексею Михайловичу в лето 1668

Божественнейшему, тишайшему и Боговенчанному царю наиблагополучного и Великого града Московии и всей Великой, и Малой, и Белой России самодержцу и многих других областей и владений августейшему государю, обладателю и естественному наследнику и преемнику, Великому Государю Алексею Михайловичу Газский митрополит Паисий желает благоденствия, победы и спасения.

Вот что сказал один из ораторов, пожалуй, чтобы остроумно польстить достопочтеннейшему Августу Цезарю: [1]«О, император, правитель Авзонии, – говорил он, – кто осмеливается подойти или приблизиться к твоему могущественному царству, совершенно не ведает о неприступной мощи твоего правления, а тот же, кто не отваживается подходить к человеколюбивому и преспокойнейшему твоему правлению, не знает о доброте и милости твоего единодержавия»[1]. Именно это и я тоже, говоря правду тебе, сильнейшему нашему императору, смело заявляю, прекрасно зная врожденное твое благородство, легкую доступность для всех и приветливость твоего всемогущего царства. Поэтому я являюсь к тебе, непобедимому вседержителю, многие триумфы справившему и памятники победы над врагами видимыми и невидимыми воздвигшему, сочиняя и посвящая, словно некое славное приношение, эту соборную книгу, связно излагающую от начала до самого конца историю осуждения Никона, пестрящую бесчисленными канонами и любопытными проблемами, а также блистающую учеными вопросоответами и преизрядно расцвеченную патриаршими решениями и соборными постановлениями. Я убежден, что ты, сильнейший и божественнейший государь, обязан будешь защищать и отстаивать наилучшим образом это мое замысловатое и прекрасное сочинение, придерживающееся непреложности как можно точнее. Ведь я (клянусь царственнейшей правдой) не использовал риторические преувеличения, перегруженные приукрашиваниями вещей и размахом широким и чрезмерным, и не торопился с безыскусными преуменьшениями, напрасно сокращающими и умаляющими материалы дела (как кто-то мог бы сказать: «Управляй ты морскими отливами, и возвышающимися волнами, и вглубь перемещающимися водами, хотя они, в зависимости от Луны, обычно в какое-то определенное время меняют свое течение и уровень»). Но, как некогда каждый спартанец опирался на свое копье и щит, приговаривая известную фразу: [2]«Или с ним, или на нем»[2], так и я или принесу его как победитель, или на нем меня принесут скончавшегося, другими словами, и я, будучи посвященным, опирался на мой пастырский посох

и [3]жезл, который для этого имеет рукоять и выступ, наподобие якоря, который тех, кто далеко, к себе приводит и укрепляет Духом, а также наказывает непослушных, отгоняет враждебных, словно нечистых и звероподобных умом[3]. Поэтому я думаю, что ни насмешник Мом и язвительный Зоил, ни Архилох, ни даже Гиппонакт не смогут порицать мое сочинение и насмехаться над ним или сатирически передразнивать его. Хотя если какой-то другой хвастун на меня [нападет], тогда я всякий раз буду обращать его в бегство, как сражались лапифы с кентаврами, и, [4]как Триптолем, буду сеять мое слово[4], и, [5]как Абарис, полечу на своей летающей стреле[5], достигая Греции, или, как Гиг, украшенный своим кольцом; пуская в ход дубину Геракла и потрясая трезубцем Посейдона; и, как другой некий Карнеад, я вступлю [в бой], олимпийскими победами похваляясь. Также некогда Фидий, тот знаменитый скульптор, когда сотворил и завершил прекрасную статую Зевса Олимпийского, он установил ее в одном видном отовсюду месте, где собиралось много прохожих, чтобы каждый из проходящих свое собственное мнение высказал, а сам же он, встав за статуей, отмечал сказанное и, основываясь на мнении большинства, сидя дома, поправлял свое изваяние. Так же [6]как и Апеллес, замечательный своей живописью, который, услышав, как башмачник высмеивает нарисованный им башмак, сразу согласился с этим обувщиком, признавая его превосходство в силу профессии[6], и я охотно и с удовольствием хотел собрать всех своих товарищей по искусству и все, что неправильно, по их мнению, быстро исправить (ведь я не [7]Гиппий, который хвастался, что он знает все науки, логические методы и ремесла[7], и не [8]выскочка Горгий, который мог о любой вещи и проблеме говорить и решить ее сразу же и без усилий[8]). Но я весьма сильно боюсь враждебной зависти, поскольку, согласно Златоусту, [9]славное имя ближних обычно является пищей для злословия[9], и большинство, как падальные мухи, на раны усаживаются. Именно поэтому и воспел Аскрейский поэт: [10]«Гончар ненавидит гончара, и мастер мастера, как и бедняк завидует бедняку, и певец певцу»[10]. Так вот поэтому издревле обычно те, кто были не сильны в красноречии и чужды изысканности аттического наречия, в судах для себя предпочитали защитников и заступников, обращаясь [к ним] по настоятельной необходимости, стремясь получить своевременную защиту и заступничество. Таким именно образом и я сам получил защитника и покровителя, предпочтя величайшее твое царство в качестве заступника моего, так что я сказал бы вместе с другом моим трагиком Эсхилом, поющим: [11]«О, диво невероятное, вещие дубы...»[11] (так как они, очевидно, громогласно прорицали), – так и я, подобно им [прорицая], в мольбе [12]преклоняю колено сердца[12], чтобы ты не оставил меня в будущем, но был для меня таким, каким я тебя знал доныне, – защитником и помощником [в сражении] против любого Тельхина и Титана и беснующихся, как корибанты, мужей, которые готовы напасть, втоптать в грязь и упрекать это мое сочинение, что оно длинное, ужасное, безрассудное, пронизанное хулой, переполненное порицаниями и изобилующее всякого рода поношениями. Но я скажу в свою защиту, как в Ареопаге, справедливейший царь, что [13]история, согласно правдолюбцу Фукидиду Аттическому, это сокровище, созданное навсегда, и точное отображение человеческой жизни[13]. Кроме того, я хорошо знаю, что она [14]является наиболее доступным исправлением и самым настоящим образованием[14], согласно знаменитому Полибию, и, конечно же, согласно Дионисию Галикарнасскому, это [15]основа рассудительности и мудрости[15], а также [16]упражнение для политической деятельности[16] и к тому же, согласно образованнейшему Плутарху, [17]это пример благоразумия[17] и отпечаток правды. Поэтому же я и научился говорить правду

и полностью отверг заискивание как таковое, крепко придерживаясь одной только простой точности. Когда-то некоторые подсмеивались над македонцами, что они болтают, не думая, и беззаботно говорят, то есть без лести и хитрости, но Филипп, сын Аминты, возразил им в ответ: [18]«Мои македонцы по натуре простые и рождены бесхитростными, [19]корыто называют корытом, а смокву зовут смоквой[19], мысля без притворства и говоря откровенно»[18]. И я тоже оказался человеком античной закалки, простодушным и безыскусным, именно поэтому как я знаю вещи, так, исполняя свой долг, и передаю их в этом повествовании, ничего не прибавляя и не убавляя, но просто и без прикрас, не преувеличивая, но и не лишая историю сути, излагая и представляя, как гномон, или солнечные часы, беспристрастно и равнодушно всю правду, как я ее знаю. Ибо я скорее хочу быть правдивым писателем, а не софистом, [20]сочинителем неправды[20], фальсифицирующим подлинники и подделывающим оригиналы. Я высказываюсь, как Пифагор, в соответствии с тем, что узнал о Никоне и предполагал ранее, и то, что подметил, описываю и рисую, используя фразы как краски, а отдельные словечки – как цвета, ничего не приукрашивая и не любезничая. Если же кто-то стремится и замышляет поставить крест на этой моей истории и если попытается испортить и перечеркнуть мой исторический труд, [21]как тогда сделал Филоксен Киферский, поставив букву χ на сочинениях Дионисия, пусть вспомнит и то, что он был отправлен в каменоломни в Сиракузах, так как он не восхвалял трагедии тирана, именно поэтому он и отвечал часто в письмах буквой α, показывая [таким образом], что он, будучи приглашенным, пренебрег и отверг просьбу[21]. Но все-таки для меня не тайна, что и сами враги потом нас провозгласят [победителями] и увенчают, ведь и те, кто сейчас кажутся сторонниками Никона и [моими] противниками возвеличат [нас], не стыдясь, открыто; и кроме того, столкнувшись с совестью, они, и сами того не желая, раскроют правду. Ибо такова природа добродетели, что и у борющихся с ней она, прямо скажем, вызывает восхищение; и наоборот, зло ведь именно так устроено, что и у следующих ему оно на самом деле осуждается, и все они ревностно постигают добродетель. Ведь известно, что [22]враг может восхищаться добродетелью человека[22], согласно моему другу Григорию, в честь богословия названному, правдивость утверждения которого [23]подтвердил тот великий полководец Гайна, когда он увидел Златоуста со столь великой его свободой речи и дерзновением, отправившегося к нему с посольством[23]. Так что нужно было бы кому-то снова воспеть пророческое слово: «[24]Мои мучители ослабели и пали[24] на землю, с грохотом бросаемые и увлекаемые». Таким образом, исполнившись надеждой и обретя твердую основу и надежный фундамент, найдя твою царскую защиту, я буду иметь смелость, но не дерзость, так как я прикрыт броней, взял и получил средства защиты против всех и, конечно же, вооружен, имея в качестве «всеоружия» твою защитительную защиту, то есть милость твою и доброту, как какое-нибудь предохранительное средство, [25]«моли» или «непенф»[25], и защищающее (ἀλεξητήριον), и целительное, и [смогу] сказать вслед за Никандром: [26]«Так да будет же это великой защитой»[26]. И, разумеется, если бы я шел по следам грамматиков, привыкших анализировать слова, устанавливать этимологию имен и регулировать склонения, а также составлять злободневные анаграммы, зная толк в изобретательности, я бы сказал только, что Всевышний, выбрав из всех, именно тебя определил спасителем и защитником утраченной Греции. Так и мы давайте рассмотрим составляющие твоего имени и буквы, как минералы, выкопаем из земли. Алексиос «Ἀλέξιος»: «α» значит, что ты будешь править (ἄρξεις), «λ» – народом (λαοῦ), «ε» – свободным (ἐλευθέρου), «ξ» – необычным

образом (ξενοπρεπῶς), «ι» – Измаила (Ἰσμαήλ), «ο» – нечестивого (ὀλέθριον), «σ» – сокрушишь (συντρίψεις). Воистину, воистину, стань для нас словом и делом защитником (Ἀλέξιος): христолюбивым, защищающим людей и боголюбивым, отгоняющим зло, согласно тому, в честь чего ты назван. К тому же известно, что Евдем, философ по профессии, изготавливал какие-то кольца, которые он называл защитными амулетами (ἀλεξητήρια) и оберегами, для мучившихся родами – охранительные талисманы, так как они давали защиту (ἀλέξησιν) и помощь, будучи привязаны с краю. Была упомянута и у Гесиода [27]земля, дающая защиту от бедствий (ἀλεξιάρη)[27], а точнее, отвращающая бедствия; и у Никандра – противоядие ([28]«Или сорви побеги терна, дающего защиту от бедствий (ἀλεξιάρης)»[28]), поскольку оно отлично избавляло от страданий укушенных змеями. Но всем известно и о его лекарственной силе против чумы. Что мне еще сказать в связи с твоим именем «Алексей», [29]«однажды готовый помочь»[29], по словам Гомера? Дал бы Вседержитель и Всемогущий, чтобы сбылось [30]сказанное блаженным Андреем, Христа ради юродивым, и семнадцатая буква, содержащаяся среди 24 греческих букв, чтобы стала исполненной, свершившись в народе Россов[30] в этот благоприятный период наисчастливейшего и наиуспешнейшего твоего царствия. О, когда же в моих ушах отзовется песнь величайшего во пророчествующих Моисея, что [31]один изгонит тысячу[31]. Когда же будет исполнено [32]божественнейшее речение Мефодия Патарского[32], который говорит: «[33]Подними свой лук к облакам[33] и [34]яви знамения на небесах и чудеса на земле[34]»? Когда же, когда наконец сбудется то удивительное предсказание: [35]отдам грешника в руки его[35] [36]и, повернувшись, отомщу за кровь его[36]? Когда же, когда восстанут оба народа, диалект и язык которых станут одним, и завяжут войну там, где находится [37]Просверленный камень[37]? Ибо тогда обратят в бегство всех измаильтян. Тогда будут уничтожены мужи города-тирана, как [38]тает время от лица огня[38], тогда свершится сказанное пророком: [39]лев и детеныш льва изгонят дикого осла[39]. [40]Однако же это в воле Бога[40]. Но ты пока прими по присущему тебе благородству и полному сочувствия человеколюбию эту мою историю (которая с первого взгляда кажется обличительной, но по правде является основанной на фактах), совсем как Птолемей, царь Египта, безусловно, приветливо принял невиданную башню, воздвигнутую Состратом; как Мемнон, царь мидян, который высоко оценил золотой дом; как [41]Зенодор, который создал Колосс Родосский в честь Аполлона[41]; как Гермодор, который воздвиг удивительный обелиск, столбы и колонны которого даже вся вечность не смогла разрушить, но оставила их прочными и непоколебимыми до сегодняшнего дня. Изваянием считай это мое историческое повествование, созданное не [42]в течение десяти лет, как например Исократ, постаравшись, окончил свой «Панегирик», или же как бесстыднейший Цинна, сочинявший свою «Смирну» в течение девяти лет[42], [а] с огромной энергией, данной мне свыше на выполнение и окончание этого труда. Ибо не только злодеяния в свое время были высечены на стелах, но и добродетели на долгую память до будущих веков отмечены рядом. Так Аполлодор соорудил колонну, которая до сих пор в честь Траяна именуется. Прости же, поистине, я прошу тебя, если я, как неопытный мастер, не мог высечь на камне твои героические поступки. Так [43]сам Платон против себя признался, что он скорее преуменьшил, чем возвеличил победы и подвиги афинян[43]. И все же только этого [моего труда] хватает и достаточно, где говорится, что как линии в одном заканчиваются центре и как все моря впадают в один большой и глубокий океан, так и все виды добродетелей и красóты Харит в тебе совершаются и, радуясь, остаются в тебе, всеимущем и божественнейшем самодержце,

Великом Государе Алексее Михайловиче, которому да дарует щедро [44]Податель жизни[44] Мафусаиловы лета, [45]Аргантониевы годы[45], [46]олимпиады Нестора[46], [47]возраст макробиев[47] для поддержки церковной твердыни, для сплочения Христоименной полноты, для возвеличивания царской короны, для возвышения и утверждения красоты всего мира, и скажет весь народ: «Да будет, да будет».

[1] Источник цитаты установить не удалось.

[2] См.: *Plut.* Mor. Apophth. Lacon. 2, 241f. Первоначальный вариант изречения, ставшего общеизвестным в форме «со щитом или на щите».

[3] Пересказ фрагмента сочинения Симеона Солунского (*Sym. Thess.* De sacram. 80 // PG 155, 257a–b).

[4] Миф о сеятеле Триптолеме см.: Hymn. Hom. Dem.; *Hyg.* Fab. 147.277; *Ov.* Met. V, 642 sq. и др.

[5] Об Абарисе и его волшебной стреле см.: *Iambl.* De vita Pythag. 19.28.

[6] Этот анекдот приводит Плиний Старший (*Plin.* HN XXXV, 85). С Апеллесом, а не с Фидием, связана и история о выслушивании мнений прохожих (Ibid., 84).

[7] О хвастовстве Гиппия Элидского своим всезнанием см.: *Pl.* Hp. mi. 368b–e; *Cic.* De or. III, 32.

[8] Горгий предлагал афинской публике задавать ему любые вопросы и сразу же отвечал на каждый из них (*Pl.* Grg. 447c–448a; *Cic.* loc. cit.).

[9] Цитата с некоторыми изменениями из Иоанна Златоуста (*Ioan. Chrysost.* De sacerd. VI, 12 // PG 48, 688).

[10] Цитата из Гесиода (*Hes.* Op. 25–26).

[11] Цитата из Эсхила (*Aesch.* PV 832).

[12] Цитата из молитвы Манассии (2 Пар. 36, 23к).

[13] Начало – слегка измененная цитата из Фукидида (*Thuc.* I, 22, 4). «Точное отображение человеческой жизни» – выражение Алкидаманта, относящееся к «Одиссее» (см.: *Arist.* Rhet. 1406b13).

[14] Аллюзия на Полибия (*Polyb.* I, 1, 1–2).

[15] Цитата (с небольшими изменениями) из Дионисия Галикарнасского (*Dion. Hal.* Ant. Rom. I, I, 2).

[16] Цитата (с небольшими изменениями) из Полибия (*Polyb.* I, 1, 2).

[17] Аллюзия на Плутарха (*Plut.* Mor. De lib. educ. 9f).

[18] Аллюзия на Плутарха (*Plut.* Mor. Regum 2, 178b).

[19] Устойчивое выражение, встречающееся у Плутарха (*Plut.* loc. cit.), Аристофана (см.: *Luc.* Hist. conscr. 41) и др.; приблизительно соответствует русскому «называть вещи своими именами».

[20] Выражение заимствовано у Аристофана (*Ar.* Nub. 446).

[21] История Филоксена, вероятно, излагается по словарю «Суда» (Suda Φ, 397; A, 2862).

[22] Цитата (с небольшими изменениями) из Григория Богослова (*Gr. Naz.* Or. XLIII, 51 // PG 36, 561).

[23] Об этом посольстве Иоанна Златоуста см.: *Theodoret.* Hist. eccl. V, 32–33.

[24] Цитата (с пропуском нескольких слов) из Пс. 26, 2.

[25] Об этих волшебных растениях см.: *Hom.* Od. X, 302–306; IV, 220–230.

[26] Цитата из Никандра Колофонского (*Nic.* Ther. 702).

[27] Аллюзия на Гесиода (*Hes.* Op. 464).

[28] Цитата из Никандра Колофонского (*Nic.* Ther. 861).

[29] Цитата из Гомера (*Hom.* Il. I, 590).

[30] Отсылка к «Апокалипсису Андрея» (Vita s. Andreae Sali 3821–3822 Rydén, in apparatu).

[31] Цитата с изменениями из песни Моисея (Втор. 32, 30; ср.: Нав. 23, 10).

[32] Отсылка общего характера к «Откровению Мефодия Патарского» (предположительно, к Apoc. Ps.-Method. gr. [13], 10–15 Aerts, Kortekaas).

[33] Аллюзия на Авв. 3, 9.

[34] Цитата с перестановкой слов из Деян. 2, 19 (ср.: Иоил. 3, 3; Дан. 6, 28).

[35] Возможно, аллюзия на Ис. 19, 4 или Иез. 16, 39.

[36] По-видимому, аллюзия на Иоил. 3, 21.

[37] Топоним в Константинополе (см.: *Nicet. Chon.* Hist. p. 543.93–94, 561.27–28 van Dieten).

[38] Неточная цитата из Пс. 67, 3; возможна также игра словами καιρός / κηρός.

[39] Аллюзия на «Откровение Мефодия» и др. византийские апокалиптические тексты, где «лев» означает византийского императора, «детеныш льва» – короля франков, а «дикий осел» – Измаила или арабов-мусульман.

[40] Букв. ‘однако же это лежит на коленях у Бога’. Выражение заимствовано у Гомера (*Hom.* Il. XVII, 514; XX, 435; Od. XVI, 129), который, однако, говорит не «у Бога», а «у богов».

[41] В действительности Колосс был создан скульптором Харесом в честь Гелиоса (*Strabo.* Geogr. XIV, 2, 5 p. 652).

[42] Пересказ свидетельства Квинтилиана (*Quint.* Inst. X, 4, 4).

[43] Ср. *Pl.* Ti. 20e–25d, где Платон очень высоко отзывается о воинской доблести древних афинян.

[44] Т. е. Святой Дух (в оригинале: τῆς ζωῆς ὁ Χορηγός; ср. молитву Святому Духу: ὁ Θησαυρὸς τῶν Ἀγαθῶν καὶ Ζωῆς Χορηγός).

[45] О царе Аргантонии, прожившем будто бы 120 или даже 150 лет, см.: *Hdt.* I, 163; *Strabo.* Geogr. III, 2, 14 p. 151.

[46] Т. е. необычайно долгую жизнь. Считалось, что Нестор прожил три человеческих века (*Hom.* Il. I, 250–252; *Hyg.* Fab. 10).

[47] О фантастическом народе макробиев (букв. ‘долго живущих’), отличавшихся необыкновенным долголетием, см., напр.: *Plin.* HN VII, 2, 27–29; Suda B, 524.

Информация об авторах

Полина Александровна Рылик, кандидат филологических наук, научный сотрудник Афинского национального университета им. Каподистрии (Афины, Греческая Республика)

Альберт Григорьевич Бондач, старший научный сотрудник Музея книги (НИО редких книг) Российской государственной библиотеки (Москва, Российская Федерация)

Светлана Климентьевна Севастьянова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры социальной антропологии, психологии и коммуникаций Сибирского института управления – филиала РАНХиГС (Новосибирск, Российская Федерация)

Information about the authors

Polina A. Rylik, Candidate of Philology, Researcher, National and Kapodistrian University of Athens (Athens, Hellenic Republic)

Albert G. Bondach, Senior Researcher, Museum of Books, Russian State Library (Moscow, Russian Federation)

Svetlana K. Sevastyanova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Social Anthropology, Psychology and Communications of the Siberian Institute of Management – branch of RANEPA (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 28.03.2025;
одобрена после рецензирования 30.04.2025; принята к публикации 30.04.2025
The article was submitted on 28.03.2025;
approved after reviewing on 30.04.2025; accepted for publication on 30.04.2025

Научная статья

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/93/5

«Дюжина сказок» и «Ракеты»: специфика сказок революционера-народника Ф. В. Волховского

Александр Евгеньевич Мазуров

Томский государственный университет
Томск, Россия
rumatamonteg@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-0588-8905

Аннотация

Сказка занимает важное место в творчестве революционера-народника Ф. В. Волховского (1846–1914) в годы сибирской ссылки и эмиграции. Публицист писал как произведения, рассчитанные на детей (сборник «Дюжина сказок», 1908), так и сказки для взрослых («Ракеты», 1913). В статье анализируется содержательная специфика произведений, основные мотивы, а также принцип формирования ансамблей. Основным стержнем сборников является мотив борьбы за справедливость, при этом детские произведения связаны с традиционным дидактическим содержанием, отражающим общечеловеческие ценности; произведения для взрослых через обращение к сатире вскрывают проблемы общественно-политического строя, транслируют народнические идеологемы.

Ключевые слова

Ф. В. Волховский, сказки, сборники сказок, «Дюжина сказок», «Ракеты», народничество, Иван Брут, сатира, «Сибирская газета»

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Томского государственного университета «Сибирика. Актуализация локального сибирского текста и творческого наследия дореволюционных писателей Сибири» по гранту Российского научного фонда № 22-78-10126, https://rscf.ru/project/22-78-10126/

Для цитирования

Мазуров А. Е. «Дюжина сказок» и «Ракеты»: специфика сказок революционера-народника Ф. В. Волховского // Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 69–81. DOI 10.17223/18137083/93/5

© Мазуров А. Е., 2025

“Dyuzhina skazok” and “Rakety”: The specific nature of the tales of the revolutionary populist Felix Volkhovsky

Alexandr E. Mazurov

Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation
rumatamonteg@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-0588-8905

Abstract

The fairy tale, a significant genre in nineteenth-century Russian literature, reflected a burgeoning literary fascination with fantastic plots. Through allegories and allusions, these plots facilitated the unveiling of ideas that could not be explicitly stated. In the latter half of the nineteenth century, literary fairy tales took on satirical and agitational characteristics in response to a growing discontent with the social and political system. The fairy tale genre held considerable significance in the writings of the revolutionary populist Felix Volkhovsky (1846–1913). These fairy tales were primarily written during periods of Siberian exile and emigration. This research focuses on the content, key motifs, and compositional strategies of the fairy tales featured in the collections “Dyuzhina skazok” (tales for children, 1908) and “Rakety” (“tales for children of mature age,” 1913). The publicist created artistic worlds and images that alluded to the current socio-political system and its associated issues, addressing injustice, including the flaws of capitalism, and advocating for the eradication of social evil. The creation of collections relied on the synthesis of varied works, which, when mentally segmented, highlight distinct arguments and central themes. At the heart of these collections is the theme of fighting for justice. Children’s pieces feature classic educational themes and universal values, while adult works use satire to expose the issues within the socio-political structure.

Keywords

Felix Volkhovsky, fairy tales, books of fairy tales, “Dyuzhina skazok,” “Rakety,” populism, Ivan Brut, satire, “Sibirskaya gazeta”

Acknowledgments

The study was conducted within the framework of the Tomsk State University project “Siberia. Actualization of the local Siberian text and the creative heritage of pre-revolutionary writers of Siberia” supported by the Russian Science Foundation Grant no. 22-78-10126, https://rscf.ru/project/22-78-10126/

For citation

Mazurov A. E. “Dyuzhina skazok” and “Rakety”: the specific nature of the tales of the revolutionary populist Felix Volkhovsky. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*], 2025, no. 4, pp. 69–81. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/93/5

Сказка была одним из ключевых жанров отечественной литературы XIX в. Обращение к вымыслу позволяло с помощью аллегорий и аллюзий раскрыть тезисы, которые невозможно было заявить напрямую. Во второй половине XIX в. литературные сказки на фоне растущего недовольства общественно-политическим строем приобретали сатирическое и агитационное звучание [Леонова, 1982]. Именно сказка становилась одной из форм агитации революционеров-народников. Авторы видели в произведениях способ показать читателям несправедливость общественно-политического строя [Чернова, 1978]. При этом творческое наследие народников, содержащее богатый материал для изучения литературной сказки, несправедливо остается забытым исследователями.

Ф. В. Волховский (1846–1914) – один из таких забытых авторов, деятель революционного движения, поэт-народник. В 1878 г. за вступление в противозаконное общество и попытку побега был осужден по «процессу 193-х» и приговорен к ссылке в Сибирь [Рощевская, 1966]. В 1882 г. Волховский перебрался в Томск, где стал одним из ключевых сотрудников «Сибирской газеты» (1881–1888), а в конечном счете – «негласным» редактором. Публицист выступал как автор сказок, стихотворений, фельетонов, театральных рецензий [Жилякова, 2002]. По воспоминаниям издателя П. И. Макушина, именно за счет остроумных фельетонов «Ивана Брута» (один из псевдонимов Волховского) оппозиционная газета быстро снискала себе массу читателей, а также врагов со стороны местной администрации и «благонамеренных» людей [Сибирская газета…, 2004. с. 32]. После побега из ссылки (в 1889 г. Волховский достиг берегов Канады) публицист выступал одним из идеологов «Общества друзей русской свободы» в Лондоне, издавал агитационные брошюры, редактировал журнал «Free Russia».

Сказки Волховского были написаны преимущественно в годы сибирской ссылки, а также в период эмиграции. Два фельетона, опубликованных в «Сибирской газете» – «С новым годом!» (СГ. 1883. № 1) и «Ночь на новый год» (СГ. 1884. № 1), вошли в сборник «сказок для детей совершенного возраста» «Ракеты», изданный в 1913 г. в Париже. В состав сборника также вошли произведения, опубликованные публицистом в изданиях «Солдатская газета» (1906–1907) и «За народ!» (1907–1914). Помимо сотрудничества с «Сибирской газетой», в годы ссылки Волховский публиковал свои произведения в столичных изданиях, в частности в 1884–1888 гг. в журнале «Родник» (1882–1917) вышли сказки и «малорусские побасенки» [Ямпольский, 1971, с. 186]. В дальнейшем эти произведения стали частью сборника «Шесть сказок» (1888) и его расширенной версии – «Дюжина сказок» (1908).

Цель настоящего исследования – выявить специфику произведений публициста в сборниках «Дюжина сказок» и «Ракеты»: их содержательные особенности, основные мотивы, а также сам принцип формирования ансамблей. Основными методами исследования являются содержательный и сравнительный анализ, метод описательной поэтики, метатекстуальный подход и метод социологии литературы.

Исследователи довольно часто обращались к творчеству Ф. В. Волховского (см.: [Рощевская, 1966; Ямпольский, 1971]). В основном научные труды сфокусированы на рассмотрении произведений периода сибирской ссылки, опубликованных в «Сибирской газете» (см.: [Жилякова, 2008; Мазуров, 2022; Круссер, 1978; Рощевская, 1975]). Также анализировались и конкретные фельетонные циклы, народнические и областнические идеологемы (например: [Мазуров, 2020]).

Сборник Волховского «**Дюжина сказок**» (1908, Москва) включает в себя следующие произведения: «Страшный разбойник», «Сон», «Фарфоровая чашка», «Серко», «Придворная история», «Винтик», «Овечка и козлик», «Лесная помещица», «Солнце», «Ошибка старого меча», «Как петушок Красный-Гребешок за правду постоял», «Как все эти сказки появились на свет Божий». Сказки «Фарфоровая чашка» (1884, № 12), «Сон» (1886, № 12), а также «малорусские побасенки» «Серко» (1886, № 3) и «Овечка и козлик» (1888, № 3) изначально были опублико-

ваны в ежемесячном журнале «Родник» (1882–1917). Публицист посвящал «Дюжину сказок» своим дочерям: «моим милым девочкам: Соне, Вере и Кате» [1].

Сказки разнообразны как по тематике, так и по форме. Первое произведение – «Страшный разбойник» – погружает читателя в историю Германии рубежа XVI–XVII вв. Местом действия становится Тюрингенский лес, главным героем – разбойник Шиндерганс. Произведение отражает аккультурацию, характерную для многих сказок, – совмещение западноевропейских и отечественных традиций, «избушек на курьих ножках» и «ландскнехтов». Представляя главного героя, автор приводил перевод составных частей имени с немецкого языка: «по-нашему сказать “Иван Живодер”». Прообразом главного героя в сказке служил реально существовавший разбойник Йоханнес Бюклер, который грабил купцов и получил прозвище Schinderhannes.

Фабула почти оторвана от реальной исторической фигуры, построена на пробуждении в главном герое, который «никого не боялся и ничего не стыдился», человечности, демонстрации изменений, вызванных в нем любовью к дочери эйзенахского купца Минне. После убийства ее отца Шиндерганс отправился на поиск живой воды и прошел различные испытания: пожертвовал лоскутами кожи, рукой, глазом, мучился от жажды. В итоге, набрав живой воды, он воскресил отца с дочерью. Стоит отметить, что мотив переплетается с перерождением самого разбойника. Уже после второго испытания главный герой теряет приставку к имени «живодер», Волховский называет его Гансом.

Аналогичный мотив поиска и раскрытия себя через «другого» находит отражение и в сказке «Фарфоровая чашка». В произведении Волховский вводит онтологические мотивы, довольно подробно описывает появление чашки из комочка глины, рассыпание на осколки и возвращение к жизни после ремонта. Проходя через череду страданий, чашка постоянно задавалась вопросом о смысле существования, жалела себя и взывала к смерти. Сознает свою ценность она лишь в руках маленькой болеющей девочки Машуты, которая живет в «притоне нищеты».

Волховский таким образом выражал мысль о несостоятельности эгоцентричного мировоззрения. Замкнутая в собственных злоключениях чашка осознает, что есть много людей, живущих в более страшных условиях, и именно помогая Машуте (девочка согласилась принимать лекарство только из чашки), она становится счастливой. В произведении Волховский также вводит противопоставление двух миров – дома богатой семьи и «притона нищеты», где живет Машута. Образ болеющей девочки, которая не видела ничего красивее фарфоровой чашки, контрастирует с нарядной сверстницей, которая, прибежав из сада, обожглась и разбила подаренную ей вещь.

В сказке «Сон» публицист создает картину семейного счастья – произведение представляет собой своеобразную «колыбельную», сюжет которой выстраивается вокруг погружения главного героя в сон. В статичном действии Волховский рисует подвиг маленького мальчика Васи, который, несмотря на свой страх, готов был остаться один в темноте, чтобы мама сходила в театр. В произведении проявляет-

[1] В сибирской ссылке Волховский жил с дочерью от первого брака, Софьей, и детьми от второго брака, Верой и Катей. В 1886 г. жена публициста, А. С. Волховская (Хоржевская), застрелилась, а в 1889 г. умерла его младшая, трехлетняя дочь Катя. Это происходило на фоне закрытия «Сибирской газеты». Решившись на побег, Волховский к концу 1889 г. достиг берегов Канады. Позже его дочь Веру, которой было около 9 лет, переодетую мальчиком, помогли перевезти в Лондон почти через всю Россию и Европу. Софья Волховская, которой на момент эмиграции отца было 16 лет, осталась в России.

ся интертекстуальность, характерная для фельетонного творчества публициста периода сибирской ссылки, – сама фабула выстраивается вокруг разных снов и картин, которые главному герою показывают старички «в коротенькой курточке из красных лепестков мака и в таких же панталончиках». Характер самих вкраплений разнообразен: стихотворение о комаре, желающем съесть человека; сюжет о мальчике-подмастерье, спасенном Васей от телесного наказания. Таким образом, в произведении создавалась параллель между подвигом мальчика во сне и помощью подмастерью и матери в реальности. Сказка представляет собой высказывание о необходимости помощи другим.

Сказки, связанные с тезисом о необходимости жить в ориентации на «другого» («Страшный разбойник», «Сон», «Фарфоровая чашка», «Серко»), в дальнейшем сменяются сюжетами, посвященными поискам смысла жизни и собственного идеала. Сказка «Придворная история» типологически близка к фельетонному, сатирическому наследию публициста. Главным героем становится негативный персонаж, являющийся, в отличие от «страшного разбойника», статичным образом, лишенным развития. Произведение демонстрировало извращенную систему ценностей, путь следования ложным идеалам. Молодой придворный чувствовал себя несчастным, так как был лишен внимания королевской четы. Перед встречей с королевой он проснулся с прыщом на носу, что стало для него настоящей трагедией. Публицист прибегал к гротеску, демонстрируя бессмысленные попытки снискать снисхождение правителей.

Стоит отметить, что Волховский завершал путь героя отсылкой к гоголевской традиции: придворный проснулся без носа, но, зная тягу короля к оригинальности, явился ко двору и был отправлен в темницу. Таким образом, вслед за Н. В. Гоголем писатель демонстрировал одержимость общества внешними, ни на что не влияющими признаками. В тюрьме придворному был вынесен окончательный приговор: главный герой позвал фею, прося о превращении в мотылька, и получил ответ, что может стать тем, чем является на самом деле. Превратившись в пузырь, он лопнул, а его исчезновение осталось незамеченным.

Публицист поднимал в сборнике и другую важную для творчества Гоголя тему маленького человека. В сказке «Винтик» автор создавал образ часовой мастерской: вещный мир приобретал коннотации социальной реальности с описанием людей как части чего-то целого. Таким образом, сказка повторяла онтологические мотивы «Фарфоровой чашки», но фокусировалась на иной проблематике. В окружении часов и больших шестеренок главный герой произведения, маленький винтик, чувствовал себя глубоко нечастным, не понимая предназначения. Ответ на вопрос был найден винтиком после его потери сыном часовщика, в ходе продолжительных поисков он все-таки стал частью механизма. Таким образом, публицист раскрывал взгляды на общество, где, становясь частью целого, каждый приносит пользу.

Три произведения публициста, завершающие сборник, – «Лесная помещица», «Солнце» и «Как петушок Красный-Гребешок за правду постоял» – наиболее полно раскрывали народнические идеологемы. Несмотря на острое социальное звучание и период реакции, два произведения («Лесная помещица» и «Как петушок Красный-Гребешок за правду постоял») были опубликованы в 1888 г. в издании «Шесть сказок» журнала «Русская мысль». Вероятно, автор понимал, что детские произведения подвергались меньшему цензурному вмешательству, чем публикации в общественно-политических изданиях, в частности за счет обраще-

ния к фантастическим сюжетам, а также отсутствия «контекста» – новостных и аналитических публикаций.

Сказка «Лесная помещица» представляет собой разоблачение несостоятельности эгоцентричной позиции птицы-кедровки, готовой отказаться от всего леса, лишь бы получить опушку собственным кедром. Автор конструировал социалистическую идиллию – мир, в котором сообща живут птицы, разделяющие друг с другом богатства леса, и лишь кедровка вместе с семейством представлена выбивающейся из данного окружения. Птица охарактеризована Волховским как «лесная помещица»: «Повелось у вас, пташки почтенные, сообща жить и все общим считать. Это – как вам угодно, а мы так не можем» (Волховский, 1908, с. 98).

Полностью отделившись от «социума», других птиц, семейство кедровок погибает на своей опушке из-за пожара, так и не дождавшись помощи. Волховский критиковал «помещичьи» взгляды на жизнь, деление мира на «свое» и «чужое». Сказка во многом является переосмыслением произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина «Дикий помещик», где раскрывается деградация дворянина, который остался один, без мужиков. Произведение Волховского выводит проблему на иной уровень: в образе кедровки в притчевой форме раскрывается, как жадность и тяга к собственности ведут к разделению, сегментации общества, а также подводятся итоги данного пути.

Аналогичные установки раскрывались Волховским и в сказке «Солнце». Сюжет выстраивается вокруг развенчания ошибочного представления о несправедливости мира, где лишь некоторым цветам, и так не обделенным вниманием в роскошном цветнике перед помещичьим домом розам и георгинам, доставался солнечный свет, в то время как фиалки, пуговки и маргаритки вынуждены вечно находиться в тени. Рассказывая историю цветов у помещичьего дома, публицист ориентировал читателя на существующую социальную несправедливость, – разные права и условия жизни людей. Сказка представляет собой аллегорию, вскрывающую актуальные общественные проблемы, – данный прием является ключевым для художественно-публицистического наследия автора.

В сказке находят раскрытие тезисы публициста о необходимости консолидации общества, жизни в ориентации на другого человека: «Если моя судьба – прожить весь век в тени, во всяком случае я могу быть счастливой, глядя на счастье других» (Волховский, 1908, с. 109). Показательно, что именно после данной фразы пуговки происходит утверждение справедливости и равенства как закона мироздания – солнце начинает двигаться по небосводу, переставая освещать цветник. Солнце в произведении становится символом благ и их неравного распределения в обществе. Волховский раскрывал разное отношение полевых цветов к жизни в тени, создавая своеобразные типы, характерные для общества после громких политических процессов: пуговка призывала к борьбе; нерешительная маргаритка сомневалась в возможности перемен, а фиалка была убеждена в тщетности поисков правды.

В произведении «Как петушок Красный-Гребешок за правду постоял» Волховский реконструировал борьбу за справедливость. Фабула выстраивается вокруг одного из примеров: пан Иосиф Подлясский забрал жернов у крестьянина Стахи Когутки, а петушок решил его вернуть. Волховский как бы продолжал раскрывать тезисы, заявленные в «Сибирской газете» и опровергающие принцип «непротивления злу насилием». Несмотря на протест матери, петушок, пройдя через ряд злоключений, добивается своего и торжественного восклицает: «Кукареку! Пан

отдал назад крестьянский жернов!» (Волховский, 1908, с. 134). Суть сказки, таким образом, сводится к призыву отстаивать свои права как единственному способу добиться справедливости.

Стоит отметить, что литературные сказки Волховского содержат традиционные, фольклорные приемы: неопределенное время и место действия, антропоморфизм, повторы и отступления, отражение психологизма через внешние признаки. Такие фрагменты отсылают к жанровым традициям; при этом произведения не были связаны с народной сказкой, существовали в отрыве от нее как полноценные художественные высказывания. В произведениях Волховского перемешиваются традиционные, дидактические установки, рассчитанные на детей, и народнические, агитационные сюжеты. В детских сказках народнические тезисы отходят на второй план, уступая место утверждению общечеловеческих ценностей. Публицист отмечал, что вложил в сказки свою душу, которая, «входя в общение с маленькими душами его читателей, наполняла их восторгом или заставляла желать восстановления справедливости» (Волховский, 1908, с. 140).

Сборник «сказок для детей совершенного возраста» «**Ракеты**» (Париж, 1913) включает десять произведений. В обращении «К другу-читателю» Волховский отмечал, что сказки написаны в разное время. Так, первая половина сказки «На грани лет» была опубликована как новогодний фельетон в «Сибирской газете» под заголовком «С новым годом!» (СГ. 1883. № 1); в газете также опубликована сказка «Ночь на новый год» (СГ. 1884. № 1). «Сказка о солдатской душе» и «Сказка о войне» опубликованы в 1907 г. в «Солдатской газете» (1906–1907), «Казак Удалая-Голова» – в журнале эсеров «За народ!» (1907–1914). «Большой человек» и «Королевский тигр» были напечатаны в сборнике впервые. Остальные произведения – «Вылеченный принц», «Сказание о царе немилостивом» и «Сказка о том, как мужик у всех в долгу остался» – опубликованы «во время господства “явочного порядка”»: первая – изначально в России, другие – за рубежом. Вероятно, под «явочным порядком» публицист имел в виду возможность издавать книги без предварительной цензуры в 1905–1906 гг.

Во вступлении Волховский обозначил сатирическую направленность сборника, отметив, что о серьезных вещах необязательно говорить, «нахмурив лоб, наморщивши чело». Публицист считал, что смех «освежает душу, дает бодрость в бою и оказывает особенно ценные услуги людям, которых внутренняя, нравственная победа нередко облекается в форму внешнего, материального поражения!» (Волховский, 1913, с. 2).

Первая сказка в сборнике, которая была опубликована ранее на страницах «Сибирской газеты» (СГ. 1883. № 1), – «На грани лет» – представляет собой фантасмагорию и осмысление сюжета гоголевского «Вия», на что намекает происхождение литературной маски – «коренного сибиряка» Ивана Брута от внука брата героя гоголевского «Вия». В фельетоне «С новым годом! (Новогодняя сказка вместо фельетона)» (заголовок сказки в «Сибирской газете») Волховский создавал образ Сибири в виде прекрасной женщины, которую осаждают легионы нечисти. Публицист вводил два идеологических пласта – с одной стороны, областнический, демонстрируя осадное, колониальное положение региона по отношению к центральной части России, с другой – ключевой для собственного творчества мотив борьбы с социальным злом. Иван Брут, в отличие от Хомы, понимая, что нечисти не хватает лишь одной единицы для того, чтобы перейти в новый год в полном составе, выхватывал нож и прислонялся к дереву, показывая свою решимость.

В полной версии сказки, опубликованной в сборнике, Волховский описывал «искушение» Брута, который перенесся из зимнего леса на бал. Нечисть превращалась в людей, тем самым раскрывалась ее истинная сущность: «Лапы волчих приобретали абрис прелестнейших дамских ручек, облитых свежими длинными перчатками. Нетопыри, сложив за спиною крылья, превращали их в безукоризненнейшие фраки» (Волховский, 1913, с. 13). Стоит отметить, что в образах нечисти легко угадываются «кондраты», чиновники, гласные, уголовные ссыльные из фельетонного творчества публициста. На балу Брут встретил прекрасную девушку, но для счастья ему необходимо было «отречься от своих убеждений».

Волховский вводит аллегорию на существующее общество, показывает скрытую от глаз реальность, где лишь единицы владеют благами, а фундамент их сытой жизни построен на страдании других. В итоге Брут не поддался соблазну и очутился в преисподней, где слышал плач своего ребенка, видел фигуры ведьм, слышал голоса измученных людей. Выкрикивая злу, что он его не боится, он смог найти нож и вновь оказаться в зимнем лесу. Таким образом, Волховский демонстрировал, как нечисть стремится совладать с одним человеком, бросая на это почти все свои силы. Сказка во многом была для публициста подведением итогов столичного периода с тюремными сроками; позже Волховский неоднократно вспоминал, как чуть не сошел с ума за годы одиночного заключения в Петропавловской крепости, в тюрьме он узнал о гибели жены и ребенка.

Сказка «Ночь на новый год», опубликованная в «Сибирской газете» (СГ. 1884. № 1), вошла в состав сборника без каких-либо изменений. В областническом издании сказки были обрамлением фельетонного цикла «Скромные заметки о не всегда скромных предметах», опубликованного под псевдонимом «Иван Брут», в котором объектами сатиры становились гласные думы, чиновники, школьные учителя, полицейские чины. Стоит отметить, что «опоясывающая» функция сохранилась и в сборнике «Ракеты»: «На грани лет», подчеркивающая необходимость борьбы со злом, открывала ансамбль, а сказка «Ночь на новый год», призывающая к началу изменений с конкретного человека, становилась своеобразным эпилогом.

Сюжет сказки выстраивается вокруг «типичного сибиряка» Егора Попова, ожидавшего перемен от нового года. В итоге каждый раз, когда стрелки били двенадцать раз, вокруг героя происходили определенные события: избиваемый просил о помощи, переселенцы – дешевле продать сруб и корову, инородец – знаний, а артель – уступить прииск. Егор Попов последовательно отказывал в помощи каждому, и на вопрос, придет ли новый год, получил ответ оживших часов: «Новый год, какой ты призывал – с новым счастьем, – много раз приходил к тебе нынче» (СГ. 1884. № 1). В данном «приговоре» публицист обозначал собственную позицию о необходимости поиска себя в «другом», пользе, которую человек может принести обществу и конкретным людям.

Другие произведения сборника представляют собой полноценные памфлеты, которые отражают определенные тезисы. В их основе лежит действие и связанные с ним аллегории. Пять сказок, опубликованные в сборнике, посвящены природе царской власти, а также существующим механизмам закрепощения личности, мотивам борьбы с социальной несправедливостью. Сказка «Королевский тигр» представляет собой сатирические произведение, отражающее изнаночные, ложные представления о борьбе. Произведение написано после событий Первой русской революции: в образе тигра, в логове которого «даже иному октябристу продохнуть было бы трудно», отражен облик царского режима.

Одним из основных в произведении является комичный, гротескный образ борца за справедливость, либерала, готового только к нерешительным действиям. Шарманщик решил бороться с королевским тигром, освежив в памяти различные трактаты философов и юристов и заказав инструмент с «этими мелодиями». Устав от звуков, тигр настиг Шарманщика и начал грызть ему голову, но выплюнув, порычал тигрице предостерегающим голосом: «Оставь! – Мерзость!..» (Волховский, 1913, с. 31). Несмотря на потерю руки и ноги, Шарманщик вновь отправился к тигру, где его спас проходивший мимо охотник, который застрелил зверя. По мнению автора, такой интуитивный способ борьбы является единственным возможным вариантом изменений. Волховский был представителем партии эсеров, которая активно использовала террор для достижения собственных целей.

В сказке «Сказание о царе немилостивом» публицист обращался к вопросу противоестественности монархической власти, создавая образ царя, зависимого от министров и не способного ни на что повлиять. Из-за злоупотреблений, народ принял решение отправить «ходоков» жаловаться на монарха Богу. Встретив старца, они попросили сделать царем пасечника Ивана Красноперова. Так, «несправедливый» царь Семен потерялся на охоте и, лишившись царской одежды, испытал различные тяготы, а пасечник Красноперов, став правителем, приостановил постройку дворца, отказался купить дорогой подарок, попытался уменьшить подати, землю передать крестьянам, а власть – в руки выборным из разных земель. Всем его решениям активно сопротивляются чиновники, и жизнь в стране становилась только хуже.

Завершалось произведение поимкой «самозванца» – истинного царя Семена и сценой приготовления к казни на площади. Испытав все трудности, он давно отрекся от власти. Несмотря на то, что народ увидел в царе-Красноперове того самого выбранного посланниками справедливого человека, который при этом никак не смог повлиять на их жизнь, они обратились к прежнему царю, чтобы тот правил ими вновь. Завершается сказка исчезновением обоих правителей и призывом искать собственный путь. Произведение представляет собой отражение взглядов публициста, основанных на необходимости власти народа и проявления самостоятельности.

В «Сказке о том, как мужик у всех в долгу остался» Волховский создавал картину закрепощения крестьян. Так как у черта не вышло украсть у Ивана Простого жатву, он озлобился и выдумал последовательно кулака (купца), барина и священника. Волховский в сатирическом, гротескном ключе рисовал привилегированные страты российского общества: «А барин как только на свои ноги стал, так поднял нос кверху и давай нюхать, откуда ржаным хлебом пахнет?» (Волховский, 1913, с. 105). Так как ни у кого не получилось властвовать над мужиком, Баба-яга посоветовала высиживать яйцо, из которого вылупился царь. Сказка представляла собой аллегорию, изображение государственного строя как обслуживающего интересы «кулаков-мироедов».

Аналогичные мотивы можно найти во многих народнических произведениях, в частности в притче С. М. Степняка-Кравчинского «Сказка о копейке» (1870), где черт выдумал попа, купца и барина, которые в дальнейшем отравляли народу жизнь. В сказках Степняка, Л. А. Тихомирова находили отражение объяснение несправедливости и описание ее признаков, авторы фокусировались на агитации. Волховский во многом обращался к традиции народнической агитационной сказки 1870-х гг., не разъясняя положение дел, а высмеивая происходящее. Важное место в творчестве Волховского занимала сатира, сказки в сборнике типологиче-

ски близки к творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина. Реальность в произведениях раскалывается под воздействием мифологических, сказочных образов и гротеска.

Завершают «памфлетную» часть сборника три произведения: «Сказка о солдатской душе», «Сказка о войне» и «Казак Удалая-Голова». Сказки были опубликованы в «Солдатской газете» и в журнале «За народ!» и являются антимилитаристскими. В 1900-е гг. Волховский фокусировался на пропаганде среди военных, считая, что они могут стать одной из основных действующих сил в выступлении против царской власти. Публицист создавал гротескный образ армии, поднимая целый ряд проблем, в частности отсутствие провизии, привилегий у рядовых; командиры изображены автором как продавшие собственные души и пытающиеся украсть их у солдат.

«Сказка о войне» начинается с описания рождения белого и желтого царей от черта и опаршивевшей свиньи. Для своих детей черт украл из божественной обители белого и желтого мужиков: «Белого звали “Никита” и походил он лицом на русского, а желтого звали “Ники-Та” и походил он видом на японца» (Волховский, 1913, с. 148). Публицист описывает процесс создания разных мужиков Богом, отмечая, что творец «душу во всех них вложил одинаковую». Сказка была посвящена Русско-японской войне 1904–1905 гг., которая была негативно воспринята обществом: по логике публициста, мужики жили в мире, а цари, рожденные свиньей, в жадности пытались уместить в утробах соседние государства.

Опубликованные в сборнике «Ракеты» произведения были полностью пронизаны идеологией революционного народничества и содержали активные призывы к сопротивлению действующей власти. Волховский создавал притчевую структуру, персонажей-функционеров, лишенных психологизма. В произведениях, за исключением двух фельетонов-сказок, опубликованных в «Сибирской газете» и не привязанных к конкретным идеологическим тезисам, но отражающих народнические идеалы, редко встречаются описательные фрагменты, основой текста становятся аллегории и аллюзии, их расшифровка читателями.

Таким образом, сказки занимали важное место в творчестве Волховского как в годы сибирской ссылки, так и в период эмиграции. Публицист конструировал художественные образы, которые становились аллюзией на существующий общественно-политический строй с его проблемами, обращаясь к несправедливости и призывая к борьбе с социальным злом. Данные мотивы прослеживались не только в опубликованных в «Сибирской газете» фельетонах-сказках и памфлетах, но и в детских произведениях.

Стоит отметить, что произведения в сборнике «Дюжина сказок», в меньшей степени отвечающие агитационным задачам, были пронизаны традиционной дидактикой. Одной из ключевых тем в сборнике публициста была необходимость воплощения себя через «другого», понимание человека как части общества. Также произведения отличались использованием тропов, введением ярких описательных, статичных фрагментов. Детские сказки были в первую очередь художественными произведениями, отражающими «вечные» установки и ценности. Традиционные фольклорные приемы становились гармоничной частью сказок, не выбивающейся из общей повествовательной канвы. Для сказок публициста характерна фантастическая основа: в них обитают великаны, пляшут кошки, пытается освободить даму сердца меч, а старички ростом в шесть вершков помогают детям засыпать.

Сказки-памфлеты в сборнике «Ракеты» являются «публицистическими». За счет обращения к контекстуальным изобразительно-выразительным средствам, в пер-

вую очередь к аллюзиям и аллегориям, поднимались различные общественно-политические проблемы, в произведениях легко угадывались образы современного российского общества и конкретные эпизоды из жизни страны. Для отражения собственной позиции Волховский обращался к сатире, которая, контрастируя с фольклорной, сказочной основой, фантастическим содержанием обостряла комизм. Если сказки-притчи народников 1870-х гг. (в частности С. М. Степняка-Кравчинского) часто были лишены сатирических коннотаций, представляя собой сухую декламацию несправедливости, произведения Волховского позволяли продемонстрировать ее абсурдность. Помимо ориентации на творчество писателей-народников, Волховский обращался и к произведениям Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Именно гротеск в его творчестве становился основой для формирования своеобразного мифа о закрепощении народа, служил «раскалыванию» реальности и отражению народнических идей.

Объединенные в сборники сюжеты раскрывали как нравственные установки писателя, так и общественно-политические взгляды, при совмещении которых реконструируется как лейтмотив необходимость поисков правды и справедливости. Детские сказки при этом утверждали общечеловеческие ценности; взрослые – содержали активные призывы к свержению власти. Мозаичная структура ансамблей, их разделение на блоки, вероятно, были связаны с написанием произведений в разные периоды. В основе принципа формирования сборников лежит объединение разнородных произведений, которые, дробясь на блоки, служат раскрытию как самостоятельных тезисов, так и ключевых мотивов. В «Дюжине сказок» можно выделить три блока: произведения о необходимости ориентации на «другого», сказки об утверждении смысла жизни и тексты, посвященные борьбе с несправедливостью. В «Ракетах» памфлеты содержательно можно разделить на отражающие проблемы общественно-политического строя и антимилитаристские. Важную роль в сборнике для взрослых играют опоясывающие фельетоны-сказки периода сибирской ссылки: «На грани лет» утверждает необходимость борьбы, «Ночь на новый год» призывает к изменениям каждого, «сужает» раскрытые в памфлетах проблемы, отражая их на примере конкретного обывателя. Стоит отметить и определенные переклички между сборниками, сказки для взрослых как бы становились логичным продолжением «Дюжины сказок», переводя заявленные там тезисы на иной уровень. В «детском» сборнике, начинающемся со сказок, утверждающих необходимость ориентации на «другого», автор в завершение призывал к борьбе. В «Ракетах», начиная с такого призыва и демонстрируя несостоятельность режима, Волховский предлагал начинать путь к изменениям с работы над собственной личностью.

Список литературы

Жилякова Н. В. «Сибирская газета», г. Томск, 1881–1888 гг., как явление литературного регионализма: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 237 с.

Жилякова Н. В. Между литературой и журналистикой: фельетоны Ф. В. Волховского в «Сибирской газете» // Американские исследования в Сибири: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Американские идеи и концепции в гуманитарных исследованиях ученых Сибири и преподавании в средней и высшей школе». Томск, 2008. С. 333–345.

Круссер Р. Г. Негласный редактор «Сибирской газеты» // Огни Кузбасса. 1978. № 3. С. 72–79.

Леонова Т. Г. Русская литературная сказка XIX века в ее отношении к народной сказке: Поэтическая система жанра в историческом развитии. Томск, 1982. 197 с.

Мазуров А. Е. Фельетоны Ф. В. Волховского (Ивана Брута) в «Сибирской газете» // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 78–89.

Мазуров А. Е. Фельетонное творчество Ф. В. Волховского в контексте развития региональной сибирской периодики: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2022. 252 с.

Рощевская Л. П. Поэт вольной печати в сибирской ссылке (к 120-летию со дня рождения Ф. В. Волховского) // Вопросы изучения и преподавания литературы. Тюмень: Изд-во ТюмГПИ, 1966. С. 51–69.

Рощевская Л. П. Ф. В. Волховский – сотрудник «Сибирской газеты» // Вопросы истории и теории литературы. Науч. тр. Тюмен. гос. ун-та. Тюмень, 1975. № 14. С. 84–95.

Сибирская газета в воспоминаниях современников / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. В. Жиляковой; науч. ред. Н. М. Дмитриенко. Томск, 2004. 200 с.

Чернова Е. А. Жанр и композиция «Сказки о копейке» С. М. Степняка-Кравчинского // Жанр и композиция литературного произведения: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1978. С. 90–102.

Ямпольский И. Г. К библиографии Ф. В. Волховского // Учен. зап. Ленинград. ун-та. Серия филологических наук. Л., 1971. № 349, вып. 74: Русская литература и народничество. С. 184–190.

Список источников

Волховский Ф. В. Дюжина сказок / Иван Брут. М., 1908. 140 с.

Волховский Ф. В. Ракеты / Иван Брут. Париж, 1913. 184 с.

References

Chernova E. A. Zhanr i kompozitsiya “Skazki o kopeyke” S. M. Stepnyaka-Kravchinskogo [Genre and composition of “The Tale of the Kopeyka” by S. M. Stepnyak-Kravchinsky]. In: *Zhanr i kompozitsiya literaturnogo proizvedeniya: Mezhvuz. sb.* [Genre and composition of literary work: interuniversity collection]. Petrozavodsk, 1978, pp. 90–102.

Krusser R. G. Neglasnyy redaktor “Sibirskoy gazety” [Unofficial editor of the “Sibirskaya gazeta”]. *Ogni Kuzbassa*. 1978, no. 3, pp. 72–79.

Leonova T. G. *Russkaya literaturnaya skazka 19 veka v ee otnoshenii k narodnoy skazke: Poeticheskaya sistema zhanra v istoricheskom razvitii* [Russian literary fairy tale of the 19th century in its relation to the folk tale: Poetic system of the genre in historical development]. Tomsk, 1982, 197 p.

Mazurov A. E. *Fel’etonnoe tvorchestvo F. V. Volkhovskogo v kontekste razvitiya regional'noy sibirskoy periodiki* [Feuilleton creativity of F. V. Volkhovsky in the context of the development of regional Siberian periodicals]. Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 2022, 252 p.

Mazurov A. E. Fel’etony F. V. Volkhovskogo (Ivana Bruta) v “Sibirskoy gazete” [Feuilletons of F.V. Volkhovsky (Ivan Brut) in the “Sibirskaya gazeta”]. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya* [Plot Description and Analysis]. Novosibirsk, 2020, no. 2, pp. 78–89.

Roshchevskaya L. P. F. V. Volkhovskiy – sotrudnik “Sibirskoy gazety” [F. V. Volkhovsky as the employee of the “Sibirskaya gazeta”]. In: *Voprosy istorii i teorii literatury. Nauch. tr. Tyumen. gos. un-ta.* [Questions of the history and theory of literature. Scientific works of Tyumen State University]. Tyumen, 1975, no. 14, pp. 84–95.

Roshchevskaya L. P. Poet vol'noy pechati v sibirskoy ssylke (k 120-letiyu so dnya rozhdeniya F. V. Volkhovskogo) [A poet of the free press in Siberian exile (on the 120th anniversary of F. V. Volkhovsky's birth)]. In: *Voprosy izucheniya i prepodavaniya literatury* [Issues of studying and teaching literature]. Tyumen, TyumSPI, 1966, pp. 51–69.

"*Sibirskaya gazeta*" *v vospominaniyakh sovremennikov* ["Sibirskaya gazeta" in the memoirs of contemporaries]. N. V. Zhilyakova (Introd., text prep., and comm.), N. M. Dmitrienko (Ed.). Tomsk, 2004, 200 p.

Yampol'skiy I. G. K bibliografii F. V. Volkhovskogo [Towards the bibliography of F. V. Volkhovsky]. In: *Uchen. zap. Leningrad. un-ta. Seriya filologicheskikh nauk* [Scientific notes of Leningrad university. Philological sciences series]. Leningrad, 1971, no. 349, iss. 74: Russkaya literatura i narodnichestvo [Russian literature and populism], pp. 184–190.

Zhilyakova N. V. Mezhdu literaturoy i zhurnalistikoy: fel'etony F. V. Volkhovskogo v "Sibirskoy gazete" [Between literature and journalism: feuilletons by F. V. Volkhovsky in "Sibirskaya gazeta"]. In: *Amerikanskie issledovaniya v Sibiri: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. "Amerikanskie idei i kontseptsii v gumanitarnykh issledovaniyakh uchenykh Sibiri i prepodavanii v sredney i vysshey shkole"* [American studies in Siberia: materials of the All-Russian scientific and practical conference "American ideas and concepts in the humanities research of Siberian scientists and teaching in secondary and higher schools"]. Tomsk, 2008, pp. 333–345.

Zhilyakova N. V. *"Sibirskaya Gazeta," g. Tomsk, 1881–1888 gg., kak yavlenie literaturnogo regionalizma* ["Sibirskaya gazeta" (Tomsk, 1881–1888) as a phenomenon of literary regionalism]. Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 2002, 237 p.

List of sources

Volkhovskiy F. V. *Dyuzhina skazok* [A dozen fairy tales]. Ivan Brut. Moscow, 1908, 140 p.

Volkhovskiy F. V. *Rakety* [Rockets]. Ivan Brut. Paris, 1913, 184 p.

Информация об авторе

Александр Евгеньевич Мазуров, научный сотрудник учебной лаборатории редакционно-издательского дела факультета журналистики Томского государственного университета (Томск, Россия)

Information about the author

Alexandr E. Mazurov, Researcher, Educational Laboratory of the Editorial and Publishing Business, Faculty of Journalism, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 24.01.2025;
одобрена после рецензирования 07.04.2025; *принята к публикации 07.04.2025*
The article was submitted on 24.01.2025;
approved after reviewing on 07.04.2025; *accepted for publication on 07.04.2025*

Научная статья

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/93/6

Феномен «обмена» в рассказе А. Чехова «Ионыч» и повести Ю. Трифонова «Обмен»

Вячеслав Алексеевич Суханов [1]
Павел Алексеевич Гендрин [2]

[1, 2] Томский государственный университет
Томск, Россия

[1] suhss@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-8517-0735
[2] polgenders@gmail.com, https://orcid.org/0009-0002-5189-8001

Аннотация

Исследуется формирование и функционирование поведенческой модели «обмена» в сюжетах рассказа А. Чехова «Ионыч» и повести Ю. Трифонова «Обмен». Связь произведений обнаруживается на разных уровнях поэтики: от включения в повесть имплицитных отсылок (имена, телесные образы, ввод поэтических текстов) до художественного воплощения феномена обмена. Сопоставительный анализ героев, организации сюжета, форм авторского присутствия обнаруживает творческий диалог Трифонова и Чехова. Жанровая специфика повести позволяет Трифонову развернуть и достроить открытую Чеховым психологическую модель существования человека.

Ключевые слова

обмен, диалог, интертекстуальность, межтекстовые отношения, аллюзия, А. Чехов, Ю. Трифонов

Для цитирования

Суханов В. А., Гендрин П. А. Феномен «обмена» в рассказе А. Чехова «Ионыч» и повести Ю. Трифонова «Обмен» // Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 82–95. DOI 10.17223/18137083/93/6

© Суханов В. А., Гендрин П. А., 2025

The phenomenon of “exchange” in Anton Chekhov’s story “Ionych” and Yuri Trifonov’s novel “Obmen”

Vyacheslav A. Sukhanov [1], **Pavel A. Gendrin** [2]

[1, 2] Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

[1] suhss@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-8517-0735
[2] polgenders@gmail.com, https://orcid.org/0009-0002-5189-8001

Abstract

This paper traces the intertextual connections between Anton Chekhov’s story “Ionych” and Yuri Trifonov’s novel “Obmen” (“The Exchange”) by focusing on the behavioral and psychological model of “exchange.” Multiple levels of poetics are taken into consideration: from implicit references (names, bodily imagery, and poetic citations) and the artistic embodiment of exchange and self-deception to a shared authorial perspective. A comparative analysis of characters, plot structure, and forms of authorial presence uncovers a creative dialogue between Trifonov and Chekhov. The semantics of “exchange” is manifested in “Ionych” through nomination, central plot events, character systems, and the evolution of the protagonist. The spiritual transformation of Ionych stems from his failure to achieve self-discovery, leading to the substitution of his authentic self with a social function. The genre specificity of Trifonov’s novel allows him to develop and refine the psychological model of human existence first explored by Chekhov. Interpreting the image of Dmitriev in comparison with the image of Startsev reveals the origins and motivations behind the position of Trifonov’s protagonist. The evolution of Dmitriev is defined as a rejection of existential being in favor of social conformity (exchange).

Keywords

exchange, dialogue, intertextuality, intertextual relations, allusion, Anton Chekhov, Yuri Trifonov

For citation

Sukhanov V. A., Gendrin P. A. The phenomenon of “exchange” in Anton Chekhov’s story “Ionych” and Yuri Trifonov’s novel “Obmen”. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*], 2025, no. 4, pp. 82–95. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/93/6

Современного читателя отделяет от рассказа Чехова 126 лет, а от повести Трифонова – 56 лет, и вместе с тем исследуемые в этих произведениях социально-психологические и поведенческие феномены чрезвычайно актуальны в современных условиях переформатирования как российского общества, так и мира в целом, поскольку связаны с нравственной позицией, выбираемой человеком в реальности.

Значимость чеховской эстетики и поэтики для прозы Ю. Трифонова была отмечена многими исследователями (см., например: [Емец, 1986; Суханов, 2001, с. 36]). Творчество классика – постоянный предмет аналитической и художественной рефлексии Ю. Трифонова и в ряде эссе («Правда и красота», «Возвращение к “prosus”»), и в ряде произведений, где она оформляется цитатами и аллюзиями («В степи», «О любви», «Предварительные итоги», «Долгое прощание», «Время и место»).

Рассказ «Ионыч» и повесть «Обмен» уже имеют свою историю интерпретаций. Переосмысление рассказа «Ионыч» – один из «актуальных вопросов современного чеховедения» [Гнюсова, 2018, с. 187], исследователи пересматривают

традиционную трактовку («среда заедает свежего человека» [Овсянико-Куликовский, 2002, с. 491]) и предлагают новые подходы к анализу рассказа [1].

В критической и литературоведческой рефлексии повести «Обмен» исследователи Т. Л. Рыбальченко [1978], Н. Б. Иванова [1984], Н. Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий [2001], В. А. Суханов [2004; 2021] обращаются к психологическим и этико-философским проблемам, изучают принципы поэтики произведения, но до сих пор остаются необъясненными как генезис изображенной в повести модели обмена, так и ее содержание.

На первый взгляд в художественной реальности рассказа «Ионыч» и повести «Обмен» мало общего. Отличаются социально-исторические обстоятельства (конец 90-х гг. XIX в. и 60-е гг. XX в.), экономические и политические системы (становление капитализма и развитой социализм). Если Старцев – молодой земский врач, который начинает карьеру в провинциальном городе С. и не укоренен социально (нет семьи, друзей), то Дмитриеву 37 лет, он живет в Москве и работает инженером, включен в семейный круг (жена, дочь, мать, дед, сестра, теща и др.), погружен в разнообразные социальные связи (коллеги, друзья).

Несмотря на указанные различия и разную жанровую семантику (рассказ и повесть), исследуемая Трифоновым поведенческая модель «обмена» генетически восходит к рассказу Чехова, о чем свидетельствуют в первую очередь перекличка номинаций персонажей (Дмитрий / Дмитриев) и инвариантная организация фабульной ситуации – нарушение повседневного течения жизни: любовь-страсть у Старцева (отношение к Екатерине Ивановне) [2] и болезнь матери у Дмитриева (решение сказать матери о смертельной болезни) [3].

Такая организация фабульной ситуации определила необходимость в «готовом» (М. М. Бахтин [1979]) типе героя. И Старцев, и Дмитриев изображены как уже сформированные характеры со сложившимися привычками и личностными установками, и вместе с тем их пребывание в пограничной ситуации выбора включает потенциальную возможность изменения. Герои не завершены и открыты в рамках своих сюжетов, каждый из которых предполагает ценностное самоопределение и выбор, открывающие сущностные позиции героев и этические типы их дальнейшего бытия.

Чехов в первых главах изображает противоречивость героя, в котором соединяются инертность, желание денег, комфорта и трудолюбие, наблюдательность, понимание происходящего («“Ну, уж это совсем не умно”, – подумал он, придя в себя…» (Чехов, 1986, с. 30)) [4]. Старцев «от других людей рутины <…> выгодно отличается одним преимуществом – просвещенным умом» [Овсянико-Куликовский, 2002, с. 498], поэтому ряд оценок, данных героем «обывателям», оправдан. Герою доступно понимание чуждости семьи Туркиных («Пара ли она тебе? Она избалована, капризна <…>, а ты дьячковский сын, земский врач…»; «ее родня заставит тебя бросить земскую службу…» (с. 32)), но он очарован их образом

[1] С точки зрения проблем коммуникации рассматривает персонажей А. Д. Степанов [2005]. Ю. В. Доманский [2006] переосмысляет сцену на кладбище в контексте декаданса как эстетики вырождения. А. П. Чудаков [1986], О. В. Богданова [2016] указывают на несостоятельность представлений о сюжете как деградации героя.

[2] «Я страстно хочу, я жажду вашего голоса. Говорите. Она восхищала его своею свежестью, наивным выражением глаз и щек» (Чехов, 1986, с. 29).

[3] «… как же сказать матери насчёт обмена?» (Трифонов, 1979, с. 173)

[4] Далее текст Чехова цитируется по этому изданию, в круглых скобках указываются страницы.

жизни, что психологически мотивируется его одиночеством (Старцев изображен как человек вне родовых и семейных связей, в кругозор героя не входят воспоминания о родителях, друзьях, прошлом жизненном опыте). Отличает героя от среды города С. и утрачиваемая к финалу способность «к обостренному восприятию жизни, его умение чувствовать» [Гнюсова, 2018, с. 195]. Старцев, одновременно, наделяется гедонистическими наклонностями («пили чай с вареньем, с медом, с конфетами и с очень вкусными печеньями, которые таяли во рту» (с. 25)).

В процессе развития сюжета герой обнаруживает эмоциональную глухоту (не рассказывает о пациентах, не сближается с жителями города), неспособность распознавать – несмотря на профессию – собственные эмоции («так жаль, что, кажется, взял бы и зарыдал или изо всей силы хватил бы зонтиком по широкой спине Пантелеймона» (с. 35)), склонность к самообману («шумные, надоедливые, но все же культурные звуки» (с. 26)).

Подобная неразвитость эмоционального интеллекта в психоаналитической литературе сближается с феноменом алекситимии. Алекситимия не является психическим расстройством или симптомом, но «предполагает снижение эмпатийной способности» [Москачева и др., 2014, с. 99]. Этому состоянию свойственны «неспособность активного вмешательства в обстоятельства жизни», «низкий уровень удовлетворенности жизнью» и направленность «на реализацию социальной роли, а не на личностное совершенствование» [Искусных, 2015].

Переломный момент потенциальной возможности прозрения и перерождения героя дан в сцене на кладбище. Первоначально кладбище обладает двойственной семантикой: как абсолютно естественное пространство («как лес» (с. 31)) и как пространство, преобразованное волей человека («или большой сад» (с. 31)), но оба аспекта связаны с онтологической и антропологической жизнью.

Старцев на кладбище изображен в трех основных состояниях. Сначала мир кладбища его поражает: «Старцева поразило то, что он видел теперь первый раз в жизни…» (с. 31) Присутствие в этом пространстве меняет его восприятие времени: от остановки неумолимого движения времени до превращения временного в Вечное: «…мир, где так хорош и мягок лунный свет, точно здесь его колыбель, где нет жизни, нет и нет, но в каждом темном тополе, в каждой могиле чувствуется присутствие тайны, обещающей жизнь тихую, прекрасную, вечную» (с. 31).

Герой переживает отсутствие жизни (смерть) как онтологическую норму («Кругом безмолвие; в глубоком смирении с неба смотрели звезды» (с. 31)), которую необходимо принять в обмен на обещание жизни вечной. Знаком того, что все жизненное здесь лишнее, становится звук его шагов: «шаги Старцева раздавались так резко и некстати» (с. 31). Но это переживание героя не христианское, а телесное, вечная жизнь, понимаемая как небытие («От плит и увядших цветов, вместе с осенним запахом листьев, веет прощением, печалью и покоем» (с. 31)), вступает в противоречие с надписью на воротах на старославянском, которая должна формировать христианское понимание кладбищенского мира: «Грядет час, в онь же» (с. 31).

Надпись отсылает к евангелию от Иоанна: «Грядет час, в онь же вси сущии во гробех услышат глас Сына Божия, и услышавше оживут» (Ин. 5: 25) [5]. Слова

[5] Святитель Кирилл Александрийский трактует эти слова: «Начальными словами обозначает время нашего воскресения, когда усопшие, как научает Он, посредством голоса Судьи будут воскрешены для отчета в земной жизни, дабы, чрез это возбудив в них страх, как некую узду, убедить их жить добродетельно и благоразумно. А в последующих словах

Иоанна свидетельствуют об обратном: смерти нет для тех, кто творил в жизни добро: «…и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло – в воскресение осуждения» (Ин. 5: 29).

Второе состояние связано с началом ночной службы и колокольным звоном, который выводит Старцева из прежнего состояния (ощущение смерти как покоя) и на мгновение вводит в состояние потенциально мертвого («он вообразил самого себя мертвым, зарытым здесь навеки» (с. 31)), в котором ему открывается ужас небытия как отсутствия живого чувства, эмоции: «…это не покой и не тишина, а глухая тоска небытия, подавленное отчаяние…» (с. 31) [6].

Переживаемый безотчетный страх не приводит к прозрению и духовному перерождению, наоборот, понимая существование как материальное и временное (первое состояние), герой переживает ужас перед открывшимся Ничто как указание на конечность тела, а с ним и потребность укорениться в том, что есть, что доступно здесь-и-сейчас, в телесном наслаждении, в том числе и телесно-эротическом (могильные надгробия превращаются в женские тела): «…ему хотелось закричать, что он хочет, что он ждет любви во что бы то ни стало; перед ним белели уже не куски мрамора, а прекрасные тела, он видел формы, которые стыдливо прятались в тени деревьев, ощущал тепло, и это томление становилось тягостным…» (с. 32). Сакральное пространство кладбища для героя превращается в профанное, поэтому третье состояние Старцева (отъезд) – возвращение в состояние гедонистического покоя («И, садясь с наслаждением в коляску, он подумал: “Ох, не надо бы полнеть!”» (с. 32)).

Герой Чехова, таким образом, совершает выбор между наличным бытием (прагматически-телесным) и возможностью прорыва к экзистенциальному уровню существования, обменивая возможное подлинное на неподлинное [7], отказываясь от «усилия человека быть человеком» (М. К. Мамардашвили) [8]. Этот выбор окончательный («И точно опустился занавес…» (с. 32)). На уровне автора-демиурга его ложность акцентируется мотивами темноты и блуждания, кладбище утрачивает первоначальную связь с живым: «…всё потемнело кругом. Старцев едва нашел ворота, – уже было темно, как в осеннюю ночь, – потом часа полтора бродил, отыскивая переулок, где оставил своих лошадей» (с. 32).

Осуществленный отказ от экзистенциального уровня существования в пользу социально-биологического (гедонизм и комфорт) определяет и характер последующего предложения Котику, в котором Старцев руководствуется прагматическими мотивами (приданое, обстановка), спокойно принимает последствия отка-

---

указывает на то, что настало время веровать в Него, и наградой, говорит, за благопослушание будет вечная жизнь…» [Кирилл Александрийский, святитель, 2011, с. 364]

[6] «Противостояние вечной жизни и пустоты, памяти и сумерек забвения – таков лейтмотив кладбища как хронотопа» (*Федоров П. В.* Кладбище как многозначный социокультурный феномен: общие подходы к изучению (на примере Кольского Севера) // Некрополи Кольского Севера: Изучение, сохранение, коммуникация. Мурманск, 2013. С. 17).

[7] «…ответственность за свои поступки несет сам человек, потому что подлинная основа конфликта заключается в духовных возможностях личности и их расхождении между собою» (*Скибина О. М.* Проза А. П. Чехова 1896–1903 гг. Проблемы поэтики. URL: https://www.dissercat.com/content/proza-ap-chekhova-1896-1903-gg-problemy-poetiki (дата обращения 31.03.2025)).

[8] «… то есть усилие над самим собой, порождает в человеке человека» (*Мамардашвили М. К.* Мысль под запретом: Беседы с А. Э. Эпельбуэн: Пер. с фр. // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 72).

за [9] и не пытается преодолеть мертвое состояние «покоя» («сколько хлопот, однако» (с. 35)). В итоге рождающееся отчуждение от Других, бессознательное ощущение неистинности выбора приводят к страданиям, принимающим форму раздражения («он обыкновенно сердится, нетерпеливо стучит палкой о пол и кричит своим неприятным голосом» (с. 40)).

Последствия совершенного обмена демонстрируют «овеществление» персонажа в материально-прагматической реальности («уже есть имение и два дома в городе, и он облюбовывает себе еще третий, повыгоднее» (с. 40); «По вечерам он играет в клубе в винт и потом сидит один за большим столом и ужинает» (с. 41)).

Чеховская концепция истинного существования коррелирует с понятием экзистенции в философии Хайдеггера («экзистенция – не просто наличествование, но самореализация, движение» [Ищенко, 2018]). Для такого понимания существования значим и феномен беспокойства («заботящаяся, тревожащаяся, проектирующая себя жизнь во времени» [Там же]). Ощущение неравенства самому себе определяется как фундаментальная черта человеческого существования: «Внутреннее недовольство, отрицательное отношение человека к своему наличному бытию – не одно из психологических свойств человека, а самая основа его психологии» [Гусейнов, 2001, с. 10].

В «Ионыче» задача автора-демиурга – обнаружить, открыть и исследовать этот поведенческий механизм, поэтому он не включает в сюжет генезис поведенческой модели героя, создавая семантические рамки интерпретации образа Старцева только на основе реакций и поступков героя здесь-и-сейчас, фабульных событий, развертывания тематического комплекса, сторонних впечатлений и оценок.

Трифонов продолжает исследование обнаруженной Чеховым поведенческой модели, но в отличие от Чехова исследует процесс ее формирования в потоке жизненных обстоятельств, что и определило обращение к жанровым возможностям повести.

Все исследователи фиксируют момент вины Дмитриева [10], упуская из виду генезис такой модели и лежащие в основе ее формирования диалектику отношения героя и различных уровней реальности.

В сюжет включены многочисленные воспоминания Дмитриева, вызванные разными фабульными ситуациями: спор с женой – воспоминания о начале отношений, встреча с Таней – рефлексию их отношений, дорога к дому в Павлиново – ряд воспоминаний по ассоциативному принципу: детство, совместная жизнь персонажей на даче, ссоры, похороны деда, предательство героем друга. Вспоминая и рефлексируя разные эпизоды, Дмитриев внутренне комментирует их. Воспоминания героя воссоздают два основных этапа его жизни: до войны (1930-е годы) и после смерти Сталина (1950-е годы).

[9] Н. А. Бердяев писал: «нравственность есть прежде всего внутреннее отношение человека к самому себе, искание и осуществление своего духовного “я”» (*Бердяев Н. А.* Этическая проблема в свете философского идеализма. URL: https://www.vehi.net/berdyaev/etich.html (дата обращения 31.03.2025)).

[10] «Нормальные человеческие отношения, основанные на родстве, близости, любви, вытесняются <…> мнимоценностями, приобретающими по ходу течения повести как бы мистический, надличностный, надчеловеческий характер» [Иванова, 1984, с. 104]; «Дмитриев изменил самому себе…» [Патера, 1983, с. 186].

Событийное содержание воспоминаний и комментарии героя позволяют на уровне авторской концепции выявить паттерны поведения и типовые реакции, что позволяет понять психологическую модель поведения Дмитриева.

В довоенном детстве Дмитриев характеризуется как «прилежный велосипедист, рыболов, игрок в “пятьсот одно”, глотатель Сенкевича и Густава Эмара…» (Трифонов, 1979, с. 185) [11]. С одной стороны, герою свойственны наблюдательность, эмоциональное и глубокое переживание природы («и вдруг открывалась дуга запруды <…>, и у мальчика Вити сжималось сердце» (с. 185)). В детстве он тонко переживает реальность и воплощает это переживание в творчестве (довоенный акварельный рисунок), что свидетельствует об эмоциональности персонажа, его умении видеть цветовую многосоставность мира, замечать плавные переходы цвета друг в друга [12]. Переживание в детстве полноты жизни включает потенциальную способность Дмитриева к самореализации, к обретению прочных связей с миром (семантика фамилии) [13].

Вместе с тем в этот период круг чтения героя составляют массовые приключенческие романы, что свидетельствует об ограниченности интеллектуального и духовного кругозора, а выбираемые формы деятельности связаны с бегством от социальной реальности. Увлечение рыбалкой требует подчиненности внешним обстоятельствам (зависимость удачи от погоды, времени суток, от места ловли) [14].

В этом герой наследует отцу, пишущему юмористические рассказы, выступающие для последнего формой бегства от действительности 1930-х гг. с ее репрессивным характером. Нет подлинной семейной атмосферы тепла и участия и в доме (отец рано умирает, дед в лагерях, отношения с сестрой строятся как конкурентные): «В детстве они часто дрались, и Лора, рассвирепев, могла ударить чем угодно, что подворачивалось: вилкой, чайником» (с. 211).

Отчужденность как норма отношений становится формой самозащиты героя (в 1960-е гг. в его кругозор не входит дочь, он не рассказывает, где был дед и откуда он вернулся, куда исчезают люди, как семья жила в войну), одновременно рождая «дефицит умения понимать чувства окружающих, сопереживать им и дифференцированно откликаться на их эмоциональные состояния» [Москачева и др., 2014, с. 111].

Знаком изменения мироощущения героя в послевоенные годы становится обращение к новой технике рисования: «после войны он рисовал как помешанный. Не расставался с альбомом. Особенно здорово получалось пером, тушью» (с. 216). Обращение к графике – технике, предназначенной преимущественно для создания

[11] Далее текст Трифонова цитируется по этому изданию, в круглых скобках указываются страницы.

[12] Акварель позволяет «передавать тонкие цветовые нюансы, воздушность пространства и богатство тонов. Работы, выполненные акварельными красками, уникальны и неповторимы» [Захарова, 2017, с. 79].

[13] Семантика имени «Дмитрий» связана с древнегреческой богиней земли Деметрой, ее функции в мифологии указывают на представления о плодородности, благостности земли, дающей жизнь (Мифы народов мира: энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1980–1982. С. 301–302).

[14] «Поплавочная оснастка позволяет рыбаку закрепить поплавок на поверхности воды и ждать, пока поклевка не произойдет… пассивная рыбалка позволяет уйти от повседневной суеты и стресса» (Что такое пассивная рыбалка? URL: https://ryba.rybalka-rybachok.ru/rybalka/chto-takoye-passivnaya-rybalka (дата обращения 31.03.2025)).

стилизованных и абстрактных изображений (плакатов и др.), т. е. упрощенной, в сравнении с акварелью, форме живописи [15].

Бессознательный страх и рождаемая им эмоциональная закрытость, сформированные в 1930-х гг., рождают недоверие к Другим (семья Лены) и самому себе (Дмитриев отказывается от творчества, написания диссертации). На социальный страх наслаивается и ощущаемый героем, как и Старцевым у Чехова, онтологический страх (тема исчезновения в повести): «В этом мире, оказывается, исчезают не люди, а целые гнездовья, племена со своим бытом, разговорами, играми, музыкой» (с. 186). Эта форма страха, как и страх Старцева, рождается от обнаружения неустойчивости, безопорности существования, ощущения бытийной пустоты мира, Ничто.

Полнота бытия, доступная Дмитриеву в детстве, в 1950-е гг. редуцируется до чувства половой страсти как единственно доступной форме личностной реализации (отношения с Леной): «он ни о чем не мог думать» (с. 164), «жил оглушенный и одурманенный» (с. 194).

Но страсть не приближает к Другим, а, наоборот, отдаляет: «…отделение от реальности становится отчуждением от своего Я, живое нравственное чувство беспокойства замещается рассудочным (бесчувственным) отношением к Другому» [Суханов, 2021, с. 70], что проявится в отношении к Лене после угасания страсти («Такая миловидная женщина-бульдог с короткой стрижкой соломенного цвета» (с. 204)). Отчужденность просвечивает и в оценке отца («…человек неплохой. Только неудачливый. Рано умер, ничего не успел» (с. 187)), в постоянно повторяющейся в повествовании номинации «мать» вместо «мама» в отношении Ксении Федоровны, в оценке сестры, на которую он смотрит как на «чужую женщину» (с. 209), и ее мужа Феликса («незнакомый коротышка» (с. 213)).

Страсть как отношение лишено подлинной другости, поскольку Другой в страсти исчезает и выступает не в своей самоценности, а в своей объектности, как вещь, обладание которой признается единственно желанным. В страсти нет ответственности за Другого и самого себя, поскольку и вся полнота мирочувствования твоего Я низводится до одного чувства.

Страсть не формирует любви как формы духовного единения людей, основанной на заботе, сочувствии и сострадании, любви как caritas (жертвенная любовь Ксении Федоровны, любовь Тани). Дмитриеву не дано пережить это чувство, что превращает его в «человека без свойств», он, как и Старцев, не способен на глубокий эмоциональный отклик. Исчезновение страсти (фабула повести) обнажает мир, заполненный вещами, но не любовью.

Замещение любви как духовного чувства страстью окончательно закрепляет экзистенциальную слепоту героя и лишает его возможности понимать нравственный смысл происходящего (ситуация с портретом отца, ссора с другом), превращает Дмитриева в инструмент достижения целей других людей: «Кончилось тем, что Лена заставила его пообещать…» (с. 197).

В попытке самооправдания Дмитриев как «одномерный человек» (Г. Маркузе) совершает подмену, присваивая социальной реальности, формируемой людьми, и экзистенциальной реальности собственного «Я» статус онтологического закона,

[15] По мнению Флоренского, график «отвлекается и от чувственных начертываемых им линий, и от фактуры и цвета использованной им поверхности» (*Флоренский П. А.* Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. URL: https://philologos.narod.ru/florensky/fl_space.htm (дата обращения 31.03.2025)).

не зависящего от воли человека («Все изменилось на том берегу» (с. 189)). В итоге «…отчужденный субъект поглощается формой отчужденного бытия» [16], что позволяет снять личностную ответственность за существование («значит, может быть, это естественно и так и должно быть?» (с. 189)). В такой реальности только и возможно отчужденное присутствие, вещественное существование подчиненности (Дмитриева «гнетет судьба» (с. 172)). Подобно Старцеву, герой принимает наличную социальную действительность с ее неизбежной вещественностью (прагматикой) за истинную реальность и отказывается от бытия как самореализации, трансценденции (предает друга, не уходит к Тане, просит у матери ключи, скрывая жестокость поступка за иллюзорной пользой для семьи).

Чувство Тани [17] дает возможность герою почувствовать полноту любви [18], но не рождает ее в Дмитриеве: «В то лето он жил в этом состоянии, неиспытанном прежде: любви к себе...» (с. 182). В повести природа подлинной любви необъяснима, ее рождение – тайна, но чувство Тани к Дмитриеву не сводится к страсти и переживается как подарок, как полнота переживания бытийной открытости миру (стихи, которые читает Таня): «Обнимая его, шептала, как стихи: “Господи, за что? За что?”» (с. 182).

Таня тоже страдает (разрушена прежняя жизнь, она осталась вдвоем с сыном), переживает страх («жила в неизбывном страхе и в каком-то страстном недоумении» (с. 182)), но эта форма страха носит совершенно иной, чем у Дмитриева, характер. Это страх перед исчезновением дарящего полноту существования чувства любви, преодолевающего боль страдания. В этой любви норма – доверие к лучшему в себе. Таня понимает, что бытийственная позиция Дмитриева совершенно иная и связана с отказом от лучшего Другого в себе, поэтому именно ей доверена в повести завершающая характеристика героя: «…тебе, Витя, <…> вряд ли когда-нибудь будет хорошо» (с. 184).

Модель обмена функционирует на разных этапах жизни Дмитриева, который каждый раз обменивает идеальное в себе на неидеальное [19]. Поступление в инже-

---

[16] *Маркузе Г.* Одномерный человек М.: REFL-book, 1994. С. 15.

[17] Созидательный характер любви Тани подчеркивается семантикой имени, по одной из версий произошедшего от греч. tattō – устанавливать, определять, назначать (*Петровский Н. А.* Словарь русских личных имён. 6-е изд., стереотип. М.: Русские словари, 2000. 477 с. URL: https://gramota.ru/biblioteka/slovari/slovar-russkih-imyon (дата обращения 15.04.2025)). Ассоциативная связь с мученицей Татианой Римской вносит коннотации жертвенной любви (Страдание святой мученицы Татианы. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского / 12 книг. – М.: Ковчег, 2010. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/44#source (дата обращения 15.04.2025)).

[18] «Любовь, как и вера, также необъективированное, рационально непостижимое состояние. Любить – это прежде всего находиться в стихии любви»; «Любовь как мучение, как испытание, как трагедия, через которую растет душа и расширяется пространство внутреннего» (*Губин В. Д., Зенин К. В.* Проблема человеческой экзистенции в философии С. Кьеркегора // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2014. № 10 (132). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-chelovecheskoy-ekzistentsii-v-filosofii-s-kierkegora-1 (дата обращения 31.03.2025)).

[19] «Выбрать себя самого не значит только вдуматься в свое “я” и в его значение, но воистину и сознательно взять на себя ответственность за всякое свое дело и слово <...> конечная человеческая личность приобретает, благодаря абсолютному выбору своего собственного “я”, – бесконечное значение» (*Кьеркегор С.* Гармоническое развитие в человече-

нерный институт связано с отказом от творческой реализации как художника. Переход на новую работу – с подлостью по отношению к другу детства. Решение сохранить брак с Леной – с отказом от глубокой любви Тани. Наконец, обмен комнат на новую квартиру – с беспощадностью по отношению к матери.

Фабульные события завершаются оформлением «обмена» («все документы были в порядке» (с. 217)). Осознание собственной жестокости вытесняется бюрократическими сложностями («началась эта волынка» (с. 216)) и повседневными ритуалами («устроили даже новоселье» (с. 217)).

Знаками личностного «поражения» Дмитриева и Старцева становятся в финалах их телесная трансформация («еще больше пополнел, ожирел, тяжело дышит и уже ходит, откинув назад голову» (Чехов, с. 40); «еще не старик, но уже пожилой, с обмякшими щечками дяденька» (Трифонов, с. 217)) и оценки рассказчиков («Вот и всё, что можно сказать про него» (Чехов, с. 41); «Что я мог сказать Дмитриеву, когда мы встретились с ним однажды у общих знакомых, и он мне все это рассказал?» (Трифонов, с. 217)).

Таким образом, психологическая модель обмена, обнаруженная и изображенная Чеховым в рассказе «Ионыч», достраивается в повести Трифонова и исследуется от момента возникновения (1930-е гг.) до финала (1960-гг.). И у Чехова, и у Трифонова она – этико-психологический феномен, порождаемый разными формами страха перед реальностью. Эта модель формируется как результирующая социально-исторических процессов времени, формирующих негативные типы эмоционально-психологических реакций (страх перед Другим, рассудочность, недоверие, отчужденность), с одной стороны, открытия и переживания беспощадной онтологической силы времени (тотальность исчезновения, страх перед Ничто), с другой, создавая ситуацию возможной подмены, замещения экзистенциального пространства Я, где оно одно только и ответственно, наличным бытием (Старцев, Дмитриев).

В результате формируется понимание бессубъектности мира, в котором не имеет значения личностная этическая позиция, а сама личность участвует в обмене подлинного на неподлинное, духовного на прагматически-телесное, что превращает человека в вещь, в пассивное орудие воли Других и худшего в себе.

Список литературы

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 445 с.

Богданова О. В. Образ доктора Старцева в рассказе А. П. Чехова «Ионыч» // Вестник Брян. гос. ун-та. 2016. № 2. С. 124–127.

Гнюсова И. Ф. «Ионыч» А. П. Чехова и «Мидлмарч» Дж. Элиот: судьба человека в «опустошающей душу житейской трясине» // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2018. № 56. С. 187–202.

Гусейнов А. А. Что же мы такое? // Человек. 2001. № 2 С. 5–19.

Доманский Ю. В. Декадент Ионыч // Чеховские чтения в Оттаве: Сб. науч. тр. Тверь; Оттава: Лилия Принт, 2006. С. 142–160.

Емец Т. В. Традиции Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова в творчестве Юрия Трифонова: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Куйбышев, 1986. 17 с.

ской личности эстетических и этических начал. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. С. 70).

Захарова А. Д. Методика работы над акварельным натюрмортом // Акварель в учебе и творчестве: Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием (Орёл, 15–16 ноября 2017 г.). Орёл: Орлов. гос. ун-т им. И. С. Тургенева, 2017. С. 78–82.

Иванова Н. Б. Проза Ю. Трифонова. М.: Сов. писатель, 1984. 296 с.

Искусных А. Ю. Алекситимия. Причины и риски возникновения расстройства // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2015. № 6 (52). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aleksitimiya-prichiny-i-riski-voznikno veniya-rasstroystva (дата обращения 24.12.2024).

Ищенко Н. И. Мартин Хайдеггер: к вопросу о трансценденции // Антиномии. 2018. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/martin-haydegger-k-voprosu-o-trans tsendentsii (дата обращения 24.12.2024).

Кирилл Александрийский, святитель Толкование на Евангелие от Иоанна: В 2 т. / Пер. Митрофана Муретова. М.: Сибирская Благозвонница, 2011. Т. 1. 991 с.

Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. От «советского писателя» к писателю советской эпохи: путь Юрия Трифонова. Екатеринбург: АМБ, 2001. 42 с.

Москачева М. А., Холмогорова А. Б., Гаранян Н. Г. Алекситимия и способность к эмпатии // Консультативная психология и психотерапия. 2014. Т. 22, № 4. С. 98–114.

Овсянико-Куликовский Д. Н. Этюды о творчестве А. П. Чехова // А. П. Чехов: pro et contra: Творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX в. (1887–1914): антология. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002. С. 482–536.

Патера Т. Обзор творчества и анализ московских повестей Юрия Трифонова. Анн-Арбор: Ардис, 1983. 348 с.

Рыбальченко Т. Л. Повесть и рассказ в современном литературном процессе (Проблема взаимодействия жанров): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 1978. 18 с.

Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова М.: ЯСК, 2005. 400 с.

Суханов В. А. Романы Ю. В. Трифонова как художественное единство. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. 322 с.

Суханов В. А. Беспощадность в прозе Ф. М. Достоевского и Ю. В. Трифонова // Достоевский и время. Томск, 2004. С. 136–146. (Русская классика: исследования и материалы; вып. 1)

Суханов В. А. Терпение как ценностный ответ личности в прозе Ю. Трифонова // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Томск, 2021. Вып. 11. С. 63–76.

Чудаков А. П. Мир Чехова: возникновение и утверждение. М.: Сов. писатель, 1986. 384 с.

Список источников

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2022. 1376 с.

Трифонов Ю. В. Другая жизнь М.: Известия, 1979. 688 с.

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1986. Т. 10. 495 с.

References

Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo, 1979, 445 p.

Bogdanova O. V. Obraz doktora Startseva v rasskaze A.P. Chekhova “Ionych» [The image of Doctor Startsev in the story by A.P. Chekhov “Ionych”]. *The Bryansk State University Herald*. 2016, no. 2, pp. 124–127.

Chudakov A. P. *Mir Chekhova: Vozniknovenie i utverzhdenie* [The world of Chekhov: Genesis and development]. Moscow, Sov. pisatel’, 1986, 384 p.

Domanskiy Yu. V. Dekadent Ionych [Decadent Ionych]. In: *Chekhovskie chteniya v Ottave: sb. nauch. tr.* [Chekhov readings in Ottawa: Coll. of sci. works]. Tver, Ottava, Liliya Print, 2006, pp. 142–160

Emets T. V. *Traditsii F. M. Dostoevskogo i A. P. Chekhova v tvorchestve Yuriya Trifonova* [Traditions of F. M. Dostoevsky and A. P. Chekhov in the works of Yuri Trifonov]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Kuybyshev, 1986, 17 p.

Gnyusova I. F. “Ionych” A. P. Chekhova i “Midlmarch” Dzh. Eliot: sud’ba cheloveka v “opustoshayushchey dushu zhiteyskoy tryasine” [Anton Chekhov’s “Ionych” and George Eliot’s Middlemarch: the fate of man in a “soul-wasting struggle with worldly annoyances”]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2018, no. 56, pp. 187–202.

Guseynov A. A. Chto zhe my takoe? [What are we?]. *Chelovek*. 2001, no. 2, pp. 5–19.

Ishchenko N. I. Martin Khaydegger: k voprosu o transtsendentsii [Martin Heidegger: Revisiting transcendence]. *Antinomies*. 2018, no. 3, pp. 27–46.

Iskusnykh A. Yu. Aleksitimiya. Prichiny i riski vozniknoveniya rasstroystva [Alexithymia. Causes and risks of the disorder]. *Lichnost’, sem’ya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii*. 2015, no. 6 (52). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aleksitimiya-prichiny-i-riski-vozniknoveniya-rasstroystva (accessed 24.12.2024).

Ivanova N. B. *Proza Yu. Trifonova* [Prose by Y. Trifonov]. Moscow, Sov. pisatel’, 1984, 296 p.

Leyderman N. L., Lipovetskiy M. N. *Ot “sovetskogo pisatelya” k pisatelyu sovetskoy epokhi: put’ Yuriya Trifonova* [From a “Soviet writer” to a writer of the Soviet era: the path of Yuri Trifonov]. Ekaterinburg, AMB, 2001, 42 p.

Moskacheva M. A., Kholmogorova A.B., Garanyan N.G. Aleksitimiya i sposobnost' k empatii [Alexithymia and the capacity for empathy]. *Konsul’tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*. 2014, vol. 22, no. 4, pp. 98–114.

Ovsyaniko-Kulikovskiy D. N. Etyudy o tvorchestve A. P. Chekhova [Sketches of the works of A.P. Chekhov]. In: *A. P. Chekhov: pro et contra: Tvorchestvo A. P. Chekhova v russkoy mysli kontsa 19 – nachala 20 v. (1887–1914): antologiya* [A. P. Chekhov: pro et contra: The work of A. P. Chekhov in Russian thought of the late 19th – early 20th centuries (1887–1914): anthology]. St. Petersburg, RCHA, 2002, pp. 482–536.

Patera T. *Obzor tvorchestva i analiz moskovskikh povestey Yuriya Trifonova* [Review of the works and analysis of Moscow stories by Yuri Trifonov]. Ann-Arbor, Ardis, 1983, 348 p.

Rybal’chenko T. L. *Povest’ i rasskaz v sovremennom literaturnom protsesse (Problema vzaimodeystviya zhanrov)* [The novel and the short story in the modern literary process (The problem of interaction of genres)]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Tomsk, 1978, 18 p.

Saint Cyril of Alexandria. *Tolkovanie na Evangelie ot Ioanna: V 2 t.* [Interpretation of the Gospel of John: In 2 vols.]. Mitrofan Muretov (Transl.). Moscow, Sibirskaya Blagozvonnitsa. 2011, 991 p.

Stepanov A. D. *Problemy kommunikatsii u Chekhova* [Problems of communication in Chekhov]. Moscow, LRC Publishing House, 2005, 400 p.

Sukhanov V. A. Besposhchadnost' v proze F. M. Dostoevskogo i Yu. V. Trifonova [Ruthlessness in the prose of F. M. Dostoevsky and Yu. V. Trifonov]. In: *Dostoevskiy i vremya* [Dostoevsky and time]. Tomsk, 2004, pp. 136–146. (Russkaya klassika: issledovaniya i materialy [Russian Classics: Research and Materials]; Iss. 1)

Sukhanov V. A. *Romany Yu. V. Trifonova kak khudozhestvennoe* edinstvo [Novels of Yu. V. Trifonov as an artistic unity]. Tomsk, TSU, 2001, 322 p.

Sukhanov V. A. Terpenie kak tsennostnyy otvet lichnosti v proze Yu. Trifonova [Patience as a value response of the individual in the prose of Yu. Trifonov]. In: *Russkaya literatura v 20 veke: imena, problemy, kul'turnyy dialog* [Russian literature in the 20th century: names, problems, cultural dialogue]. Tomsk, 2021, iss. 11, pp. 63–76.

Zakharova A. D. Metodika raboty nad akvarel'nym natyurmortom [Methodology for working on a watercolor still life]. In: *Akvarel' v uchebe i tvorchestve: Sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunarodnym uchastiem (Orel, 15–16 noyabrya 2017 g.)* [Watercolor in studies and creativity: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (Orel, November 15–16, 2017)]. Orel, Orlov State University named after I. S. Turgenev, 2017, pp. 78–82.

List of sources

Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta [The Bible. The Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. Moscow, Izd. Moskovskoy Patriarkhii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi, 2022, 1376 p.

Chekhov A. P. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t.* [Complete works and letters: in 30 vols.]. Moscow, Nauka, 1986, vol. 10, 495 p.

Trifonov Yu. V. *Drugaya zhizn'* [Another life]. Moscow, Izvestiya, 1979, 688 p.

Информация об авторах

Вячеслав Алексеевич Суханов, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской литературы XX–XXI веков и литературного творчества филологического факультета Томского государственного университета (Томск, Россия)
Scopus Author ID 57194019366
WoS Researcher ID MVX-3942-2025

Павел Алексеевич Гендрин, аспирант филологического факультета Томского государственного университета (Томск, Россия)
WoS Researcher ID MEO-9269-2025

Information about the authors

Vyacheslav A. Sukhanov, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History of Russian Literature of the 20th–21st Centuries and Literary Creativity, Faculty of Philology, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)
Scopus Author ID 57194019366
WoS Researcher ID MVX-3942-2025

Pavel A. Gendrin, Postgraduate Student, Faculty of Philology, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)
WoS Researcher ID MEO-9269-2025

Статья поступила в редакцию 23.04.2025;
одобрена после рецензирования 20.05.2025; *принята к публикации 20.05.2025*
The article was submitted on 23.04.2025;
approved after reviewing on 20.05.2025; *accepted for publication on 20.05.2025*

Научная статья

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/93/7

«Путешествие с горшком герани» как пародия на «сентиментальный канон» травелога

Наталья Владимировна Константинова

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

scribe2@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7329-9977

Аннотация

Характеризуется сюжетная ситуация «путешествие с горшком герани» как пародия на «сентиментальный канон» травелога. Основное внимание уделяется ее варианту, представленному в малоизученном романе В. В. Сиповского «Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Санкт-Петербург в 30-х годах XIX столетия». Выявляются основные устойчивые элементы ситуации как «трогательной повести о герани», определяющие аспекты пародирования «сентиментального канона». Впервые определяется претекст романа Сиповского – пародийный травелог А. Ф. Вельтмана «Путевые впечатления и, между прочим, горшок герани», опубликованный в 1840 г. в журнале «Сын Отечества». Выделяется и характеризуется функция цветочного кода: герань как «роза для бедных», прозаический вариант поэтических пиона и розы, становится главным маркером пародийного «символического» фона травелогов Сиповского и Вельтмана.

Ключевые слова

путешествие, травелог, пародия, сюжетная ситуация, герань, героиня, сентиментальный канон, претекст

Для цитирования

Константинова Н. В. «Путешествие с горшком герани» как пародия на «сентиментальный канон» травелога // Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 96–105. DOI 10.17223/18137083/93/7

“Journey with a pot of geraniums” as a parody of the “sentimental canon” of travelogue

Natalia V. Konstantinova

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

scribe2@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7329-9977

Abstract

This paper characterizes the plot scenario of “a journey with a pot of geraniums” as a parody of the sentimental travelogue canon. The analysis focuses primarily on the version presented

© Константинова Н. В., 2025

in Vasily Sipovsky's understudied novel "Puteshestvie Erasta Krutolobova v Moskvu i Sankt-Peterburg v 30-kh godakh 19 stoletiya" ("Erast Krutolobov's journey to Moscow and St. Petersburg in the 1830s"). The study uncovers the essential elements of the "touching tale of geraniums" that characterize the parody of the "sentimental canon." These include: (1) a stagecoach journey from Moscow to St. Petersburg as the primary route; (2) the protagonists, an old maid and a large geranium bush; (3) the purpose of the journey, which involves delivering the geranium as a cherished memento from a long-lost love; and (4) the finale, in which the man fails to recognize the plant, ultimately shattering the heroine's heart. For the first time, the pretext of Sipovsky's novel is established. It is the parody travelogue "Putevye vpechatleniya i, mezhdu prochim, gorshok gerani" ("Travel impressions and, by the way, a pot of geraniums") by Alexander Veltman, published in 1840 in the magazine "Syn Otechestva." Furthermore, the study analyzes the function of the floral code, positioning the geranium, a symbol contrasting to the poetic peony and rose, as a central element of the parodic elements of both Sipovsky's and Veltman's travelogues.

Keywords

travel, travelogue, parody, plot situation, geranium, heroine, sentimental canon, pretext

For citation

Konstantinova N. V. "Journey with a pot of geraniums" as a parody of the "sentimental canon" of travelogue. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*], 2025, no. 4, pp. 96–105. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/93/7

В первой трети XIX в. обнаруживается не только активное «тиражирование» текстов о путешествии, но и ироничное переосмысление «общих мест» сентименталистской традиции травелога. Стремление авторов начала века к подражанию и пародированию «карамзинского канона» часто связывают с недостаточной литературной одаренностью, желанием хотя бы формально соответствовать статусу писателя. При этом общим для всех объектом пародии и признаком вторичности текста по отношению к традиции, как правило, становилась «чувствительность» как главная характеристика героя-путешественника [1]. На популярность такого типа путешественника в травелоге указывает и факт появления произведений с выделенной номинацией уже в названии. Ярким примером является «Новый чувствительный путешественник, или Моя прогулка в А**» анонимного автора К. Г. (1802). В заголовке акцентируется внимание на ключевых точках сентиментальной поэтики: на первый план выходит личность путешественника, стремление описать свои чувства и мысли, а слово «прогулка» актуализирует идею свободного путешествия в целях увеселения и досуга [2]. Впоследствии «чувствительность» русского путешественника и определяет основной фокус пародирования [3].

Издержки устаревшего «сентиментального канона» травелога становятся объектом художественной рефлексии В. В. Сиповского, одного из ключевых исследователей «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина. Речь идет о его пародийном травелоге «Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Санкт-Пе-

[1] Подробный обзор вариантов пародий на травелог см. в статье: [Константинова, 2024].

[2] См. подробнее в статье: [Мамуркина, 2015, с. 125].

[3] На эту особенность обращает внимание Э.-Г. Кросс, в частности, он пишет о влиянии английской литературы на литературную деятельность русского писателя, его ориентацию на творчество Л. Стерна, особенности модификации повествования в травелоге. См.: [Cross, 1971, p. 12]. Русские пародийные травелоги косвенно рассматриваются и в исследовании С. Дикинсон с точки зрения организации нарратива и способа изображения типа рассказчика. См.: [Dickinson, 1995, p. 198].

тербург в 30-х годах XIX столетия», изданном в 1929 г. под псевдонимом В. Новодворский (Новодворский, 1929). Роман Сиповского в целом представляет собой своеобразную «литературную игру» с сентименталистской традицией, на что указывает обилие реминисценций разного рода, представленных уже в заглавии [4]. Путешествие Эраста Крутолобова – это филологический травелог, отражающий взгляд Сиповского на влияние «карамзинского канона» и пути его освоения беллетристикой.

Соотношение литературы и действительности становится одним из вопросов, над которым рассуждает главный герой произведения Эраст Крутолобов. В финале, после завершения путешествия, он, несмотря на увещевания матери, отказывается писать об этом:

> О своем сентиментальном пешеходном путешествии по Малороссии Эраст ничего писать не хотел. Перечитав «Путешествие по Малороссии», сочиненное прадедом, князем Шаликовым, он нашел, что ничего общего между этим сочинением и украинской действительностью нет (Новодворский, 1929, с. 181).

Однако отказывается Эраст писать только в жанре травелога, тогда как возможные «литературные темы» он с матерью обсуждает. Пародийное описание «литературной деятельности» Эраста (все возникает и завершается только проектами) выявляет наиболее популярные для литературного «сентиментального канона» сюжеты: «о бедной Палаше, похищенной гусаром»; «о злосчастной Полине, жертве родительского произвола»; «о насильном браке Эраста (или самоубийство от чувствительности)»; «о кусте герани» (о любовном разочаровании чувствительной старой девы).

Выбор сюжетного репертуара обнаруживает как специфику «книжного сознания» героев, так и в целом ключевые объекты многочисленных пародий, появившихся в 30-е гг. XIX в. Если первые три темы в большей степени оказываются знакомы читателю – знатоку литературной традиции, то четвертая – о кусте герани – вызывает особый исследовательский интерес. Следует отметить, что все темы, выбранные матерью для «литературной обработки», были сформулированы на основе «реальных» историй, произошедших с Эрастом в путешествии. Так, ситуация с геранью отражает дорожное происшествие, случившееся с ним на пути из Москвы в Петербург. История с геранью представлена в виде четырех фрагментов, раскрывающих последовательно сюжет «трогательной повести о герани», как это обозначено в повествовании. Обратим внимание, что и в названии темы, и в характеристике истории акцент сделан именно на герани (кусте герани), а не на героине, которая с ней путешествует. Другими словами, герань становится центральной героиней.

Отправляясь в Петербург из Москвы на дилижансе «Стрекоза», Эраст со слугой Фролкой знакомится с попутчиками. Старая дева с большим кустом герани вызывает у всех явное раздражение, а герань очевидно контрастирует с огромным медным самоваром другого попутчика – мещанина. Этот эффект достигается за счет сочетания разных точек зрения, выражающих экзальтированное, возвы-

[4] По мнению А. Ю. Веселовой, «роман Сиповского в пародийной форме иллюстрирует отражение литературной борьбы идеализма и реализма в общественной жизни начала XIX века и роль сентиментализма и его создателя Карамзина в истории развития русской литературы». Цит. по: [Веселова, 2016, с. 66].

шенное, чувствительное сознание героини и бытовое, сниженное, грубое – мещанина с самоваром в руках. Контраст выражен и способом стилевого перебива: «тайна своей жизни», «обладательница пышного куста герани», «сувенир», «трогательный рассказ» и «толстый мещанин», «ругались», «лезли в нос». Сама ситуация путешествия с кустом герани оценивается участниками события, с одной стороны, как «трогательный рассказ», с другой – как «глупость». При описании ситуации особое внимание акцентируется на герани как центральной героини истории:

> В двух передних углах «Стрекозы» сидели двое: какая-то, по-видимому, старая дева с растрепанным целым кустом герани в руках, а напротив нее толстый мещанин, с огромным медным самоваром в объятиях. Самовар был так велик, что из-за него почти не видно было владельца. Куст герани закрывал лицо старой девы. Первые пассажиры сидели и лихо ругались. Они мешали друг другу: ветви герани закрывали потолок и лезли в нос мещанину с самоваром, а кран самовара упирался в самый куст и грозился его поломать (Новодворский, 1929, с. 106).

И только Эрасту старая дева по секрету открывает «тайну своей жизни». Так, последовательно, на фоне описания основного путешествия Эраста раскрывается семантика сюжетной ситуации о «путешествии с кустом герани».

«Трогательную повесть о герани» можно описать в виде следующей схемы сюжетной ситуации травелога: маршрут – путешествие в дилижансе из Москвы в Петербург, главные героини – старая дева и большой куст герани, цель поездки – герань – это «сувенир» от «него», «он» уже давно женат и народил кучу детей, а она осталась девицей и все ещё бережет его сувенир; узнав о его вдовстве, она отправляется напомнить «ему» о юношеском увлечении, финал истории – герани «он» не признал и «отрекся, что когда-нибудь какую-нибудь герань кому-нибудь подносил»; «сердце бедной девы было разбито вдрызг». Показательно, что основные фрагменты этой «повести» выделяют размер герани: в первом эпизоде намеренно гиперболизируется куст герани, ее хозяйка, Агафоклея Семеновна Душкина, представлена как «обладательница пышного куста герани», а затем сообщается, что в молодости «малюсеньким кустиком получила она ее “в сувенир” от “него”». Таким образом, размер герани подчеркивает одновременно и солидный возраст хозяйки, и временную дистанцию между событием преподнесения герани как «знака любви» и настоящим моментом. И в определенной степени оправдывает поведение бывшего возлюбленного, который из потенциального жениха неожиданно превращается в «старого черта»:

> Оказалось, во-первых, «он», хотя и овдовел, но успел уже жениться (старый чорт!), а во-вторых, герани он не признал и отрекся, что когда-нибудь какую-нибудь герань кому-нибудь подносил (Новодворский, 1929, с. 138).

В реальности сердце «бедной девы» оказывается разбито не столько неблагодарным героем, сколько ее склонностью к чувствительным иллюзиям.

Таким образом, «трогательная повесть о герани» представляет собой пародию на «чувствительный» тип сознания, «общее место» «сентиментального канона». Литературный сценарий жизненной истории не оправдывает ожидания и разрушается, более того – профанируется, что выражается с помощью оппозиции «казалось – оказалось», сочетания противоположных точек зрения на событие. Фак-

тически в этой сюжетной схеме можно увидеть и зеркальное изображение ситуации «соблазненная и покинутая», характерной для «лизина текста», большинства подражательных повестей начала XIX в. и различных вставных любовных историй в травелогах. Однако, на наш взгляд, только обращение к претексту «трогательной повести о герани» позволит в полной мере оценить остроумную литературную игру Сиповского, сумевшего пародийными средствами показать способы разрушения известной сюжетной ситуации.

По нашему мнению, своего рода претекстом является пародийный травелог А. Ф. Вельтмана «Путевые впечатления и, между прочим, горшок герани», опубликованный в 1840 г. в журнале «Сын Отечества» (Вельтман, 1840). Текст обозначен в подзаголовке как «рассказ вроде повести» и представляет собой развернутое повествование о путевых впечатлениях разночинца, писателя Александра Фёдоровича, отправившегося в путешествие из душной Москвы в Петербург и встретившего в дилижансе странную попутчицу Минодору Памфиловну с большим горшком герани. Автор очевидно пародирует «чувствительные» истории и особенности «книжного» сознания героев. Путешествие с горшком герани в дилижансе обнаруживает несостоятельность, нелепость «сентиментального канона», в целом нежизнеспособность «чувствительной» точки зрения на мир.

Всё повествование Вельтмана строится на контрасте шаблонных представлений героев о жизни и их реальном воплощении. Оппозиция «казалось / ожидалось – оказалось» выражает контраст мечты и реальности, литературности / шаблонности и действительности. С помощью смещения с ожиданий на реальность происходит перекодировка и языка описания. Так, «Александру Фёдоровичу представлялось, что она непременно должна явиться на извозчике, в шляпке из сурового батиста, покрытой зеленым вуалем, в холстинковом или ситцевом с широкою оборкой платье, в переднике или таблье с карманами; в одной руке большой зонтик a la Taglioni, в другой огромный ридикюль a la мешок», однако в реальности в дилижанс садится «сопутная дама» с большим горшком герани, с «сырцовыми локонами под чепцом» и в «изношенных башмаках»:

> Она была худа, костлява и обтянута четырьмя полотнищами скромного ситца; лиф decollete; лета трудно было определить, хотя и заметно было сквозь чепец, что от косы осталось не более как с мышиный хвостик, и пробившийся гренадерский ус пора уже было подстригать (Вельтман, 1840, с. 36).

Разочарование и раздражение Александра Фёдоровича исчезает только тогда, когда он начинает размышлять о том, что герань хранит, видимо, «тайну сердца сопутной дамы». И всё дальнейшее повествование о поездке в дилижансе строится вновь на контрасте иллюзии и реальности, поэзии и прозы, чувствительного любовного сюжета и бытового объяснения события. В сознании героя возникают разные предположения о том, героиней какой тайной истории является герань, столь важная для попутчицы:

> Он стал думать о Минодоре Памфиловне и разгадывать: какая тайная связь может существовать между нею и горшком герани? (Вельтман, 1840, с. 39).

Предположения Александра Фёдоровича о «сентиментальном сюжете» в жизни Минодоры Памфиловны впоследствии формально оправдываются:

Да, герань Минодоры Памфиловны, верно, разговаривает с ней о комнибудь и о чем-нибудь, занимает, тешит ее рассказами о былом, ручается ей за чье-нибудь сердце, как аманат (вверенное на хранение, надёжность)... иначе Минодора Памфиловна не любила бы герани, разве на ней вместо листьев росли бы проценты с какого-нибудь капитала. Рассуждая таким образом, Александр Фёдорович постепенно мирился со своею спутницей; им овладело сперва любопытство узнать повесть её жизни, а наконец овладел и сон (Вельтман, 1840, с. 39).

Он добивается признания, подобрав необходимый ключ – язык – для разговора с героиней («этот цветок напоминает вам что-нибудь приятное в жизни? Симпатия к чему-нибудь есть признак сентиментальных душ» (Вельтман, 1840, с. 41)), после чего она делится «слёзной историей». В его представлении горшок герани – это знак чувствительности души человека, способного на сильные эмоции. Для иллюстрации такого способа выражения чувств Александр Фёдорович проводит аналогию со своей любовной историей, символом памяти о прошедшей любви является «исписанный листок розы»:

«О, природа наделила вас чувствительным сердцем, – сказал Александр Фёдорович, – это видно даже по вашей попечительности об этом цветке. Истинная, симпатическая любовь дорожит не только целым растением, но даже одним листиком, напоминающим взаимность. Вот посмотрите, как я храню драгоценный листок, подаренный мне предметом обожания». И Александр Фёдорович открыл свой бумажник, в котором, – как на гербариуме хранился весь исписанный листок розы (Вельтман, 1840, с. 42).

Точка зрения Александра Фёдоровича очевидно контрастирует с представлением о своей жизненной ситуации Минодоры Памфиловны. Она, напротив, предельно натуралистично описывает историю с геранью. Выясняется, что, когда она девушкой жила в доме отца, ей оказывали знаки внимания два кавалера – ненавистный ей Иван Тихонович, за которого ее хотел выдать замуж отец, и Петр Матвеевич, вызывавший у нее симпатию. Появление герани в жизни героини представлено предельно буднично, внезапный вопрос Петра Матвеевича о том, какие у нее любимые цветы, вызывает волнение:

Что делать? не сказать же: убирайся к чёрту! Вот и пошли: я, вся горю, без души иду. Петр Матвеевич вдруг спрашивает: – Какие вы цветы любите, Минодора Памфиловна? Я в конфуз и пришла; не знаю, что отвечать; ни одному цветку имени не припомню; а не оставаться же дурой безответной. Пришла на память герань, я и брякни: герань; а и запаху ее терпеть не могла. Любимые цветы мои были пионы... (Вельтман, 1840, с. 52).

Не оправдывается и ожидание трагической / счастливой развязки любовной истории: Минодора Памфиловна поясняет, что внезапно появившийся горшок герани в ее доме был воспринят ею и всеми родными и близкими как подарок Петра Матвеевича, распустились слухи, из-за которых он сбежал, а когда впоследствии умер ее отец, поместье забрали за долги, спасти удалось только горшок герани:

Да, батюшка, каково мне, было: распустила слухи, что я в связи с Петром Матвеевичем! Поневоле человек оставил дом. Да вдруг два горя мне: лишилась благополучия, а потом родитель Богу душу отдал; да еще

на придачу, именье все описали, дом опечатали, пустили по миру!.. Вот только достоянье и уцелело… Тут Минодора Памфиловна горько зарыдала! <…> Как стали приказные печатать... я и бросилась без памяти к горшку: батюшки, ведь герань-то засохнет, без поливанья! да и схватила ее... схватила, да и бежать!.. (Вельтман, 1840, с. 53).

Цель же ее настоящей поездки в Петербург – решить финансовые вопросы, связанные с «именьем батюшки». Героиня не надеется уже на продолжение любовной истории, однако в сознании Александра Федоровича возникает иллюзия возможного ее счастья с любимым:

…чего доброго, может быть, воротится и старая любовь, и Петр Матвеевич будет снова искать вашей руки (Вельтман, 1840, с. 63).

Желание «дописать» сюжет о любовной истории Минодоры Памфиловны заставляет Александра Федоровича помогать своей попутчице (он снимает ей комнату, ходит по ее поручениям). В результате героиня встречает в Петербурге не Петра Матвеевича, о котором мечтала в юности, а ненавистного Ивана Тихоновича, неожиданно сообщившего, что горшок герани ей подарил он, чем окончательно разрушается возможный «счастливый финал» любовной истории. Узнав о том, что герань ей подарил другой, Минодора Памфиловна бросает ее в съемной квартире и уезжает. Трогательная повесть о бедной Минодоре Памфиловне завершается в сознании Александра Федоровича как «писателя», прочитавшего бытовую житейскую ситуацию как литературный сюжет с трагическим финалом («Эге! повесть кончена! – подумал Александр Фёдорович, – бедная Минодора Памфиловна! Какое разочарование для пламенной, постоянной любви твоей!..» (Вельтман, 1840, с. 79)). При этом герань становится символом обманутых надежд, из «завета любви» превращается в нелепый цветок, подаренный «скверненьким Иваном Тихоновичем». «Разница между одной и той же геранью» выражается двумя вариантами сюжета: возвышенный, чувствительный и бытовой, реалистичный, – поэтический и прозаический. Пародийность текста о герани выражается в несоответствии «чувствительного канона» реальности, в его шаблонности и нелепости. Более того, в финале текста Вельтмана после исчезновения Минодоры Памфиловны неожиданно появляется Петр Матвеевич и сообщает:

В продолжение десяти лет я заключен был злым волшебником Иваном Тихоновичем в горшке герани <…> вся премудрость состояла только в том, чтоб грохнуть горшок об пол; но она в десять лет не догадалась этого сделать <…> К счастью моему, какой-то благодетельный гений грохнул горшок о землю и – я свободен; иначе, простоял бы на окне целый век или в цвете лет увял бы без призрения (Вельтман, 1840, с. 82).

Мистическое продолжение истории акцентирует внимание на значении горшка герани: он был не залогом любви, не символом чувствительной натуры героини, а, напротив, пленом для влюбленного Петра Матвеевича.

Таким образом, история о кусте герани в травелоге Сиповского является модификацией сюжета «рассказа вроде повести» Вельтмана, в котором горшок герани фактически становится главным героем, а не «между прочим» появляется как нелепый атрибут героини в дорожной ситуации.

В заключение подробнее остановимся на семантике цветочного кода. В истории есть объяснение, почему именно герань, а не другой цветок везет в горшке героиня: Минодора Памфиловна случайно «брякнула» про герань на вопрос

о любимых цветах, хотя ей нравились пионы. Определенный цветочный код задается противопоставлением «пион – герань», а затем в рассказе о своих любовных воспоминаниях Александр Фёдорович называет еще и «исписанный листок розы». Герань как «роза для бедных», прозаический вариант поэтических пиона и розы, становится главным маркером пародийного «символического» фона травелогов Сиповского и Вельтмана. В обоих предметом изображения является несостоятельность и исчерпанность «чувствительных» любовных сюжетов в литературе 30–40-х гг.

Профанация «чувствительности» в сюжетной ситуации «трогательной повести о герани» выражается в том, что в ней существенно искажается, трансформируется повествовательная модель «сентиментальной повести»: неадекватность любовных иллюзий героини доводится до абсурда нелепым путешествием с горшком герани, стремление напомнить герою о юношеском увлечении развенчивается его реакцией (непризнанием события, отречением от герани), вместо счастливого или трагического финала обнаруживается событийный вакуум, в котором событие подменяется восклицанием рассказчика о разочаровании бедной девы. Таким способом пародируются и образ, и событие, и способ повествования о нем, и сам рассказчик. Герань же, которая «пышно расцветает» в произведениях русской литературы второй половины XIX в. как мещанский цветок, в этих сюжетах становится, кроме прочего, маркером смены повествовательной модели в 30–40-е гг. Заметим попутно, что герань в цветочном литературном коде [5] обладает устойчивой семантикой и нередко сопровождает истории о «несостоявшейся любви», в которых отношения воображаются, но не реализуются, она также сопутствует выражению иллюзорности стремлений героя, является «вещественным знаком» в его воспоминаниях [6].

Список литературы

Веселова А. Ю. Карамзинский код в романе В. В. Сиповского «Путешествие Эраста Крутолобова» // Слово.ру: Балтийский акцент. Серия: Языкознание и литературоведение. 2016. Т. 7, № 3. С. 65–73.

Константинова Н. В. Пародия на тип «чувствительного путешественника» в русских травелогах первой трети XIX века // Изв. Урал. федерал. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 26, № 1. С. 9–25.

Мамуркина О. В. «Новый чувствительный путешественник, или Моя прогулка в А**»: специфика повествовательной структуры травелога // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 6 (48), ч. 2. С. 124–127.

Ознобишин Д. П. Селам, или Язык цветов. СПб.: Деп. нар. просвещения, 1830. 132 с.

Шарафадина К. И. «Язык цветов» в русской поэзии и литературном обиходе первой половины XIX века (источники, семантика, формы): Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004. 431 с.

[5] Об этом подробнее в работах: [Ознобишин, 1830; Язык цветов…, 1849; Шарафадина, 2004].

[6] Горшок герани появляется в начале романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди» как знак неуместной «чувствительности» Макара Девушкина, подарок Вареньке. В повести И. С. Тургенева «Ася» главный герой, оставшись одиноким, хранит «как святыню» ветку герани, подаренную Асей как знак того, что «она дама его сердца».

Язык цветов, или Описание эмблематических значений, символов и мифологического происхождения цветов и растений. С прибавлением стихотворений, написанных на цветы русскими поэтами. СПб., 1849. 125 с.

Cross A. N. M. Karamzin: a study of his literary career 1783–1801. London, 1971. 306 p.

Dickinson S. Imagining Space and Self Russian Travel Writing and Its Narrators, 1762–1825. PhD Diss. Harvard University, 1995. 198 p.

Список источников

Вельтман А. А. Путевые впечатления и, между прочим, горшок герани // Сын Отечества. 1840. Т. 1. С. 35–84.

Новодворский В. Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Санкт-Петербург в 30-х годах XIX столетия. Л.: Красная газета, 1929. 182 с.

Новый чувствительный путешественник, или Моя прогулка в А*** / Российское сочинение К*. Г*. М.: Унив. тип., у Люби, Гария и Попова, 1802. 80 с.

References

Cross A. N. M. *Karamzin: a study of his literary career 1783–1801*. London, 1971, 306 p.

Dickinson S. *Imagining space and self russian travel writing and its narrators, 1762–1825*. PhD Diss. Harvard University, 1995, 198 p.

Konstantinova N. V. Parodiya na tip “chuvstvitel’nogo puteshestvennika” v russkikh travelogakh pervoy treti 19 veka [A parody of the type of “sensitive traveler” in Russian travelogues of the first third of the 19th century]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 2024, vol. 26, no. 1, pp. 9–25.

Mamurkina O. V. “Novyy chuvstvitel’nyy puteshestvennik, ili Moya progulka v A**”: spetsifika povestvovatel’noy struktury traveloga [“A new sensitive traveler, or my walk to A **”: the specifics of the narrative structure of a travelogue]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2015, no. 6 (48), pt. 2, pp. 124–127.

Oznobishin D. P. *Selam, ili Yazyk tsvetov* [Selam, or the Language of flowers]. St. Petersburg, Dep. nar. prosveshcheniya, 1830, 132 p.

Sharafadina K. I. *“Yazyk tsvetov” v russkoy poezii i literaturnom obikhode pervoy poloviny 19 veka (istochniki, semantika, formy)* [“The language of flowers” in Russian poetry and literary usage of the first half of the 19th century (sources, semantics, forms)]. Dr. philol. sci. diss. St. Petersburg, 2004, 431 p.

Veselova A. Yu. Karamzinskiy kod v romane V. V. Sipovskogo “Puteshestvie Erasta Krutolobova” [Karamzin’s code in the V. Sipovsky’s novel “The journey of Erastus Krutolobov…”]. *Slovo.ru: Baltic accent*. 2016, vol. 7, no. 3, pp. 65–73.

Yazyk tsvetov, ili Opisanie emblematicheskikh znacheniy, simvolov i mifologicheskogo proiskhozhdeniya tsvetov i rasteniy. S pribavleniem stikhotvoreniy, napisannykh na tsvety russkimi poetami [The language of flowers, or a description of the emblematic meanings, symbols, and mythological origins of flowers and plants. With the addition of poems written on flowers by Russian poets]. St. Petersburg, 1849, 125 p.

List of sources

Novodvorskiy V. *Puteshestvie Erasta Krutolobova v Moskvu i Peterburg v 30-kh godakh 19 stoletiya* [Erast Krutolobov's journey to Moscow and St. Petersburg in the 1930s.]. Leningrad, Krasnaya Gazeta, 1929, 182 p.

*Novyy chuvstvitel'nyy puteshestvennik, ili Moya progulka v A***. Rossiyskoe sochinenie K* G**. [A new sensitive traveler, or My walk to A***. Russian essay by K* G*]. Moscow, Univ. tip. of Lyubiy, Gariy, and Popov, 1802, 80 p.

Vel'tman A. A. Putevye vpechatleniya i, mezhdu prochim, gorshok gerani [Travel impressions, and by the way, a pot of geraniums]. *Syn Otechestva*. 1840, vol. 1, pp. 35–84.

Информация об авторе

Наталья Владимировна Константинова, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Natalia V. Konstantinova, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, Literary Theory and Methods, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 03.04.2025;
одобрена после рецензирования 24.04.2025; принята к публикации 24.04.2025
The article was submitted on 03.04.2025;
approved after reviewing on 24.04.2025; accepted for publication on 24.04.2025

Научная статья

УДК 82-6
DOI 10.17223/18137083/93/8

Две Веры в творчестве Б. К. Зайцева: к проблеме художественной рецепции писателя

Чжан Юйвэй

Чжэнчжоуский университет
Чжэнчжоу, Китай
kesainiya16@yandex.com

Аннотация

Анализируются мемуарные повести Б. К. Зайцева «Повесть о Вере» и «Другая Вера. Повесть временных лет», созданные писателем на основе переписки Веры Николаевны Муромцевой-Буниной и Веры Алексеевны Зайцевой. Посредством герменевтического метода реконструируется возможное понимание Б. К Зайцевым переписки двух подруг. Примечания писателя, его размышления, дополнения к письмам способствуют органическому сочетанию документальности и литературности двух повестей, расширяя жанровый диапазон мемуаров и придавая мемуарной прозе Б. К. Зайцева синкретический характер и продуктивный потенциал для повествования. Освещение переписки двух Вер становится для Б. К. Зайцева не только памятью о них, но и своего рода беседой с самим собой, обращением к своей памяти о прошлом.

Ключевые слова

Б. К. Зайцев, мемуарная повесть, Вера Бунина, Вера Зайцева, художественная рецепция

Для цитирования

Чжан Юйвэй. Две Веры в творчестве Б. К. Зайцева: к проблеме художественной рецепции писателя // Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 106–118. DOI 10.17223/18137083/93/8

The two Veras in the works of Boris Zaitsev: on the problem of the writer's artistic reception

Zhang Yuwei

Zhengzhou University
Zhengzhou, China
kesainiya16@yandex.com

Abstract

This paper presents the analysis of Boris Zaitsev's memoir novels "The Tale of Vera" and "Another Vera. The Tale of Bygone Years" created based on the correspondence between

© Чжан Юйвэй, 2025

Vera Nikolaevna Muromtseva-Bunina and Vera Alekseevna Zaitseva. A hermeneutic approach is used to reveal the reconstruction of the letters exchanged between the two women. A comparative analysis of the novels identifies the shared themes that preoccupied both correspondents and explores the reasons behind their enduring epistolary dialogue in exile. The key distinction between the two works is determined to be the degree of Zaitsev's authorial presence. In "The Tale of Vera", he assumes an active narrative role, frequently interjecting with commentary, while in "Another Vera. The Tale of Bygone Years," his voice recedes into the background, emerging only when necessary to ensure textual coherence and concision. Zaitsev's comments, reflections, and complements to the letters create an organic fusion of documentary and literary elements, expanding the generic boundaries of memoir writing and endowing his prose with a syncretic quality that enhances its narrative potential. For Zaitsev, compiling the correspondence of the two Veras serves not only as an act of commemoration but also as a means of engaging in an internal dialogue with himself and with his own past.

Keywords

B. K. Zaitsev, memoir novel, Vera Bunina, Vera Zaitseva, artistic reception

For citation

Zhang Yuwei. The two Veras in the works of Boris Zaitsev: on the problem of the writer's artistic reception. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*], 2025, no. 4, pp. 106–118. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/93/8

Творчество Б. К. Зайцева (1881–1972) характеризуется различными художественными методами и жанровым многообразием, особенно когда речь идет о его мемуарной прозе, например о «Повести о Вере» (1967) и «Другой Вере. Повести временных лет» (1968). В обеих повестях на одном уровне стоят биографические источники, личные письма, литературные портреты, художественные поиски писателя и т. д., что осложняет проблему несоответствия реального мира и мира произведения с ярким биографическим характером, а также заостряет художественную рецепцию Б. Зайцева, выдвигая его субъективное восприятие прошедших событий и близких ему людей на первый план.

Стоит разделить понятия автобиографии и мемуара. Безусловно, в целом они обладают документальностью как доминирующим элементом. Г. Г. Елизаветина утверждает: «В отличие от мемуаров автобиография – рассказ не столько об исторических событиях, сколько о собственном жизненном пути» [Елизаветина, 1982, с. 243]. В автобиографическом романе писатель стремится восстановить целостность своего «я», свой пройденный путь и становление себя как личности. А мемуары как художественное целое характеризуются неоднородной организацией. Они «определяются как сложная структура, в которой соединяются элементы лирической повести, биографического повествования, литературного портрета или некоторые другие» [Колядич, 1998, с. 8]. Таким образом, диапазон характеристик мемуаров шире характеристик автобиографических произведений.

Однако среди множества признаков мемуара как жанра отличительным все же является автобиографическое начало. Т. М. Колядич замечает: «Основным качеством мемуарной прозы следует считать "присутствие" в структуре произведений автобиографических элементов. С оформлением этого качества в литературе и связано само появление мемуаристики как самостоятельного образования в системе прозаических жанров» [Там же, с. 8–9]. Другими словами, наличие элементов автобиографии определяет границу между мемуаристикой и художественной прозой. Это подтверждает и Дж. Баррингтон: «Вообще при создании мемуаров и художественной прозы фантазия играет свою роль, но в мемуарах эта роль

зависит от фактов, а в художественной прозе – от степени веры читателя» [Баррингтон, 2014, с. 12]. Недаром воспоминания, жизнеописания, дневники, письма часто используются как документальные данные, ведь в их основе лежат жизненные факты.

Интересно, что восприятие автобиографии, воспоминаний и писем как самостоятельного целого у китайских и российских ученых различается. В Китае полагают, что к «периферии автобиографии» относятся личные записи, такие как переписка, дневники, путевые очерки, а в «суб-автобиографию» прежде всего входят воспоминания и записи устных высказываний [Ян Чжэнжун, 2009, с. 355, 417]. Иначе говоря, воспоминания и письма включены в категорию «автобиографии», что обусловливается их общей документальностью. А российские исследователи относят письма, дневники, воспоминания и т. п. к объемному понятию «мемуаристика», признавая жанровую самостоятельность таких форм, как «письмо» и «дневник» [Колядич, 1998, с. 48–67; Кознова, 2011, с. 27–32], при этом отмечают, что мемуары занимают промежуточное положение среди разнообразных видов литературы. А «тяготение писателей к многообразию жанровых форм именно в пределах мемуарной литературы объясняется <...> с одной стороны, синтетической природой жанра, а с другой – стремлением писателей найти собственные формы, чтобы предельно выразить себя» [Кириллова, 2019, с. 28].

Кроме жанрового определения, в понятии мемуаристики важен и вопрос о соотношении между фактом и художественностью. З. Н. Чукуева отмечает: «Мемуарный сюжет <...> концентрируется вокруг неподдельных фактов, при этом субъективность показа, очевидное присутствие автора, его угла зрения придают тексту художественность» [Чукуева, 2020, с. 44]. Значит, реальные факты и субъективное начало автора сосуществуют в пространстве мемуаристики. Китайские исследователи определяют прозу документального типа все же как «биографическую», а не «мемуарную», но особо выделяют литературные описания в произведениях такого рода, даже считают, что «литературные описания <...> должны быть одним из необходимых элементов в творчестве биографической литературы» [Ван Чэнцзюнь, 2016, с. 83].

Хотя имеются различия в понимании автобиографии и мемуаров в Китае и России, нетрудно найти и общие подходы к изучению художественной прозы с биографическим характером, а именно акцент на способе повествования автора, т. е. его художественной рецепции документальных материалов. А. Б. Николаева считает: «Личность конкретного человека как субъекта деятельности и как субъекта собственной жизни становится основой любого биографического произведения» [Николаева, 2018, с. 30]. Собирая и соединяя документальные источники в последовательное целое, автор осмысляет их, «что дает основание для выделения в таком тексте автокоммуникации» [Романов, Кучерова, 2023, с. 315]. Автор ведет внутренние диалоги, он одновременно и рассказчик, и персонаж, может быть, и исследователь, дающий оценку и определение описываемого им самим.

Разделяем точку зрения А. Б. Николаевой о том, что «важной чертой герменевтического знания является осмысление жизненного мира индивида, что оказывается главной особенностью биографического жанра. <...> феномен герменевтического метода может привести к формированию биографического опыта» [Николаева, 2018, с. 30–31]. В романе-автобиографии или мемуарах автор осмысляет события, произошедшие когда-то вокруг него, выдвигая свое субъективное начало, так что предполагается использование герменевтического метода для анализа произведений биографического характера, включая мемуаристику.

Серебряный век русской литературы ознаменован не только расцветом модернизма, синтезом искусств, но и появлением различных групп писателей и поэтов, одной из которых является группа писателей-эмигрантов. Хотя под определение «эмигрантская литература» подходят произведения самых разных литераторов, которые отличаются по стилю и художественному методу, но во всех них представлена ностальгия после эмиграции, так что воспоминания о прошлом становятся общим тоном и темой творчества эмигрантских писателей: «Ностальгическая память об оставленных “других берегах” поддерживала в изгнанниках стремление сохранить в инокультурном окружении русское национальное самосознание, и мемуаристика заняла едва ли не ведущее место в русской зарубежной литературе» [Шендерюк, 2018, с. 376]. В этом смысле очень показательно творчество Б. К. Зайцева, создавшего в эмиграции немало биографических произведений, посвященных знакомым ему людям и событиям.

Мемуарные повести Б. К. Зайцева «Повесть о Вере» и «Другая Вера. Повесть временных лет» относятся к эмигрантскому периоду творчества писателя. Они созданы на основе переписки жены И. А. Бунина, Веры Николаевны Буниной (1881–1961), и жены Б. К. Зайцева, Веры Алексеевны Зайцевой (1878–1965). Известно, что Ивана Бунина и Бориса Зайцева связывала долгая дружба, но затем они отдалились друг от друга. Дружба же их жен началась еще в конце XIX в., до знакомства Б. Зайцева с И. Буниным, которое состоялось в 1902 г., когда Б. Зайцев стал членом литературного кружка «Среда» [Зайцев, 2005, с. 117]. И. Бунин со своей будущей женой познакомился на вечере именно в доме Зайцевых. А визу в Париж из Германии Б. Зайцев получил с помощью И. Бунина [Там же, с. 118].

Семьи Буниных и Зайцевых поддерживали близкую дружескую связь. Это хорошо видно из писем двух Вер, сохранившихся у Б. Зайцева после кончины подруг. «Повесть о Вере» состоит в основном из писем Веры Буниной к Вере Зайцевой с 1925 по 1949 г., а «Другая Вера» – из писем Веры Зайцевой к Вере Буниной с 1922 по 1937 г. Важность их переписки «для изучения взаимоотношений двух крупнейших писателей эмиграции», Б. Зайцева и И. Бунина, Е. Р. Пономарев видит в том, что «то, что не проговаривается в мужской переписке, договаривается в дублирующей ее женской» [Пономарев, 2021, с. 209, 216]. А относительно художественного метода писателя Е. Ф. Дудина отмечает, что, «введя в повествование портретные описания, комментарии, размышления, воспоминания, оценку того или иного события, Б. К. Зайцев превратил бытовой документ-письмо в литературный факт» [Дудина, 2020а, с. 67]. Другими словами, повести Б. Зайцева, созданные на основе переписки двух Вер, вышли за рамки документальных источников, чему в большой степени способствовали воспоминания автора, оформленные в виде примечаний и дополнений к содержанию писем. А «включение эпистолярного жанра в мемуарный метажанр дополняет художественные возможности мемуарной прозы в сохранении информации о прошлом, усиливая ее документальную значимость» [Кознова, 2011, с. 32]. Можно сказать, что «Повесть о Вере» и «Другая Вера. Повесть временных лет» относятся к ряду жанрового синкретизма, в котором воспоминания, личные письма и литературный портрет органически соединяются и эксплицируются.

Благодаря соединению переписки подруг и воспоминаниям Б. Зайцева повести о двух Верах не только показывают характеры героинь, но и восстанавливают облик времени, изображая Россию до революции и после установления советской власти, а также разных лиц русской эмиграции первой волны XX в. Сопоставляя

«Повесть о Вере» и «Другую Веру. Повесть временных лет», отметим общее: воспоминания, сочувствие и религиозную веру, которые вплетаются в пространство переписки двух Вер, а также наличие сквозных тем – «бытовой темы» и темы о «происходящем в Москве» [Пономарев, 2021, с. 213]. Главное отличие между этими двумя повестями заключается в форме повествования. В «Повести о Вере» Б. Зайцев прямо цитирует и делает ссылки на письма Веры Буниной, написанные в большинстве случаев к Вере Зайцевой (но иногда и к Борису Зайцеву), чтобы реализовалась целостность повествования; а «Другая Вера. Повесть временных лет» состоит из самих писем с реквизитами этой формы переписки, такими как дата и место, выделенные курсивом справа в самом начале письма, обращение к адресату, поздравления, подпись адресанта в конце письма и т. д., которые снабжены комментариями писателя.

Повесть о Вере Буниной начинается с описания родителей героини и их отношения к избраннику дочери. В это время будущая жена Б. Зайцева, Вера Орешникова, уже была знакома с Верой Муромцевой, будущей женой И. Бунина. Интересно, что те времена Б. Зайцев называет «незапамятными», «доисторическими» и «легендарными» [Зайцев, 1999, с. 373] [1]. Эти определения, с одной стороны, придают тексту повести поэтичность, а с другой – подчеркивают большое по времени расстояние между автором и тогдашними событиями: в глазах Б. Зайцева все это уже ушло в далекое прошлое, а «пачка писем в руках писателя – это символ памяти, который воскрешает прошлое» [Дудина, 2020а, с. 67]. Б. Зайцев подходит к письмам двух Вер с тем чувством, что события, происходившие вокруг них в их молодости в России, давно стали историческими, и теперь никак их не восстановить в реальности. Читая письма Веры Буниной, Б. Зайцев часто вспоминает о прошлом и грустит о безвозвратно уходящем времени: «<...> опять замогильный голос Веры, не без волнения вписываю эти строки, отзвук давнего эмигрантского бытия, свидетелем коего из нашего писательского сословия чуть не я один и остался» (с. 388).

Б. Зайцев также описывает, как возникла дружба двух Вер и как познакомилась Вера Муромцева с Иваном Буниным. Ведь по традиции домашнего образования Вере Муромцевой была чужда богемная культура, именно Вера Зайцева ввела ее в этот круг, и в доме супругов Зайцевых Вера Муромцева познакомилась с Иваном Буниным. Об этом знакомстве рассказала Вера Муромцева-Бунина в книге «Жизнь Бунина. Беседы с памятью» [2019]. Б. Зайцев ссылается на слова героини как на документальные данные, которые представлены в вышеупомянутой книге, и переходит к собственному повествованию об истории знакомства Веры Муромцевой и Ивана Бунина. Из слов Веры Муромцевой-Буниной чувствуется, что эта встреча с Буниным-писателем для нее была совсем неожиданна: «<...> никакого предчувствия у меня не было, что в этот вечер наметится моя судьба», «Я никогда не хотела связывать своей жизни с писателем», «Писатели интересовали меня, но я их сторонилась» [Там же, с. 285].

Как близкий знакомый Веры и Ивана Буниных Б. Зайцев делает много предположений об их судьбах, например он полагал, что, если бы в жизни Веры Николаевны не появился Иван Алексеевич, она могла бы стать ученым. Прежде чем привести письма Веры Николаевны, Б. Зайцев выражает свое мнение о прошлом Буниных, не только о Вере, но и о самом Иване: «Да, в ней была, конечно, склад-

[1] Далее произведения Б. Зайцева цитируются по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

ка основательности и усердия – не появись на перекрестке Иван Бунин, вышел бы, может быть, из нее ученый-исследователь. (Сама же она всегда очень боялась, как бы не сочли ее синим чулком.) Но Иван появился. Было ему тогда тридцать шесть лет – изящный, худенький, с острой бородкой, боковым пробором, читал у нас стихи свои и зачитал Веру» (с. 374). В рассказе об истории знакомства Веры и Ивана Буниных отмечается вера Б. Зайцева в судьбу.

Что касается жизни Буниных в эмиграции, Б. Зайцев ее описывает лирически: «Иван любил, чтобы было “окружение”, да и правда, в Грассе, в прекрасном, но все же захолустье, близкие по складу внутреннему, с оттенком ученичества литературного, особенно являлись ценными: свой уголок, Россия, младшее поколение в чужой стране. <...> Жизнь шла и мирно будто, но и сложно внутренне» (с. 376). В это «окружение» входили также Галина Кузнецова и Леонид Зуров, в принятии которых как «младших», «детей» Вера Бунина видела «единственную возможность создать подобие доброй семьи и сохранить мир в доме» [Литературное наследство, 2019, с. 355].

Комментируя письма двух Вер, Б. Зайцев как бы участвует в диалогах подруг. Например, Вера Бунина пишет: «Да, эти полгода, вернее год, можно считать за двенадцать лет, месяц за год» (с. 378). Далее следует пояснение Б. Зайцева: «Определенно тут ничего сказать нельзя. Но впечатление такое, что обе подруги пережили за это время нечто нелегкое и глубокое – это тайна их сердец» (с. 378). Что-то непонятное оставляет у Б. Зайцева легкую печаль, что же именно – для него неважно, важно, что две подруги в это время страдали, а он это «поймал» при чтении их писем. Действительно, в 1926–1927 гг. произошли сильные изменения в жизни и душевном мире Веры Буниной: «Начало романа Бунина с Кузнецовой совпало с первым приступом желчнокаменной болезни В. Н. Буниной (26 августа 1926 г.), что привело к операции в январе 1927 г. и длительному восстановлению <...>. С тех пор она считала главным в своей жизни служение своим близким, в котором ей виделось ее предназначение и служение Богу» [Литературное наследство, 2019, с. 355].

Через год после написания «Повести о Вере» Б. Зайцев закончил повесть о своей жене, в которой письма Веры Зайцевой к подруге за 1927 г. полны печальных сведений о безденежной жизни на чужбине, об уничтожении могилы ее сына Алеши (пасынка Б. Зайцева), о безвыходном положении родственников в Москве... При этом в двух подстрочных сносках, добавленных Б. Зайцевым, также упоминается тяжелое состояние Веры Буниной: «Дело идет, по-видимому, о чем-то очень тяжелом для Веры Буниной», «Явное указание на горестные сердечные переживания Веры Буниной» (с. 415–416). Таким образом, своеобразное участие в переписке двух Вер позволяет Б. Зайцеву вести разговор со своей памятью.

В эмиграции человеку трудно начинать новую жизнь, еще труднее устраиваться в чужой среде. Переписка с давними знакомыми, которые попали в такое же положение, очень помогает выживать, получая душевную поддержку. Две Веры в письмах делятся бытовыми проблемами, жизненными трудностями и горестями, своими мыслями о событиях в эмиграции и в России. Испытывая взаимное сочувствие, они были близки и в религиозной вере. Вера Бунина пишет: «Я не могу сказать, чтобы чувствовала себя плохо. Конечно, тон моей души сейчас грустный, но даже не за себя, а за мир. Как люди портят все, что имеют, и даже не получают никакой радости за эту порчу. Все происходит главным образом потому, что жизнь наша не проникнута религиозным сознанием, что мы не умеем вовремя

сдержаться» (с. 378). Кстати, в этом письме не указана дата его написания, Б. Зайцев с учетом своего жизненного пути предполагает, что оно могло быть написано в 1927 г., когда он вернулся с Афона. Собирая переписку двух Вер, Б. Зайцев вспоминает свою жизнь, восстанавливает детали не только своей биографии, но и биографии своих близких, например И. Бунина. Из писем двух Вер и комментариев Б. Зайцева мы видим, как И. Бунин ждал Нобелевскую премию и как складывалась его жизнь в эмиграции, хотя все это разбросано в бытовых диалогах подруг. На первый взгляд мы имеем дело с перепиской двух Вер, а оказывается, узнаем о жизни двух семей и об их окружении.

Помимо горестей и страданий Вера Бунина в письмах делится с подругой опытом преодоления негативных эмоций на чужбине: «Главное, собери себя с самого начала и не распускайся дома, лучше уходи к близкой душе. А дома держись. Я, по крайней мере, изо всех сил бодрюсь со своими. Предпочитаю написать письмо и в письме поговорить о том, что на душе, чем говорить со своими, ибо тут легко перейти меру, а письмо все же ограничивает» (с. 384). Эти слова объясняют, почему переписка двух Вер продолжалась двадцать с лишним лет. Переписка близких по духу помогает перенести тоску по родным и преодолеть жизненные трудности в эмиграции. «Переписка с В. Н. Буниной – это не просто душевный разговор подруг. Это разговор о самом сокровенном, духовном, о том, чем не всегда можно поделиться с родными, но можно выразить в письме» [Дудина, 2020б, с. 69]. Действительно, Вера Зайцева видит смысл и необходимость их переписки в душевной открытости и близости. Она так пишет в своем письме к подруге: «Веруня, меня всегда страшно трогают твои письма – до того близка и дорога ты – как никто сейчас, и я мысли не допускаю, что мы не увидимся» (с. 400).

К слову сказать, уже отмечается «подлинный эпистолярный талант» Веры Буниной [Бахрах, 1979, с. 133]. Из новых опубликованных материалов, связанных с И. Буниным, выделяются письма Веры Буниной к мужу И. Бунину, к Г. В. Адамовичу и Т. М. Ландау [И. А. Бунин…, 2004; Литературное наследство, 2019]. Эти письма раскрывают личность И. Бунина и его эпоху.

Роль Б. Зайцева как рассказчика в соединении писем Веры Буниной в органическое единство особенно ясна. Иногда он высказывает свое мнение о содержании писем: «Вера права. Лодыженский был достойнейший человек. В свое время был близок с Чеховым. В письмах Чехова есть прелестные, шуточно-дружеские строки о нем. Мы с моей Верой очень любили и почитали его» (с. 382). Иногда он объясняет контекст, чтобы читателю было легче понять, о чем идет речь в письме: «Из дальнейших строк письма Веры ясно, что в частном богатом доме в Париже устраивался какой-то вечер в нашу пользу – играли в покер. Моя Вера была, видимо, этим смущена» (с. 382).

Можно сказать, что задачей Б. Зайцева при работе над повестями является не только соединение переписки двух Вер, но и размышление об их содержании. «В начале октября обычные взаимные приветствия подруг (именины). Но в письме от 8 ноября тон иной» (с. 385). Далее Б. Зайцев рассказывает о получении И. Буниным Нобелевской премии в 1933 г., о том, как русские эмигранты радуются этому событию и, самое главное, как воспринимает все это Вера Бунина. В своих размышлениях по поводу описанного в письмах Б. Зайцев говорит о характере подруги: «Да, разница с Грассом, где иногда не хватало десяти франков, немалая. Но надо сказать, что Вера, вообще говоря, была бессребреницей, ее радовал, конечно, успех Ивана, но никакого тяготения к роскоши, блеску в ней

не было», «Вообще беспокойства и страдания из-за других весьма для Веры характерны, и хоть хотелось ей иногда слыть гетерой, к гетерству это нисколько ее не приблизило», «Кроме природной доброты и отзывчивости, была у нее и “профессиональная” какая-то черта: ей нравился артиллерийский огонь по богатым еврейским домам (дай Бог им здоровья – главная наша опора в таких начинаниях). Ускользнуть от Веры было трудно: с не-гетерской основательностью собирала она адреса» (с. 386–388). Здесь речь идет о сборе денег для Н. А. Тэффи, которая попала в тяжелое жизненное положение в эмиграции. Именно по этому поводу Вера Николаевна написала письмо Б. Зайцеву, прося его о помощи. А Б. Зайцев публикует это письмо, чтобы снова проиллюстрировать Верину доброту.

Переход к разговору об Иване Бунине обычно начинается с писем Веры Буниной. Б. Зайцев развивает мысли подруги и затрагивает вопрос о личности И. Бунина. Что касается тяжелого положения И. Бунина в последние годы жизни в эмиграции, Б. Зайцев считает, что «в этой ссоре полуживого Бунина с эмиграцией главным “страдательным залогом” оказался он сам», а ему самому «горестно вспоминать все это и не хочется вновь переживать» (с. 392). Выражение «страдательный залог» не раз используется Б. Зайцевым для описания отца Веры Буниной, Николая Андреевича, «тихого, благообразного и безответного человека», который «служил по Московскому городскому управлению» (с. 373). Здесь в выражении «страдательный залог» Б. Зайцев подразумевает сложное и даже противоречивое положение И. Бунина в эмиграции. Несмотря на широкую известность писателя, его несомненный талант, он видел и равнодушие, недоразумение окружающих, что вызывало у И. Бунина настоящие страдания.

А. Бахрах подробно объясняет историю ссоры между И. Буниным и Б. Зайцевым, произошедшую в 1947 г. и вызванную выходом И. Бунина из парижского Союза русских писателей и журналистов. Исследователь считает, что «трудно судить, кто в происшедшей ссоре прав, кто виноват и есть ли тут вообще правые и виноватые» [Бахрах, 1979, с. 123]. Печальная грусть и сожаление чувствуются не только в повести Б. Зайцева о Вере Буниной, но и в его беседе с Т. Николеску в 1970 г.: «<...> в голосе рассказчика звучала безмерная грусть об утрате друга и глубокое мудрое сожаление о том, что житейские бури развели их» [И. А. Бунин…, 2004, с. 358].

Обе Веры верны своим мужьям, возможно, поэтому они перестали писать друг другу после того, как их мужья поссорились. К тому же война в 1940-е гг. не способствовала их частой переписке. Однако дружеские отношения подруг, начатые еще в их молодости, оставили в душе каждой из них неизгладимый след. Паралич Веры Зайцевой в 1957 г. поразил Веру Бунину. В письме от Г. В. Адамовича за 17 февраля 1957 г. к Вере Буниной звучит и тема холодного отношения между Буниными и Зайцевыми: «Уверен, что и Вы, хоть и в “холодках” с ними – все-таки бедного Б<ориса> К<онстантиновича> пожалели» [Там же, с. 140]. В ответ на это стороннее мнение об их отношениях Вера Бунина 19 февраля 1957 г. (через два дня после получения от него письма) пишет Г. В. Адамовичу: «Болезнь Веры Алексеевны нас потрясла, я никогда не думала, что с этой стороны на нее грянет гром. <...> Ломаю голову, откуда достать им денег, знаю, что это такое» [Там же, с. 141]. В словах Веры Буниной чувствуется забота о подруге и ее семье. Несмотря на перерыв в общении и разрыв связи, душой они были по-прежнему близки.

По сравнению с «Повестью о Вере», в «Другой Вере. Повести временных лет» приведено больше писем Веры Зайцевой к подруге. Б. Зайцев только в самом начале каждой главы (кроме второй и четвертой) объясняет контекст переписки

подруг, чтобы текст повести выглядел последовательным и компактным. Кроме того, слова Б. Зайцева, стоящие перед письмами жены, в принципе играют роль предисловия, которое «как метатекстовый элемент задает определенную систему координат восприятия мемуаров для потенциального читателя» [Фарафонова, 2023, с. 64]. Письма в «Другой Вере. Повести временных лет» начинаются с 1922 г., когда Зайцевы еще были в Берлине. Перед тем, как приводить эти письма, Б. Зайцев описывает свою тяжелую болезнь, чудесное возвращение сознания, хлопоты по выезду за границу на выздоровление и т. п., что составляет фон переписки двух Вер. По замечаниям Б. Зайцева, введенным в письмо Веры Зайцевой за 20 июня 1922 г., узнаем, что финансовые проблемы не позволяют им ехать из Берлина в Париж к друзьям.

Кроме объяснения контекста переписки, примечания Б. Зайцева выполняют и другие функции: например, описывают физическое состояние письма, дополняют рассказы жены. Так, при описании листа письма с чернильным пятном Б. Зайцев предполагает, что «черное небольшое пятно, вероятно, от капнувшей слезы» (с. 396). В подстрочных сносках Б. Зайцев то описывает человека, о котором пишет жена подруге, то высказывает свое мнение о содержании письма. Например, Вера Зайцева пишет, что «Тэффи медленно угасает», а Б. Зайцев возражает: «Это оказалось неверным. Тэффи прожила еще 28 лет (1952)» (с. 409). Также Б. Зайцев и что-то добавляет к письмам жены, особенно когда речь идет о нем самом. В результате он начинает писать о себе. Вера Зайцева очень заботится о творческой деятельности мужа, она пишет подруге: «Из России очень мрачные известия. Там голод. А у нас в “Городке” все то же. <...> Книга Борина не вышла, и думаю, долго не выйдет» (с. 429). А в сноске к этим строкам Б. Зайцев добавляет, что «обошлось благополучно, вопреки пессимизму Веры» (с. 429).

Судя по письмам Веры Зайцевой, она общительная, открытая и симпатичная: «Веруня моя, кажется, сто лет не виделись!», «Веруня, я пишу все, что думаю, ты письма Ване не показывай, а то смеяться будет, что понять трудно», «Верун мой, любимый, как я хочу тебя и Ваню видеть. Проклятые деньги, из-за них не смогу приехать» (с. 398–400). В переписке с подругой Вера Зайцева часто рассказывает о своей бытовой жизни, о том, куда ездила, у кого была в гостях, и о московской жизни, о родных с большой тревогой.

В строчках писем Веры Зайцевой упоминаются многие представители русской эмигрантской литературы и культуры XX в.: Ю. И. Айхенвальд, К. Д. Бальмонт, Н. А. Бердяев, П. П. Муратов, М. А. Осоргин, Н. А. Тэффи, В. Ф. Ходасевич, Г. И. Чулков, И. С. Шмелев... Недаром к названию повести о Вере Зайцевой добавлен подзаголовок: «Повесть временных лет». Действительно, в письмах Веры Алексеевны предстает жизнь в России и за ее пределами в первой половине XX в.

«Повесть о Вере» заканчивается рассказом Б. Зайцева о смерти двух подруг, «Другая Вера. Повесть временных лет» – воспоминаниями писателя о жизни двух семей во время Второй мировой войны, которые проникнуты светлой памятью о жене. Повести о двух Верах являются не только краткими биографиями Веры Буниной и Веры Зайцевой, но и воспоминаниями Бориса Зайцева о своей жизни, когда все его близкие еще были живы. Вообще, письма имеют историческую ценность, когда в них сохраняется информация, и литературную ценность, когда информация в них обрабатывается [Ян Чжэнжун, 2009, с. 356]. Безусловно, эти две ценности реализуются в переписке двух Вер.

Из вышесказанного делается вывод, что повести Б. Зайцева о двух Верах раскрывают характеры Веры Буниной и Веры Зайцевой. Первая – сдержанная и смиренная, а другая – открытая и эмоциональная. Различие в характерах никак не мешает двум Верам изливать душу друг другу в эмиграции, чему во многом способствовали их дружба в молодости и общее религиозное восприятие мира. Обе они обладают православной душой, их волнует не только жизнь близких, но и судьба Родины, что очень привлекает Б. Зайцева. Читая письма двух Вер, Б. Зайцев вспоминает о себе и о своем окружении в молодости. Две Веры в творчестве Б. Зайцева – это, с одной стороны, реальные фигуры, которые писателю очень близки; с другой – они, как персонажи произведения, отражают знаковые события времени и субъективное восприятие этих событий самим писателем. Вспоминая о них, Б. Зайцев беседует с собой, обращается к своей памяти. Примечания и дополнения Б. Зайцева, проходящие сквозь всю переписку двух Вер, расширяют жанровый диапазон мемуарной повести, соединяя воспоминания самого писателя с личными письмами Веры Буниной и Веры Зайцевой, что придает мемуаристике Б. Зайцева синкретический характер и продуктивный потенциал для повествования, из которого выделяется художественная рецепция писателя.

Список литературы

Баррингтон Дж. Хуэйилу сиэдзуо [巴林顿. 回忆录写作 (第2版), 杨书泳译. 北京: 中国人民大学出版社]. Написание мемуаров. Чжунгуоженминдасюэ чубаньше, 2014. 170 с. (на кит. яз.)

Бахрах А. Бунин в халате. Товарищество зарубежных писателей, 1979. 176 с.

Ван Чэнцзюнь. Чжуаньцзи шисюэ [王成军. 传记诗学. 北京: 新华出版社]. Поэтика биографии. Синьхуа чубанше, 2016. 262 с. (на кит. яз.)

Дудина Е. Ф. Б. К. Зайцев «Повесть о Вере»: к вопросу своеобразия художественного метода писателя // Учен. зап. Орлов. гос. ун-та. 2020а. № 2. С. 65–67.

Дудина Е. Ф. «Другая Вера. Повесть временных лет» Б. К. Зайцева как иллюстрация истории России начала XX века // Учен. зап. Орлов. гос. ун-та. 2020б. № 2. С. 68–70.

Елизаветина Г. Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М.: Наука, 1982. С. 235–263.

Зайцев Б. К. Собр. соч.: В 5 т. М.: Русская книга, 1999. Т. 6 (доп.). 555 с.

Зайцев Е. Н. Борис Зайцев и Иван Бунин: история взаимоотношений // Творческое наследие И. А. Бунина: традиции и новаторство: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 135-летию со дня рождения И. А. Бунина (22–24 сентября 2005 г.). Орёл: Картуш, 2005. С. 116–121.

И. А. Бунин: Новые материалы. М.: Русский путь, 2004. Вып. 1. 584 с.

Кириллова Е. Л. Мемуарная проза русского зарубежья первой волны: К вопросу о жанре и метажанре. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2019. 210 с.

Кознова Н. Н. Мемуары русских писателей-эмигрантов первой волны: концепции истории и типология форм повествования: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 46 с.

Колядич Т. М. Воспоминания писателей: проблемы поэтики жанра. М.: Мегатрон, 1998. 276 с.

Литературное наследство / Ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Т. 110: И. А. Бунин. Новые материалы и исследования. Кн. 1. 1184 с.

Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: ПРОЗАиК, 2019. 560 с.

Николаева А. Б. Соизмеримость биографического опыта и герменевтического метода // Вестник Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2018. № 2. С. 30–33.

Пономарев Е. Р. Переписка Буниных с Зайцевыми. 1920-е годы // Новый филологический вестник. 2021. № 4. С. 208–216.

Романов Д. А., Кучерова М. А. Особенности авторского нарратива в книге В. П. Катаева «Трава забвенья» // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 314–327.

Фарафонова О. А. Предисловие как метатекстовый элемент мемуарного повествования (на материале русских мемуаров XVIII – начала XIX века) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 62–75.

Чукуева З. Н. Типологические характеристики жанра мемуарной литературы в контексте развития современной литературы non-fiction // Изв. Чечен. гос. пед. ун-та. Серия 1: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 2. С. 43–48.

Шендерюк М. Г. Иван Бунин сквозь призму женского эго-нарратива // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: Материалы Междунар. науч. конф.: В 2 т. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2018. Т. 2. С. 376–380.

Ян Чжэнжун. Сяндай чжуаньцзисюэ [杨正润. 现代传记学. 南京: 南京大学出版社]. Поэтика современной биографии. Нанкиндасуэ чубаньше, 2009. 655 с. (на кит. яз.)

References

Barrington J. 回忆录写作 （第2版） [Writing the memoir: from truth to art]. Yang Shuyong (Trans.). Beijing, Renmin Uni. of China Press, 2014, 170 p.

Bakhrakh A. *Bunin v khalate* [Bunin in house robe]. New York, Tovarishchestvo zarubezhnykh pisateley, 1979, 176 p.

Chukueva Z. N. Tipologicheskie kharakteristiki zhanra memuarnoy literatury v kontekste razvitiya sovremennoy literatury non-fiction [Typological characteristics of the genre of memoir literature in the context of the development of modern non-fiction literature]. *Bulletin of Chechen State Pedagogical University. Series 1. Humane and social sciences*. 2020, no. 2, pp. 43–48.

Dudina E. F. B. K. Zaytsev “Povest’ o Vere”: k voprosu svoeobraziya khudozhestvennogo metoda pisatelya [B. K. Zaytsev “The tale of Vera”: revisiting the originality of the writer’s artistic method]. *Scientific notes of Orel State University*. 2020, no. 2, pp. 65–67.

Dudina E. F. “Drugaya Vera. Povest’ vremennykh let” B. K. Zaytseva kak illyustratsiya istorii Rossii nachala 20 veka [“Another Vera. A talk of time years” of the B. K. Zaytsev as an illustration of the history of Russia at the beginning of the 20th century]. *Scientific notes of Orel State University*. 2020, no. 2, pp. 68–70.

Elizavetina G. G. Stanovlenie zhanrov avtobiografii i memuarov [The formation of the genres of autobiography and memoirs]. In: *Russkiy i zapadno-evropeyskiy klassi-*

tsizm. Proza [Russian and Western European classicism. Prose]. Moscow, Nauka, 1982, pp. 235–263.

Farafonova O. A. Predislovie kak metatekstovyy element memuarnogo povestvovaniya (na materiale russkikh memuarov 18 – nachala 19 veka) [Preface as a metatextual element of memoir narrative (a case study of the Russian memoirs of the 18th – early 19th century)]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology).* 2023, no. 4, pp. 62–75.

I. A. Bunin: Novye materialy [Ivan Bunin: New data]. Moscow, Russkiy put', 2004, iss. 1, 584 p.

Kirillova E. L. *Memuarnaya proza russkogo zarubezh'ya pervoy volny: k voprosu o zhanre i metazhanre* [Memoir prose of the Russian diaspora of the first wave: on the question of genre and meta-genre]. Vladivostok, Far Eastern Federal Uni. Press, 2019, 211 p.

Koznova N. N. *Memuary russkikh pisateley-emigrantov pervoy volny: kontseptsii istorii i tipologiya form povestvovaniya* [Memoirs of Russian emigrant writers of the first Wave: concepts of history and typology of narrative forms]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Moscow, 2011, 46 p.

Kolyadich T. M. *Vospominaniya pisateley: problemy poetiki zhanra* [The memoirs of writers: problems of genre poetics]. Moscow, Megatron, 1998, 276 p.

Literaturnoe nasledstvo [Literary heritage]. O. A. Korostelev, S. N. Morozov (Ed., comp.). Moscow, IWL RAs, 2019, vol. 110: I. A. Bunin. Novye materialy i issledovaniya [I. A. Bunin. New materials and research], bk. 1, 1184 p.

Muromtseva-Bunina V. N. *Zhizn' Bunina. Besedy s pamyat'yu* [The life of Bunin. Conversations with the memory]. Moscow, PROZAiK, 2019, 560 p.

Nikolaeva A. B. Soizmerimost' biograficheskogo opyta i germenevticheskogo metoda [The combinance of biographical experience and the germanevtic method]. *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research*. 2018, no. 2, pp. 30–33.

Ponomarev E. R. Perepiska Buninykh s Zaytsevymi. 1920-e gody [Correspondence of the Bunins and the Zaitsevs. 1920s]. *The New Philological Bulletin*. 2021, no. 4, pp. 208–216.

Romanov D. A., Kucherova M. A. Osobennosti avtorskogo narrativa v knige V. P. Kataeva "Trava zabven'ya" [Features of the author's narrative in V. P. Kataev's book "The Herb of Oblivion"]. *Theory of Language and Intercultural Communication*. 2023, no. 1, pp. 314–327.

Shenderyuk M. G. Ivan Bunin skvoz' prizmu zhenskogo ego-narrativa [Ivan Bunin through the prism of the female ego-narrative]. In: *Chastnoe i obshchestvennoe v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': Materialy Mezhdunar. nauch. konf.: V 2 t.* [Private and public in daily life of the population of Russia: history and present. Materials of the Intern. sci. conf.: in 2 vols.]. St. Petersburg, Pushkin Leningrad State University, 2018, vol. 2, pp. 376–380.

Wang Chengjun. *传记诗学* [The poetics of biography]. Beijing, Xinhua Press, 2016, 262 p.

Yang Zhengrun. *现代传记学* [A modern poetics of biography]. Nanjing, Nanjing Uni. Press, 2009, 655 p.

Zaytsev B. K. *Sobranie sochineniy: v 5 t.* [Collected works: in 5 vols.]. Moscow, Russkaya kniga, 1999, vol. 6, 555 p.

Zaytsev E. N. Boris Zaytsev i Ivan Bunin: istoriya vzaimootnosheniy [Boris Zaitsev and Ivan Bunin: the history of relationships]. In: *Tvorcheskoe nasledie I. A. Bunina: traditsii i novatorstvo: Materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 135-letiyu so*

dnya rozhdeniya I. A. Bunina (22–24 sentyabrya 2005 g.) [The creative legacy of I. A. Bunin: traditions and innovation: Proceedings of the International scientific conf., dedicated to the 135th anniversary of the birth of I. A. Bunin (September 22–24, 2005)]. Orel, Kartush, 2005, pp. 116–121.

Информация об авторе

Чжан Юйвэй, кандидат филологических наук, доцент, Чжэнчжоуский университет (Чжэнчжоу, Китай)

Information about the author

Zhang Yuwei, Candidate of Philology, Assistant Professor, Zhengzhou University (Zhengzhou, China)

Статья поступила в редакцию 09.08.2023;
одобрена после рецензирования 18.07.2024; *принята к публикации 18.07.2024*
The article was submitted on 09.08.2023;
approved after reviewing on 18.07.2024; *accepted for publication on 18.07.2024*

Научная статья

УДК 83-32
DOI 10.17223/18137083/93/9

Рассказ В. Шукшина «Свояк Сергей Сергеевич» в контексте культуры хрущевской «оттепели»

Александр Иванович Куляпин

Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия

Русская христианская гуманитарная академия
имени Ф. М. Достоевского
Санкт-Петербург, Россия

iskander58@mail.ru, http://orcid.org/0000-0001-9673-3855

Аннотация

Поставлена проблема идейной и творческой эволюции Шукшина. Продемонстрировано, что если в начале своего писательского пути Шукшин в ключевые лозунги хрущевской эпохи верил, то в конце шестидесятых годов со многими иллюзиями расстается. В первую очередь это касается утопической надежды на скорое наступление коммунистической эры. Художественное своеобразие рассказа «Свояк Сергей Сергеевич» обусловлено теми изменениями, которые произошли в мировоззрении позднего Шукшина. В анализе рассказа впервые выявлены полемические отсылки к ряду программных произведений оттепельной эпохи, среди которых особое место занимает фильм «Верьте мне, люди».

Ключевые слова

В. М. Шукшин, «оттепель», поэтика, семиотика, символ, мотив, контекст, конфликт

Благодарности

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 23-18-00408, https://rscf.ru/project/23-18-00408/

Для цитирования

Куляпин А. И. Рассказ В. Шукшина «Свояк Сергей Сергеевич» в контексте культуры хрущевской «оттепели» // Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 119–127. DOI 10.17223/18137083/93/9

© Куляпин А. И., 2025

Vasily Shukshin's story "Svoyak Sergey Sergeevich" in the context of the Khrushchev thaw culture

Alexander I. Kulyapin

Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russian Federation

Russian Christian Academy for Humanities
named after Fyodor Dostoevsky
St. Petersburg, Russian Federation

iskander58@mail.ru, http://orcid.org/0000-0001-9673-3855

Abstract

This paper examines the short story "Svoyak Sergey Sergeevich" written by Vasily Shukshin. The word *svoyak* (brother-in-law) implies kinship and closeness, yet the protagonist, seeking to emphasize the distance between himself and his wife's relatives, insists on the formal address "Sergey Sergeevich." Although once a villager like his brother-in-law, Andrey Korchuganov, he is now a stranger in the rural world. It is no accident that Sergei Neverov favors a traditional *banya po-chernomu* (black bathhouse). Shukshin establishes a direct correlation between the black bathhouse and the essence of his character: in the steam room, Sergei Sergeevich's vindictive malice seems to break loose. Gradually, the sins and vices embodied in this character cease to be perceived as merely a socio-psychological phenomenon. A palpable halo of infernality forms around this "petty demon." In one scene, the hero sings "Vaninsky Port," a song often called the unofficial anthem of the Kolyma prisoners. Its popularity surged during the thaw, especially following its appearance in the film "Ver'te mne, lyudi" ("Believe Me, People"). Shukshin selected this film as a subject of debate, as it embodied ideas and imagery characteristic of thaw-era cinema. Early in his career, Shukshin endorsed the fundamental tenets of the Khrushchev period. However, by the late 1960s, he had discarded many illusions, particularly the utopian expectation of an immediate communist arrival. Sergei Neverov stated in the journal publication, "Ya uzhe odnoy nogoy v kommunizme, mozhno skazat'" (One might assert that I am already leaning toward communism"). Later, Shukshin deleted this subversive statement.

Keywords

Vasily Shukshin, the thaw, poetics, semiotics, symbol, motive, context, conflict

Acknowledgments

The study was supported by the Russian Science Foundation Grant no. 23-18-00408, https://rscf.ru/en/project/23-18-00408/

For citation

Kulyapin A. I. Vasily Shukshin's story "Svoyak Sergey Sergeevich" in the context of the Khrushchev thaw culture. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*], 2025, no. 4, pp. 119–127. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/93/9

Рассказ Шукшина «Свояк Сергей Сергеевич» был написан летом 1969 г., опубликован в том же году в журнале «Новый мир» (№ 10). Позже писатель с небольшими по объему, но существенными изменениями включил его в книгу «Характеры» (1973).

Название рассказа антиномично. Помимо основного значения – «муж свояченицы, а также (разг.) вообще свойственник» [Ожегов, Шведова, 2006, с. 705] – у слова «свояк» есть дополнительное: «знакомый человек, "свой", проверенный» [Елистратов, 2000, с. 419]. С этим понятием плохо сочетается официальное «Сергей Сергеевич» – именно так герой представляется Андрею Кочуганову. Настаи-

вая на церемонном обращении по имени-отчеству, свояк подчеркивает наличие дистанции между собой и родственниками жены. Хотя в прошлом Сергей Неверов такой же сельский житель (тюремный срок он получил за ограбление сельпо, в котором работал его брат), как Андрей Кочуганов, ныне он чужой в этом мире. «Не люблю в этих деревнях…» – заявляет Сергей Сергеевич свояку (Шукшин, 2014, т. 5, с. 8) [1].

Высокомерие, с каким Неверов относится ко всему и ко всем, не может не создать конфликтной ситуации. Сначала Сергей Сергеевич кичится невиданными северными заработками: он, окончивший «пять классов, шестой коридор» (с. 8), имеет «профессорское жалованье» (с. 10). Позже предметом непонятной гордости становятся совсем уж странные «заслуги» – участие в краже, лагерное прошлое, предательство брата, издевательство над престарелым отчимом.

Сергей Сергеевич не случайно любит баню «по-черному». «Вот это хорошо! Некоторые удивляются: ты любишь по-черному? А я люблю. Хорошо, дымком пахнет», – восторгается он (с. 8). Актуальным содержанием оппозицию «банька по-белому» – «банька по-черному» на рубеже 1960–1970-х годов наполнил В. Высоцкий в так называемом «Банном цикле». В его песнях «очищение в бане приравнивается к отпущению грехов, а сама баня становится безусловным ценностным мерилом, даже в сатирических песнях». При этом «В “Баньке по-белому” очищение возможно, в “Баньке по-черному” герой – преступник, пребывающий в тюрьме, очищение для него затруднено: оно осуществляется мысленно, а покаяние реализуется в умозрительном пространстве баньки по-черному, поэтому и пространство оной являет собой модель внутреннего мира героя – закопченные стены, отсутствие влаги» [Мансков, 1999, с. 381, 383].

У Шукшина соответствие между баней по-черному и сущностью характера Сергея Сергеевича еще очевиднее, чем у Высоцкого. В парной мстительная злобность героя словно бы вырывается наружу: «Каменка зло фыркнула, крутой, яростный пар клубом ударил в потолок, оттуда кинулся вниз… Андрей присел на корточки» (с. 9). Стоит добавить, что этот фрагмент помимо прочего еще и предваряет финальный эпизод рассказа, в котором свояк «оседлает» Андрея.

Из трех песен, составляющих «банный цикл», самый громкий успех выпал на «Баньку по-белому», написанную Высоцким в августе 1968 г. Андрей Вознесенский отреагировал на исполнение Высоцким «Баньки по-белому» восклицанием «Володя, ты гений!!» – «И в самом деле, Володя – гений, добрый гений», – записывает в дневнике 2 марта 1969 г. Валерий Золотухин [Золотухин, 2007, с. 154]. По свидетельству Давида Карапетяна: «Именно “Баньку” неизменно пытался воспроизвести в подпитии Андрей Тарковский. Именно “Баньку” он ещё в далёком 1968 году называл “потрясающей вещью”. А спустя семь лет он же изрёк: “Да ведь это единственный у нас социальный певец!”» [Карапетян, 2005, с. 272]. Тарковский, как видим, сделал акцент на социальной проблематике «Баньки по-белому», что, конечно, вполне обоснованно.

Шукшин, в отличие от Высоцкого, предпочитает рассматривать зло не столько в социально-политическом, сколько в универсально-мифологическом контексте. Постепенно воплощенные в главном герое рассказа грехи и пороки перестают восприниматься как некий социально-психологический феномен. Вокруг «мелкого беса» Серьги Неверова возникает ощутимый ореол инфернальности.

[1] Далее рассказ «Свояк Сергей Сергеевич» за исключением особо оговоренных случаев цитируется по этому изданию, страницы указываются в круглых скобках.

Баня «в народных верованиях нечистое место, где обитали демонические существа», зона контактов с нечистой силой [Будовская, Морозов, 1995, с. 138]. Герои ряда произведений Шукшина разделяют это мнение. «Да там же черти! В бане-то… Они там и водются», – утверждает, например, в «Калине красной» Люба Байкалова (Шукшин, 2014, т. 6, с. 246).

В рассказе «Свояк Сергей Сергеевич» сцена в бане выдержана в соответствующей этим мифопоэтическим воззрениям тональности: «Свояк мучился на полке, извивался, мелькало в полутьме его смуглое расписное тело. Наконец он свалился оттуда и выполз в предбанник отдышаться» (с. 9). Баню здесь можно трактовать как аналог преисподней. Мучения Сергея Сергеевича сродни традиционным представлениям об адских муках грешников, но одновременно его извивающееся «расписное» тело напоминает о дьяволе-змие. Характерно, что герой тут даже не ходит, а ползает.

В журнальном варианте текста была прямая отсылка к экранизации повести Н. В. Гоголя «Вий», фильму Константина Ершова и Георгия Кропачева (1967). Запрыгнув на спину Андрею Кочуганову, Сергей Сергеевич пришпоривает его: «Ну-ка – в мах!.. До крыльца. Видел кинокартину “Вий?”» (Шукшин, 1969, с. 94). В окончательной редакции этой фразы нет, но символический подтекст эпизода остался столь же прозрачным. Убрав указание на конкретный источник, Шукшин добивается большей обобщенности. Нечистая сила, «оседлавшая» человека, – этот образ восходит не только к «Вию», но и к другой гоголевской повести «Ночь перед Рождеством». Век спустя гоголевский мотив будет подхвачен Михаилом Булгаковым. В романе «Мастер и Маргарита» служанка главной героини Наташа летит на шабаш ведьм «верхом на толстом борове»: «Хорошенько всмотревшись, Маргарита узнала в борове Николая Ивановича» (Булгаков, 1989, с. 239). Андрей Кочуганов, подобно героям Гоголя и Булгакова, не способен устоять перед искушением, поэтому тоже вынужден прокатить на спине свояка-беса.

Уже в начале рассказа появляется концептуально важный мотив подмены сакрального инфернальным. Радость Сони по поводу богатых подарков отливается в кощунственную формулу: «– Ох и навезли! – заговорила она восторженно и с каким-то святым благоговением. – Мне два платка вот таких – цветастые, с тистями, платье атласное, две скатерки, тоже с тистями…» (с. 8). Благоговение – это «религиозно-нравственное чувство, выражающее любовно-почтительное отношение к превосходящему человеческую субъективность – Богу, святыням, высшим ценностям бытия; основное религиозное переживание непосредственного присутствия Божия в мире и в жизни» [Малахов, 2002, с. 294]. Высшие ценности шукшинских героев с нравственно-религиозной сферой не соприкасаются вовсе.

Лишь в финале дорогой подарок свояка – лодочный мотор – и сам свояк названы своими именами: «Проклятый мотор! Черт его подсунул, не иначе. Стерва металлическая…» (с. 12). Впрочем, даже осознав истинную природу даров свояка, Андрей Кочуганов остается в его власти: «Да черт с ним, что прокатил на спине! Что, действительно, трудно, что ли? Зато теперь – с мотором, будь он проклят» (с. 13).

В статье «Средства литературы и средства кино» (1967) Шукшин писал: «Авторские размышления, подсказка, оценка – очень и очень рискованное дело. <…> Раздражает. Предполагает в зрителе дурака, на что он справедливо обижается» (Шукшин, 1981, с. 145). Вычеркнув из текста рассказа «подсказку» – реплику ге-

роя с упоминанием фильма «Вий», Шукшин оставляет возможность «читателю самому досочинить многое» (Шукшин, 1981, с. 116).

Гоголевские ассоциации в сознании окончившего «пять классов, шестой коридор» Сергея Сергеевича, пожалуй, не слишком уместны. В том числе и поэтому Шукшин вместо них актуализирует народно-песенный контекст. Погоняя Андрея, свояк «еще и орет»: «– Еге-ей! Скакал казак через долину!.. Гоп! Гоп!..» (с. 12). В казачьей песне, которая так кстати вспомнилась герою, рассказывается история измены. «Тебе казачка изменила // Другому сердце отдала!» – предупреждает казака встретившая его возле родного села старушка (Веселы привалы, 2023, с. 39). Выбор именно этой песни понятен, ведь предавать для Сергея Сергеевича дело привычное.

За столом свояк поет еще одну песню: «Я знаю, меня ты не ждешь, // И писем моих не читаешь…» (с. 11). Это строчки из песни «Я помню тот Ванинский порт», которую иногда называют неофициальным гимном колымских заключенных. Созданный в конце 1930-х или в 1940-х гг., «Ванинский порт» обрел широкую известность уже после смерти Сталина. Особенно значимо для популяризации песни стало ее исполнение героем одного из самых кассовых фильмов 1965 г. «Верьте мне, люди».

Картина Ильи Гурина и Владимира Беренштейна, снятая по роману Ю. Германа «Один год», не могла не привлечь пристального внимания Шукшина [2]. В литературе периода «оттепели» тема сталинских репрессий прозвучала достаточно громко, но в кино она просочилась только на излете хрущевского правления. Нет никаких сомнений в том, что жизненная драма главного героя фильма вора-рецидивиста Лехи Лапина по кличке «Лапа» (в этой роли снялся Кирилл Лавров) напомнила Шукшину его собственную судьбу. Алексей – сын «врага народа», незаконно репрессированного комкора Корнева. Свой первый срок он получит по печально знаменитой 58-й статье. «А у меня и пятьдесят восьмая была. Чтоб мне воли не видать. Шел тогда мальчоночке всего восьмой годок», – горько усмехается, наблюдая за освобождением «политических», Алексей. У него много имен и фамилий, но отчество «Васильевич» он обретет только в 1956 г., после реабилитации отца.

«Лапа» совершает побег из лагеря за 32 дня до освобождения. Шукшин на подобной фабуле построит рассказ «Степка» (1964), позже ставший основой киноновеллы в его фильме «Ваш сын и брат» (1966). Шукшинский герой сбегает из мест заключения, не досидев трех месяцев. Правда, мотивируется его абсурдный на первый взгляд поступок иначе, чем в фильме «Верьте мне, люди».

Даже в последней режиссерской работе Шукшина можно обнаружить следы полемики с И. Гуриным и В. Беренштейном. Отношения вора-рецидивиста Егора Прокудина и Любы Байкаловой в «Калине красной» очень напоминают те, что сложились между Алексеем Лапиным и Ниной в фильме «Верьте мне, люди». Однако в середине 1970-х гг. оптимистический пафос оттепельной эпохи кажется слишком наивным и поверхностным. Хэппи-энд в «Калине красной» исключен.

Песню «Я помню тот Ванинский порт» герою Кирилла Лаврова допеть до конца не удается. После куплета «От качки стонали з/к, // Обнявшись как родные братья, // И только порой с языка // Слетали глухие проклятья» бандит по кличке Каин грубо прерывает его: «Распелся!» В титрах герой Станислава Чекана поче-

[2] По некоторым данным, Шукшин даже пробовался на роль главного героя Алексея Лапина.

му-то обозначен как «Батый», хотя на протяжении всего фильма к нему обращаются исключительно как к «Каину». Вероятно, кличку персонажу сменили в последний момент и не успели внести необходимую поправку. Но, так или иначе, прозвище «Каин», конечно, точнее. Ради побега герой через несколько минут после того, как прозвучала песня «Ванинский порт», совершит убийство такого же, как он, заключенного. Понятно, что упоминание о «з/к, обнявшихся как родные братья» для Каина нестерпимо.

Хотя шукшинский Сергей Сергеевич с чувством исполняет песню, которую в фильме «Верьте мне, люди» пел «перековавшийся» Алексей Лапин, похож он скорее на Каина. Относительно мягкий приговор за кражу свояк получает, потому что перекладывает основную вину на своего брата [3]. Поражает легкость, с которой совершается предательство. «Меня на первом же допросе раскололи», – нисколько не смущаясь, рассказывает герой (с. 9).

Свояк на тюремном жаргоне – «заключенный, не являющийся блатным, но поддерживающий их» [Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона, 1992, с. 219]. «Обилие наколок на сухопаром теле» (с. 8) и пристрастие к лагерным песням, разумеется, не делает Сергея Сергеевича своим в уголовном сообществе. В нем он такой же чужак, как в сельском мире свояка Андрея Кочуганова.

Шукшин не зря выбрал в качестве объекта для полемики фильм «Верьте мне, люди», сконцентрировавший типичные для оттепельного кино идеи и образы. В начале своего творческого пути он – автор таких соцреалистических произведений, как рассказы «Правда» и «Коленчатые валы», и сам верил (или во всяком случае делал вид, что верит) в ключевые лозунги хрущевской эпохи. Однако в конце шестидесятых годов Шукшин расстается со многими иллюзиями. В первую очередь это касается утопической надежды на скорое наступление коммунистической эры. В докладе «О программе КПСС» на XXII съезде партии Хрущев провозгласил: «Мы руководствуемся строго научными расчетами. А расчеты показывают, что за 20 лет мы построим в основном коммунистическое общество» [Хрущев, 1962, с. 167]. Сергей Сергеевич живет в точности по графику, намеченному вождем, за восемь лет, прошедших после XXII съезда, он прошел ровно половину пути к коммунизму. «Я уже одной ногой в коммунизме, можно сказать», – заявлял свояк в тексте журнальной публикации (Шукшин, 1969, с. 90). Позже эту крамольную фразу Шукшин вычеркнул. И у него были на то серьезные причины.

О перспективах построения в СССР коммунизма Шукшин откровенно высказался в середине шестидесятых в ходе полемики с известным критиком журнала «Октябрь» Ларисой Крячко. «Давайте будем реальны. Давайте так: Вы за коммунизм, который надо строить, или Вы за коммунизм, который уже есть? Я – за коммунизм, который надо строить», – писал Шукшин в неотправленном письме Л. Крячко. А далее он довольно прозрачно намекает на хрущевский волюнтаризм: «Давайте считаться с тем, что есть наша жизнь. В кабинетах торопить ее удобнее всего. (Примеры тому были, Вы знаете)» (Шукшин, 1981, с. 48).

В статье «Бой “за доброту”» (Октябрь. 1965. № 3) под прицел критики Л. Крячко попал рассказ «Степка»: «…Люди должны быть добры (всегда, ко всем, без разбора) – тезис, защищаемый Шукшиным. Простите Степку. А если он кого-ни-

[3] Симптоматично, что и у Высоцкого в «Баньке по-белому» упомянут брат, не захотевший или не сумевший прийти на помощь: «Вспоминаю, как утречком раненько // Брату крикнуть успел: “Пособи!” // И меня два красивых охранника // Повезли из Сибири в Сибирь» (Высоцкий, 1997, с. 128).

будь пырнет ножом? И это прощать? Вот к каким неожиданным результатам может привести автора воззвание к вселенской доброте, симпатии к “стихийным” характерам!» [Крячко, 1965, с. 180].

За упреками критика в симпатии Шукшина «к стихийным характерам» отчетливо просматривается ортодоксально-советское противопоставление пролетарского гуманизма абстрактному общечеловеческому. Показательно, например, что один из главных теоретиков большевистской партии Н. Бухарин основой социалистического гуманизма счел «исчезновение общественной стихии и сознательность (рациональность) процесса общественной жизни» [Узник Лубянки…, 2008, с. 145]. Шукшин, с его осознанным пристрастием к героям «несколько стихийного образа жизни» (Шукшин, 1981, с. 112), очевидно, хотел бы скрестить гуманизм коммунистический с общечеловеческим. Эта идея была недвусмысленно сформулирована им в письме Л. Крячко: «Я не представляю себе коммунизма без добрых людей» (Шукшин, 1981, с. 47).

Пересказывая статью «Бой “за доброту”», Шукшин особо акцентировал беспочвенную тревогу критика по поводу якобы наметившейся в литературе апологии хулиганов, циников, «предъявляющих липовые “входные билеты” в область, нами предрекаемую, в область, нами работаемую, – в область коммунизма» (Шукшин, 1981, с. 47). Но не прошло и пяти лет, как реальность доказала, что в чем-то все-таки была права Лариса Крячко. «Входной билет» в коммунизм предъявил не добрый чудик Степка, а мстительный циник Серьга Неверов.

Примечательно, что в своем последнем фильме Шукшин по сути вступает в спор с самим собой. В 1973 г. в беседе с киноведом В. И. Фоминым он сравнит двух своих героев – Степку и Егора Прокудина: «“Калина красная” опять о деревне, но вон куда вынесло теперь этот разговор. Крестьянин, ставший вором, паразитом. Тут такое разрушение личности, нравственных ее основ, что 5–7 лет назад мне бы и в голову не пришло именно так поворачивать разговор. А ведь уже тогда подворачивались под руку фигуры прокудинского типа. Скажем, в Степане из фильма “Ваш сын и брат” что-то уже маячило в этом духе. Но я отнесся к нему нежно, с любовью. То, что в тюрягу загудел, – это, мол, случайность чистая, нелепость просто». Итог сравнения крайне пессимистичен. Раздумывая над судьбой Егора Прокудина, Шукшин пришел «к самым горьким и неутешительным выводам: это конец» [Фомин, 2024, с. 469].

Список литературы

Будовская Е. Э., Морозов И. А. Баня // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 138–140.

Золотухин В. С. Знаю только я. М.: Вагриус, 2007. 524 с.

Елистратов В. С. Словарь русского арго. М.: Русские словари, 2000. 694 с.

Карапетян Д. Владимир Высоцкий. Воспоминания. 2-е изд. доп. М.: Захаров, 2005. 304 с.

Крячко Л. Бой «за доброту» // Октябрь. 1965. № 3. С. 175–184.

Малахов В. А. Благоговение // Православная энциклопедия. М.: Церк.-науч. центр «Православная энциклопедия», 2002. Т. 5: Бессонов – Бонвеч. С. 294–296.

Манскова С. А. «Грязь» и «очищение» в поэзии Владимира Высоцкого // Studia Litteraria Polono-Slavica. 4: Utopia czystosci i gory smieci. Warszawa: Pol. akad. nauk, 1999. С. 377–387.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: А-Темп, 2006. 944 с.

Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). М.: Края Москвы, 1992. 526 с.

Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина: Сб. док. 2-е изд., доп., изм. и расшир. М.: АИРО-XXI, 2008. 1070 с.

Фомин В. И. «Калина красная»: к истории постановки фильма // Творчество В. М. Шукшина в России и за рубежом: Сб. науч. ст., посвящ. 95-летию со дня рождения В. М. Шукшина. Барнаул, 2024. С. 454–472.

Хрущев Н. С. О программе КПСС // XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 1. 608 с.

Список источников

Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. М.: Высш. шк., 1989. 559 с.

Веселы привалы, где казаки запевалы! Калуга: Дом народного творчества и кино «Центральный», 2023. 41 с.

Высоцкий В. С. Банька по-белому // Высоцкий В. С. Собр. соч.: В 4 кн. М.: Надежда-2, 1997. Кн. 1: «Грустный романс». С. 127–128.

Шукшин В. М. Свояк Сергей Сергеевич // Новый мир. 1969. № 10. С. 90–94.

Шукшин В. М. Вопросы самому себе. М.: Молодая гвардия, 1981. 256 с.

Шукшин В. М. Собр. соч.: В 9 т. Барнаул: ИД «Барнаул», 2014.

References

Budovskaya E. E., Morozov I. A. Banya [Banya]. In*: Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar': V 5 t.* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary: In 5 vols.]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1995, vol. 1, pp. 138–140.

Elistratov V. S. *Slovar' russkogo argo* [Dictionary of Russian slang]. Moscow, Russkiye slovari, 2000, 694 p.

Fomin V. I. "Kalina Krasnaya": k istorii postanovki fil'ma ["Kalina krasnaya": on the history of the film production]. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina v Rossii i za rubezhom: Sb. nauch. st., posvyashch. 95-letiyu so dnya rozhdeniya V. M. Shukshina* [The work of V. M. Shukshin in Russia and abroad. A collection of scientific articles dedicated to the 95th anniversary of the birth of V. M. Shukshin]. Barnaul, 2024, pp. 454–472.

Karapetyan D. *Vladimir Vysotskiy. Vospominaniya* [Vladimir Vysotsky. Memories]. 2nd ed. Moscow, Zaharov, 2005, 304 p.

Khrushchev N. S. O programme KPSS [On the program of the CPSU]. In: *XXII s"yezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza. Stenograficheskiy otchet* [XXII Congress of the Communist Party of the Soviet Union. Verbatim report]. Moscow, Gospolitizdat, 1962, vol. 1608 p.

Kryachko L. Boy "za dobrotu" [Fight "for kindness"]. *Oktyabr'*. 1965, no. 3, pp. 175–184

Malakhov V. A. Blagogoveniye [Reverence]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox encyclopedia]. Moscow, Tserkovno-nauchnyy tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya," 2002, vol. 5: Bessonov–Bonvech, pp. 294–296.

Manskov S. A. "Gryaz'" i "ochishcheniye" v poezii Vladimira Vysotskogo ["Dirt" and "purification" in the poetry of Vladimir Vysotsky]. In: *Studia Litteraria Polono-*

Slavica. Warszawa, Pol. akad. nauk, 1999, vol. 4: Utopia czystosci i gory smieci [Utopia in purity and hot laughter], pp. 377–387.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions]. Moscow, A-Temp, 2006, 944 p.

Slovar' tyuremno-lagerno-blatnogo zhargona (rechevoy i graficheskiy portret sovetskoy tyur'my) [Dictionary of prison-camp-thug jargon (speech and graphic portrait of a Soviet prison)]. Moscow, Kraya Moskvy, 1992, 526 p.

Uznik Lubyanki. Tyuremnyye rukopisi Nikolaya Bukharina. Sb. dokumentov [The prisoner of Lubyanka. Prison manuscripts of Nikolai Bukharin. Collection of documents]. 2nd ed. Moscow, AIRO-XXI, 2008, 1070 p.

Zolotukhin V. S. *Znayu tol'ko ya* [Only I know]. Moscow, Vagrius, 2007, 524 p.

List of sources

Bulgakov M. A. *Master i Margarita* [The Master and Margarita]. Moscow, Vyssh. shk., 1989, 559 p.

Shukshin V. M. *Svoyak Sergey Sergeevich* [Brother-in-law, Sergey Sergeevich]. *Novyy mir*. 1969, no. 10, pp. 90–94.

Shukshin V. M. *Voprosy samomu sebe* [Questions for myself]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1981, 256 p.

Shukshin V. M. *Sobraniye sochineniy: V 9 t.* [Collected works: In 9 vols]. Barnaul, Barnaul, ID "Barnaul," 2014.

Vesely privaly, gde kazaki zapevaly! [Merry are the halts where the Cossacks lead the singing!]. Kaluga, Dom narodnogo tvorchestva i kino "Tsentral'nyy," 2023, 41 p.

Vysotskiy V. S. Ban'ka po-belomu [A banya with a proper steam room]. In: Vysotskiy V. S. *Sobr. soch.: V 4 kn.* [Collected works: In 4 bks.]. Moscow, Nadezhda-2, 1997, bk. 1: "Grustnyy romans" [Sad romance], pp. 127–128.

Информация об авторе

Александр Иванович Куляпин, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета; исполнитель проекта в Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского (Барнаул, Санкт-Петербург, Россия)

Information about author

Alexander I. Kulyapin, Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature, Altai State Pedagogical University, Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky (Barnaul, Saint Petersburg, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 07.11.2024;
одобрена после рецензирования 09.12.2024; *принята к публикации 09.12.2024*
The article was submitted on 07.11.2024;
approved after reviewing on 09.12.2024; *accepted for publication on 09.12.2024*

Научная статья

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/93/10

Мифо-фольклорный компонент романа А. Г. Игумнова «Пузыри жизни»

Оксана Анатольевна Колмакова

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия
post-oxygen@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4873-181X

Аннотация

Рассмотрены основные мифо- и фольклорно-ориентированные образы и мотивы в романе А. Г. Игумнова «Пузыри жизни», описаны их специфические особенности и принципы функционирования в тексте. Подробно исследованы основные сюжетные линии романа (история города, находящегося на «просторах Среднесибирской возвышенности»; судьба поколения 1990-х гг.; вторжение в жизнь человека иной реальности), центрированные образом главного героя Петра Сабашникова. Мифо-фольклорный компонент в структуре романа подчиняется господствующей людической поэтике и включается в игру с литературными интертекстами и социокультурными аллюзиями. Утверждение и одновременное профанирование архаической и христианской образности позволяет говорить об амбивалентности авторского отношения к ней. Вместе с тем обращение к мифу дает современному писателю возможность конкретно сформулировать цель существования человека и стратегии его взаимодействия с миром.

Ключевые слова

современная русская проза, А. Г. Игумнов, роман «Пузыри жизни», миф, фольклор, архетип, образ, мотив

Для цитирования

Колмакова О. А. Мифо-фольклорный компонент романа А. Г. Игумнова «Пузыри жизни» // Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 128–139. DOI 10.17223/18137083/93/10

The mythological and folkloric component of Andrei Igumnov's novel "Bubbles of Life"

Oksana A. Kolmakova

Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation
post-oxygen@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4873-181X

Abstract

This paper explores the mythological and folkloric imagery present in Andrei Igumnov's 2003 novel, "Bubbles of Life." This classic postmodern novel has its artistic world shaped by

© Колмакова О. А., 2025

a triad of irony, playfulness, and intertextuality. The narrative structure of the text is characterized by an intricate interweaving of elements drawn from folklore, Christianity, and archaic mythology, with literary allusions and sociocultural commentary, all framed within a ludic poetic style. The narrative is structured around three interconnected plotlines. The first is the historical development of a city in the Central Siberian Uplands. The second is the fate of a generation born in the 1990s. And the third is the intrusion of an alternate reality into the life of a person. These threads are unified by the figure of the protagonist, Peter Andreevich Sabashnikov, whose image is encoded in a multifaceted manner. Typologically, the origins can be traced back to the archetype of "the hero of our time." This archetype is characterized by the preservation of moral integrity, despite the internalization of the inconsistencies prevalent during the given historical period. This image represents an individual who has a genuine personality and who consciously and voluntarily accepts responsibility for the evil happening in the world. In the final scene of the novel, Igumnov presents a utopian "communitas" of seven individuals, evoking Victor Turner's concept. The writer challenges the prevailing axiological framework of the modern world. A contrast is drawn between the values of modern society (social stratification, materialism, and a focus on pleasure) and the overarching humanistic principles of family, work, and a life integrated with nature.

Keywords

modern Russian prose, A. G. Igumnov, the novel "Bubbles of Life", myth, folklore, the archetype, the image, the motif

For citation

Kolmakova O. A. The mythological and folkloric component of Andrei Igumnov's novel "Bubbles of Life". *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*], 2025, no. 4, pp. 128–139. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/93/10

Андрей Георгиевич Игумнов (1959–2021) – писатель-ученый (доктор филологических наук, фольклорист), прозаик и драматург, автор двух романов и пьесы, лауреат и номинант двух престижных литературных премий [1].

Роман «Пузыри жизни» [2], представляет собой классический постмодернистский текст, художественный мир которого организован триадой «ирония – игра – интертекст». В иронично-игровой стилистике выдержаны многочисленные авторские рефлексии по поводу процесса «письма», создающие иллюзию открытой творческой лаборатории писателя [3]. Мифо-фольклорная ориентация сюжета позволяет включить «Пузыри жизни» в парадигму таких современных русских романов, как «Змея в зеркале» (2000) А. В. Королева, «Pasternak» (2003) М. Ю. Елизарова, «Номер Один, или В садах других возможностей» (2004) Л. С. Петрушевской, «Священная книга оборотня» (2004) В. О. Пелевина и др. Отличительным признаком перечисленных текстов является специфическая авторская позиция, очень точно определенная О. Лебедушкиной как позиция «двойного агента», ко-

[1] В творческое наследие А. Г. Игумнова входят следующие произведения: пьеса «Скважина. Трагедия из девяностых» (1999); роман «Пузыри жизни» (2003) – номинант литературной премии «НОС» (2009); роман «Кукушкины дети» (2012) – лауреат литературной премии имени И. К. Калашникова (2014); сценарий «Вуаль принцессы Фатмэ» (2019); рассказы «Коровья буча. Из рассказов о Проценте» (2017); «Капитан и русалка» (2020).

[2] Роман впервые был опубликован в журнале «Байкал» (2008 г. № 1–3). Полная версия вышла в 2019 г.: *Игумнов А. Г.* Пузыри жизни: Роман. Улан-Удэ: НоваПринт, 2019. 384 с. В статье текст романа цитируется по данному изданию с указанием номеров страниц в круглых скобках.

[3] Ср.: «Вот где бы приплести упертого Иова, но куда-то я его уже успел некстати приплести раньше» (с. 235); «Тут бы обрушиться на читателя мухой, монотонно зудящей на стекле, но некогда, некогда!» (с. 274) и др.

торый «подмигивает» одним глазом массовому читателю, готовому воспринимать созданный в романе мир как объективную реальность, а другим – читателю элитарному [4], принимающему авторские правила «игры» [Лебедушкина, 2006, с. 191].

Фантастика в романе А. Г. Игумнова существует на паритетных основаниях с типически-реалистическим изображением постсоветской жизни сибирского города. Реалистичность некоторых бытовых зарисовок, многие из которых созданы в форме жанровых сцен, позволила критикам говорить о том, что «человеческая сущность в “Пузырях...” все-таки настоящая, живая и связана своими корнями с нашей реальной жизнью» [Тармаханов, 2010, с. 11]. Роман содержит три сюжетные линии: 1) история города, находящегося на «просторах Среднесибирской возвышенности»; 2) судьба поколения 1990-х; 3) вторжение в жизнь человека иной реальности. Все три линии объединяет образ главного героя – Петра Андреевича Сабашникова, что вполне логично для романа-неомифа, поскольку, как указывал А. Ф. Лосев, в основе мифа, как правило, находится «чудесная личностная история» [Лосев, 2014, с. 265]. Глазами Петра Сабашникова читатель видит городской и социальный ландшафт и через его восприятие узнает о прошлом города и региона. Он же окажется избранником айсурицы – представительницы мифической расы атлантов, и одновременно – новым Ноем, воздвигшим свой «ковчег» на семи сотках «кочковатой целины» в деревне Уточкина падь.

В построении романного сюжета А. Г. Игумнов использует ресурс фольклора, христианского и архаического мифов, которые включаются у писателя в игру с социокультурными аллюзиями и литературными интертекстами [5]. Людическая поэтика является в тексте доминирующей. Образ Петра воплощает, как признается повествователь, «мечту о целостном гармоничном человеке» (с. 219), актуальную как в сфере современной гуманитарной науки [6], так и в художественном творчестве [7]. Поливариантный код образа у Игумнова позволяет воплотить подобную концепцию личности. Типологически образ восходит к «герою нашего времени», впитавшему в себя все противоречия эпохи, но сумевшему сохранить свою целостность. Петр – талантливый хирург, с прошлым военного врача, человек с нравственным стержнем, уважаемый даже в криминальной среде. К финалу романа образ жизни Петра становится воплощением концепции существования

[4] Об ориентированности романа А. Г. Игумнова на элитарного читателя писала С. С. Имихелова: «…постмодернистские “Пузыри жизни” по содержанию и стилю звучат сверхсовременно и местами заумно, сюжет ветвится и складывается из разных жанровых фрагментов (что делается сознательно)» [Имихелова, 2020, с. 198].

[5] Упомянем лишь некоторые примеры интертекста, анализ которого в романе нуждается в специальном исследовании. Пушкинский: «противоестественно зарифмовав вечные южные “розы” с сибирскими “морозами”» (с. 222). Гоголевский: «Уважаемые коллеги, к вам приехал ревизор» (с. 37); «Всякий приезжий непременно должен наносить визит лучшим людям города» (с. 156) и др. Интертекст Достоевского: «Изначально город наш назывался Скотопригоньевский» (с. 76). Толстовский: «А сами по себе глаза бывают черными, серыми, блестящими, как смородина» (с. 145). Булгаковский: «За мной, читатель! Я ведь открываю тебе страшную и восхитительную тайну» (с. 114); «А кстати, любезная Маргарита Николаевна, что вы так защищаете эту самую Лумбу?» (с. 147) и др.

[6] По мысли философа-антрополога П. С. Гуревича, «целостность человека – это некий идеал, движущий мотив порыва к бытию» [Гуревич, 2004, с. 145].

[7] Для автобиографического героя романа Ю. В. Буйды «Вор, шпион и убийца» (2013) смыслом существования становится обретение «der Ganze» – «целостности, о которой тоскует всякий человек, страдающий дефицитом божественности» [Буйда, 2014, с. 278].

идеального русского человека, сформулированной классиком XX столетия: «Мой дух, моя семья да мой труд – добросовестный, неусыпный» [Солженицын, 2009, с. 203].

Одновременно герой в высокой степени литературен. Оказавшись на необитаемом острове в Тихом океане, Петр повторяет судьбу Робинзона, а когда он выносит из горящего «мысковского» (т. е. московского) планетария двух маленьких девочек, то напоминает «плечистого и крепкого» маршаковского героя, которого «ищут пожарные, ищет милиция». Эти литературные аллюзии не превращают героя Игумнова в постмодернистский симулякр, но придают ему некоторую условность.

Не менее значим в образе Петра и христианский код. Ему 33 года, но возраст не является единственной отсылкой к образу Христа. В фантастической линии сюжета Петр становится участником драмы, срежиссированной не кем иным, как ветхозаветным пророком Ильей, явившимся в современный мир вместе с новозаветным Николаем-чудотворцем. При этом оба пророка предъявляют паспорта, в которых они значатся как Николай Мирликиевич Скворешников и Илья Владимирович Семихаткин. Они носят джинсы, занимаются бизнесом и продюсируют поп-звезд. Постмодернистское снижение этих библейских образов начинается уже на уровне стиля: представляя героев читателю, повествователь намеренно воспроизводит стилистику гоголевского орнаментального сказа из «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Цель Ильи Владимировича – наказание города греха, для чего он устраивает катастрофу на стадионе во время концерта. «Илье-то все эти жестокости привычны, он ветхозаветный», – говорит Николай Мирликиевич, скорбя, но не вмешиваясь. Петр берет на себя миссию предотвратить трагедию. «Думал ли <он> о мученическом венце?.. Это правдивому повествователю совершенно неизвестно», – говорится в романе (с. 340–341). Однако слово-маркер христоподобного героя прозвучало.

В мотиве спасения многих ценой собственной жизни прочитывается код архетипа Героя. Сочетание в Петре человека и «сына Божьего» адекватно данному архетипу. Как отмечал К. Г. Юнг, «у героя природа человеческая, но близкая к сверхъестественной, т. е. он является “полубожественным” <...> сверхъестественность героя включает человеческую природу» [Юнг, 1996, с. 102]. В статусе Героя Петр становится супругом «чудесной жены» – «небесной девы» айсурицы – и новым спасителем человечества. Дом в Уточкиной пади – это одновременно и Ноев ковчег, спасший семерых избранных, и возрожденная «земля Му», известная как мифическая Атлантида. А. Г. Игумнов демонстрирует актуальность архетипа Героя для современного культурного сознания, стремящегося персонифицировать свою потребность в гармонии и справедливости. Петра Сабашникова можно поместить в единый типологический ряд с Номером Один Л. С. Петрушевской («Номер Один, или В садах других возможностей»), Алексеем Вязинцевым М. Ю. Елизарова («Библиотекарь») и Хомой Брутом Н. Н. Садур («Панночка»).

Амбивалентное отношение автора к христианской религии очевидно. Профанирование и утверждение христианского у Игумнова может происходить в пределах всего одной фразы. Например: «Еще можно у нас на севере и в Сибири разыскать деревянные церковки, украшенные в безотчетно пантеистическом духе. Вместо седобородого Саваофа с растянутым по сферической поверхности ликом, символически простирающего вытянутые обезьяньи длани надо всем тварным миром, своды центрального нефа в них украшены простенькой схемкой обозри-

мой, понятной и совсем не страшной Вселенной: синенькая краска радостно изображает небесную твердь, а на твердь часто налеплены золотые звездочки, чтобы пусто не было» (с. 202). В этой же «сниженно-высокой» стилистике создан текст молитвы Петра, о которой Николай Мирликиевич отзывается следующим образом: «Вы, Петр Андреевич, говорили, как бандит на стрелке» (с. 276).

«Гринписовец» Николай Мирликиевич в своей ковбойской шляпе, безусловно, выглядит комично. Но совершенно иным изображается его лик, проступивший на фресках храма Николы Зареченского: «Руки святого распахнулись над молящимися; словно окончательно утратило вес, приблизившись к существам горнего мира, его тело, облаченное в белоснежную фелонь с голубыми крестами» (с. 331). И лик этот действительно творит чудо, свидетелями которого становятся несколько тысяч участников крестного хода, среди которых были не только горожане, но и паломники со всей «необозримой Русской равнины».

Чудо начинается с преображения знакомой всем местности: «шатры и маковки» Одигитритриевского собора сияют и горят, «словно это сам Небесный Иерусалим» (с. 337). Традиционный для христианской литературы сюжет исцеления «безногого калеки» у Игумнова соотнесен с фольклорным сюжетом об Илье Муромце. Бывшего инвалида, получившего исцеление от Николы-угодника, автор изображает «настоящим великаном, неуверенно стоящим в полный рост над ненужной больше ему тележкой», и называет его «диким Ильей Муромцем» (с. 338). Данный прием обыгрывает малоизвестную современному читателю символику образов «калик перехожих» в каноническом тексте былины: «Откликом на родительскую молитву становится посещение Ильи Христом и апостолами (в вариантах: ангелами, святителем Николаем) под видом нищих странников» [Былины…, 2024, с. 19].

В перипетиях судьбы удачливого вора Васьки Косого проглядывает важнейший христианский текст о блудном сыне, который, по мысли А. В. Чернова, «изначален и определяющ» для всей мировой литературы [Чернов, 1994, с. 152]. Как отмечают В. И. Тюпа и Е. К. Ромодановская, «во множестве произведений мировой литературы мы встречаемся как с сюжетом блудного сына, воспроизводящим событийную канву притчи из Евангелия от Луки, так и с мотивом блудного сына, актуализирующим ту же притчу в читательском сознании без воспроизведения ее сюжета в тексте» [Тюпа, Ромодановская, 1996, с. 5]. Применительно к роману Игумнова речь следует вести именно о мотиве блудного сына [8], причем основная коллизия притчи «сын – отец» заменена в романе на коллизию «внук – дед». Приведем эпизод побега Васьки из тюрьмы и «чудесной встречи» с дедом:

> – Что стоишь, ублюдок? Рви когти! – прошипела ему напоследок его прежняя жизнь.
>
> – Внучек! – свежим и сильным голосом окликнула его жизнь новая.
>
> – Папа? – прошептал измученный Косой.
>
> Сильная кровь текла в жилах кержака Евстихия. Отец Васьки Косого мог бы смотреться в своего отца, как в зеркало, если бы не стал отступником и неудачником. Сейчас перед Косым стоял человек, каким его настоя-

[8] У Игумнова обыграны также и неосновные мотивы притчи. Так, характеристика Васьки как «еле живого» соотносима со словами евангельского блудного сына «я умираю от голода», а ужин из дикой козы на вертеле коррелирует с мотивом приготовления теленка для пиршества в честь обретения блудного сына в каноническом тексте притчи (Лк 15: 11–32) [Библия…, 1995, с. 1110].

щий отец должен был быть – статным русобородым человеком с мудрым взглядом отшельника и мускулатурой деревенского кузнеца (с. 166).

По нашему мнению, замена отца на деда в интерпретации евангельской притчи глубоко символична. Во-первых, эта замена говорит о нарушении преемственности поколений в современной семье. Во-вторых, образ Евстихия соотносим с юнгианским архетипом «мудрого старца», «олицетворяющим духовный фактор» [Юнг, 1996, с. 297] и символизирующим духовную устремленность человека.

Христианское мироощущение утверждается как подлинное религиозное чувство в образе отца Михаила, тюремного священника, а впоследствии – настоятеля храма. «Эриугену, Абеляра и Иоанна Лествичника он читал в оригиналах, и заскорузлые в невежестве и злобе “синяки”, отморозки и всякая тюремная шелупонь, подонки и отбросы не могли не чувствовать, что за его простыми словами стоят века» (с. 98). Увиденный героем во время крестного хода «самый обычный мост через самую обычную реку» становится «сверхфизическим мостом между миром земным и небесным, по которому, мосту, шествует мирное христово воинство с проповедью единственной настоящей любви» (с. 337).

К архаическому мифу, как и к христианскому, у автора двойственное отношение. В романе гротескно снижается основополагающий принцип мифосознания, состоящий в отсутствии непреодолимой границы между миром живых и миром мертвых. Рассуждения о бесполезности в обществе стариков, пронизанные черным юмором («Лишних стариков вообще нужно отстреливать на улицах! У них мутные глаза. Они неопрятны, от них плохо пахнет», с. 146), подкрепляются мифом – древнейшей обрядностью, связанной с торжественными проводами пожилых людей в «страну вечной охоты»: «Для убиваемых это было большой честью, знаком уважения и признания их сакрального авторитета. Фрэзер об этом много пишет. У вас, у русских, этот праздник назывался “Комоедицы” или, по-иному, “Убиваньица”» (с. 147).

Профанирование архаического мифа в романе происходит также в обыгрывании тотемических представлений. У А. Г. Игумнова постоянным приемом для раскрытия сущностных черт персонажа является сравнение его с животным. Так, почти идеальный Петр сравнивается с благородным оленем. Спутница Петра, носящая имя Маргарита Николаевна, но являющаяся антиподом умной и тонкой булгаковской героини, описывается как «однобоко жизнерадостная» женщина, «поводившая головой, как аккуратная гадючка» (с. 124). Василий, друг Петра, напоминает «старую жилистую лошадь», что выдает его рабочее происхождение в пятом поколении. Застигнутые во время побега из тюрьмы «зеки» сравниваются с «вываливающимися и разбегающимися тараканами из банки» (с. 167). Кодовое имя «Лаврентий Павлович» носит генерал спецслужб Тихонравов, а его «тотемом» в романе является орел: «В облике генерала было что-то от большого пернатого хищника» (с. 172). Создавая образ губернатора региона Леонида Васильевича, который сравнивается в тексте с медведем – «простоватым Михайлой Иванычем Топтыгиным» и вместе с тем «матерым медведюгой» (с. 172), автор «подмигивает» своим землякам: они, без сомнения, узнают в герое первого президента республики с теми же именем и отчеством и «медвежьей» фамилией Потапов. На наш взгляд, в игре с тотемической символикой у Игумнова прочитывается идея деантропологизации современного человека, что может стать темой отдельного исследования.

Сакрализация архаического мифа происходит в романе А. Г. Игумнова посредством обращения к такой черте мифа, как его фундаментальность. Миф для автора становится источником инвариантного, что особенно актуально в современную эпоху «версий и вариантов» (ср. известный рекламный слоган: «Стань лучшей версией себя!»). Инвариантность является чертой ряда образов и мотивов в романе. Автор изображает «целостную, завершенную, красивую, иррациональную стену, стену саму по себе, не извращенную человеческими причинами и целями» (с. 198), «настоящую, подлинную, говоря словами великого Платона, собаку», «собаку в чистом виде» (с. 269–270) и, наконец, подлинную гармонию мироздания, открывшуюся Петру во время его робинзонады, когда он «освободился от своего измученного тела и мог полюбоваться абсолютной красотой» (с. 214). Вершины своего личностного развития герой достигает, начав видеть мир через призму мифологического инварианта. Петр видит саму суть мира, а не его «отражение в мозгу, косном и негибком», и начинает «прозревать немыслимые петли и кривулины, которыми Творец в припадке божественного вдохновения исчеркал генеральный план Своего Творения, а нашей то есть жизни» (с. 215).

В финале время – основной фактор вариативности бытия – исчезает, и автор изображает некое абсолютное начало: «Странно стало в Уточкиной. Ночи стоят тихие, теплые, душноватые, как где-нибудь в междуречье Тигра и Евфрата» (с. 380). Общество семерых «спасшихся» в Уточкиной пади возрождает древнейшие социальные отношения, которые В. Тэрнер назвал «коммунитас». «Коммунитас» противопоставлено «структуре» – современному обществу, основанному на жесткой иерархии его членов. «Коммунитас» утверждает внеструктурные общечеловеческие ценности, в основе которых находится чувство принадлежности каждого отдельного индивида ко всему человечеству в целом: «Коммунитас обладает экзистенциальными качествами, в ней человек всей своей целостностью взаимодействует с целостностями других людей» [Тэрнер, 1983, с. 200].

На основе чего происходит взаимодействие членов «коммунитас» в Уточкиной пади? На первый взгляд ничего общего между собравшимися в деревенском доме Петра персонажами нет, и их сущности, напротив, даже полярны. Перед нами сорокалетний безработный Василий из поколения «афганцев», жилистый мастеровой («слесарь шестого разряда»); двадцатилетний Васька Косой, достигший «звездных высот» в воровском искусстве; кержак-раскольник Евстихий, явившийся из глухой тайги, чтобы спасти «заблудшую овцу» – своего единственного внука; «молодые врачихи» Люся и Света, однокурсницы Петра; персонифицирующая подлинную красоту «небесная дева» айсурица, о которой в романе сказано словами «Песни Песней Соломона»: «Прекрасна, как вечерняя заря, и грозна, как полки со знаменами!» (с. 188).

Однако в характеристике каждого из перечисленных обитателей Уточкиной пади есть одна общая деталь, которую можно определить как «детскость». Так, у плотничающего Василия «топор играл в руках, мелькая и поблескивая» (с. 14). Игра, как известно, является основной формой жизнедеятельности детей. В портрете Васьки Косого особенно выделены его «детские глаза». Даже суровый «медведь» Евстихий в какой-то момент становится «тих и послушен, как зачарованный ребенок» (с. 40). О Свете и Люсе повествователь говорит в евангельском ключе: «болтали и смеялись, невинные, как дети» (с. 82). В сцене знакомства с Петром айсурица «играла и забавлялась», «пуская фужером хрустальных солнечных зайчиков» (с. 191).

Детскость, объединяющая жителей дома в Уточкиной пади, является традиционным устойчивым маркером положительного героя, символом его духовно-нравственной чистоты и одновременно – незащищенности перед лицом Судьбы. Петр же, неоднократно заявляющий о том, что его «детство прошло», воплощает зрелую личность – взрослого человека, способного нести ответственность не только за себя, но и за других. Неслучайно и число обитателей дома – семь: вместе они образуют семью, во главе которой находится Петр.

Сравнение Уточкиной пади с Междуречьем – местностью, в которой зародилась современная цивилизация, также символично. Примечательно, что дом в Уточкиной из символа универсума становится Вселенной героев в буквальном смысле, что реализует основной закон мифологического мышления, сформулированный К. Леви-Стросом: «Преобразование метафоры завершается метонимией» [Леви-Строс, 1999, с. 196]. Дом в Уточкиной пади – антипод городского «дома над хлебным», который описывается как «огромный пятиэтажный отстойник в самом центре рабочего поселка». Детально изображая его «быт и нравы», писатель заставляет вспомнить слова Ж. Бодрийяра о постапокалиптическом статусе современного общества: «Страшный Суд уже происходит, уже окончательно свершился у нас на глазах» [Бодрийяр, 2000, с. 321]. «Дом над хлебным» воплощает новую «вавилонскую блудницу», «мрачные бездны человеческой души» (с. 22).

С образами бездны и океана, символизирующими в романе жизненное пространство, связан заглавный образ пузырей жизни, поднявшихся с ее дна на поверхность культурного слоя: «Слой тонок, тонок, а что там под слоем бурлит и пускает грязные пузыри, осуществляет жизнедеятельность, так сказать, – лучше и не знать от греха подальше!» (с. 46). Дно жизни представлено в романе прежде всего в социальном аспекте – как маргинальный мир вокруг героев: «Вылавливая из потока маршрутку, Маргарита затылком ощущала, как у нее за спиной пучатся и медленно лопаются грязные пузыри жизни» (с. 91). Примечательно и кошмарное видение Петра – огромная «кретиническая Барби», которая шествовала через моря и океаны, затапливая острова, продавливая континенты», «щелкая белыми пузырями бабл-гама» (с. 345). В этом образе очевидно авторское негативное отношение к вестернизации русской жизни.

Образ пузырей жизни мифологичен в своей основе. Е. Е. Левкиевская, автор исследования о славянской мифологии, приводит следующую легенду: «Когда-то давно Бог ходил по воздуху. Видит – пузырь висит, а в пузыре что-то пищит. Господь спрашивает: “Кто это пищит в пузыре?” А тот отвечает: “Я – бог!” – “А кто же я?” – удивился Господь. – “Ты над богами Бог”. Тогда Господь разорвал пузырь и из него вышел Сатана» [Левкиевская, 2000, с. 151]. Автору романа, ученому-фольклористу, безусловно, был известен этот фольклорный сюжет.

Собственно фольклорный текст в романе А. Г. Игумнова занимает значительное место и выступает в различных функциях. В аспекте людической поэтики может быть рассмотрена фольклорная стилизация. Так, описывая перепалку между соседями, автор соединяет архаическую стилистику фольклорного эпоса и современную обсценную лексику: «Запричитала тетя Тоня: / “Муж мой, муж разлюбезный! / Твою жену тут бьют-избивают... / А ты, старый козел, того и не чуешь, / Лежишь на диване, как колода стоеросовая!” <...> Вышел на площадку сам сосед Петра дядя Саша. / Не понял ни хрена дядя Саша. / Не въехал что к чему дядя Саша...» (с. 64). В приведенном фрагменте мы видим целый спектр общефольклорных приемов, среди которых постоянный эпитет («муж разлюбезный»),

удвоение («бьют-избивают»), троекратная эпифора («дядя Саша»), градация («не понял – не въехал»). Гротеск этого эпизода рождается из совмещения фольклорной художественности, обладающей высоким культурным статусом, и низкого содержания – описания рядовой ссоры между соседями по площадке, которая в таком освещении обретает характер эпической битвы.

Ресурс фольклора используется автором для создания образов и построения сюжета. Событийный ряд романа «закодирован» пропповскими функциями действующих лиц волшебной сказки [Пропп, 1969]. В судьбе Петра четко просматривается «отправка» (плавание судовым врачом), «предварительное испытание» (пленение колумбийцами), «основное испытание» (попытка предотвратить катастрофу на стадионе), «встреча с дарителем» (получение «Ордена почетного легиона»), «обретение невесты» (брак с айсурицей). В этой связи отнюдь не случайным является использование некоторыми персонажами романа формульных сказочных обращений по отношению к Петру: «Молод ты еще, Иван-царевич, меня учить!» (с. 140) или «Я тебе пригожусь» (с. 244).

Фантастический образ прекрасной айсурицы, владеющей «самым совершенным оружием» – летающей золотой колесницей атлантов, коррелирует с образом из русской народной сказки: «...осияло и небо и землю – летит по воздуху золотая колесница, в упряжи шесть огненных змеев; на колеснице сидит королевна Елена Премудрая – такой красы неописанной, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать!» [Русские народные сказки..., 1914, с. 233–234].

Образ Евстихия раскрывается посредством фольклорного текста, созданного в жанре видения. В истории, рассказанной Евстихием, важны детали: «ангел... мечом-то вроде грозится, а сам слезьми-то так и уливается <...> и свет от них нежный-нежный, тихий-тихий» (с. 80). Сентиментальность внешне всегда сдержанного старого раскольника выявляется в мотиве ангельского плача. В образе Евстихия автор раскрывает определяющую черту русского мифосознания: христианско-языческое двоеверие. В этой связи примечателен диалог Петра с Евстихием, всерьез считающим языческий заговор православной молитвой:

> – Мы им так и молимся: «На том острове стоит дуб кряковистый, под тем дубом сидят брателки Кузьма и Демьян. Кузьма и Демьян, почто из синего моря выходят женщины простоволосыя, тянут из людей белые жилы, пилят желтые кости, точут черную печень? Велите им, брателки...».
> – Так это ж заговор! – удивился Петр.
> – Молитва, – кивнул Евстихий (с. 60).

Вкрапление произведений фольклора в основной сюжет создает специфическую атмосферу, дающую читателю возможность эмоционального вживания в текст. Примерами подобного обращения к фольклору могут быть текст детской игры «А мы просо сеяли, сеяли», старинная рекрутская песня «Как сегодняшним господним божьим денечком» или ярко выписанная в романе тюремная «обрядность».

В романе А. Г. Игумнова не менее значимым, чем собственно произведение устного народного творчества, является комментарий к нему, сделанный автором-ученым. Так, наглядно воспроизведя обряд посадки картофеля, сопровождающийся чтением заговора, автор вскрывает причины продуктивности данного жанра в среде земледельцев-сибиряков: «...древние языческие ритуалы давно забыты в иных местах, где картошка хорошо родится и сама по себе» (с. 259). Заговор включает в себя бессмысленный набор слов («Ой-й-й-й-й-й-ё, тирба!.. – Ай-й-й-й-

й-й-я, мирба!..»), и героини боятся, что не вспомнят точного текста. Однако их опасения оказались напрасными, и этот факт также находит объяснение в фольклористике: «Напрасно Света переживала: нужные слова сами вспоминались, она ни разу не сбилась. Как отмечал еще Альберт Лорд, неграмотные народные певцы мыслят не словами, а словесно-ритмическими формулами, и свои песни не разучивают, как мы не учим язык, который слышим с младенчества» (с. 262).

Важную роль для понимания идейно-эстетического замысла романа играют включенные в него фольклорные произведения, связанные с темой телесного «низа». К подобному материалу автор подходит с позиций эстетики и прагматики и помимо гедонистической функции обсценного фольклорного текста, создаваемой с помощью derb komisches, раскрывает его потенциал как средства вхождения в глубинные пласты человеческого сознания. Этот фольклорный материал иллюстрирует иррациональное в человеке – мир инстинктов, «мутные глубины» его подсознания. Обращение современного писателя к подобной проблематике можно считать «ответом» на социокультурный «вызов» нового информационного общества. Рациональности последнего противопоставляется мифосознание. По мнению А. Бергсона, ориентированность современного сознания на архаический миф представляет собой «защитную реакцию природы против тех опасностей для общества и индивида, которые связаны с интеллектом» [Бергсон, 1994, с. 357].

Мифо-фольклорный аспект видения мира позволил автору романа «Пузыри жизни» заглянуть в глубины «человеческой истории и души», а также обнаружить инварианты в изменчивом бытии современного человека. А. Г. Игумнов реализует концепцию человека, способного в эпоху тотальной редукции духовных ценностей сохранять свою целостность. Поливариантный «код» героя позволил создать образ современного человека в единстве биологического, социального и духовного содержания его личности. Несмотря на доминирование в романе А. Г. Игумнова стихии карнавала, инверсирующей «высокие смыслы», в авторском «послании» читателю звучит мысль о важности традиционных общечеловеческих ценностей. Актуализируя в образе персонажа архетипы «Героя» и «Христа», автор утверждает идею приоритетности нравственно-онтологической ответственности личности за «другого» и мир в целом.

Список литературы

Бергсон А. Два источника морали и религии / Пер. с фр., послесл. и примеч. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1994. 384 с.

Библия: Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Библейские общества, 1995. 1376 с.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.

Буйда Ю. В. Вор, шпион и убийца: Роман. М.: Эксмо, 2014. 320 с.

Былины про старого казака Илью Муромца: сводный текст / Сост. А. С. Миронов. М.: Институт Наследия, 2024. 426 с.

Гуревич П. С. Проблема целостности человека: Монография. М.: Изд-во Ин-та философии РАН, 2004. 178 с.

Имихелова С. С. Мозаика национальной жизни: о литературном процессе в Бурятии (2010-е годы): Монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2020. 216 с.

Лебедушкина О. Про людей и нелюдей // Дружба народов. 2006. № 1. С. 190–198.

Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1999. 392 с.

Левкиевская Е. Мифы русского народа. М.: Астрель; АСТ, 2000. 528 с.

Лосев А. Ф. Диалектика мифа. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 320 с.

Пропп В. Я. Морфология сказки. М.: Наука, 1969. 168 с.

Русские народные сказки А. Н. Афанасьева: В 5 т. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1914. Т. 3. 293 с.

Солженицын А. И. Россия в обвале. М.: Русский путь, 2009. 208 с.

Тармаханов А. Тектоническая проза Андрея Игумнова: Рец. на кн.: Игумнов А. Пузыри жизни // Новая Бурятия. 2010. 23 авг. С. 11.

Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.

Тюпа В. И., Ромодановская Е. К. Словарь мотивов как научная проблема // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы»: от сюжета к мотиву / Под ред. В. И. Тюпы. Новосибирск: ИФЛ СО РАН, 1996. С. 3–15.

Чернов А. В. Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 150–157.

Юнг К.-Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Киев: Гос. б-ка Украины для юношества, 1996. 384 с.

Список источников

Игумнов А. Г. Пузыри жизни: Роман. Улан-Удэ: НоваПринт, 2019. 384 с.

References

Baudrillard J. *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Moscow, Dobrosvet, 2000, 387 p.

Bergson H. *Dva istochnika morali i religii* [Two sources of morality and religion]. Moscow, Kanon, 1994, 384 p.

Bibliya: Knigi Svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta [Bible: Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testament]. Moscow, Bibleyskie obshchestva, 1995, 1376 p.

Buyda Yu. V. *Vor, shpion i ubiytsa: roman* [Thief, spy, and murderer: a novel]. Moscow, Eksmo, 2014, 320 p.

Byliny pro starogo kazaka Il'yu Muromtsa: svodnyy tekst [Bylinas about the old Cossack Ilya Muromets: summarized text]. A. S. Mironov (Comp.). Moscow, Institut Naslediya, 2024, 426 p.

Chernov A. V. *Arkhetip "bludnogo syna" v russkoy literature 19 veka* [Archetype of the 'prodigal son' in Russian literature of the 19th century]. In: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature 18–20 vv.* [The Gospel text in Russian literature of the *18th – 20th* centuries]. Petrozavodsk, PetrSU, 1994, pp. 150–157.

Gurevich P. S. *Problema tselostnosti cheloveka: monografiya* [The problem of human integrity: a monograph]. Moscow, Institute of Philosophy RAS, 2004, 178 p.

Imikhelova S. S. *Mozaika natsional'noy zhizni: o literaturnom protsesse v Buryatii (2010-e gody): monografiya* [Mosaic of national life: on the literary process in Buryatia (2010s): a monograph]. Ulan-Ude, BSU, 2020, 216 p.

Jung C. G. *Dusha i mif. Shest' arkhetipov* [The archetypes and the collective unconscious]. Kiev, Gos. biblioteka Ukrainy dlya yunoshestva, 1996, 384 p.

Lebedushkina O. *Pro lyudei i nelyudei* [About people and non-people]. *Druzhba narodov.* 2006, no. 1, pp. 190–198.

Lévi-Strauss C. *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive thinking]. Moscow, TERRA – Knizhnyy klub, Respublika, 1999, 392 p.

Levkievskaya E. *Mify russkogo naroda* [Myths of the Russian people]. Moscow, Astrel', ACT, 2000, 528 p.

Losev A. F. *Dialektika mifa* [Dialectics of Myth]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Atticus, 2014, 320 p.

Propp V. Ya. *Morfologiya skazki* [Morphology of the fairy tale]. Moscow, Nauka, 1969, 168 p.

Russkie narodnye skazki A. N. Afanas'eva: V 5 t. [Russian folk tales by A. N. Afanasyev: in 5 vols.]. Moscow, Tip. Tov. I. D. Sytina, 1914, vol. 3, 293 p.

Solzhenitsyn A. I. *Rossiya v obvale* [Russia in the collapse]. Moscow, Russkiy put', 2009, 208 p.

Tarmakhanov A. Tektonicheskaya proza Andreya Igumnova: Rets. na kn.: Igumnov A. Puzyri zhizni [Tectonic prose of Andrei Igumnov: Review of the book: Igumnov A. Bubbles of life]. *Novaya Buryatiya.* 2010, August 23, p. 11.

Turner V. *Simvol i ritual* [Symbol and Ritual]. Moscow, Nauka, 1983, 277 p.

Tyupa V. I., Romodanovskaya E. K. *Slovar' motivov kak nauchnaya problema* [Dictionary of motifs as a scientific problem]. In: *Materialy k "Slovaryu syuzhetov i motivov russkoy literatury": ot syuzheta k motivu* [Materials for the "Dictionary of plots and motifs of Russian literature": from plot to motif]. Tyupa V. I. (Ed.). Novosibirsk, Institute of Philology SB RAS, 1996, pp. 3–15.

List of sources

Igumnov A. G. *Puzyri zhizni: roman* [Bubbles of life: a novel]. Ulan-Ude, Nova-Print, 2019, 384 p.

Информация об авторе

Оксана Анатольевна Колмакова, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии и методики, Иркутский государственный университет (Иркутск, Россия)

Information about the author

Oksana A. Kolmakova, Doctor of Philology, Professor, Department of Philology and Methodology, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 13.01.2025;
одобрена после рецензирования 13.03.2025; принята к публикации 13.03.2025
The article was submitted on 13.01.2025;
approved after reviewing on 13.03.2025; accepted for publication on 13.03.2025

Научная статья

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/93/11

Смерть читателя, или Цена успеха (об одном случае двойной референции фикционального нарратива)

Олег Александрович Ковалев

Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
kovalev_oa@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-7626-1960

Аннотация

Статья посвящена анализу группы сюжетов в литературе и кинематографе, в которых история успеха героя может быть интерпретирована как непрямое выражение авторского желания успеха благодаря приписыванию герою тех или иных атрибутов автора художественного произведения. Поскольку ясными знаками успешности героя в этом случае являются свидетельства гипертрофированного воздействия текстов на читателя, слушателя или зрителя (смерть, помешательство и пр.), истории успеха рассматриваются как символические преступление и наказание автора. Данные сюжеты помещаются в контекст процесса профессионализации писательства, начавшегося в XVIII–XIX вв., и представлены как проявление имплицитной рефлексии о творческой профессии. Подчеркнуто, что образным выражением трансгрессивности авторского опыта является мотив выхода за пределы рамки, а структурным последствием данной рефлексии становится разрыв целостности нарративных уровней, который особенно отчетливо представлен в произведениях, построенных по принципу текста в тексте.

Ключевые слова

косвенная референция, история успеха, метатекст, фикциональный нарратив, повествовательные уровни, рамка, трансгрессивность

Для цитирования

Ковалев О. А. Смерть читателя, или Цена успеха (об одном случае двойной референции фикционального нарратива) // Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 140–152. DOI 10.17223/18137083/93/11

© Ковалев О. А., 2025

The death of the reader, or the price of success: a case of double reference in fictional narrative

Oleg A. Kovalev

Altai State University
Barnaul, Russian Federation
kovalev_oa@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-7626-1960

Abstract

This paper analyzes a group of literary and cinematic narratives where a protagonist's success indirectly expresses authorial desire through the attribution of the author's traits to the character. These are examined as instances of indirect reference. The works of Fyodor Dostoevsky, who frequently endowed his characters with authorial attributes, serve as a primary example. From "Poor Folk" to "The Brothers Karamazov," he populated his works with characters who write, compose, and fantasize, thereby directly or indirectly reflecting on the writer's craft. The analysis also extends to contemporary Russian novels, Mikhail Elizarov's "The Librarian" and Alexei Salnikov's "The Petrovs in the Flu and Around It" and "Indirectly," with the plots exploring the fantasy of the heightened impact of the literature. In these works, the clearest markers of the hero's success are the extreme effects their texts have on readers, listeners, or viewers (causing death, madness, etc.). These success stories are interpreted as the author's symbolic crime and punishment. Situated within the historical professionalization of writing, these narratives manifest an implicit reflection on the creative profession. The analysis also covers films by directors like David Cronenberg, John Carpenter, and Michael Haneke, which feature a convergence of narrative and discourse levels. Figuratively, this authorial self-reflection is expressed through the motif of breaking the frame. Structurally, it ruptures the integrity of narrative levels, especially in texts-within-texts. This theme of artistic transgression, debated in the 19th century, is further traced in Nikolai Gogol's "The Portrait" and Dostoevsky's "Crime and Punishment."

Keywords

indirect reference, success story, metatext, fictional narrative, narrative levels, frame, transgression

For citation

Kovalev O. A. The death of the reader, or the price of success: a case of double reference in fictional narrative. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*], 2025, no. 4, pp. 140–152. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/93/11

Данная статья посвящена одному из случаев построения фикциональных нарративов, а именно повествовательным произведениям, отмеченным параллелизмом между историей успеха вымышленного героя в диегетическом мире и авторской активностью, направленной на текст произведения. Открытые, прямые контакты между разными уровнями повествовательного текста в этом случае могут отсутствовать, и с точки зрения семиотики перед нами случай непрямой референции (непрямого говорения [Гоготишвили, 2006]): явным содержанием повествовательного текста является история персонажа, но косвенно история его успеха отсылает к автору.

Речь идет о тех случаях, когда присутствие автора в диегесисе обнаруживается благодаря приписыванию (часто иносказательному) персонажу тех или иных атрибутов автора – как писателя, творца, что может вступать в противоречие с образом персонажа или, по крайней мере, находится на периферии его образа.

Изучение авторских стратегий успеха является активным направлением социологии литературы [Берг, 2000] и собственно литературоведения (см. многочисленные работы о механизмах автоканонизации). Однако в данном случае речь идет не о том, как в структуре текста, в авторской поэтике реализуется стратегия успеха, а о том, как авторское воображение, рисующее образы успеха, не только исполняет авторское намерение, но и – тем или иным образом – наказывает автора, т. е. о воображаемых преступлении и наказании как составляющих авторской рефлексии о творчестве.

В аспекте данной темы главный интерес представляют случаи, когда в произведении рассказывается о нарушении границ повествовательных уровней, целиком принадлежащих диегесису (например, когда фантазия вымышленного автора начинает влиять на его собственную жизнь и вымысел фиктивного автора внедряется в реальность нарратива, частью которого он является).

Важнейший аспект темы успеха в этом случае – этический. Диегетический автор становится моделью творчества, которая удовлетворяет устремлениям первичного автора и одновременно получает осуждение, так как в воображаемой модели сила воздействия доводится до предела: произведение получает признание со стороны потусторонних сил, зритель или читатель заканчивает жизнь самоубийством, умирает от силы воздействия произведения, сходит с ума и пр.

Писатель, которого в контексте данной проблемы следует назвать первым, – Ф. М. Достоевский. Хорошо известно частое приписывание им своим персонажам различных атрибутов автора. Начиная с повести «Бедные люди» и заканчивая романом «Братья Карамазовы» Достоевский выводит в своих произведениях людей пишущих, сочиняющих, фантазирующих, тем самым прямо или косвенно рефлексируя о писательском ремесле.

В рамках темы данной статьи особое значение имеет случай Ивана Карамазова, персонажа последнего романа Достоевского – не только как фиктивного автора поэмы «Великий Инквизитор», но и как собеседника своего младшего брата. В разговоре с Алексеем в знаменитой IV главе пятой книги второй части Иван использует способы воздействия, напоминающие эффективные писательские приемы. В частности, Иван рассказывает историю, рассчитанную на шоковое воздействие, как бы проверяя одновременно и действенность самой истории, и реакцию слушателя, которая оказывается трансгрессивной: кроткий и верующий Алексей соглашается с экстремальным выводом Ивана – расстрелять генерала (Достоевский, 1976, с. 221). Перед нами модель художественной коммуникации, где младшему брату отводится роль читателя, а старшему – если и не сочинителя, то рассказчика, воздействующего на собеседника посредством своих историй, а следовательно, в известном смысле автора.

В поведении Ивана есть изрядная доля жестокости в отношении младшего брата («Ничего, я тоже хочу мучиться», – отвечает Алексей в ответ на предупреждение Ивана (Достоевский, 1976, с. 221)). Испытанию подвергается вера Алексея, его фундаментальные жизненные принципы, и в этом смысле поведение Ивана мало чем отличается от поведения автора, который, испытывая веру младшего Карамазова, заставляет старца «провонять».

Разграничение произведения как вымысла, выдающего себя за реальность, с одной стороны, и сообщения, предполагающего коммуникацию, у Михаила Ямпольского рассматривается как противоположность двух аспектов – повествовательного текста, с одной стороны, и дискурса, с другой [Ямпольский, 2004, с. 252].

Вымышленная реальность имеет особый онтологический статус. Можно говорить, с одной стороны, о ее стремлении к самодостаточности, замкнутости, полноте, объективности, убедительности (по сути, это те свойства произведения, которые обычно воспринимаются как некий идеал литературного творчества). Автор здесь выступает как творец автономной реальности, связи которой с первичной реальностью (его собственным существованием) либо несущественны для читателя, либо всячески маскируются.

С другой стороны, для многих авторов характерно стремление, отталкиваясь от собственных впечатлений, трансформируя свой жизненный опыт, подавляя и скрывая желание исповедоваться, по сути, рассказывать о себе.

Указанная двойственность художественного вымысла затрудняет и сам процесс интерпретации. Ведь, какова бы ни была рассказываемая в произведении история, мы вправе ставить вопрос о том, каким образом и в каком аспекте автор посредством этой истории рассказывает о себе.

Желание читателя подчиниться иллюзии и закрыть глаза на естественную и неизбежную связь между автором и героем – преимущественно потребность читателя жанровой литературы, почти не предполагающей диалог с автором в процессе чтения. Но это лишь один из моментов чтения. Диалектика процесса чтения допускает возможное желание читателя увидеть за вымыслом первоисточник – то, что на самом деле явилось основой вымысла (и о чем как бы «на самом деле» рассказывает текст).

Данный тип рецепции можно условно назвать поиском автора, и он связан с не менее естественным желанием демистифицировать текст (в какой-то степени о данном механизме напоминает желание Бенгальского, персонажа романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», разоблачить иллюзию на сеансе магии в главе 12 «Черная магия и ее разоблачение»: «– Вот, граждане, мы с вами видели случай так называемого массового гипноза. Чисто научный опыт, как нельзя лучше доказывающий, что никаких чудес и магии не существует. Попросим же маэстро Воланда разоблачить нам этот опыт» (Булгаков, 1992, с. 122)).

Последующее возмущение Фагота словами Бенгальского – косвенное выражение нежелания автора раскрывать истинную природу вымысла, желание, чтобы читатель верил в подлинность чуда материализации авторской воли и фантазии. Данный эпизод входит в обширный ряд иносказательного изображения художественного творчества в литературе. Реальность магии в данном случае представляет в своей основе стремление отстоять власть художника над миром.

Одной из важных форм рефлексии относительно творчества и границ реальности является создание образа человека, фантазирующего, лгущего или дающего заведомо либо непроизвольно ложную информацию. Но квалификация персонажа как лжеца свидетельствует о его неуспешности как автора.

Категория успеха чрезвычайно важна для художника, в том числе писателя. Это не просто выражение профессиональных амбиций – дело касается самой онтологии произведения – ведь оно существует постольку, поскольку оказывает определенное – в заданном направлении – воздействие. Автор, так сказать, обречен на то, чтобы стремиться к успеху.

Большая часть рассматриваемых здесь примеров относится к литературе XIX–XX вв. и кинематографу XX–XXI вв. Но встречается подобное моделирование эффективного творчества и раньше.

Так, например, в романе французского писателя начала XVIII в. Алена-Рене Лесажа «Хромой бес» (1707) условный трагик в разговоре с не менее условным

сочинителем комедий приводит разные свидетельства совершенства своих трагедий, как то: аплодисменты и другие показатели успеха. Из них особенно интересна реакция некой графини Вией-Брюон. Перед нами предстает развернутая картина восприятия воображаемой зрительницы, расцениваемая трагиком как свидетельство абсолютного успеха: «Elle pleurait à chaudes larmes dès la première scene. Elle fut obligée de changer de mourchoir au second acte; elle ne fit que sangloter au troisième; elle se trouva mal au quatrième; et jeu crus, à la catastrophe, qu'elle allait mourir avec le héros de ma pièce» (Le Sage, 1987, p. 422) [1]. Перед нами пародийное изображение реакции восторженной зрительницы на пьесу. Воображаемый автор фантазирует относительно максимального успеха произведения, и пределом успеха становится смерть зрителя. Смерть, таким образом, использована как знак максимальной силы воздействия произведения. При этом обнажается, по сути, основная закономерность интересующего нас параллелизма: усиление силы воздействия произведения в определенный момент вызывает у автора страх или чувство вины, осознание того, что перейдена некая черта допустимого, что превращает автора в преступника.

Современная отечественная литература дает не менее показательные и, несомненно, более многочисленные случаи авторского фантазирования относительно силы воздействия художественного произведения. В качестве примера можно назвать романы Михаила Елизарова «Библиотекарь» (2007), Алексея Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» (2016) и «Опосредованно» (2018).

Один из персонажей романа «Петровы в гриппе и вокруг него», начинающий литератор Сергей страдает от зрелища чужого писательского успеха: «Во время, когда жил Сергей, и даже чуть раньше, со всех сторон через радио и телевизор вываливались на него примеры писательского успеха, примеры чудовищного везения, совпадения читательского вкуса, проницательности литературного агента и провидения» (Сальников, 2021, с. 249). При этом в собственном романе Сергея он – успешный литератор («Себя Сергей переделал в успешного драматурга, бывшего одноклассника, добившегося успеха, катающегося по международным фестивалям и фигурирующего только как некий образ, к которому переделанный Петров чувствовал зависть» (Сальников, 2021, с. 252)).

Показателем успеха является известность, ради которой фиктивный автор, страдающий от отсутствия признания, должен принести себя в жертву («видимо, он выстроил в голове какой-то сюжет, который должен был реализоваться именно посредством того, что Петров должен был стрелять в Сергея» (Сальников, 2021, с. 251)). Но успех здесь связан со смертью не читателя, а самого автора, которую тот воспринимает как цену успеха.

В романах «Библиотекарь» и «Опосредованно» рассказывается о власти книги или текста. Можно предположить, что замысел этих произведений родился из писательской мечты о власти, которая проявляется в силе воздействия. Характерно, что названные произведения написаны в период ослабления социальных функций литературы и сокращения читательского спроса, вообще читающих людей.

[1] В пер. Е. А. Гунста: «С первой же сцены она залилась горючими слезами, во время второй ей пришлось переменить носовой платок, в третьем акте она беспрерывно рыдала, в четвертом ей стало дурно, и я уже боялся, как бы при развязке она не испустила дух вместе с героем моей пьесы».

В обоих произведениях читательская аудитория представлена как относительно узкий круг сектантов, не стремящихся делиться своим опытом с простыми смертными. У Сальникова ценители литературы уподобляются наркоманам, получающим запретные наслаждения («Опосредованно»). При этом наркотиком является «литра» (в отличие от обычной литературы), действие которой подробно описывается; появляется даже нечто вроде передозировки, вызывающей смерть, – речь идет о текстах, сила воздействия которых столь велика, что они могут вызвать инфаркт.

В романе Елизарова литература тоже ассоциируется со смертью, только здесь смерть связана с битвой за книгу, обладающую сверхсилой. Автором этих книг является третьестепенный советский писатель Громов. Успех Громова посмертный, притом это успех представителя ушедшей в прошлое литературной традиции.

В обоих романах сила текстов не связана с их эстетической ценностью, хотя среди произведений, действие которых описывается в романе «Опосредованно», есть такие безусловные художественные шедевры, как «Рождественская звезда» Бориса Пастернака или «В этой роще березовой…» Николая Заболоцкого, а описание механизма воздействия текстов может быть прочитано как авторская программа работы со стилем произведения: и в том и в другом случае силу воздействия определяет способность создавать сравнения, т. е. видеть неочевидные сходства между явлениями окружающего мира.

В обоих романах фантастический сюжет рождается из рефлексии о природе литературы. Авторская фантазия является продолжением определенных теоретико-литературных концепций, например представления рецептивной эстетики об ослаблении эстетической ценности по мере привыкания.

Высокая цена авторского успеха и символическое наказание за него работают по принципу вытеснения – за осуществлением желания следует наказание, а значит, сюжет произведения – это история одновременно успеха и поражения. Особенно отчетливо эта логика работает в жанрах, ориентированных на произведение значительного эмоционального воздействия – страха, волнения, радости, умиления, смеха и пр.

В XVIII–XIX вв. в Европе и в России принципиально меняются социальные условия существования художника [2]. Тема успеха в эпоху профессионализации литераторов выходит на передний план, но одновременно в самом понятии успеха происходит дифференциация – разделение или даже противопоставление успеха мнимого и подлинного. Данное разделение часто приводит к противопоставлению высокого и массового (низкого) искусства, а темой произведения нередко оказывается выбор творческого человека между легким и «тяжелым» успехом.

Проблема эта хорошо известна по произведениям Н. В. Гоголя («Портрет», «Мертвые души» и О. де Бальзака («Утраченные иллюзии»). И в том и в другом случае за выбором героя стоит самоопределение первичного автора, т. е. самих Гоголя и Бальзака относительно высокой и низкой литературы. Писатель отвергает актуальную для него перспективу низкого искусства: в случае Гоголя речь идет скорее всего о соблазне чистого, т. е. бесцельного комизма, а в случае Бальзака – об отвержении механизмов прямого воздействия, характерных для «неистовой» словесности (Balzac, 1977, p. 348–349).

[2] См. одно из исследований, посвященных изменению статуса автора в Европе, преимущественно в Англии: [Алябьева, 2004].

В повести «Портрет» Н. В. Гоголь осуществил скрытую рефлексию относительно авторской успешности в образе художника Чарткова. Символом искусства как сделки со злом стал образ старика, изображенного неправдоподобно реалистично.

Интересно, что соблазн уронить свое искусство, поддавшись требованиям массовой публики, символически связывается здесь с подменой искусства самой реальностью, выразившейся с помощью мотива преодоления рамок. Трансгрессия в этом случае двоякая: во-первых, это слишком натуралистичное изображение старика, во-вторых, фантастический мотив ожившего изображения. При этом успех у публики представлен как фактор, разрушающий художника, а следовательно, как свидетельство его творческого краха.

И чрезмерная глубина, и погоня за успехом любой ценой создают эффект выхода за пределы искусства, что образно оформляется как пересечение рамки или оживание статичного образа. И натурализм, и желание идти на поводу у публики представлены Гоголем как своего рода граница, предел для искусства. И то и другое отражает эстетические дискуссии эпохи: с одной стороны, критику принципа так называемого дагерротипизма, т. е. копирования объекта, с другой – отрицание коммерческой литературы, в это время представленной такими журналистами, как Осип Сенковский, и такими популярными писателями, как Фаддей Булгарин. При всей сложности гоголевской мотивации речь в значительной степени идет о тех правилах игры, которые диктует буржуазная эпоха, с ее культом успеха, и которой Гоголь стремится противопоставить идеал религиозного искусства.

Позже мотив разрушения рамки – своего рода аналог преодоления рамки картины стариком, изображенным в повести Н. В. Гоголя, периодически возникает в творчестве Достоевского (см. подробнее [Ковалев, 2008]).

Особое значение в этом контексте имеет случай Бальзака – писателя, который в романе «Утраченные иллюзии» под сомнение поставил ценность легкого и быстрого успеха, противопоставив пути двух персонажей – Этьена Лусто и Даниеля д'Артеза. Но и в собственном творчестве Бальзака мы видим характерное колебание между серьезностью, грандиозностью замыслов и склонностью к эффектам, приемам бульварной литературы. И у Гоголя, и у Бальзака, таким образом, производится дифференциация в самой категории успеха.

Тень Фауста неизбежно ложится на данный сюжет, так как речь идет об успехе любой ценой, и это неизбежно предполагает оборотную сторону успеха – наказание, а в некоторых случаях контуры истории сделки со злом становятся весьма отчетливы. В частности, в «Утраченных иллюзиях» Бальзака Люсьену Шардону ради успеха приходится осуществить символическую продажу души журналисту Этьену Лусто [3].

Если мы обратимся к собственно массовому искусству, например жанровому кинематографу, то найдем здесь такие относительно простые случаи параллелизма линии автора и линии героя, как, например, фильмы в жанре хоррора, снятые в 1980–1990-х гг. Дэвидом Кроненбергом и Джоном Карпентером, – «Видеодром» (Videodrome, 1982) Д. Кроненберга, «В пасти безумия» (In the Mouth of Madness) (1994) Дж. Карпентера. Авторское желание максимального успеха в вымышленной реальности трактуется как максимальная сила воздействия: вымышленный создатель фильма переживает максимальный успех. У Дж. Карпентера фильм

[3] См. о реальной подоплеке взаимоотношений Шардона и Лусто, а также о разных версиях сделки героя со злом: [Chollet, 1977].

внутренний оказывает именно то воздействие, к которому, в соответствии с законами жанра, стремится первичный автор. Что является показателем успешности автора хоррора? Максимальный испуг, пределом которого является безумие или смерть зрителя. Но эта максимальная степень успешности не может не вызывать страх и осуждение со стороны самого автора [4]. Точнее, первичный автор решает проблему создания эффективного хоррора, изображая фиктивного автора, решающего данную задачу максимально эффективно, но с недопустимыми или невозможными для реального автора последствиями.

Например, в фильме «В пасти безумия» речь идет о вымышленном писателе Суэттере Кейне, более успешном, чем Стивен Кинг. С точки зрения жанра хоррора это максимальный успех (по определению невозможно быть лучше Стивена Кинга в данном жанре), и он оказывается возможным лишь благодаря тому, что писатель создал ужас, проникающий в реальность: жестокость охватывает читателей, вымысел становится реальностью. Так появляется книга, читать которую смертельно опасно.

Стремление усилить степень воздействия произведения приводит к преодолению условности искусства. Автор переступает черту, отделяющую искусство от жизни. Изображенная жестокость в фильме Карпентера превращается в жестокость реальную.

Тему успеха чрезвычайно актуализирует построение произведения по принципу текста в тексте – речь в данном случае идет об успехе героя как фиктивного автора. «Гамлет» В. Шекспира может рассматриваться в данном контексте: «Убийство Гонзаго» в известном смысле является произведением Гамлета – и произведением вполне успешным. А учитывая тот факт, что желание Гамлета произвести впечатление на дядю в тексте произведения сопоставлено со стремлением Клавдия и Полония создать для Гамлета ситуацию саморазоблачения, проект Гамлета кажется успешным вдвойне.

Лучшей и наиболее естественной визуализацией описываемого здесь механизма является образ рамки, целостность которой нарушается.

В XIX и особенно в XX в. благодаря фотографии, кинематографу тема успеха как силы воздействия становится особенно актуальной. И в том, и в другом искусстве присутствует принцип преодоления границ, тем более что изначально оба искусства не воспринимались как собственно искусство – скорее как техническое изобретение, преодолевающее границы искусства, его условность, оставаясь при этом по своей сути репрезентацией.

Кинематограф, как известно, вообще начинался с шока, жестокость изначально находилась в самой природе его воздействия. Вероятно, один из самых жестоких фильмов в истории кино – «Забавные игры» (1997) Михаэля Ханеке – строится на переносе мотива жестокости с уровня диегесиса на уровень дискурса, т. е. автора. Возможные объяснения жестокости двух подростков издевательски блокируются (ёрничая, один из подростков перебирает возможные стандартные объяснения поведения садистов-убийц), тем самым снимая вопрос о мотивах по-

[4] Приведем здесь интересное свидетельство из области исполнительского искусства. По словам пианиста Андрея Гаврилова, Святослав Рихтер, феноменальная сила воздействия искусства которого является практически общепризнанной, похвалялся тем, что убил своей игрой знакомого профессора. «Что значили его слова? Бравада блистательного мастера? Вот, мол, как я сыграл! Профессора мертвые в снег падают. Он ведь любил хвастаться тем, сколько человек на его концертах умерли. И меня втягивал в это мрачное соревнование» (Гаврилов, 2019, с. 231)).

ведения подростков и оставляя единственной ответственной за жестокость инстанцией самого автора (режиссера). Тем самым Ханеке актуализирует тему жестокости искусства. Связь подростков с инстанцией автора, а точнее, гротескное соединение диегесиса и дискурса обнажается в эпизоде с пультом: когда события вырвались из-под контроля подростков и пошли не по плану (их авторскому плану), один из них берет пульт и перематывает пленку к началу эпизода, чтобы предотвратить уже совершенное жертвой убийство одного из подростков.

Особый вариант истории успеха представлен в фильме «Стрингер» (реж. Дэн Гилрой, 2014). Главный герой данного фильма может быть отнесен к типу антигероя. Луис Блум успешен, предприимчив, добивается своего, но при этом не вызывает у зрителя симпатии. Возможность полного сопереживания зрителя герою блокируется с самого начала: перед нами вор, который понял, что деньги можно извлекать из информации, если суметь опередить полицию и репортеров. Он настолько одержим успехом, что не останавливается ради этого ни перед чем. Герой здесь – именно тот человек, который способен переходить запретную черту в поведении и в общении с другими людьми.

Фильм «Стрингер» – яркий пример произведения, где косвенно актуализируется этическая сторона процесса и результата творчества. Пределом погони за свежей информацией может стать присутствие на месте преступления в момент его совершения, а если пойти еще дальше – его совершение. В результате репрезентация постепенно заменяется реальностью.

Успех антигероя фильма связан со знанием: увидеть, узнать раньше и больше всех. Это дает не только деньги, но и чувство превосходства.

Фильм обозначает вопрос: готовы ли создатели фильма идти на любые жертвы ради успеха своей картины?

Но в поле этической проблематизации неизбежно вовлекается еще одна инстанция. С помощью сюжета моделируется незаконный опыт, к которому приобщается и зритель [5]. Предприимчивость героя, его желание найти работу и преуспеть, планировать и рассчитывать, рисковать и выигрывать, затрагивая знакомые практически любому человеку цели, проецируются на жизнь зрителя фильма. Зрителю отводится положение наблюдателя, который видит слишком много, не имея возможности вмешаться. В результате он тоже оказывается незаконным наблюдателем.

Есть в фильме «Стрингер» такой важный эпизод: редактор новостей недвусмысленно дает понять, что для нее главное не правда, не безопасность граждан – ее зрителей, а только сила воздействия, которая и гарантирует успех. Зритель оказывается в ситуации символического выбора – на что он готов пойти ради успеха?

Как бы ни была двусмысленна эта ситуация в этическом плане, мы не можем не заметить широкую распространенность ее аналогов в области литературы. И самый известный пример здесь – роман «Преступление и наказание», автор которого устраивает испытание для читателя через самоидентификацию с убийцей.

[5] Безусловно, данный фильм представляет собой художественную реакцию на ту особенность современных новостных программ, которые, по словам Х. Штейерль, «создают впечатление исключительности описываемых событий, непрерывного кризиса, состояния повышенной готовности и напряжения» [Штейерль, 2021, с. 64]. Однако это не мешает нам рассматривать данный кинотекст как пример авторской рефлексии относительно цены успеха.

Передвижение свидетеля по временной оси к моменту совершения преступления превращает автора из повествователя в соглядатая и символического соучастника и отсылает к экспериментам в области повествования, которые велись еще в XIX в. и суть которых заключалась в замене повествования как рассказа о событии из прошлого на синхронную фиксацию сознания или потока впечатлений героя. Подобный тип повествования, назвав его фантастическим, Достоевский использовал в повести «Кроткая». А если брать трансгрессивность творчества Достоевского широко, то нельзя не вспомнить о его знаменитой погоне за настоящим, заставлявшей писать о едва произошедшем или даже еще намечающемся.

«Преступление и наказание» Достоевского, как и «Портрет» Гоголя – это история автора, нарушившего законы искусства. Эксперименту Раскольникова предшествовало произведение, текст, но он пожелал быть более чем автором. И, превратив отвлеченную теорию в реальность, герой столкнулся с ее шокирующей материальностью.

Со времен критика Николая Михайловского в окололитературоведческом, скорее литературно-критическом, чем научном обиходе довольно широко функционирует понятие «жестокий талант». Так Михайловский назвал свою статью (1882), посвященную Достоевскому – писателю, которого он в значительной степени выводил за пределы собственно литературы [Михайловский, 1989, с. 179]. Критик обращает внимание именно на силу воздействия – выходящую, по мнению автора статьи, за пределы законов искусства, а следовательно, трансгрессивную.

Выход за пределы законов искусства при значительной силе воздействия – эта мысль присутствует и в более ранней статье Н. А. Добролюбова о Достоевском «Забитые люди» (1861). По мнению Добролюбова, произведения Достоевского нельзя оценивать по законам красоты [Добролюбов, 1984, с. 435–436], при том что для эстетики Достоевского категория красоты, как известно, весьма значима.

Образ человека, оживающего и покидающего произведение, – один из наиболее символически нагруженных образов в искусстве XIX–XX вв. Он отражает и споры об искусстве, которые велись в то время, и сложность примирения традиционных концепций с новыми реалиями, и подспудное формирование новых концепций искусства. За ним – и символизация страхов художника, подавленных тайных желаний и инстинктов, и переориентация искусства, обретение им новых функций – то, что в эстетике Белинского, Добролюбова, Чернышевского обычно рассматривалось как сближение с жизнью.

Тема трансгрессии появляется уже в первом произведении Достоевского – повести «Бедные люди» (1845). Мы имеем в виду странную и, по всей видимости, амбивалентную оценку повести «Шинель» через реакцию Макара Девушкина. Возмущение героя вызывает именно глубина проникновения, некое авторское бесстыдство, которое мешает наблюдаемому герою сохранять благопристойную видимость, скрывая от наблюдателя свое бытовое убожество. Макара возмущает здесь прежде всего окончательность приговора, завершенность образа. А потому в этой оценке есть двусмысленность: Гоголь обвиняется одновременно в завершении образа, и в переходе рамки, свидетельствующем о силе проникновения в реальность – т. е. в оживлении образа.

Задачи данной статьи не предполагают подробного рассмотрения темы жестокости в литературе. Да это и невозможно в пределах столь краткого исследования. Проблемой жестокости активно занимаются прежде всего социологи и психологи.

В литературоведении и культурологии эта тема изучалась преимущественно с точки зрения изображения жестокости, т. е. жестокости в диегесисе (см., например: [Мюллер-Функ, 2023]).

Значительно реже и в основном в рамках литературной и философской критики затрагивался вопрос о жестокости автора. При этом два аспекта жестокости, разумеется, связаны между собой: атрибут жестокости зачастую приписывался автору, который, изображая без особой необходимости жестокость, тем самым подвергал читателя усиленному психологическому воздействию.

Чрезмерная жестокость неизбежно ставит вопрос о трансгрессии – преодолении границ между литературой и нелитературой, выходе за пределы литературы и искусства. Но трансгрессия одновременно означает преодоление автоматизма восприятия, поэтому нередко расценивается как возрождение подлинного искусства [Максимов, 2000, с. 7].

В классической работе «Структура художественного текста» Ю. М. Лотман показал значение категории границы для определения понятий «событие» и «сюжет» [Лотман, 1998, с. 224]. Сюжетность в его понимании представляет собой трансгрессию, переход (в широком смысле) персонажа через границу. Однако данное понимание может быть спроецировано и на само определение литературы. Нарушение запрета, переоценка ценностей, получение тайного знания – события, без которых автор не отвечает своему назначению.

Проанализированные в данной статье произведения литературы и кинематографа представляют собой один из возможных вариантов воображаемой проекции этой трансгрессивности во внутреннюю реальность произведения. Тот вариант трансгрессии, который представлен в проанализированных в данной статье произведениях, является формой осознания автором своей воли к власти. За данными сюжетами стоит мечта о власти художника, силе его искусства, стремление повысить свой символический статус с одновременным взвешиванием последствий своего поведения.

При этом автор предлагает читателю пережить успех героя как собственный. Реализуя свою индивидуальность, автор в то же время социализует собственное желание успеха и свою волю к власти, по сути обезличивая их. Чей это успех – читателя (потому что в конечном счете это его переживание), автора (потому что здесь важна мотивировка фантазии) или героя (потому что ему он приписывается)? Трансгрессия проявляется и в нарушении определенности границ между героем, автором и читателем, обнажении их условности и фиктивности. Двусмысленность репрезентации оборачивается ее крахом.

Список литературы

Алябьева Л. Литературная профессия в Англии в XVI–XIX веках. М.: НЛО, 2004. 400 с.

Берг М. Литературократия. М.: НЛО, 2000. 352 с.

Гоготишвили Л. А. Непрямое говорение. М.: ЯСК, 2006. 720 с.

Добролюбов Н. А. Забитые люди // Добролюбов Н. А. Литературная критика: В 2 т. Л.: Худож. лит., 1984. Т. 2. С. 419–473.

Ковалев О. А. Три экфрасиса // Сибирский филологический журнал. 2008. № 2. С. 57–67.

Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 1998. 702 с.

Максимов В. Антонен Арто, его театр и его двойник // Арто А. Театр и его двойник. СПб.: Симпозиум, 2000. С. 5–34.

Михайловский Н. К. Жестокий талант // Михайловский Н. К. Статьи о русской литературе XIX – начала XX века. Л.: Худож. лит., 1989. С. 153–234.

Мюллер-Функ В. Жестокость. История насилия в культуре и судьбах человечества. М.: АСТ, 2023. 416 с.

Штейерль Х. По ту сторону репрезентации. Эссе 1999–2009 гг. Н. Новгород: Красная ласточка, 2021. 200 с.

Ямпольский М. Дискурс и повествование // Ямпольский М. Язык – тело – случай: Кинематограф в поисках смысла. М.: НЛО, 2004. С. 251–276.

Chollet R. Introduction. In: Balzac. La Comédie humaine. V. Études de mœrs: Scènes de la vie de province. Scènes de la vie Parisienne. Paris, Gallimard, 1977. P. 3–108.

Список источников

Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5 т. М.: Худож. лит., 1992. Т. 5. 734 с.

Гаврилов А. Чайник, Фира и Андрей. Эпизоды из жизни ненародного артиста. Asteroid Publishing Inc., 2019. 409 с.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. 511 с.

Сальников А. Б. Петровы в гриппе и вокруг него. М.: Изд-во АСТ, 2021. 411 с.

Balzac. La Comédie humaine. V. Études de mœrs: Scènes de la vie de province. Scènes de la vie Parisienne. Paris: Gallimard, 1977. 1574 p.

Le Sage. Le diable boiteux // Romanciers du XVIIIe siècle. Paris: Gallimard, 1987. P. 271–494.

References

Alyab'eva L. *Literaturnaya professiya v Anglii v 16–19 vekakh* [The literary profession in England in the 16th–19th centuries]. Moscow, NLO, 2004, 400 p.

Berg M. *Literaturokratiya* [The power of literature]. Moscow, NLO, 2000, 352 p.

Cholet R. Introduction. In: Balzac. La *Comédie humaine. V. Études de mœrs: Scènes de la vie de province. Scènes de la vie Parisienne*. Paris, Gallimard, 1977, pp. 3–108.

Dobrolyubov N. A. Zabitye lyudi [Downtrodden people]. In: Dobrolyubov N. A. *Literaturnaya kritika: v 2 t.* [Literary criticism: in 2 vols.]. Leningrad, Khudozh. lit., 1984, vol. 2, pp. 419–473.

Gogotishvili L. A. *Nepryamoe govorenie* [Indirect speaking]. Moscow, LRC Publishing House, 2006, 720 p.

Kovalev O. A. Tri ekfrasisa [Three ekphrasis]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2008, no. 2, pp. 57–67.

Lotman Yu. M. *Ob iskusstve* [On art]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb, 1998, 702 p.

Maksimov V. Antonen Arto, ego teatr i ego dvoynik [Antonin Artaud, his theater, and his double]. In: Arto A. *Teatr i ego dvoynik* [The theater and its doppelganger]. St. Petersburg, Simpozium, 2000, pp. 5–34.

Mikhaylovskiy N. K. Zhestokiy talant [A cruel talent]. In: Mihaylovskiy N. K. *Stat'i o russkoy literature 19 – nachala 20 veka* [Articles on Russian literature of the 19th and early 20th centuries]. Leningrad, Khudozh. lit., 1989, pp. 153–234.

Müller-Funk W. *Zhestokost'. Istoriya nasiliya v kul'ture i sud'bakh chelovechestva* [Cruelty. The history of violence in culture and the fate of humanity]. Moscow, AST, 2023, 416 p.

Steyerl H. *Po tu storonu reprezentatsii. Esse 1999–2009 gg.* [Beyond representation. Essays from 1999–2009]. N. Novgorod, Krasnaya lastochka, 2021, 200 p.

Yampol'skiy M. Diskurs i povestvovanie [Discourse and narrative]. In: Yampol'skiy M. *Yazyk – telo – sluchay: Kinematograf v poiskakh smysla* [Language – Body – Case: Cinema in search of meaning]. Moscow, NLO, 2004, pp. 251–276.

List of sources

Balzac. *La Comédie humaine. V. Études de mœrs: Scènes de la vie de province. Scènes de la vie Parisienne*. Paris, Gallimard, 1977, 1574 p.

Bulgakov M. A. *Sobr. soch.*: V 5 t. [Collected works: In 5 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1992, vol. 5, 734 p.

Dostoevskiy F. M. *Poln. sobr. soch.: V 30 t.* [Complete works: In 30 vols.]. Leningrad, Nauka, 1976, vol. 14, 511 p.

Gavrilov A. *Chaynik, Fira i Andrey. Epizody iz zhizni nenarodnogo artista* [Chaynik, Fira, and Andrey. Episodes from the life of an unpopular artist]. Asteroid Publishing Inc., 2019, 409 p.

Le Sage. Le diable boiteux. In: *Romanciers du XVIIIe siècle*. Paris, Gallimard, 1987, pp. 271–494.

Sal'nikov A. B. *Petrovy v grippe i vokrug nego* [Petrovs in and around the Flu]. Moscow, AST, 2021, 411 p.

Информация об авторе

Олег Александрович Ковалев, кандидат филологических наук, доцент кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Information about author

Oleg A. Kovalev, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of General and Applied Philology, Literature, and Russian Language, Altai State University (Barnaul, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 18.08.2025;
одобрена после рецензирования 05.09.2025; принята к публикации 05.09.2025
The article was submitted on 18.08.2025;
approved after reviewing on 05.09.2025; accepted for publication on 05.09.2025

Научная статья

УДК 811.511.142
DOI 10.17223/18137083/93/12

Коартикуляция по положению спинки языка в сургутском диалекте хантыйского языка по данным ультразвукового исследования

Тимофей Владимирович Тимкин

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
ttimkin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9001-4729

Аннотация

Работа посвящена особенностям перехода между звуками в сочетаниях «начальный согласный – гласный первого слога» на материале сургутского диалекта хантыйского языка по данным ультразвукового анализа. Фонетический эксперимент был проведен при помощи оборудования Articulate Instruments с носителем диалекта. Контуры спинки языка были записаны при помощи ультразвукового излучения, прорисованы и статистически обработаны при помощи программного обеспечения AAA и R.

Показано, что при переходе от переднеязычных согласных спинка языка заранее совершает предварительное движение в сторону основной вокальной настройки. При переходе от среднеязычных согласных язык движется всегда назад и вниз, характер этого движения позволяет противопоставить палатализованные и палатальные оттенки.

Заднеязычные согласные реализуются в велярных или увулярных оттенках, занимая положение в зависимости от следующего гласного; при коартикуляции доминантой перехода является движение языка вниз.

Ключевые слова

хантыйский язык, сургутский диалект, экспериментальная фонетика, УЗИ-шлем, коартикуляция

Для цитирования

Тимкин Т. В. Коартикуляция по положению спинки языка в сургутском диалекте хантыйского языка по данным ультразвукового исследования // Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 153–169. DOI 10.17223/18137083/93/12

© Тимкин Т. В., 2025

Coarticulation by dorsum position in Surgut Khanty based on ultrasound imaging

Timofey V. Timkin

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

ttimkin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9001-4729

Annotation

This paper describes tongue dorsum coarticulation patterns in "initial consonant – first syllable vowel" sequences in Surgut Khanty based on ultrasound imaging data. Experimental data were obtained from a native speaker using Articulate Instruments equipment. Tongue movements during utterance were recorded with the ultrasound probe, and the images were measured and statistically processed using the AAA and R software. Over one thousand audio segments were processed. Individual sounds were isolated from the sequences through acoustic analysis. Tongue movements were represented as the trajectories of three control points: the tongue tip, dorsum, and root. The analysis revealed that when the initial sound is a coronal consonant, the dorsum moves in anticipation of the following vowel: forward and upward before front vowels, backward and upward before o- and u-vowels, and backward and downward before a-vowel consonants. This process can be characterized as palatalization prior to front vowels, but it is distinct from primary palatal articulation in terms of tongue transition. The initial palatal consonant causes the dorsum to retract and descend, a movement that is minimal before front vowels but more pronounced before raised and retracted vowels. Within sequences featuring initial radical consonants, the tongue can occupy different articulation places: velar or uvular depending on the succeeding vowel. When transitioning from a radical consonant to a vowel, the tongue lowers, with the potential of minimal posterior or anterior movement. Palatalization likely causes the tongue to be more advanced before front vowels. The occurrence of a uvular consonant preceding front vowels is impossible.

Keywords

Khanty language, Surgut dialect, ultrasound imaging, experimental phonetics, coarticulation

For citation

Timkin T. V. Coarticulation by dorsum position in Surgut Khanty based on ultrasound imaging. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*], 2025, no. 4, pp. 153–169. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/93/12

Введение

Настоящая статья посвящена описанию коартикуляции звуков в сочетании «начальный согласный – гласный первого слога» на материале сургутского диалекта хантыйского языка по данным ультразвукового исследования.

Под коартикуляцией понимается взаимодействие целевых артикуляций при реализации речевой последовательности [Кодзасов, Кривнова, 2001, с. 67]. Классическая сегментная фонетика рассматривает звук как минимальную и неделимую составляющую звуковой цепи, где переходные процессы играют вторичную, подчиненную роль. Однако такое понимание не может быть принято в свете экспериментальных исследований. Артикуляционные органы находятся в непрерывном движении, что обусловливает взаимное проникновение фонетических признаков между контактными звуками.

Проблема коартикуляции занимает важное место в современных фонетических исследованиях. В обзоре [Volenec, 2015] приводятся различные теоретические модели коартикуляции, предложенные в настоящее время.

Так, теория речевой экономии предполагает, что коартикуляция призвана уменьшить усилия при производстве звуков за счет того, что звуки приспосабливаются друг к другу и переходное движение оптимизируется [Lindblom, 1990]. Согласно этой теории, говорящий стремится достичь целевых артикуляций, если коммуникативная ситуация требует максимально точного донесения информации (гиперартикуляция). Говорящий при этом стремится поддерживать перцептивные контрасты между отдельными звуками. Однако в коммуникативных ситуациях, когда точностью можно пожертвовать, преобладает стратегия экономии речевых усилий (гипоартикуляция): артикуляция становится менее тщательной, и под влиянием соседних звуков происходит отклонение от целевой артикуляции (undershoot). Теория речевой экономии объясняет, почему более высокий темп речи и меньшая четкость произношения способствуют коартикуляции. Вместе с тем речевой экономией не объясняется, почему разные признаки обладают большей или меньшей резистивностью к позиционным изменениям.

Для объяснения этого явления была предложена модель «окон», согласно которой глубинные фонологические репрезентации, приписывающие речевым отрезкам определенные признаки, допускают некоторый диапазон, или «окно», вариативности. Соединение таких окон в потоке речи формирует контур движения артикуляционных органов [Keating, 1990].

Другой продуктивной моделью коартикуляции является теория копродукции. Согласно этой теории, основной фонетической единицей являются артикуляционные жесты – последовательно расположенные контекстно независимые динамические единицы артикуляционного движения. В отличие от традиционных сегментных единиц – фонем и звуков – жесты не имеют четких границ, а способны к наслоению (overlapping), которое обусловливает коартикуляцию [Fowler, Saltzman, 1993].

Построение фонологических моделей в свете этих теорий невозможно без привлечения экспериментальных методик, позволяющих рассматривать артикуляционные органы в движении.

Одним из динамических методов соматического исследования, активно развивающимся в настоящее время, является ультразвуковая визуализация [Gick, 2002]. Широко апробированный на материале различных языков метод ультразвукового исследования активно применяется в настоящее время к сибирским языкам.

Так, в работе [Лемская и др., 2025] рассматриваются артикуляционные параметры звуков [k] и [q] в различных тюркских языках по данным УЗИ. В статье [Рыжикова и др., 2024] ультразвуковым методом анализируются язычные носовые согласные алтайского языка.

Для сургутского диалекта хантыйского языка некоторые предварительные наблюдения по данным УЗИ представлены в работе [Тимкин, 2022]. Настоящая статья продолжает цикл исследований фонетики сургутского диалекта на основании ультразвукового анализа и посвящена особенностям перехода между начальным согласным и гласным первого слога.

Материалы и методы

В основе работы лежит фонетический эксперимент, проведенный в январе 2025 г. с носителями сургутского диалекта хантыйского языка. Для записи использовался УЗИ-шлем производства Articulate Instruments [1].

Прибор представляет собой жесткий пластиковый каркас, надеваемый на голову испытуемому. На каркасе фиксируется УЗИ-зонд, который сканирует ротовую полость в сагиттальной проекции. Для записи изображения и синхронной аудиофиксации используется программа Articulate Assistant Advanced.

В ходе эксперимента испытуемые получали русскоязычные стимулы и троекратно изолированно произносили эквивалент на родном говоре. Данные получены от пяти носителей. При подсчетах в настоящей статье приводятся измерения, полученные при обработке записей от одного носителя – мужчины 1969 г. рождения.

Общий объем базы, на основании которой приводятся статистические данные, составляет более тысячи звуковых сегментов.

Обработка производилась в программе Articulate Assistant Advanced. Фонетические слова вручную сегментированы на отдельные звуки на основании слухового, осциллографического и спектрографического анализа. Выделенные фрагменты снабжены фонетической транскрипцией.

Далее контуры тела языка, отображаемые на УЗИ-записи, покадрово обрисованы в полуавтоматическом режиме сплайном – кривой линией, проходящей через 42 контрольные точки.

Затем координаты всех контрольных точек сплайна в каждую временную точку с указанием транскрипции экспортированы в табличный формат для дальнейшей статистической обработки с применением языка программирования R.

Звуковые сегменты затранскрибированы в статье при помощи знаков Международного фонетического алфавита (МФА). Лексемы приводятся по «Словарю восточнохантыйских диалектов» [Терешкин, 1981], при цитировании сохраняется запись по финно-угорской транскрипции (ФУТ). Соответствие МФА и ФУТ при необходимости приводится в скобках.

Результаты

Движение языка в последовательности «согласный – гласный». Для демонстрации методик работы с коартикуляцией в нашем эксперименте покажем переход от щелевого зубного /s/ к гласным верхнего подъема /*i:*/, /*u:*/ в сопоставлении с переходом от среднеязычного щелевого /j/ к гласному /*u:*/.

Изучаемые последовательности звуков выделены из произнесений слов *siγət* ‘протока’, *sut* ‘точильный брусок’, *juγ* ‘дерево’. Из цепочек *su:*, *si:*, *ju*: выделено шесть аллофонов, каждый записан в трех произнесениях. Контуры языка в данных аллофонах показаны на рис. 1.

[1] Ultrasound Intraoral Imaging. URL: https://www.articulateinstruments.com/ultrasound-imaging (дата обращения 20.08.2025).

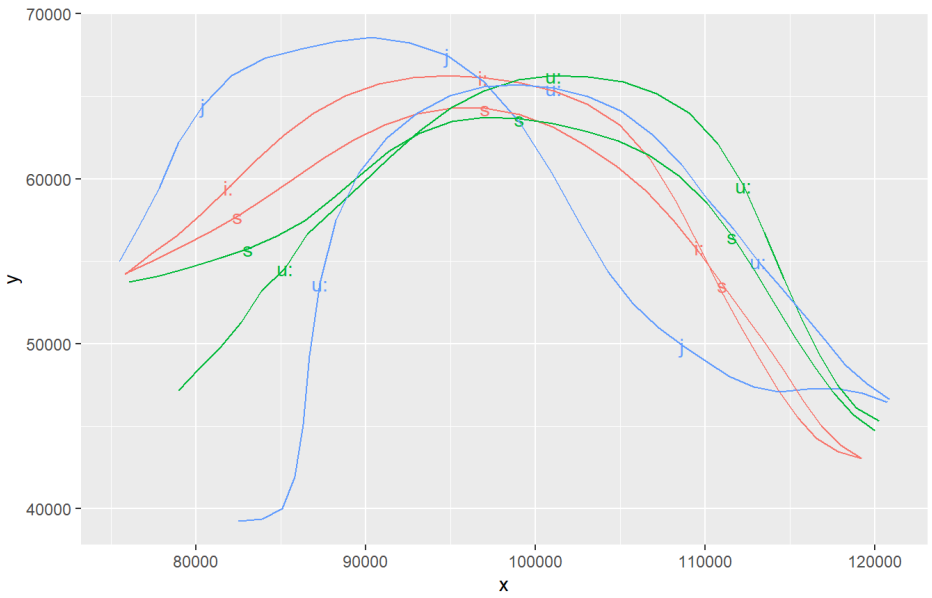


Рис. 1. Контуры языка в реализациях фонем /s/, /j/, /i:/, /u:/ в последовательностях *si:*, *su:*, *ju:*

Fig. 1. Tongue shapes in realizations of phonemes /s/, /j/, /i:/, /u:/ in sequences *si:*, *su:*, *ju:*

Каждая линия показывает контур языка при произнесении того или иного звука в сагиттальной проекции, лицо диктора ориентировано влево. Буквенные метки, наложенные на контуры, представляют собой транскрипцию соответствующего звука. Цвет показывает, из какой последовательности был взят исследуемый звук: синие контуры – цепочка *ju:*, зеленые – цепочка *su:*, красные – цепочка *si:*. Контуры были получены в средней временной точке каждого звука, затем контур каждого аллофона был усреднен по трем произнесениям. Контуры получены в одной системе координат, таким образом, их наложение позволяет оценить взаимное расположение артикуляционных настроек.

Однако сравнения статичных временных срезов недостаточно для анализа коартикуляционной динамики. Рассмотрим, как артикуляционная настройка изменяется в течение длительности произношения. Для этого на каждом контуре определим три контрольные точки: точка кончика языка на расстоянии 15 % длины язычного контура, точка спинки языка на расстоянии 50 % и точка корня языка на расстоянии 80 %. На рис. 1 место контрольных точек обозначено расположением транскрипционных меток.

На рис. 2 покажем контуры движения языка как изменение координат контрольных точек во времени.

По горизонтальной оси графика отложено время в секундах от начала фонетического слова. Развертывание контуров слева направо символизирует течение времени. Контуры показывают координаты контрольных точек на языке. График разбит на панели: три пронумерованных вертикальных столбца (1, 2, 3) содержат три звуковые цепи: *si:*, *su:*, *ju:* соответственно. Две строки – *x* и *y* – обозначают

соответственно горизонтальную и вертикальную координаты языка. Иначе говоря, на графиках с меткой *x* вертикальное смещение линии показывает движение языка по оси «вперед – назад», тогда как на графиках с меткой *y* – движение «вверх – вниз». Цветом обозначены различные звуки: синий – *s*, красный – *i:*, фиолетовый – *u:*, зеленый – *j*. Каждый контур, как было указано, обозначает цепочку из двух звуков, поэтому цвет линии меняется, маркируя переход от одного сегмента к другому. Характер линии показывает, координаты какой точки отображаются на ней. Линии с квадратными метками отвечают за кончик языка, с круглыми – за спинку, с треугольными – за корень. Каждый контур изображен трижды, поскольку слова записывались и анализировались в троекратном произнесении.

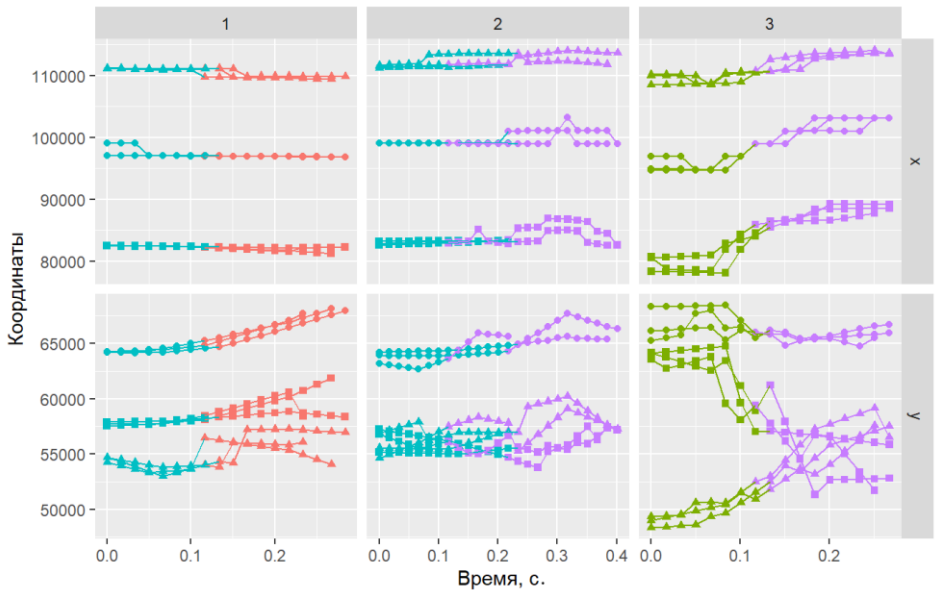


Рис. 2. Контуры движения контрольных точек языка в последовательностях *si:*, *su:*, *ju:*

Fig. 2. Movement trajectories of tongue tracking points in sequences *si:*, *su:*, *ju:*

Прежде всего рассмотрим последовательность *su:* (панель 2). Контрольная точка кончика языка имеет вертикальную координату порядка 55–57 тыс. единиц, горизонтальную порядка 84 тыс. единиц, что соответствует положению языка у верхних резцов (см. рис. 1). При движении от звука *s* к средине звука *u:* мы наблюдаем незначительное движение кончика вниз и более выраженное движение назад с увеличением координаты *x* до значений более 85 тыс. единиц. Конечной точкой этого движения является середина произнесения звука *u:*, тогда как на второй половине его длительности язык совершает обратное движение к последующему *t* (на приведенных графиках не рассмотрен).

Спинка языка при произнесении звука *s* имеет вертикальную координату 63–64 тыс. единиц, горизонтальную порядка 100 тыс. единиц, при переходе на глас-

ный *u:* спинка языка сдвигается вверх, также наблюдается отодвижение спинки языка назад, в различной степени выраженное в трех произнесениях.

Корень языка при реализации *s* имеет вертикальную координату порядка 55–60 тыс. единиц, горизонтальную – более 110 тыс. единиц. При переходе к гласному *u:* корень языка резко поднимается, его вертикальная координата может достигать 60 тыс. единиц.

Оценим эти данные в сопоставлении с движением языка в цепочке *si:* (панель 1).

Первое явное отличие состоит в том, что звук *s* в цепочке *si:* имеет значительно более высокое положение кончика языка, чем *s* в цепочке *su:*, которое также в меньшей степени продвинуто вперед. Отметим, что такое положение язык занимает не в момент перехода, а непосредственно с начала артикуляции, что является примером аккомодации. При переходе к гласному *i:* кончик языка начинает плавное движение вверх в течение всей длительности гласного, а также незначительно сдвигается вперед.

Спинка языка при произнесении согласного в последовательности *si:* несколько поднята по сравнению с *su:* и смещена вперед. При переходе к гласному спинка языка идет вверх, при этом по горизонтали остается на месте, поскольку заранее занимает соответствующую позицию.

Таким образом, сопоставление статических срезов разных фаз артикуляции и динамических контуров движения контрольных точек позволяет увидеть характер коартикуляционного взаимодействия. Мы наблюдаем, что кончик и спинка языка при произнесении *s* в цепи *si:* имеют предварительное смещение вперед, которое позволяет упростить переход к гласному *i:* Переход от согласного к гласному верхнего подъема, таким образом, сводится к движению тела языка вверх, в цепи *su:* также с опусканием кончика языка и отодвижением корня.

Такое приспособление согласного к следующему гласному переднего ряда с подъемом средней части языка принято называть палатализацией. Чтобы показать различие между палатализованным и палатальным (среднеязычным) звуками, рассмотрим последовательность *ju:* (панель 3). Данные УЗИ со всей очевидностью показывают, что даже палатализованный оттенок зубного согласного имеет иной профиль языка по сравнению с палатальным: у звука *j* кончик и спинка языка расположены в более высоком и продвинутом вперед положении, корень языка расположен ниже. Переход к гласному имеет здесь характер значительного сдвига назад, при котором тело языка опускается, а корень, напротив, идет вверх.

Коартикуляция в последовательностях с начальным переднеязычным. Для сургутского диалекта хантыйского языка постулируются зубные согласные /t/, /s/, /l/, /n/. Вокализм сургутского диалекта является достаточно обширным (13 или 12 гласных в зависимости от диалекта). Для анализа вокалических настроек по данным УЗИ продуктивной представляется концепция Дж. Эслинга, согласно которой в языках мира существуют три типа движения языка, которые лежат в основе вокалических артикуляции [Esling, 2005].

Первый тип, называемый *front,* характеризуется движением языка вперед и вверх и участвует в образовании звуков типа *i, e,* которые традиционно описываются как гласные переднего ряда ненижнего подъема. В нашей интерпретации (см. [Тимкин, 2022]), к этому типу можно отнести долгие сургутские гласные /*i:*/ (ФУТ *i*), /*e:*/ (ФУТ *e*); краткие гласные /ɘ/ (ФУТ *ə*), /ɛ/ (ФУТ *ă*).

Второй тип, называемый *raised,* заключается в движении языка назад и вверх от нейтрального положения с образованием звуков типа *u, o* и соотносится с тра-

дицонно выделяемыми гласными заднего ряда ненижнего подъема. В нашей интерпретации, такое движение характерно в сургутском диалекте для гласных /*u:*/ (ФУТ *u*), /*o:*/ (ФУТ *o*), /*ʉ*/ (ФУТ *ʉ̯*), /*o*/ (ФУТ *o̯*).

Третий тип, выделяемый Эслингом, – *retracted* – отличается движением назад и вниз, приводит к образованию *a*-образных артикуляций. В сургутском материале мы находим примеры подобных артикуляций для гласных /*ă*/ (ФУТ *a*), /*a:*/ (ФУТ *a*).

Гласный /*i̯:*/ (ФУТ *i̯*) носит смешанный характер, совмещая движения *front* и *retracted*, гласные /*ɔ*/ (ФУТ *ɔ̯*), /*ɔ:*/ (ФУТ *å*) совмещают движения *raised* и *retracted*.

Исследование двузвучных последовательностей «начальный согласный – гласный» показывает, что теория Эслинга также пригодна для описания движения языка при переходе от согласного к гласному. Так, в последовательности с первым зубным согласным спинка языка занимает позицию, близкую к нейтральной, а при переходе к гласному движется в направлении, соответствующем базовому вокалическому движению.

Приведем некоторые примеры в табл. 1. В первом столбце приводится лексема, в которой производилась запись. Числовые координаты показывают особенности движения языка при переходе от начального согласного к гласному первого слога. Координаты измерены в средней точке длительности и усреднены по трем произнесениям. Для удобства восприятия в правой колонке показана интерпретация направления движения.

Мы видим, что при переходе к гласным /*ə*/ (ФУТ *ə*), /*i:*/ (ФУТ *i*) реализуется движение вперед и вверх (*front*). Движение назад и вниз (*retracted*) записано в лексемах с переходом на /*a*/ (ФУТ *ă*), /*a:*/ (ФУТ *a*), /*o*/ (ФУТ *o̯*). Самым распространенным является движение назад и вверх, которое в классификации Дж. Эслинга соответствует артикуляции *raised*, однако такие примеры неоднородны. Так, «чистыми» примерами движения *retracted* мы считаем лексемы с переходом на /*i̯*/ (ФУТ *i̯*), /*ʉ*/ (ФУТ *ʉ̯*), /*u:*/ (ФУТ *u*). При переходе на гласные /*e:*/ (ФУТ *e*) смещение языка назад значительно меньше, чем характерно для чистого *retracted* (менее 1000 единиц), эти примеры примыкают к кругу примеров *front*. Примеры с переходом на /*a*/ (ФУТ *ă*), /*a:*/ (ФУТ *a*), /*o*/ (ФУТ *o̯*), в которых зафиксировано движение назад и вверх, также отличаются менее значительным вертикальным сдвигом по сравнению с «чистыми» *raised* и примыкают к кругу примеров *retracted*.

Таким образом, переход от зубного согласного к гласному в целом соответствует типологии вокальных движений Дж. Эслинга. Принципиально иную картину мы наблюдаем при коартикуляции среднеязычных (палатальных согласных). Покажем в табл. 2 числовые данные, характеризующие переход от согласных *j, ɲ* (ФУТ *n′*), *c͡ç* (ФУТ *t′*).

В приводимых лексемах язык движется назад и вниз во всех случаях, независимо от следующего гласного. Палатальные согласные реализуются с наиболее высоким и передним положением спинки языка, их артикуляцию можно считать пределом движения типа *front*. Поэтому переход к гласным типа *front* реализуется как незначительное отодвижение языка назад, тогда как другие типы гласных требуют значительного движения назад и вниз.

Таблица 1

Координаты контрольной точки спинки языка в сочетаниях звуков с начальным переднеязычным

Table 1

Coordinates of the tongue dorsum tracking point in sequences with initial coronal consonants

Лексема	Координата *x*		Координата *y*		Направление движения
	при произнесении согласного	при произнесении гласного	при произнесении согласного	при произнесении гласного	
łəj ‘черпак’	99066	95881	62812	66664,5	вперед и вверх
sŭk ‘бисер’	99093	101070,8	61068	64035,2	назад и вверх
tįɣəł ‘гнездо’	97599	99044,4	62777,25	65388	назад и вверх
nipek ‘бумага’	95749,67	94897,33	63488,67	66078,67	вперед и вверх
tuɣər ‘хвоя’	97118,67	100503,29	62664,67	65039,57	назад и вверх
sut ‘брусок’	99053	100045,75	63667,33	65804,25	назад и вверх
sŭɣmət ‘береза’	99075,33	100264,4	62215,33	64291,4	назад и вверх
ļek ‘дорога’	99079	99114	62004	63874,5	назад и вверх
tŭłəɣ ‘гриб’	97999,29	100163,22	61359,86	63129,33	назад и вверх
sŏɣ̊ ‘ткань’	99574,75	101980,17	60390,75	61653,17	назад и вверх
săɣ̊ ‘коса’	97086,33	98059,33	63358,33	64396,5	назад и вверх
sarnam ‘вперед’	98211,75	99117	58763,75	59541,67	назад и вверх
łăɣ̊ ‘конь’	99078	101019	62082	62838	назад и вверх
tałta ‘тащить’	97246	98650,25	59935	59988	назад и вверх
tasəŋ ‘полный’	97254,67	99115,33	59755	59650,33	назад и вниз
nŏj ‘сукно’	97962	99577,5	60524,2	60115,25	назад и вниз
tăɣ̊i ‘весна’	97226,67	100053,33	60346	59699,33	назад и вниз

Таблица 2

Координаты контрольной точки спинки языка в сочетаниях звуков с начальным среднеязычным

Table 2

Coordinates of the tongue dorsum tracking point in sequences with initial palatal consonants

Лексема	Координата *x*		Координата *y*		Направление движения
	при произнесении согласного	при произнесении гласного	при произнесении согласного	при произнесении гласного	
n'ur ‘вожжи’	94864	98997,5	66504,5	67230	назад и вверх
n'əɬə ‘четыре’	94855,33	96947,33	66621,33	66348,33	назад и вниз
n'eɣ̊rem ‘ребенок’	95008,33	95040,67	64657,67	64235,67	назад и вниз
jəŋk ‘вода’	94897,33	97003	66081,33	65151,67	назад и вниз
t'årəs ‘море’	96040	100039.5	64236.0	63007.5	назад и вниз
juɣ ‘дерево’	94787,67	101737,67	67489	65434,33	назад и вниз
jăɣ̊ən ‘река’	95628,67	101018,33	65259	62771,67	назад и вниз
jŏpi ‘колотушка’	96290	99720	65806,67	62939,67	назад и вниз
jŏrəŋ ‘гордый’	94891	101017	66162,5	62726	назад и вниз
n'åɬ ‘стрела’	94137	100362,67	66743,33	62703	назад и вниз

Что касается кончика языка, то при переходе от переднеязычного согласного к гласным непереднего ряда он естественным образом движется назад и вниз, что соответствует снятию переднеязычного фокуса. Однако в препозиции к гласным переднего ряда кончик языка заранее занимает более высокую и переднюю позицию, обусловленную палатализацией, и язык отодвигается в меньшей степени или даже, напротив, вариативно может сдвигаться вперед и вверх под влиянием движения *front*. При переходе от среднеязычного согласного кончик движется всегда назад и вниз в соответствии с движением спинки языка.

Для движения корня языка при переходе от зубного согласного вертикальная составляющая носит вариативный характер: при разных сочетаниях звуков корень может смещаться как вверх, так и вниз. Большую роль здесь играет горизонтальное движение: всегда назад при переходе к гласным непереднего ряда, всегда вперед при переходе к гласным переднего ряда. При движении от среднеязычных согласных корень языка движется назад и вверх, при этом к гласным переднего ряда совершает меньшее движение.

Коартикуляция заднеязычных согласных. В традиции описания сургутского консонантизма различают две позиционно обусловленные разновидности фонемы /*k*/: велярную *k*, которая реализуется перед гласными переднего ряда, и увулярную $k_{\smile}$, которая реализуется перед гласными непереднего ряда. Как показывают наши наблюдения, выполнявшиеся ранее при помощи различных методик, различение оттенков заднеязычной фонемы сохраняется в диалекте как живое явление, однако система гласных претерпела изменения, и противопоставление оттенков /*k*/ не вполне коррелирует с противопоставлением по ряду. По этой причине коартикуляция заднеязычных представляет особую проблему и требует большего количества данных. Однако ввиду особой актуальности этой задачи представим некоторые предварительные наблюдения (табл. 3).

Мы можем выделить несколько типов движения.

Тип I зафиксирован при переходе от *k* к гласным /*i:*/ (ФУТ *i*), /*e:*/ (ФУТ *e*), /*ɘ*/ (ФУТ *ɘ*), /*ɛ*/ (ФУТ *ă*), которые традиционно относят к переднему ряду, а в классификации Эслинга представляют тип *front*. Заднеязычный согласный в препозиции к таким гласным занимает высокую позицию с координатой *x* в диапазоне 95–98 тыс. единиц и координатой *y* в диапазоне 68–69 тыс. единиц. Это говорит о высоком и упередненном положении спинки языка, что позволяет отнести реализации согласного к велярным. Спинка языка находится выше, чем зона реализации *i*-образных гласных, поэтому при переходе к гласному движется вниз, в большинстве случаев назад, хотя возможно также движение вперед.

Тип II зафиксирован при переходе от *k* к гласным /*u:*/ (ФУТ *u*), /*o:*/ (ФУТ *o*), /*ʉ*/ (ФУТ *ŭ*), /*o*/ (ФУТ *o*), которые относятся к типу *raised*. Заднеязычный согласный здесь имеет координату *x* свыше 99 тыс. единиц и координату *y* в диапазоне 62–65 тыс. единиц. Таким образом, тело языка находится значительно ниже и в более заднем положении, чем при произнесении согласного из типа I. Таким образом, согласный в этой группе примеров отличается по месту образования от звука из типа I и может быть охарактеризован как увулярный. Доминантой движения при переходе к гласному является движение вниз, которое может сопровождаться как сдвигом назад, так и сдвигом вперед.

Типы I и II соответствуют традиционно выделяемым случаям перехода от велярного согласного к гласному переднего ряда и от увулярного к гласному непереднего ряда.

Таблица 3

Координаты контрольной точки спинки языка в сочетаниях звуков с начальным заднеязычным

Table 3

Coordinates of the tongue dorsum tracking point in sequences with initial *radical* consonants

Лексема	Координата *x*		Координата *y*		Направление движения
	при произнесении согласного	при произнесении гласного	при произнесении согласного	при произнесении гласного	
Тип I					
kirip ‘пароход’	96151	96141,33	68354,33	68328,67	вниз и вперед
kił'ta ‘встать’	95680	96798	69806	69536	вниз и назад
kiẙri ‘колодец’	96861	96888	68192,67	67610	вниз и назад
keẙi ‘молоток’	96131	96221,33	68640	66715	вниз и назад
kăẙ ‘камень’	97541,67	99019,33	68761,33	65832	вниз и назад
Тип II					
kˌinəŋ ‘горький’	101038	101035	64055	63855	вниз и вперед
kˌåłəp ‘сеть’	102401,3	102969,7	65005,33	62741	вниз и назад
kˌŏr ‘болото’	104257,3	103463,3	62486	59946,67	вниз и вперед
kˌuẙər ‘горсть’	101052	100999,5	64949,5	61587,5	вниз и вперед
kˌår ‘бык’	102395,3	100988,7	64652,67	60870,33	вниз и вперед
kˌoļəŋkˌ ‘ворон’	99521,5	102292,3	65456,5	61939,33	вниз и назад
Тип III					
kar ‘кора’	98991	99046,5	67634,5	64086,5	вниз и назад
kˌăļekˌ ‘чайка’	101051,33	100368,33	64918	62590,67	вниз и вперед
Тип IV					
kuw̆ł ‘толстый’	101091,3	101078,7	67488,33	66660,33	вниз и вперед
kəyən ‘пуговица’	100406,7	101086,7	68912	67195,67	вниз и назад
kur̆ ‘нога’	101114,3	101070	68962	66114,33	вниз и вперед

Тип III носит смешанный характер. Он реализуется при переходе к гласным /*а*/ (ФУТ *ӑ*), /*а:*/ (ФУТ *а*), которые относятся к типу *retracted*, однако согласный при их произнесении артикулируется по-разному. Перед гласным /*а*/ (ФУТ *ӑ*) реализуется согласный с координатой *x* 101 тыс. и координатой *y* 65 тыс. единиц, что позволяет отнести звук к увулярным. При переходе к гласному спинка языка движется вниз и вперед. Перед гласным /*а:*/ (ФУТ *а*) реализуется согласный с координатой *x* 99 тыс. единиц и координатой *y* 68 тыс. единиц, т. е. в зоне реализации велярных согласных. При переходе к гласному тело языка идет вниз и назад.

Тип IV также носит специфический характер. Он реализуется перед гласными /*ɘ*/ (ФУТ *ə*), /*ы*/ (ФУТ *ӳ*). Эти гласные традиционно описывались как переднерядные, а предшествующие заднеязычные согласные – как велярные. В произнесении носителей, как показывают данные, эти гласные противопоставлены по ряду, но сильно централизованы и тяготеют к среднему ряду, совмещая движения *front* и *raised*. Согласный при этом имеет *x* порядка 100 тыс. единиц, а *y* в диапазоне 66–67 тыс. единиц. Это положение является более высоким и упередненным по сравнению с увулярными разновидностями *k* и позволяет отнести оттенок к велярным. В то же время характеристика *x* показывает более заднее положение по сравнению с типом I, т. е. можно сказать, что /*ɘ*/ (ФУТ *ə*), /*ы*/ (ФУТ *ӳ*) не оказывают на согласный палатализующего влияния. При переходе к гласному тело языка движется вниз и одновременно вперед или назад.

Таким образом, при переходе от заднеязычного согласного к гласному тело языка во всех случаях движется вниз. Движение по горизонтали оказывается высоко вариативным и, чтобы интерпретировать его характер, необходимо оценить также величину этого смещения. Модуль движения языка по оси *x* в сочетаниях с начальным заднеязычным не превышает 3 тыс. единиц. В таком же диапазоне находятся случаи перехода от среднеязычного согласного к гласному *front*, т. е. когда звуки находятся в ближайшей артикуляционной зоне. Переход от среднеязычного согласного к другим типам гласных требует большего сдвига по *x*.

Таким образом, сдвиг по горизонтальной оси не является значительным при переходе от заднеязычного согласного, и доминантой движения языка является его опускание вниз.

Обсуждение и заключение

Обобщая сделанные наблюдения, мы приходим к выводу, что описание типа движения при переходе от одного звука к другому позволяет охарактеризовать артикуляцию и дополнить классическое сегментное описание.

Для деления гласных мы опирались на классификацию Дж. Эслинга, выделяя типы *front*, *raised* и *retracted*. Для классификации согласных мы придерживались традиционного деления по месту образования, хотя следует еще раз подчеркнуть, что пассивный артикулятор не виден на УЗИ. Противопоставление велярных и увулярных оттенков, таким образом, выделяется по локализации спинки языка, которая имеет различные контуры в разных реализациях.

При описании переходов между звуками мы отслеживали положение трех контрольных точек: на кончике языка, спинке и корне. Однако особое внимание было уделено точке на спинке языка, которая наиболее важна при коартикуляции согласного и гласного.

Покажем на рис. 3 усредненное положение датчика спинки языка для выделенных типов звуков, которое дает представление о характере коартикуляционно-

го движения. Координаты точек получены путем усреднения измерений из всех произнесений выделенных звуков.

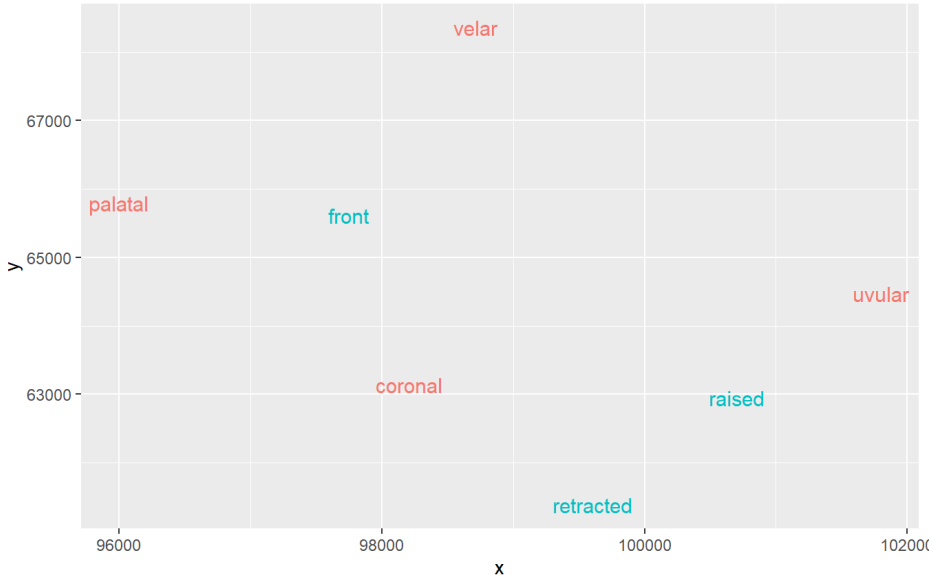


Рис. 3. Обобщенные координаты контрольной точки спинки языка в различных типах звуков

Fig. 3. Generalized coordinates of the tongue dorsum tracking point across different sound types

Синие метки обозначают гласные артикуляции, их ориентация приблизительно соотносится с традиционным треугольником гласных, где *front* соответствует переднерядным гласным, *raised* – заднерядным, *retracted* – гласным нижнего подъема.

Красные метки соответствуют согласным. Для палатальных, увулярных и велярных согласных спинка языка является активным органом, положение спинки определяет фокус артикуляции. Для переднеязычных (*coronal*) согласных активным органом является кончик языка, и положение спинки уже не отождествляется с фокусом артикуляции: точка *coronal* находится в области, близкой к середине артикуляционного пространства.

Расположение точек на графике дает представление о векторе движения спинки языка в сочетаниях различных типов звуков.

При переходе от переднеязычных согласных к гласным средняя часть спинки языка движется в направлении основного движения, характерного для следующего гласного. При этом перед гласными типа *front* спинка языка находится в поднятом и упередненном положении, что соответствует такой артикуляции, как палатализация.

При произнесении среднеязычных средненёбных согласных (*palatal*) спинка языка занимает наиболее переднее и верхнее положение, и переход к гласному

всегда реализуется как движение языка назад и вниз независимо от качества следующего гласного.

Из заднеязычных согласных в сургутском диалекте в анлауте может употребляться лишь /*k*/, поэтому в данной работе рассматривалась только эта фонема. При этом реализации согласного неоднородны и могут быть подразделены на велярные – с более высокой и передней реализацией фокуса – и увулярные. Фокус реализации велярных согласных оказывается над зоной реализации гласных *front,* а фокус реализации увулярных – над зоной артикуляции гласных *raised* и *retracted*. При переходе к гласному язык движется вниз, совершая при этом незначительный сдвиг вперед или назад.

Описанные стратегии перехода между звуками в сочетании «начальный согласный – гласный первого слога» позволяют сделать ряд обобщений о характере коартикуляции.

1. Как отмечает М. Чепреги, для сургутского диалекта не характерна палатализация согласных перед гласными переднего ряда: если за [*т*], [*н*] следует [*и*], то согласные не изменяются [Чепреги, 2017, с. 55]. Данные УЗИ показывают, что это не вполне так. Нельзя согласиться, что переднеязычные согласные не изменяются под воздействием гласного переднего ряда: спинка языка в действительности сдвигается в сторону артикуляции гласного, и этот процесс можно охарактеризовать как палатализацию.

Но действительно модифицированный согласный в таких случаях нельзя отождествить с палатальным согласным, для которого движение средней части языка является основной артикуляцией.

Различие палатального и палатализованного согласного отчетливо проявляется не только в сопоставлении статических срезов, но и в характере коартикуляционного движения спинки языка: вперед и вверх для палатализации, назад и вниз для перехода от палатального согласного.

2. В традиционных источниках описано два аллофона фонемы /*k*/, выбор которых зависит от гласного [Чепреги, 2017, с. 46]. Экспериментальные данные показывают, что один из них может быть отнесен к велярным настройкам, тогда как другой реализуется в увулярной области. Новые данные, полученные методом УЗИ, свидетельствует, что спинка языка при произнесении заднеязычного согласного занимает позицию над зоной артикуляции гласного и при размыкании смычки движется вниз. Перед гласными переднего ряда фокус артикуляции велярного оттенка также смещен вперед, что можно отнести к явлению палатализации.

Таким образом, привлечение таких инструментов, как УЗИ, позволяет рассмотреть артикуляцию в динамике и уточнить характер коартикуляции.

Список литературы

Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика: Учебник. М.: РГГУ, 2001. 592 с.

Лемская В. М., Токмашев Д. М., Кузьмина А. И. и др. Применение данных ультразвуковых исследований разносистемных идиолектов в практике изучения языков коренных народов Сибири и преподавания иностранных языков // Родной и иностранные языки в поликультурном пространстве: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Сургут, 01–02 ноября 2024 г.). Сургут: Сургут. гос. ун-т, 2025. С. 27–31.

Рыжикова Т. Р., Тимкин Т. В., Добрынина А. А. Язычные носовые согласные алтайского языка (результаты электропалатографического и ультразвукового исследования) // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2024. № 88. С. 92–110. DOI 10.17223/19986645/88/5

Терешкин Н. И. Словарь восточнохантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981. 544 с.

Тимкин Т. В. Гласные первого слога сургутского диалекта хантыйского языка по данным ультразвукового исследования // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 196–211. DOI 10.17223/18137083/80/16

Чепреги М. Сургутский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 2017. 180 с.

Esling J. There Are No Back Vowels: The Laryngeal Articulator Model // Canadian Journal of Linguistics / Revue canadienne de linguistique. 2005. No. 50 (1/2/3/4). P. 13–44.

Fowler C. A., Saltzman E. Coordination and coarticulation in speech production // Language and Speech. 1993. No. 36. P. 171–195.

Gick B. The use of ultrasound for linguistic phonetic fieldwork // Journal of the International Phonetic Association. 2002. Vol. 32, no. 2. P. 113–121.

Keating P. A. The window model of coarticulation: articulatory evidence // Papers in Laboratory Phonology I: Between the Grammar and Physics of Speech. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 1990. P. 451–470.

Lindblom B. Explaining phonetic variation: a sketch of the H&H theory // Hardcastle W. J., Marchal A. Speech Production and Speech Modelling. Dordrecht: Kluwer Academic Publ., 1990. P. 403–439.

Volenec V. Coarticulation // Phonetics / Ed. by Jasmine Davis. New York: Nova Science Publ., 2015. С. 47–86.

References

Chepregi M. *Surgutskiy dialekt khantyyskogo yazyka* [The Surgut dialect of the Khanty language]. Khanty-Mansiysk, 2017, 180 p.

Esling J. There are no back vowels: the laryngeal articulator model. *Canadian Journal of Linguistics.* 2005, no. 50 (1/2/3/4), pp. 13–44.

Fowler C. A., Saltzman E. Coordination and coarticulation in speech production. *Language and Speech*. 1993, no. 36, pp. 171–195.

Gick B. The use of ultrasound for linguistic phonetic fieldwork. *Journal of the International Phonetic Association*. 2002, vol. 32, no. 2, pp. 113–121.

Keating P. A. The window model of coarticulation: articulatory evidence. In: *Papers in laboratory phonology I: Between the grammar and physics of speech.* Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1990, pp. 451–470.

Kodzasov S. V., Krivnova O. F. *Obshchaya fonetika: Uchebnik* [General phonetics: A textbook]. Moscow, RSUH, 2001, 592 p.

Lemskaya V. M., Tokmashev D. M., Kuz'mina A. I. i dr. Primenenie dannykh ul'trazvukovykh issledovaniy raznosistemnykh idiolektov v praktike izucheniya yazykov korennykh narodov Sibiri i prepodavaniya inostrannykh yazykov [Application of ultrasound research data of multisystemic idiolects in the practice of studying the languages of indigenous peoples of Siberia and teaching foreign languages]. In: *Rodnoy i inostrannye yazyki v polikul'turnom prostranstve: Sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Surgut, 01–02 noyabrya 2024 g.)* [Native and foreign languages in a multicultural

space: Coll. of art. of the Intern. sci. and pract. conf. (Surgut, November 1–2, 2024)]. Surgut, 01–02 November 2024. Surgut State University, 2025, pp. 27–31

Lindblom B. Explaining phonetic variation: a sketch of the H&H theory. In: Hardcastle W. J., Marchal A. *Speech Production and Speech Modelling.* Dordrecht, Kluwer Academic Publ., 1990, pp. 403–439.

Ryzhikova T. R., Timkin T. V., Dobrynina A. A. Yazychnye nosovye soglasnye altayskogo yazyka (rezul'taty elektropalatograficheskogo i ul'trazvukovogo issledovaniya) [Lingual nasal consonants of the Altai language (results of electropalatographic and ultrasonic research]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2024, no. 88, pp. 92–110. DOI 10.17223/19986645/88/5

Tereshkin N. I. *Slovar' vostochnokhantyyskikh dialektov* [Dictionary of East Khanty dialects]. Leningrad, Nauka, 1981, 544 p.

Timkin T. V. Glasnye pervogo sloga surgutskogo dialekta khantyyskogo yazyka po dannym ul'trazvukovogo issledovaniya [First syllable vowels in Surgut Khanty according to the ultrasonography data]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2022, no. 3, pp. 196–211. DOI 10.17223/18137083/80/16

Volenec V. Coarticulation. In: *Phonetics.* Jasmine Davis (Ed.). New York, Nova Science Publ., 2015, pp. 47–86.

Информация об авторе

Тимофей Владимирович Тимкин, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Timofey V. Timkin, Candidate of Philology, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 18.08.2025;
одобрена после рецензирования 09.09.2025; *принята к публикации 09.09.2025*
The article was submitted on 18.08.2025;
approved after reviewing on 09.09.2025; *accepted for publication on 09.09.2025*

Научная статья

УДК 811.512.156
DOI 10.17223/18137083/93/13

Способы передачи отвлеченных понятий в тувинском языке: существительные с компонентом *чорук*

Байлак Чаш-ооловна Ооржак

Тувинский институт гуманитарных
и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва
Кызыл, Россия
oorzhak.baylak@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8373-9107

Аннотация

Рассматриваются способы передачи в тувинском языке отвлеченных понятий типа *находчивость*, *подхалимство*, *высокомерие*, характеризующих человека. Основное внимание уделяется словообразовательной модели с компонентом *чорук*, получившей широкое распространение под влиянием русского языка. Эта модель наряду с некоторыми словообразовательными аффиксами и аффиксами принадлежности служит одним из основных средств передачи абстрактных понятий в современном тувинском языке. При конкретном субъекте действия для перевода русских абстрактных имен существительных используются аффиксы принадлежности, при обобщенном субъекте – модель со структурным компонентом *чорук*.

Ключевые слова

тувинский язык, русский язык, перевод, отвлеченные понятия, словообразовательная модель

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта «Заимствования из русского языка в зеркале развития тувинского» при финансовой поддержке РНФ (соглашение №23-28-10294)

Для цитирования

Ооржак Б. Ч. Способы передачи отвлеченных понятий в тувинском языке: существительные с компонентом *чорук* // Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 170–184. DOI 10.17223/18137083/93/13

© Ооржак Б. Ч., 2025

Ways of expressing abstract concepts in the Tuvan language: nouns with the component *čoruq*

Baylak Ch. Oorzhak

Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva
Kyzyl, Russian Federation

oorzhak.baylak@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8373-9107

Abstract

Language contact contributes to the enrichment of vocabulary in any language, encompassing lexical borrowing, semantic evolution, emergence of novel formal structures, and activation or creation of word-formation patterns. In Tuvan, abstract noun formation involves three primary ways: using derivational affixes, adding the third-person possessive affix, and compounding with the component *čoruq*. The latter two methods are specifically used to convey abstract concepts characterizing a person, such as "resourcefulness," "arrogance," and "pretense." This paper analyzes the Tuvan word-formation model, focusing on *čoruq*, the component that has seen increased usage because of the influence of the Russian language. This structural component originates from the lexeme *čoruq* constructed using the word-formation affix *-k* from the stem *čor* (*u*)- (to go, to walk, to move, to live) and expresses the following abstract meanings: "journey," "action," and "gait" (of a horse). The analysis reveals that when the subject of the action is a specific person, abstract nouns are rendered in Tuvan using the possessive affix (e.g., *tïvïnγïrï* (resourcefulness) < *tïvïnγïr* (resourceful) + POSS.3 (*-Ï*)). Given a generalized subject, abstract nouns are translated by compound stems with a structural component *čoruq* (*tïvïnγïr čoruq* (resourcefulness) < *tïvïnγïr* (resourceful) + *čoruq*). Lexemes containing the component *čoruq* are primarily indicative of the bookish style.

Keywords

Tuvan language, Russian language, translation, abstract concepts, word-formation model

Acknowledgments

The research was conducted within the framework of the project "Borrowings from the Russian Language in the Mirror of Tuvan Language Development," supported by the Russian Science Foundation (Agreement no. 23-28-10294)

For citation

Oorzhak B. Ch. Ways of expressing abstract concepts in the Tuvan language: nouns with the component *čoruq*. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*], 2025, no. 4, pp. 170–184. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/93/13

Введение

Начало контактов носителей тувинского и русского языков относится к концу XIX в. [Катанов, 1903]. С этого времени до 30-х гг. XX в. в тувинский язык через устную речь вошли русские слова, отражающие преимущественно бытовую лексику. Затем до середины 40-х гг. XX в. заимствуются слова, обозначающие новые реалии жизни – лексика, отражающая явления русской культуры, образования, науки, новых типов хозяйствования и т. д. Третий период Б. И. Татаринцевым [1974, с. 14] определяется с середины 40-х гг. XX в. до «наших дней». Согласившись с предложенной периодизацией Б. И. Татаринцева, мы считаем, что не будет ошибкой, если продолжить эту периодизацию, добавив четвертый период – с начала 90-х гг. XX в. по сегодняшние дни. Это период новых политических и хозяйственно-экономических отношений, компьютеризации и информатизации совре-

менного общества, время глобальных процессов во всем мире, затрагивающие также области функционирования больших и малых языков.

Влияние русского языка на тувинский с точки зрения языкового функционирования было и является одним из актуальных вопросов. Этой теме посвящены работы социолингвистов и тувиноведов [Аврорин, 1967; Аранчын, Монгуш, 1992; Селиверстова, 2005; Мартан-оол, 2014; Цыбенова, 2017; Бавуу-Сюрюн, 2021; Донгак Ч., 2021; Биткеева, Цыбенова, 2022; Боргоякова, Биткеева, 2023; Ооржак и др., 2024]. Изучаются и лингвистические аспекты влияния русского языка на тувинский язык. Фундаментальными, освещающими данную область, являются работы Д. А. Монгуша и Ш. Ч. Сата [Монгуш, Сат, 1967; Сат, 1973]. Эта тематика продолжается в работах современных исследователей, в которых затрагиваются вопросы фонетического освоения русизмов [Дамбыра, 2005; Кечил-оол, 2006; Саая, 2018], словообразовательных процессов, обусловленных языковыми контактами [Бавуу-Сюрюн, 2000; 2015; Бавуу-Сюрюн, Ондар, 2013], лексических заимствований [Аннай, 2023]. Влиянию русского языка на лексическую систему тувинского языка посвящена известная монография Б. И. Татаринцева «Русские лексические заимствования в современном тувинском языке» [1974].

На сегодняшний день одной из актуальных лингвистических задач остается изучение языкового воздействия русского языка на тувинский язык, с одной стороны, и взаимодействия тувинского и русского языков на территории Республики Тува, с другой. Необходимо системное описание степени и характера влияния русского языка на тувинский литературный язык и повседневную речь тувинцев. Также ожидают своего исследования вопросы влияния тувинского языка на речь русского населения республики.

В последнее время особый интерес представляют лингвистические аспекты русско-тувинского и тувинско-русского перевода [Мижит, 2016; Донгак Д., 2021; Кунзет, 2022] в связи с созданием параллельных подкорпусов в Электронном корпусе тувинского языка (ЭКТЯ, https://tuvancorpus.ru) [Салчак, Ондар, 2020]. Перевод в своем стремлении адекватно и точно передать содержание текста на исходном языке на другой предполагает тщательный отбор языковых единиц языка перевода. При этом активизируются все ресурсы (даже потенциальные и неактивные) последнего, включается языковое творчество – расширяются / специализируются значения лексем, создаются новые модели в словообразовании (реже синтаксисе) и т. д.

В настоящей статье рассматриваются способы передачи в тувинском языке отвлеченных понятий, характеризующих человека, – *находчивость*, *гуманность*, *притворство*, *подхалимство*, *жестокость*, *самонадеянность*, *высокомерие*, *ловкость* и т. д.; затрагиваются вопросы тувинского словообразования, возникающие при переводе данных понятий. Семантика, образование имен существительных с отвлеченной семантикой не были объектом специального исследования в тувинском языкознании. Материалом исследования послужили словари тувинского языка, тексты на тувинском языке, материалы параллельных тувинско-русских и русско-тувинских переводов в ЭКТЯ. В исследовании были использованы методы сравнительно-сопоставительного анализа и описания.

1. Имена существительные с отвлеченным значением

Отвлеченные понятия выражаются словами с абстрактным значением. В противоположность конкретным абстрактные существительные обозначают все то,

что не воспринимается непосредственно с помощью органов чувств (*тоска*, *внимание*), признаки (*худоба*, *красота*), действия (*плавание*, *просвещение*) и т. д. [Виноградов, 2001, с. 122].

Имена существительные с отвлеченными значениями в тувинском языке, как правило, имеют производные основы. Они образуются при помощи нескольких словообразовательных аффиксов:

- имеющих исконно тюркское происхождение: *-г* (*айтырыг* ‘вопрос’, *алдаг* ‘промах’, *эндег* ‘оплошность’), *-к* (*бижик* ‘грамота, письменность’), *-ш* (*туруш* ‘расположение’, *тыныш* ‘дыхание’);
- возникших на собственно тувинской почве: *-(ы)шкын* (*илерээшкин* ‘проявление’, *эмнээшкин* ‘лечение’);
- имеющих монгольское происхождение: *-л* (*бодал* ‘дума’, *деңнел* ‘уровень’, *кордал* ‘намерение’), *-лга* (*депшилге* ‘прогресс’, *экижидилге* ‘улучшение’), *-лда* (*көрүлде* ‘обзор’, *чыылда* ‘сбор’) и др. (об этом см.: [Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 149–170]).

Употребление некоторых из названных тувинских словообразовательных аффиксов, участвующих в образовании слов с отвлеченным значением, можно продемонстрировать примером из параллельного корпуса (текст М. Зощенко «Деньги», перевод на тувинский М. Калчан):

(1) *Он покупал сердечную* ***дружбу*** *и* ***уважение****, безумную* ***страсть*** *и нежную* ***преданность****, неслыханный* ***почет***, ***независимость*** *и* ***славу*** *и все, что имелось наилучшего в этом мире* (МЗ, Д) ‘Чүректиң ханызындан **найыралды** болгаш **хүндүткелди**, күштүг **хандыкшылды** болгаш эрге-чассыг **бердиниишкинни**, туруп көрбээн **хүндүткелди**, **хамаарышпас чорукту** болгаш **алдар-хүндүнү** – бо делегейде эң-не дээре дээн чүүлдерни акша-биле садып алыр турган’ (ХД).

В этом примере отвлеченные понятия переводятся следующим образом: *дружба* ‘найырал’, *уважение* ‘хүндүткел’, *страсть* ‘хандыкшыл’, *преданность* ‘бердиниишкин’, *почет* ‘хүндүткел’, *независимость* ‘хамаарышпас чорук’, *слава* ‘алдар-хүндү’. Как было сказано выше, синтетические способы образования отвлеченных имен существительных зафиксированы в «Грамматике тувинского языка» [Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 149–170]. Тогда как аналитические способы передачи (например, *независимость* ‘хамаарышпас чорук’) и сложные основы (например, *слава* ‘алдар-хүндү’) остаются не исследованными.

2. Перевод русских отвлеченных имен существительных на тувинский язык

Лексемы с отвлеченными значениями типа *независимость*, *находчивость*, *гуманность*, *человечность*, *ловкость*, *притворство* и т. д. на современный тувинский язык переводятся двумя способами:

- синтетически, формой принадлежности (аффикс 3-го лица *=ы* / *=и* / *=у* / *=ү*), которая выполняет одновременно и роль субстантиватора (*хамаарышпазы* ‘независимость’< *хамаарышпас=* ‘независимый’ + *=ы*; *кашпагайы* ‘ловкость’ < *кашпагай=* ‘ловкий’ + *=ы*; *кээргээчели* ‘гуманность’ < *кээргээчел=* ‘гуманный’ +

=и; *кижизии* ‘человечность’ < *кижизиг* [1] ‘человечный’ + *=и*). Этот тип аффиксального словообразования имен существительных с отвлеченными значениями присущ и другим тюркским языкам – хакасскому и якутскому [Тараканова, 2008, с. 62–63];

- аналитически, сложным именем существительным, образованным при помощи лексического компонента *чорук* ‘поступок, дело’ (*хамаарышпас чорук* ‘независимость’, *кашпагай чорук* ‘ловкость’, *кээргээчел чорук* ‘гуманность’, *кижизиг чорук* ‘человечность’).

Перевод данных лексем формой принадлежности имеет место при их характеристике к о н к р е т н о г о субъекта, а перевод сложным именем существительным с компонентом *чорук* – при характеристике о б о б щ е н н о г о субъекта. Рассмотрим примеры:

(2) *Ловкость* ‘кашпагайы, кашпагай чорук’:

а) *Даштындан көөрге, дотка каткан сергелең кып-кызыл арынныг,* ***кашпагайы****, бир-ле от көс ышкаш* (ЛЧ, ЧЧ) ‘Посмотришь на него, у него бодрое обветренное красное лицо, а его **ловкость** – как огонь’;

б) *Көрүңгүр, дыңнангыр, адынгыр-тудунгур,* ***кашпагай чорук*** *хайгыылчы кижиге тоң чугула* (МЭ, ОД) ‘Зоркость, хороший слух, расторопность, **ловкость** особенно важны для дозорного’.

(3) *Находчивость* ‘тывынгыры, тывынгыр чорук’:

а) *Харын-даа Долаананың* ***тывынгыры*** *дузалаан* (СШ, КБ) ‘Хорошо, **находчивость** Долааны помогла’;

б) ***Тывынгыр чорук*** *– каяа-даа, кандыг-даа таварылгада эң дузалаар* (ШС) ‘**Находчивость** везде, в любых обстоятельствах выручает’.

(4) *Героизм* ‘маадырлыы, маадырлыг чорук’:

а) *Авамның* ***маадырлыы*** *кадыг-дошкун чылдарда бисти өстүрүп алганы...* (ЕТ, АДТ) ‘**Героизм** моей матери в том, что она вырастила нас в суровые годы...’;

б) *...****маадырлыг чорук*** *дээш бээр дайынчы орден-биле шаңнаткан-дыр сен* (ОС, КС) ‘ты награжден орденом, которым награждают за **героизм**’.

В словарных статьях двуязычных словарей тувинского языка отвлеченные понятия представлены переводами преимущественно в форме принадлежности, т. е. они в этом способе передачи нормированы. Например: *осторожность* ‘оваарымчалыы, кичээнгейлии, хынамчалыы’, *хитрость* ‘кажары, авыастыы, оптуу’, *человечность* ‘кижизии, кижиге ынаа’ (РТС, 1980, с. 346, 627, 638). Аналитические основы с компонентом *чорук* (*осторожность* ‘оваарымчалыг чорук’, *внимательность* ‘кичээнгейлиг чорук’, ‘хынамчалыг чорук’, *хитрость* ‘кажар чорук’, ‘оптуг чорук’, *подхалимство* ‘авыастыг чорук’, *человечность* ‘кижизиг чорук’, ‘кижиге ынак чорук’) за редким исключением в словарях отсутствуют. А поскольку их количество уже немалое, по нашим очень приблизительным подсчетам, это не менее 200 лексем (в составляемой нами базе в настоящее время 177 единиц), то требуется их нормализация с последующим внесением в словари тувинского языка.

[1] Увулярный звук [г] в интервокальном положении, по фонетическим правилам тувинского языка, выпадает. См. другие примеры: *маадырлыы* ‘его / ее героизм’, *авыастыы* ‘его / ее подхалимство (хитрость)’, *оптуу* ‘его / ее хитрость’.

3. Структура сложных слов с компонентом *чорук*

Структурный компонент *чорук* восходит к лексеме *чорук*, которая образована при помощи словообразовательного аффикса *=к* от основы *чор*(*у*)- ‘идти, ходить, передвигаться, жить’ и выражает отвлеченные значения ‘1) поездка; 2) поступок; 3) аллюр (лошади)’ (ТРС, 1968, с. 541). В составе сложных слов с отвлеченными значениями *чорук* приобретает служебную функцию и в плане лексической семантики является опустошенной.

Структура сложных слов с компонентом *чорук* предстает в трех моделях:

1) [Noun=*лыг* / Noun (*чок*) + *чорук*];
2) [Adj + (*эвес*) + *чорук*];
3) [Part + *чорук*].

В роли первого компонента в структурной модели [Noun (*=лыг*) / Noun (*чок*) + *чорук*] выступает либо имя существительное в форме обладания на *=лыг* (*харыысалга=лыг* ‘букв. обладающий ответственностью = ответственный’), либо антонимичное ему имя существительное в сочетании с отрицанием *чок* ‘нет; без’. Элемент *чок* ‘нет; без’ выражает значение отсутствия того или иного объекта: *харыысалга чок* ‘без ответственности’, отсюда *харыысалга чок чорук* ‘безответственность’.

Структурная модель [Adj + (*эвес*) + *чорук*] представляет собой сочетание прилагательного с компонентом *чорук.* Например: *хостуг* ‘свободный’ + *чорук* > *хостуг чорук* ‘свобода’, *эрес* ‘бодрый, удалой’ + *чорук* > *эрес чорук* ‘доблесть, удаль’, *мелегей* ‘глупый’ + *чорук* > *мелегей чорук* ‘глупость’. Частица отрицания *эвес* ‘не’ выражает значение отсутствия у референта того или иного признака (*шынчы эвес* ‘не честный’) (подробнее об этом см.: [Дамбаа, 2005, с. 9]) и выступает отрицательной парой положительной формы: *шынчы чорук* ‘честность’ – *шынчы эвес чорук* ‘нечестность’.

Структурная модель [Part + *чорук*] представляет сочетание причастия будущего времени на *=*(*А*)*р* со служебным словом *чорук*. Например: *нарыыдадыр чорук* ‘мудрствование’, *котпактаар чорук* ‘запугивание’, *мактаныр чорук* ‘хвастовство’, *кызагдаар чорук* ‘вытеснение’ и др. Причастие может иметь сложную структуру: *самыын садар чорук* (*самыын* ‘разврат’ + *сад=ар* ‘продавать’ + *чорук*) ‘распутство’, *экини күзээр чорук* (*экини* ‘добро’ + *күзэ=эр* ‘желать’ + *чорук*) ‘доброжелательность’, *корум-чурум үрээр чорук* (*корум-чурум* ‘порядок’ + *үрэ=эр* ‘ломать’ + *чорук*) ‘правонарушение’, *таныш-көрүш тырт=ар чорук* (*таныш-көрүш* ‘знакомство’ + *тыртар* ‘тянуть’ + *чорук*) ‘кумовство’ и др.

Встречаются сочетания *чорук* с причастием прошедшего времени на *=ган* (см. примеры 5–7).

(5) *Ол дээрге анаа-ла суртаал ёзузу барымдаалаан чорук-тур оң.* (УчУХ, КТ)

ол	дээрге	анаа=ла	суртаал	ёзу=зу
то	есть	просто=PTCL	пропаганда	традиция=POSS/3
барымдаала=ан	чорук=тур	оң		
соблюдать=PP	случай=PTCL	PTCL		

‘Это есть, оказывается, просто случай соблюдения традиций пропаганды’.

(6) *Сээң мооң база кижини дора көрген чорук-тур* (ЭД, ЭХ)
сээң мо=оң база кижи=ни дора.көр=ген
твой это=POSS/2SG тоже человек=ACC унижать=PP
чорук=тур
поступок=PTCL
‘Твое это (поведение) тоже является поступком, унижающим человека’.

В данных сочетаниях лексема *чорук* выражает абстрактные значения «явление, случай», «поступок», поэтому она не может рассматриваться как компонент сложных слов.

4. Семантика сложных слов с компонентом *чорук*

В плане семантики сложные слова, образованные при помощи компонента *чорук*, распределяются по 5 лексико-семантическим группам:

- имена существительные, передающие свойства характера и особенности поведения человека. Например: *эрес чорук* ‘доблесть, удаль’, *тывызык чорук* ‘находчивость’, *кызымаккай чорук* ‘старательность’, *маадырлыг чорук* ‘героизм’, *мактаныр чорук* ‘хвастовство’ *ыят чок чорук* ‘бесстыдство’, *каржы чорук* ‘жестокость’, *мегелээр чорук* ‘лживость’, *хуурмак чорук* ‘шарлатанство’ и т. д. Рассмотрим примеры употребления подобных лексем:

(7) *Аңчы кижиге кол-ла чиме – карак, кулак, кызымаккай чорук, күш-шыдал херек* (М, ТЭ)
аңчы кижи=ге кол=ла чиме карак кулак
охотник человек=DAT главный=PTCL вещь глаз ухо
{кызымаккай чорук} күш.шыдал херек
{старательный FW} сила нужен
‘Охотнику самое главное что нужно – глаза, уши, старательность, сила’.

(8) *Кушкаш-оол кандыг маадырлыг чорук кылганыл?* (ЕТ, КК)
Кушкаш-оол кандыг {маадыр=лыг чорук} кыл=ган=ыл
Кушкаш-оол какой {герой=POSSV FW} делать=PAST/3=Q
‘Какой героизм совершил Кушкаш-оол?’

- имена существительные, выражающие интеллектуальные качества человека или названия интеллектуальных действий: *мелегей чорук* ‘глупость’, *мугулай чорук* ‘глупость’, *ээдергей чорук* ‘рассеянность’, *кичээнгей чок чорук* ‘невнимательность’, *нарыыдадыр чорук* ‘мудрствование’, *тывынгыр чорук* ‘находчивость’, *бүзүрел чок чорук* ‘недоверие’, *бодамча чок чорук* ‘безрассудство’ и т. д.:

(9) *А бо бүзүрел чок чорук чежеге чедир уламчылаарыл?* (АД, ЧК)
а бо {бүзүрел чок чорук} чеже=ге
а это {доверие без FW} сколько=DAT
чедир уламчылаар=ыл
до продолжать=Q
‘А сколько еще будет продолжаться это недоверие?’

(10) *Бүзүрээчел чорук бисти буурашкынга дүжүрер* (ЭД, КК)
{бүзүрээчел чорук} бис=ти буурашкын=га дүжүр=ер
{доверчивый FW} мы=ACC крах=DAT опускать=FUT/3
‘Доверчивость приведет нас к краху’.

- имена существительные, выражающие эмоциональные переживания человека: *көөр хөөн чок чорук* ‘ненависть’, *чаныш-сыныш чок чорук* ‘непоколебимость’ и т. д.:

(11) *…аныяк дайынчыларның арыннарында чаныш-сыныш чок чорук ам-даа илдең* (ЕТ, АДТ)
аныяк дайынчы=лар=ның арын=нар=ын=да
молодой боец=PL=GEN лицо=PL=POSS/3=LOC
{чаныш-сыныш чок чорук} ам-даа илдең
{колебание без FW} все.еще быть.заметным
‘…на лицах молодых бойцов была все еще заметна непоколебимость’.

(12) *…буруузун миннип билир кижиге дидим чорук негеттинер* (МЭ, КХ)
буруу=зу=н {минн=ип бил=ир }
вина=POSS/3=ACC {сознавать=CV уметь=PrP}
кижи=ге {дидим чорук} неге=т=тин=ер
человек=DAT {смелый FW} требовать=CAUS=RFL=FUT/3
‘… человеку, умеющему признавать свою вину, требуется смелость’.

- имена существительные, обозначающие проявления физических качеств человека. Наш материал показывает один пример: *кашпагай чорук* ‘ловкость, хваткость, цепкость, ухватистость’ (см. пример 2б).
- имена существительные, обозначающие те или иные социальные явления: *хостуг чорук* ‘свобода’, *өске чердиве шөлүп көжүрер чорук* ‘ссылка’, *төтчеглекчи чорук* ‘браконьерство’, *хоралакчы чорук* ‘вредительство’, *сандаргай чорук* ‘запущенность’, *арагалаар чорук* ‘алкоголизм’, *өг-бүле чарлыр чорук* ‘развод’, *ажык-чарлыг чорук* ‘гласность’, *самчыгдаар чорук* ‘растрата’ и т. д.:

(13) *…кадай кижи эртип төтчеглекчи чорук үүлгедип турар* (КЭК, ТК)
кадай кижи эртип {төтчеглекчи чорук}
женщина человек будучи {браконьер FW}
үүлгед=ип тур=ар
совершать=CV AUX: стоять=FUT/3
‘…будучи женщиной, (она) совершает браконьерство’.

(14) *…доп-дорааn хемчээн алган болза, ындыг сандаргай чорук болбас ийик* (ЭД, СЧ)
доп-дорааn хемчэ=э=н ал=ган бол=за
сразу мера=POSS/3=ACC брать=PP AUX: быть=COND
ындыг {сандаргай чорук} бол=бас ийик
такой {запущенный FW} AUX: быть= NEG.FUT/3 PTCL
‘…если бы сразу приняли меры, не было бы такой запущенности’.

Анализ материала показал, что употребление лексем с компонентом *чорук* присуще книжному стилю. Использование аналитической модели образования слов с участием компонента *чорук* является одним из показателей развития письменной формы тувинского языка. Следует отметить, что в полевых исследованиях (2022) Е. Тирон [2], А. Байыр-оол было зафиксировано употребление сложных лек-

[2] Проект «Песенная традиция овюрских тувинцев XXI в. в условиях сельско-городской миграции» (№ 22-28-01475; 2022–2023; рук. Е. Л. Тирон) поддержан Российским научным фондом.

сем с компонентом *чорук* (*өлүр чорук* ‘смерть’, *калыр чорук* ‘смерть’, *чидер чорук* ‘исчезновение’) в современном песенном фольклоре тувинцев [3]. Это может свидетельствовать о признаках функционального расширения употребления рассматриваемой конструкции в тувинском языке.

Заключение

Современные процессы в обществе, развитие науки и техники, интернета и современных коммуникаций вызывают огромные изменения в лексической системе языка. Речь идет не только о явлении заимствования слов и изменениях в семантическом объеме лексем, но и о новациях на уровне словообразования.

Примером новых явлений, возникших в XX в. в тувинском словообразовании под влиянием русского языка, служит аналитическая модель образования слов с участием компонента *чорук*. Ею передается большое количество отвлеченных понятий, принадлежащих книжному стилю, называющих интеллектуальные, моральные, психические характеристики обобщенного субъекта (в гораздо меньшей степени физические качества), а также те или иные социальные явления.

Использование словообразовательной модели с компонентом *чорук*, связанного с необходимостью перевода отвлеченных понятий с русского языка, позволяет дифференцировать способы передачи отвлеченных понятий в тувинском языке в зависимости от характера субъекта. Так, при конкретном субъекте действия отвлеченные существительные, характеризующие его, передаются при помощи формы принадлежности, которая является одновременно субстантиватором. Этот синтетический способ передачи используется и в других тюркских языках. Аналитическая же модель с компонентом *чорук* используется при обобщенном субъекте.

Перспективы дальнейшего исследования лексем с компонентом *чорук* видятся в необходимости создания их полного списка и подробного описания. Фундаментальное исследование языкового воздействия русского языка на тувинский язык на современном этапе, в котором важное место занимает связь словообразования и лексикологии, остается одной из актуальных задач в тувинском языкознании.

Список условных обозначений

1 – 1-е лицо деятеля; 2 – 2-е лицо деятеля; 3 – 3-е лицо деятеля; ACC – винительный падеж; AUX – вспомогательный глагол; CAUS – понудительный залог; COND – условное наклонение; CV – деепричастие; DAT – дательный падеж; FUT – настояще-будущее время на *-р*; FW – служебное слово; GEN – родительный падеж; LOC – местный падеж; NEG.FUT – отрицательная форма настояще-будущего времени на *-бас*; PAST – прошедшее время на *=ган*; PL – множественное число; POSS – посессивный показатель; POSSV – показатель обладания; PP – форма причастия прошедшего времени на *=ган*; PrP – форма причастия настояще-будущего времени на *-ар*; PTCL – частица; Q – вопросительная частица; RFL – возвратный залог

[3] См.: https://rutube.ru/video/8f97d273d3afd7a47a9715eb619f2344/.

Список литературы

Аврорин В. А. Проблемы изучения национальных отношений в Сибири на современном этапе // Материалы к Сиб. регион. совещанию / Отв. ред. В. А. Аврорин. Новосибирск: АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии, 1967. 138 с.

Аннай Э. К. Русские заимствования в тувинской разговорной речи // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48). С. 15–23.

Аранчын Ю. Л., Монгуш Д. А. О языковой жизни в Республике Тыва // Языковая ситуация в Российской Федерации. М., 1992. С. 50–55.

Бавуу-Сюрюн М. В. Влияние русского языка на образование современных тувинских фамилий и имен // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск, 2000. С. 204–205.

Бавуу-Сюрюн М. В. Современные словообразовательные процессы, обусловленные языковыми контактами (на материале тувинского языка) // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 114–123.

Бавуу-Сюрюн М. В. Билингвизм в национальном регионе: ретроспектива и динамика // Казанская наука. 2021. № 11. С. 140–142.

Бавуу-Сюрюн М. В., Ондар М. В. Русизмы в диалектах тувинского языка // Новые исследования Тувы. 2013. № 4. С. 39–44.

Биткеева А. Н., Цыбенова Ч. С. Хроника языкового сдвига в тувинском языке в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 6–27.

Боргоякова Т. Г., Биткеева А. Н. Тувинский компонент билингвального пространства, или Размышления о Стратегии государственной поддержки тувинского языка // Новые исследования Тувы. 2023. № 4. С. 290–300.

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.

Дамбаа О. В. Лексические средства отрицания в тувинском языке в сопоставлении с южносибирскими тюркскими, монгольским и древнетюркским языками: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 169 с.

Дамбыра И. Д. Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка. Новосибирск: Сова, 2005. 224 с.

Донгак Д. В. Способы перевода некоторых групп лексики на тувинский язык в романе М. Ю. Лермонтова «Бистиң үениң маадыры» («Герой нашего времени») // Языки и культура хомуса народов Евразии: речевые и музыкальные коммуникации: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Алексеева Ивана Егоровича-Хомус Уйбаан. Якутск, 2021. С. 344–349.

Донгак Ч. Б. Тувинско-русский билингвизм в дискурсивном аспекте // Казанская наука. 2021. № 11. С. 168-171.

Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 472 с.

Катанов Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка, с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань: Типо-лит. Имп. Казан. ун-та, 1903. 1540 с.

Кечил-оол С. В. Типологическая специфика консонантизма сут-хольского говора в системе говоров и диалектов тувинского языка. Новосибирск: Сова, 2006. 362 с.

Кунзет Ч. Лингвистические аспекты перевода романа Н. Островского «Как закалялась сталь» на тувинский язык // Фундаментальная и прикладная наука: со-

стояние и тенденции развития: Сб. ст. XVII Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск, 2022. С. 144–148.

Мартан-оол М. Б. Вопросы тувинского языка: диалектология, лексикография и социолингвистика: Избр. науч. тр. Абакан: Журналист, 2014. 276 с.

Мижит Л. С. Перевод Библии на тувинский язык: обогащение лексического состава тувинского литературного языка // Родной язык. 2016. № 1 (4). С. 141–155.

Ооржак Б. Ч., Аннай Э. К., Ондар Ч. Г., Саая О. М. Функционирование тувинского и русского языков в Республике Тыва: опыт анализа // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2024. № 1 (74) С. 64–74.

Саая О. М. Фонетическая интерференция в тувинском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12 (90), ч. 2. С. 376–381.

Салчак А. Я., Ондар В. С. Создание русско-тувинского параллельного подкорпуса электронного корпуса тувинского языка: первые итоги // Новые исследования Тувы. 2020. № 1. С. 75-87.

Сат Ш. Ч. Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1973. 193 с.

Селиверстова Г. М. Проблемы двуязычия в Туве // Башкы. 2005. № 3. С. 11–14.

Тараканова И. М. Словообразование имен существительных в хакасском языке (в сопоставительном аспекте). Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2008. 174 с.

Татаринцев Б. И. Русские лексические заимствования в тувинском языке. Кызыл, 1974. 110 с.

Цыбенова Ч. С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социолингвистический аспект. Иркутск: Оттиск, 2017. 170 с.

Монгуш Д. А., Сат Ш. Ч. Совет үеде тыва дылдың хөгжүлдези. Кызыл: Тыванын ном үндүрер чери, 1967. 142 с. (на тув. яз.)

Список источников

АД, ЧК – *Даржай А. А.* Чуртаарын күзезиңзе. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1984. 204 с.

ЕТ, АДТ – *Танова Е. Т.* Акым дугайында тоожу. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1976. 160 с.

ЕТ, КК – *Танова Е. Т.* Кым күштүгүл // Ийи 2. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1967. 24 с.

КЭК, ТК – *Кудажы К.-Э. К.* Таңды кежии. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1984. 217 с.

ЛЧ, ЧЧ – *Чадамба Л. Б.* Чогаалдар чыындызы. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1978. 302 с.

М, ТЭ – *Мендүме М. К.* Тайганың ээзи. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1965. 84 с.

МЭ, КХ – *Эргеп М.* Кескинди хлеб. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1983. 215 с.

МЭ, ОД – *Эргеп М. С.* Оглаа-Доруг. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1974. 128 с.

ОС, КС – *Саган-оол О. О.* Кежиктиг сылдыс. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1965. 115 с.

РТС – Русско-тувинский словарь / Под ред. Д. А. Монгуша. М.: Рус. яз., 1980. 660 с.

СШ, КБ – *Суван Ш.* Кижи-бүрүс. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2010. 88 с.

ТРС – Тувинско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 648 с.

УчУХ, КТ – *Кудажы К.-Э. К.* Уйгу чок Улуг-Хем. Кызыл том. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1974. 328 с.

ХД – Хомудалдар дептери – Книга жалоб (переводы на тув. яз.) Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1983. 164 с.

ШС – *Суван Ш.* Кижи-бүрүс. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2010. 88 с.

ЭД, КК – *Донгак Э. Л.* Кежик-кыс. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2010. 203 с.

ЭД, СЧ – *Донгак Э. Л.* Сыын чады. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1986. 248 с.

ЭД, ЭХ – *Донгак Э. Л.* Эрги хонаштар. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1983. 305 с.

МЗ, Д – *Зощенко М.* Деньги. URL: https://kartaslov.ru/книги/Михаил_Зощенко_Голубая_книга_(сборник)/2 (дата обращения 02.09.2024).

ЭКТЯ – Электронный корпус тувинского языка. URL: https://tuvancorpus.ru (дата обращения 02.09.2024).

References

Annay E. K. Russkie zaimstvovaniya v tuvinskoy razgovornoy rechi [Russian borrowings in the Tuvan colloquial speech]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2023, no. 4, iss. 48, pp. 15–23.

Aranchyn Yu. L., Mongush D. A. O yazykovoy zhizni v Respublike Tyva [About the language life in the Republic of Tyva]. In: *Yazykovaya situatsiya v Rossiyskoy Federatsii* [The language situation in the Russian Federation]. Moscow, 1992, pp. 50–55.

Avrorin V. A. Problemy izucheniya natsional'nykh otnosheniy v Sibiri na sovremennom etape [Problems of studying national relations in Siberia at the present stage]. In: *Materialy k Sib. region. soveshchaniyu* [Materials for the Siberian regional meeting]. V. A. Avrorin (Ed.). Novosibirsk, Sib. otd. AN SSSR. Institut istorii, filologii i filosofii, 1967, 138 p.

Bavuu-Syuryun M. V. Bilingvizm v natsional'nom regione: retrospektiva i dinamika [Bilingualism in the national region: a retrospective and dynamics]. *Kazanskaya nauka*. 2021, no. 11, pp. 140–142.

Bavuu-Syuryun M. V., Ondar M. V. Rusizmy v dialektakh tuvinskogo yazyka [Russianisms in the dialects of the Tuvan language]. *The New Research of Tuva*. 2013, no. 4, pp. 39–44.

Bavuu-Syuryun M. V. Sovremennye slovoobrazovatel'nye protsessy, obuslovlennye yazykovymi kontaktami (na materiale tuvinskogo yazyka) [Modern word-formation processes caused by language contacts (based on the material of the Tuvan language)]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2015, no. 2, pp. 114–123.

Bavuu-Syuryun M. V. Vliyanie russkogo yazyka na obrazovanie sovremennykh tuvinskikh familiy i imen [The influence of the Russian language on the formation of modern Tuvan surnames and first names]. In: *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri* [Ethnosocial processes in Siberia]. Novosibirsk, 2000, pp. 204–205.

Bitkeeva A. N., Tsybenova Ch. S. Khronika yazykovogo sdviga v tuvinskom yazyke v Respublike Tyva [Chronicle of the linguistic shift in the Tuvan language in the Republic of Tyva]. *The New Research of Tuva*. 2022, no. 4, pp. 6–27.

Borgoyakova T. G., Bitkeeva A. N. Tuvinskiy komponent bilingval'nogo prostranstva, ili Razmyshleniya o Strategii gosudarstvennoy podderzhki tuvinskogo yazyka

[The Tuvan component of the bilingual space or reflections on the strategy of state support for the Tuvan language]. *The New Research of Tuva*. 2023, no. 4, pp. 290–300.

Dambaa O. V. *Leksicheskie sredstva otritsaniya v tuvinskom yazyke v sopostav-lenii s yuzhnosibirskimi tyurkskimi, mongol'skim i drevnetyurkskim yazykami* [Lexical means of negation in the Tuvan language in comparison with South Siberian Turkic, Mongolian and Ancient Turkic languages]. Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2005, 169 p.

Dambyra I. D. *Vokalizm kaa-khemskogo govora v sopostavlenii s drugimi govorami i dialektami tuvinskogo yazyka* [The vocalism of the Kaa-Khem dialect in comparison with other dialects and dialects of the Tuvan language]. Novosibirsk, Sova, 2005, 224 p.

Dongak Ch. B. Tuvinsko-russkiy bilingvizm v diskursivnom aspekte [Tuvan-Russian bilingualism in the discursive aspect]. *Kazanskaya nauka*. 2021, iss. 11, pp. 168–171.

Dongak D. V. Sposoby perevoda nekotorykh grupp leksiki na tuvinskiy yazyk v romane M. Yu. Lermontova "Bistiң үeniң maadyry" [Methods of translation of some groups of vocabulary into the Tuvinian language in the novel M. Yu. Lermontov "The Hero of Our Time"]. In: *Yazyki i kul'tura khomusa narodov Evrazii: rechevye i muzykal'nye kommunikatsii: Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 80-letiyu Alekseeva Ivana Egorovicha-Khomus Uybaan* [Languages and culture of khomus of the Peoples of Eurasia: speech and musical communications: Materials of the International. scientific-practical. conf., dedicated to the 80th anniversary of Alekseev Ivan Egorovich-Khomus Uybaan]. Yakutsk, 2021, pp. 344–349.

Iskhakov F. G., Pal'mbakh A. A. *Grammatika tuvinskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Tuvan language]. Moscow, Vost. lit., 1961, 472 p.

Katanov N. F. *Opyt issledovaniya uryankhayskogo yazyka, s ukazaniem glavneyshikh rodstvennykh otnosheniy ego k drugim yazykam tyurkskogo kornya* [Research experience in the Uriankhai language, including its primary affiliations with other Turkic languages]. Kazan, Tipo-lit. Imp. Kazan. univ., 1903, 1540 p.

Kechil-ool S. V. *Tipologicheskaya spetsifika konsonantizma sut-khol'skogo govora v sisteme govorov i dialektov tuvinskogo yazyka* [Typological specificity of the Tuvan language consonantism in the system of dialects and dialects of the Tuvan language]. Novosibirsk, Sova, 2006, 362 p.

Kunzet Ch. Lingvisticheskie aspekty perevoda romana N. Ostrovskogo "Kak zakalyalas' stal'" na tuvinskiy yazyk [Linguistic aspects of the translation of N. Ostrovsky's novel "How the Steel Was Tempered" into the Tuvan language]. In: *Fundamental'naya i prikladnaya nauka: sostoyanie i tendentsii razvitiya: Sb. st. 17 Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Fundamental and applied science: state and development trends: Proceedings of the 17th International scientific-practical conference]. Petrozavodsk, 2022, pp. 144–148.

Martan-ool M. B. *Voprosy tuvinskogo yazyka: dialektologiya, leksikografiya i sotsiolingvistika: Izbr. nauch. tr.* [Issues of the Tuvan language: dialectology, lexicography and sociolinguistics: Selected works]. Abakan, Zhurnalist, 2014, 276 p.

Mizhit L. S. Perevod Biblii na tuvinskiy yazyk: obogashchenie leksicheskogo sostava tuvinskogo literaturnogo yazyka [Translation of the Bible into the Tuvan language: enriching the lexical composition of the Tuvan literary language]. *Rodnoy Yazyk (Mother Tongue)*. 2016, no. 1 (4), pp. 141–155.

Mongush D. A., Sat Sh. Ch. *Sovet үede tyva dyldyң khөgzhyldezi* [The development of the Tuvan language in Soviet times]. Kyzyl, Tyva-nyң nom үndүrer cheri, 1967, 142 p.

Oorzhak B. Ch., Annay E. K., Ondar Ch. G., Saaya O. M. Funktsionirovanie tuvinskogo i russkogo yazykov v Respublike Tyva: opyt analiza [Functioning of the Tuvan and Russian languages in the Republic of Tuva: an analysis experience]. *Sayan-Altai scientific review*. 2024, no. 1 (74), pp. 64–74.

Saaya O. M. Foneticheskaya interferentsiya v tuvinskom yazyke [Phonetic interference in the Tuvan language]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2018, no. 12 (90), pt. 2, pp. 376–381.

Salchak A. Ya., Ondar V. S. Sozdanie russko-tuvinskogo parallel'nogo podkorpusa elektronnogo korpusa tuvinskogo yazyka: pervye itogi [Creation of the Russian-Tuvan parallel subcorpus of the electronic corpus of the Tuvan language: the first results]. *The New Research of Tuva*. 2020, no. 1, pp. 75–87.

Sat Sh. Ch. *Formirovanie i razvitie tuvinskogo natsional'nogo literaturnogo yazyka* [Formation and development of the Tuvan national literary language]. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 1973, 193 p.

Seliverstova G. M. Problemy dvuyazychiya v Tuve [Problems of bilingualism in Tuva]. *Bashky*. 2005, no. 3, pp. 11–14.

Tarakanova I. M. *Slovoobrazovanie imen sushchestvitel'nykh v khakasskom yazyke (v sopostavitel'nom aspekte)* [Word formation of nouns in the Khakass language (in a comparative aspect)]. Abakan, Khakas. kn. izd., 2008, 174 p.

Tatarintsev B. I. *Russkie leksicheskie zaimstvovaniya v tuvinskom yazyke* [Russian lexical borrowings in the Tuvan language]. Kyzyl, 1974, 110 p.

Tsybenova Ch. S. *Sovremennaya yazykovaya situatsiya v Respublike Tyva: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [The modern linguistic situation in the Republic of Tyva: sociolinguistic aspect]. Irkutsk, Ottisk, 2017, 170 p.

Vinogradov V. V. *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (Grammar doctrine of the word)]. G. A. Zolotov (Ed.). 4th ed. Moscow, Rus. yaz., 2001, 720 p.

List of sources

Chadamba L. B. *Chogaaldar chyyndyzy* [A collection of short stories]. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 1978, 302 p.

Darzhay A. A. *Churtaaryn kyzeziңze* [If you want to live]. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 1984, 204 p.

Dongak E. L. *Ergi khonashtar* [Old camps]. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 1983, 305 p.

Dongak E. L. *Kezhik-kys* [Kezhik-kys]. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 2010, 203 p.

Dongak E. L. *Syyn chady* [Deer moss]. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 1986, 248 p.

Elektronnyy korpus tuvinskogo yazyka [Electronic corpus of the Tuvan language]. https://tuvancorpus.ru (accessed 02.09.2024).

Ergep M. *Keskindi khleb* [A piece of bread]. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 1983, 215 p.

Ergep M. S. *Oglaa-Dorug* [Oglaa-Dorug]. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 1974, 128 p.

Khomudaldar depteri (perevody na tuv. yaz.) [The Book of Complaints (translations into the Tuvan language)]. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 1983, 164 p.

Kudazhy K. -E. K. *Uygu chok Ulug-Hem. Kyzyl tom* [Ulug-Hem is restless. The red volume]. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 1974, 328 p.

Mendyme M. K. *Tayganyң eezi* [The master of the taiga]. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 1965, 84 p.

Russko-tuvinskiy slovar' [Russian-Tuvan dictionary]. D. A. Mongush (Ed.). Moscow, Rus. yaz., 1980, 660 p.

Sagan-ool O. O. *Kezhiktig syldys* [Lucky star]. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 1965, 115 p.

Suvan Sh. *Kizhi-bүrүs* [Bigfoot]. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 2010, 88 p.

Tanova E. T. *Akym dugayynda toozhu* [The story of my brother]. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 1976, 160 p.

Tanova E. T. *Kym kүshtүgүl* [Who is stronger]. In: *Iyi 2* [Two 2]. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 1967, 24 p.

Tuvinsko-russkiy slovar' [Tuvan-Russian dictionary]. E. R. Tenishev (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1968, 648 p.

Zoshhenko M. *Den'gi* [Money]. URL: https://kartaslov.ru/книги/Михаил_Зощенко_Голубая_книга_(сборник)/2 (accessed 02.09.2024).

Информация об авторе

Байлак Чаш-ооловна Ооржак, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языкознания Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл, Россия)
Scopus Author ID 57189624226
WoS Researcher ID P-7194-2019

Information about the author

Baylak Ch. Oorzhak, Doctor of Philology, Senior Researcher, Linguistics Sector, Tuvan Institute for Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl, Russian Federation)
Scopus Author ID 57189624226
WoS Researcher ID P-7194-2019

Статья поступила в редакцию 09.11.2024;
одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 05.12.2024
The article was submitted on 09.11.2024;
approved after reviewing on 05.12.2024; accepted for publication on 05.12.2024

Научная статья

УДК 811.512.151’36
DOI 10.17223/18137083/93/14

Структурные типы симилятивных сравнительных конструкций с частицами *тен*, *торт* и *чек* в алтайском языке

Алена Робертовна Тазранова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

atazranova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8149-9971

Аннотация

Рассмотрена группа частиц алтайского языка, употребляющихся в составе симилятивных сравнительных конструкций. Выделены простые сравнительные частицы *тен* ‘впрямь как, точно как’, *торт* ‘точно’, *чек* ‘прямо как’, показаны их семантика и функции, а также возможность их сочетания с другими усилительными частицами для выражения высокой степени подобия. Охарактеризованы структурные типы конструкций с этими частицами, различающиеся способом заполнения позиций подлежащего и сказуемого. Материалом для статьи послужили примеры, собранные методом сплошной выборки из художественной литературы, объемом 142 единицы, содержащие образцы реализации сравнительных конструкций с разными частицами. При обработке материала использован метод моделирования, который позволил реконструировать отсутствующие в высказывании элементы.

Ключевые слова

сравнение, сравнительные конструкции, сравнительные частицы, симилятивность, алтайский язык, структурный тип

Для цитирования

Тазранова А. Р. Структурные типы симилятивных сравнительных конструкций с частицами *тен*, *торт* и *чек* в алтайском языке // Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 185–200. DOI 10.17223/18137083/93/14

© Тазранова А. Р., 2025

Structural types of similative comparative constructions with the particles *ten*, *tort* and *check* in the Altai language

Alena R. Tazranova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

atazranova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8149-9971

Abstract

This article examines the semantics and function of the comparative particles *ten* (exactly like, just like), *tort* (exactly like), and *check* (just like). The polyfunctional, synonymous particles *ten*, *tort,* and *chek* are the primary means of expressing similarity in the domain of object comparison, with *chek* also expressing event-based relations. All the particles are used in parallel constructions. Combined with the designation of the second comparator (the comparison standard), these particles indicate a high similarity between the objects being compared, which results from their prototypical semantics as intensifying particles. In the Altai language, three models are used to construct analytical comparative constructions with similative semantics, with variations in how positions are filled and whether they are explicitly or implicitly expressed. In Altai language writings, the comparison element is often absent, and the audience uses their understanding to fill in the blanks. Sometimes, the base of the parameter is stated explicitly in the subject, with the first comparator functioning as the definition in the attributive construction. The particles under investigation function as a means of expression, highlighting comparative relationships to convey emotion and enhance the impact of an utterance. The data for this study comprises 142 examples of comparative constructions with varying particles, all extracted from fiction using continuous sampling. The modeling method was employed to process the data, enabling the reconstruction of elements absent from the actual utterances.

Keywords

comparison, comparative constructions, comparative particles, similarity, Altai language, structural type

For citation

Tazranova A. R. Structural types of similative comparative constructions with the particles *ten*, *tort* and *check* in the Altai language. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*], 2025, no. 4, pp. 185–200. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/93/14

Введение

Несмотря на наличие широкого круга работ, посвященных способам формирования сравнительных конструкций в алтайском языке [Тыбыкова, 1988; 1989; Тыбыкова и др., 2013; Озонова, Тыбыкова, 2024; Озонова, 2023а; 2023б; Тазранова, 2024], компаративные частицы алтайского языка не были объектом отдельного исследования. В связи с этим задачей настоящей статьи является описание одной из групп компаративных частиц алтайского языка, а именно синонимичных частиц *тен*, *торт* и *чек*, передающих симилятивные отношения.

Сравнительным частицам тюркских языков Южной Сибири посвящена статья М. И. Черемисиной и Л. А. Шаминой [1996]. Л. Н. Тыбыкова в диссертации «Сравнительные конструкции алтайского языка» [1989] охарактеризовала предложения со сравнительными частицами как конструкции переходного типа со значением метафорической идентификации. Н. Д. Арутюнова, рассматривая метафору и сравнение как родственные явления, пишет: «Исключение из сравнения компаративной связки *как* (*подобно*, *точно*, *словно*, *будто*, *как будто*) или

предикативов *подобен*, *сходен*, *похож*, *напоминает* часто считается основным приемом создания метафоры. Этот ход имеет своим следствием существенное изменение синтаксической структуры. Предложение подобия преобразуется в предложение тождества, точнее таксономической предикации: *Эта девочка похожа на куклу – Эта девочка как кукла – Эта девочка настоящая кукла*. Поэтому формальные и семантические различия между образным сравнением и метафорой в большей мере связаны с различием этих двух типов логических отношений» [Арутюнова, 1999, с. 353]. Вслед за Н. Д. Арутюновой Л. Н. Тыбыкова считает, что для алтайского языка характерны те же процессы метафоризации: *Мен јайым кушка* ***тӱнеј*** *– Мен јайым куш* ***ошкош*** *– Мен* ***тен*** *јайым куш* ‘Я похож на свободную птицу – Я как свободная птица – Я впрямь свободная птица’ [Тыбыкова, 1988, с. 117]. В систему показателей сравнения Л. Н. Тыбыковой включены простые частицы *торт*, *бойы*, *чек* и составные с усилительной частицей *лА – торт ло* ‘ну впрямь’, *чек ле* ‘ну точь-в-точь’.

При описании сравнительных частиц в данной работе используется терминология, разработанная в рамках проекта Института филологии СО РАН по сопоставительному описанию сравнительных конструкций в урало-алтайских языках Сибири, в котором последовательно разграничивают план выражения и план содержания сравнительной конструкции как языкового знака [Федина, Кошкарева, 2023, с. 55; Кошкарева, Плотников, 2023; Кошкарева, Соловар, 2024, с. 83]. План выражения любой сравнительной конструкции включает ряд обязательных смысловых компонентов, способ выражения которых вариативен. Редукция компонентов в плане выражения является ярким отличительным признаком сравнительных конструкций, что обусловлено самой природой сравнения, в его основе лежит наличие общих признаков, которые нет необходимости называть неоднократно [Кошкарева, Соловар, 2024, с. 83]. В этом русле за последние два года написаны многочисленные статьи на материале разных языков Сибири и Дальнего Востока: алтайского [Озонова, 2023б; Тазранова, 2024; Озонова, Тыбыкова, 2024], тувинского [Шамина, 2022; Шамина, Байыр-оол, 2024], шорского [Невская, 2022; Шенцова, 2024], чалканского [Федина и др., 2023], ульчского [Горбунова, 2024], хантыйского и мансийского [Кошкарева, Плотников, 2023; Кошкарева, Соловар, 2024; 2025], бурятского [Скрибник, Даржаева, 2024], кетского [Крюкова, 2024] и др., а также в тюркских языках в сопоставительном аспекте [Тажибаева и др., 2014].

В каждом языке есть свой набор компаративных конструкций, передающих особый оттенок смысла. В алтайском языке имеется множество структурных типов компаративных конструкций, и своеобразие их сравнительной семантики зависит от показателя сравнения. Одним из таких показателей со специализированным значением сравнения являются алтайские частицы.

В рамках данной статьи основное внимание уделено синонимичным частицам *тен*, *торт* и *чек*, передающим симилятивные сравнительные отношения, при которых устанавливается близость предметов или явлений, параметр сравнения обычно подразумевает комплекс недифференцированных признаков, часто он эксплицитно не выражается [Кошкарева, Соловар, 2024, с. 84]. Эти частицы могут сочетаться с другими усилительными частицами, выступающими в роли экспоненты, подчеркивающими высокую степень сходства предметов или событий.

Основное отличие от других сравнительных средств, например от конструкций с *ошкош* ‘как, подобно’, *чылап* ‘как, словно’, состоит в том, что во фразах со сравнительными частицами присутствует экспрессивный оттенок.

Универсальной сравнительной частицей является *тен*, она может выражать любые типы сравнения и употребляется чаще других частиц. Частица *торт* в большей степени ориентирована на симилятивное предметное сравнение и легко заменяется на частицу *чек*, при этом в узусе предпочтение отдается все-таки частице *торт*. Частица *чек* является редким специализированным средством выражения симилятивности в событийной сфере.

1. Эмфатические функции частиц *тен, торт* и *чек*

Первичной функцией частиц *тен*, *торт* и *чек* является эмфатическая: они употребляются для усиления, подчеркивания, верификации того или иного значения.

Частица *тен* в эмфатической функции со значением ‘даже, прямо’ сочетается со словами любых частей речи, за исключением послелогов:

(1) *Мындый туштажу тен тӱш те јеримде јок* (Укачин, 1985, с. 109).
мындый туштажу **тен** тӱш те јер=им=де
такой встреча **даже** сон PTCL место=POSS.1SG=LOC
јок
нет
‘О такой встрече я не мог думать даже во сне.’

В предложении (2) частица *тен* выражает высокую степень проявления признака:

(2) *Бу эмегенниң јӱзи Эмилдиң јаан алакандарыныҥ бир де ууҗына толбос. Тен тоҥ өткӱре кичинек* (Укачин, 1985, с. 8).
бу эмеген=ниң јӱз=и Эмил=диң јаан
это женщина=GEN лицо=POSS.3 Эмил=GEN большой
алакан=дар=ы=ныҥ бир де ууж=ы=н=а
ладонь=PL=POSS.3=GEN один PTCL кулак=POSS.3=INFX=DAT
тол=бос **тен** тоҥ өткӱре кичинек
наполниться=NEG.PrP **впрямь** очень POSTP маленький
‘Лицо этой женщины не войдет даже в один кулак большой ладони Эмиля. Впрямь чересчур маленькое.’

В примере (3) частица *тен* находится в абсолютном конце предложения, так как данное высказывание имеет яркую экспрессивную окраску, которая поддерживается наличием отрицания в первой части и усиленным утверждением во второй, поэтому возможно отклонение от типичного порядка слов. Речь идет о машине «Запорожец», которая может развивать высокую скорость, и на этом основании она ассоциируется с птицей.

(3) *Јок, айылдажым. Јок, тен машина эмес, куш, ай-канатту куш тен!* (Укачин, 1985, с. 132)
јок айылдаж=ым јок **тен** машина эмес куш
нет сосед=POSS.1SG нет **PTCL** машина нет птица
ай-канат=ту куш **тен**
луна-крыло=POSSV птица **PTCL.COMP**
‘Нет, мой сосед. Нет, это ведь не машина, а птица, ведь настоящая крылатая птица!’

Усилительные частицы *торт* и *чек* ‘совсем, прямо’ являются синонимичными по функциям и семантике и могут заменять друг друга, обозначая повышенную интенсивность признака или действия:

(4) *Сенең мен торт чөкӧдим*.
сенең мен **торт** чӧкӧ=ди=м
ты.ABL я **PTCL** разочароваться=PAST=1SG
‘Я в тебе совсем разочарована.’

(5) *Сени чек аайлабадым* .
сени **чек** аайла=ба=ды=м
ты. ACC **PTCL** понять=NEG=PAST=1SG
‘Я тебя совершенно не поняла.’

(6) *А бу сен чек јаш кижи туруң не, Айсулу! Бистиң Эркелей ле кирези* (Эл-Алтай, 2020, с. 160).
а бу сен **чек** јаш кижи тур=уң
а это ты **PTCL** молодой человек MOD=2SG
не Айсулу
PTCL Айсулу
‘А ты, Айсулу, оказывается, совсем молодая! Примерно как наша Эркей.’

Усилительное значение является базовым для формирования особенностей сравнительного значения частиц *тен*, *торт* и *чек*. В сравнительных конструкциях они обозначают высокую степень сходства (‘точь-в-точь’) и обладают ярким экспрессивным потенциалом.

2. Сравнительные функции частиц *тен, торт* и *чек*

В сравнительной функции частицы *тен*, *торт* и *чек* передают предметные симилятивные отношения: с их помощью устанавливается близость, подобие двух предметов. Сходство устанавливается на основе тех или иных признаков, которые могут быть непосредственно названы в высказывании или лишь подразумеваться, поскольку они очевидны носителям алтайского языка.

Эти частицы сопровождают имена существительные, называющие второй компарат – эталон сравнения, который может формировать отдельный сравнительный оборот, осложняющий простое предложение, или занимать позицию сказуемого в составе простого предложения.

По структуре различаются три типа конструкций с данными частицами, которые различаются тем, какую позицию в предложении занимают сравнительные компоненты, какие из них выражены эксплицитно, а какие имплицитно.

2.1. Предложения со сказуемым-прилагательным, обозначающим аспект параметра, осложненные сравнительным оборотом

Первая разновидность представляет собой простое предложение, осложненное сравнительным оборотом. Основная часть репрезентирует пропозицию характеризации «кто / что каков». Позицию подлежащего занимает существительное, обозначающее первый компарат – предмет сравнения. Сказуемое, выраженное прилагательным, называет аспект параметра – признак, на основе которого два предмета уподобляются друг другу. Предложение осложняется сравнительным

оборотом, в состав которого входит сравнительная частица, являющая средством выражения симилятивного отношения, и существительное, обозначающее второй компарат – эталон сравнения. Основание параметра эксплицитного выражения не получает, например:

(7) *Мениҥ торбокторымныҥ семистери тен борсыктар* (Укачин, 1985, с. 258).

мениҥ	торбок=тор=ым=ныҥ	семис=тер=и	**тен**
я.GEN	бык=PL=POSS.3=GEN	жирный=PL=POSS.3	**PTCL.COMP**
борсык=тар			
барсук=PL			

‘Мои бычки жирные, как барсуки.’

$$\{\text{быки}^{\text{CMPR1}}, [\text{жирность}]^{\text{PRM.FUND}}, \text{жирный}^{\text{PRM.FUND}}\}^{\text{REL1}}$$
$$\approx$$
$$\{\text{барсуки}^{\text{CMPR2}}, [\text{жирность}]^{\text{PRM.FUND}}, [\text{жирный}]^{\text{PRM.FUND}}\}^{\text{REL2 1}}$$

В примере (8) описывается сходство компаратов по внешнему виду, по форме. В качестве показателя связи употребляется частица *торт* в сочетании с усилительной частицей *ло*, выступающей в роли экспоненты и привносящей в предложение значение высокой степени сходства предметов по указанному признаку. Сходство устанавливается на основании общего восприятия, в котором приподнятость является эталоном красоты, стройности:

(8) *Көгүс бойы көдүриҥилү, торт ло эки јаан јастык болбойтон беди* (Укачин, 1985, с. 67).

көгүс	бойы	көдүриҥилү	**торт**	**ло**	эки	јаан
грудь	сам	приподнятый	**PTCL.COMP**	**PTCL**	два	большой
јастык	бол=бо=йтон	беди				
подушка	быть=NEG=PP	PTCL				

‘А груди приподнятые, прямо как две большие подушки ведь.’

$$\{\text{груди}^{\text{CMPR1}}, [\text{форма}]^{\text{PRM.FUND}}, \text{приподнятый}^{\text{PRM.ASP}}\}^{\text{REL1}}$$
$$\approx$$
$$\{\text{две подушки}^{\text{CMPR2}}, [\text{форма}]^{\text{PRM.FUND}}, [\text{приподнятый}]^{\text{PRM.ASP}}\}^{\text{REL2}}$$

Структура подобных предложений имеет следующий вид:

$$\{N_{NOM}{}^{\text{CMPR1}}\ ADJ^{\text{PRM.ASP}}\ (\text{cop})\}\ \{PTCL^{\text{REL.SIM}}\ N_{NOM}{}^{\text{CMPR2}}\}$$

[1] Здесь и далее подобные записи отражают устройство сравнения на семантическом уровне. В фигурных скобках через запятую перечисляются компоненты, входящие в состав релянтов: компараты (CMPR1 и CMPR2), основание параметра (PRM.FUND) и аспект параметра (PRM.ASP). Актуализатор опускается, если между релянтами отсутствует противопоставление в модально-временном плане. В квадратные скобки заключены компоненты, которые регулярно не получают эксплицитного выражения в соответствии с особенностями структуры и потому реконструируются на основе общих знаний или устойчивых ассоциаций. В круглых скобках указываются ситуативно отсутствующие компоненты в составе эллиптических конструкций, которые реконструируются на основе ближайшего контекста.

В составе таких конструкций могут употребляться частицы *тен* и *торт*, хотя теоретически их можно заменить на *чек*, но в речевой практике предпочтительнее именно эти частицы.

2.2. Предложения со сравнительным оборотом в позиции сказуемого и имплицитным параметром сравнения

Позицию сказуемого при подлежащем, называющем первый компарат, может занимать сравнительный оборот «частица + эталон сравнения». Ни основание, ни аспект параметра эксплицитного выражения не получают, так как мыслятся как очевидные. Такие предложения можно рассматривать как вариант первой разновидности с регулярной элиминацией аспекта параметра, в результате которой сравнительный оборот перемещается в позицию сказуемого. Они строятся по схеме с обобщенной семантикой «кто КАК кто / что КАК что»:

$$N_{NOM}^{CMPR1}\ PTCL^{REL.SIM}\ N_{NOM}^{CMPR2}\ (cop)$$

В примере (9) пальцы говорящего сравниваются с лошадьми-иноходцами, параметром является недифференцированный признак, подразумевающий общие представления об иноходце как о грациозном животном, быстром в движениях.

(9) *Сабарларым тен сайак аттар эмей* (Укачин, 1985, с. 326).
сабар=лар=ым **тен** сайак ат=тар эмей
палец=PL=POSS.1SG **PTCL.COMP** иноходец конь=PL ведь
‘Мои пальцы прямо как лошади-иноходцы.’

$$\{\text{мои пальцы}^{CMPR1},\ [\text{качество}]^{PRM.FUND},\ [\text{быстрый, грациозный}]^{PRM.ASP}\}^{REL1}$$
$$\approx$$
$$\{\text{лошадь-иноходец}^{CMPR2},\ [\text{качество}]^{PRM.FUND},\ [\text{быстрый, грациозный}]^{PRM.ASP}]\}^{REL2}$$

В примере (10) параметр сравнения раскрывается на основе значения второго компарата (*колбаса*), который позволяет реконструировать признак «жирность»:

(10) *Мениң торбокторым торт чучук ине! – деп, кабырып јатқан малы керегинде эрмекти бойы баштаар* (Укачин, 1985, с. 260).
мениң торбок=тор=ым **торт** чучук ине деп
я.GEN бычок=PL=POSS.1SG **PTCL.COMP** колбаса PTCL CONJ
кабыр=ып јат=кан мал=ы керегинде
пасти=CV AUX: лежать=PP скот=POSS.3 POSTP
эрмек=ти бойы башта=ар
разговор=ACC сам начинать=PrP
‘«Мои бычки как колбаса ведь!» – так он сам начинал разговор о своем скоте.’

$$\{\text{бычки}^{CMPR1},\ [\text{жирность}]^{PRM.FUND},\ [\text{жирный}]^{PRM.ASP}\}^{REL1}$$
$$\approx$$
$$\{\text{колбаса}^{CMPR2},\ [\text{жирность}]^{PRM.FUND},\ [\text{жирный}]^{PRM.ASP}\}^{REL2}$$

В текстах встречаются случаи, в которых частица *тен* сочетается со словом *бойы* (примеры 11 и 12), усиливающим и дополняющим сравнительные отношения, а частица *торт* – с частицей *лА* (пример 13). Такие частицы можно назвать

составными или аналитическими. Вторые частицы выступают в них в роли экспоненты, указывающей на высокую степень сходства:

(11) *Ой, Јармаш, чын ла бу тен көрмөстиҥ бойы болбой!* (Кокышев, 1980, с. 71)

ой	Јармаш	чын	ла	бу	**тен**
INTJ	Дьармаш	правда	PTCL	это	**PTCL.COMP**
көрмөс=тиҥ	**бой=ы**		болбой		
черт=GEN	**сам=POSS.3**		наверное		

‘Ой, Дьармаш, и вправду вылитый сам черт, кажется!’

В примере (11) первый компарат Дьармаш сравнивается по внешнему признаку со вторым компаратом, выраженным существительным *көрмөс* ‘черт’. В рассматриваемом контексте подразумевается маска, которую мальчики вырезали из тыквы и которая напоминает им черта. Интересно отметить, что в данном высказывании есть частица, подчеркивающая высокую степень сходства, и слово «наверное», указывающее на неуверенность.

В примере (12) компараты выражены изафетными сочетаниями «крик сурка» и «плач ребенка», в которых по условиям контекста опускается либо первый («сурка»), либо второй («плач») компонент, форма представленного в высказывании компонента указывает на его роль в изафетной конструкции. Параметр «громкий звук» очевиден для языкового сообщества алтайцев, поэтому он не вербализован.

(12) *Кезик коркышту тыҥ кыйгырар. Чаҥырыжы, ыйы тен баланыҥ ла бойы* (Укачин, 1985, с. 126).

чаҥырыж=ы	ый=ы	**тен**	бала=ныҥ	ла
крик=POSS.3	плач=POSS.3	**PTCL.COMP**	ребенок=GEN	PTCL
бой=ы				
сам=POSS.3				

‘Некоторые [сурки] орут очень громко. Их крик, плач прямо как [плач] ребенка.’

{крик (сурков)$^{\text{CMPR1}}$, [звук]$^{\text{PRM.FUND}}$, [громкий]$^{\text{PRM.ASP}}$}$^{\text{REL1}}$ ≈
{(плач) ребенка$^{\text{CMPR2}}$, [звук]$^{\text{PRM.FUND}}$, [громкий]$^{\text{PRM.ASP}}$}$^{\text{REL2}}$

В примере (13) основанием для сопоставления компаратов является «цвет», «мрачность»: темный цвет земли ассоциируется с мрачным выражением лица.

(13) *Көрөр дө эмес. Тен бӱдӱш деген неме јок. Торт ло кара јер* (Укачин, 1985, с. 286).

көр=өр	дө	эмес	тен	бӱдӱш	де=ген	неме
смотреть=PrP	PTCL	нет	PTCL	лицо	говорить=PP	вещь
јок	**торт**	**ло**		кара	јер	
нет	**PTCL.COMP**	**PTCL**		черная	земля	

‘Даже смотреть невозможно. Лица нет. Точно как черная земля.’

{(лицо женщины)$^{\text{CMPR1}}$, [мрачность]$^{\text{PRM.FUND}}$, [темный]$^{\text{PRM.ASP}}$}$^{\text{REL1}}$ ≈
{черная земля$^{\text{CMPR2}}$, [цвет]$^{\text{PRM.FUND}}$, [темный]$^{\text{PRM.ASP}}$}$^{\text{REL2}}$

Типичным для предложений этой структурной разновидности является ситуативное отсутствие первого компарата в высказывании, который восстанавливается на основе предшествующего контекста. Эллипсис компонентов усиливает экспрессивность конструкции за счет имитации непринужденной разговорной речи.

(14) *Эмеендер консерваны јип көрölö, айдыжат. Тен уйдыҥ тили!* (Укачин, 1985, с. 130)
эмеен=дер консерва=ны ји=п көр=ölö
женщина=PL консерва=ACC пробовать=CV AUX: смотреть=CV
айд=ыж=ат **тен** уй=дыҥ
говорить=RECIP=PRES **PTCL.COMP** корова=GEN
тил=и
язык=POSS.3
‘Женщины, попробовав консервы, говорят. Прямо язык коровы!’

$$\{(\text{консервы})^{\text{CMPR1}}, [\text{вкус}]^{\text{PRM.FUND}}, [\text{вкусный}]^{\text{PRM.ASP}}\}^{\text{REL1}}$$
$$\approx$$
$$\{\text{коровий язык}^{\text{CMPR2}}, [\text{вкус}]^{\text{PRM.FUND}}, [\text{вкусный}]^{\text{PRM.ASP}}\}^{\text{REL2}}$$

В примере (14) параметр выявляется на основании фоновых знаний: носители алтайского языка считают коровий язык деликатесом, поэтому при сравнении с ним актуализируются вкусовые качества: консервы такие же вкусные, как коровий язык.

В большинстве случаев параметр носит недифференцированный характер, что затрудняет его однозначную реконструкцию. Во многих случаях предметный или событийный характер сравнения не очевиден.

(15) *Ай, красавчик-јаражай, тиштери кандый, тиштери кандый, тен койон, ай, красавчик-јаражай!* (Укачин, 1985, с. 120).
ай красавчик-јаражай тиш=тер=и кандый
INTJ красавчик-красавец зуб=PL=POSS.3 какой
тиш=тер=и кандый **тен** койон
зуб=PL=POSS.3 какой **PTCL.COMP** заяц
ай красавчик јаражай
INTJ красавчик красавец
‘Ай, красавчик-красавец, какие зубы, какие зубы, прямо как заяц, ай, красавчик-красавец!’

$$\{\text{зубы (молодого человека)}^{\text{CMPR1}}, [\text{признак}]^{\text{PRM.FUND}}, [\text{острый}]^{\text{PRM.ASP}}\}^{\text{REL1}}$$
$$\approx$$
$$\{(\text{зубы}) \text{ зайца}^{\text{CMPR2}}, [\text{признак}]^{\text{PRM.FUND}}, [\text{острый}]^{\text{PRM.ASP}}]\}^{\text{REL2}}$$

В примере (15) на основании контекста восстанавливается событие: молодой человек грызет морковь так же, как и заяц. Недифференцированность параметра формирует образ целой ситуации, в которой признак «острые, крепкие (зубы)» является основанием для установления причинно-следственных связей: молодой человек быстро грызет твердую морковку именно потому, что у него крепкие острые зубы.

Аналогично в примере (16): недифференцированный параметр сравнения формирует образ девочки, которая движется «быстро», «легко», как бабочка.

(16) *Кызычак тен көбөлөк. Сурт ла* (Укачин, 1985, с. 110).

кызычак	**тен**	көбөлөк	сурт	ла
девочка	**PTCL.COMP**	бабочка	юрк	PTCL

‘Девочка прямо как бабочка. Мигом [очень быстро выбежала из юрты].’

$$\{\text{девочка}^{\text{CMPR1}}, [\text{качество}]^{\text{PRM.FUND}}, [\text{быстрый, легкий}]^{\text{PRM.ASP}}\}^{\text{REL1}}$$
$$\approx$$
$$\{\text{бабочка}^{\text{CMPR2}}, [\text{качество}]^{\text{PRM.FUND}}, [\text{быстрый, легкий}]^{\text{PRM.ASP}}\}^{\text{REL2}}$$

Частица *чек*, кроме симилятивных предметных сравнений может выражать и событийные сравнения. Ср. примеры (17) и (18): в примере (17) первый компарат опущен, но из контекста известно, что речь идет о мужчинах, которые радуются, когда их хвалят. Параметр сравнения не выражен, но восстанавливается по контексту: мужчины ведут себя как маленькие дети. В примере (18) оба компарата и параметр представлены эксплицитно:

(17) *Чек оогош балдар* (Маскина, 2020, с. 72).

чек	оогош	балдар
PTCL.COMP	маленький	ребенок=PL

‘Как маленькие дети.’

$$\{(\text{мужчины}); [\text{радуются}]; [\text{как-то}]\}^{\text{REL1}}$$
$$\approx$$
$$\{\text{дети}; [\text{радуются}]; [\text{как-то}]\}^{\text{REL2}}$$

(18) *Мениң өгөөнимди мактап ийзең, чек јаш бала боло берер, сүүнер, үзе немени эдип ийер.*

мениң	өгөөн=им=ди	макта=п		
я.GEN	муж=POSS.1SG=ACC	хвалить=CV		
ий=зе=ең		**чек**	јаш	бала
AUX: посылать=COND=2SG		**PTCL.COMP**	маленький	ребенок
бол=о	бер=ер	сүүн=ер	үзе	
быть=CV	AUX: дать=PrP	радоваться=PrP	все	
эд=ип	ий=ер			
делать=CV	AUX: посылать=PrP			

‘Если похвалить моего мужа, он прям как маленький ребенок, радуется, всю работу быстро делает’.

2.3. Предложения со сравнительным оборотом в позиции сказуемого и эксплицитным основанием параметра в позиции подлежащего

В предложениях, где сравнительный оборот занимает позицию сказуемого, подлежащее может называть основание параметра, это может быть параметрическое имя ‘высота’, ‘глубина’, ‘широта’, ‘размер’. В подобных фразах в подавляющем большинстве употребляются частицы *тен* и *чек*. Оно входит в состав изафетного сочетания, первый компонент которого обозначает предмет сравнения, например:

(19) *Чочко јаандаган. Јааны тен торбок* (Каинчин, 1984, с. 48).

чочко	јаанда=ган	јаан=ы	**тен**
поросенок	подрасти=PP	размер=POSS.3	**PTCL.COMP**
торбок			
бык			

‘Поросенок подрос. Его размер как бык.’

$$\{(\text{поросенок})^{\text{CMPR1}}, \text{размер}^{\text{PRM.FUND}}, [\text{большой}]^{\text{PRM.ASP}}\} \approx \{\text{бык}^{\text{CMPR1}}, [\text{размер}]^{\text{PRM.FUND}}, [\text{большой}]^{\text{PRM.ASP}}\}$$

(20) *Ой, сууныӈ јаандаганын. Тереӈи чек талай.*

ой	суу=ныӈ	јаанда=ган=ы=н	тереӈ=и
INTJ	река=GEN	подрасти=PP=POSS.3=ACC	глубина=POSS.3
чек	талай		
PTCL.COMP	море		

‘Ой, как же река поднялась. Глубина как море’

В примерах первый компарат ситуативно отсутствует, чтобы не повторять то же самое слово, которое представлено в ближайшем контексте. На него указывает лично-притяжательный аффикс подлежащего ‘размер’, ‘глубина’, называющего основание параметра. Структура таких предложений имеет вид

$$N_{GEN}{}^{CMPR1}\ N_{NOM.POSS}{}^{PRM.FUND}\ PTCL^{REL.SIM}\ N_{NOM}{}^{CMPR2}$$

Особенностью этой структуры является то, что компарат занимает место определения в изафетном сочетании, тем самым такие конструкции отличаются от всех других синтаксической позицией компарата.

Заключение

Полифункциональные синонимичные частицы *тен*, *торт* и *чек* являются одним из средств выражения симилятивности в предметной сфере. Они сочетаются с именем, называющим второй компарат – эталон сравнения, и указывают на высокую степень сходства сравниваемых предметов, что обусловлено их прототипической семантикой как усилительных частиц.

Аналитические сравнительные конструкции симилятивной семантики строятся в алтайском языке по трем моделям, которые различаются способом заполнения позиций и их эксплицитным или имплицитным выражением. В текстах на алтайском языке параметр сравнения часто остается не выраженным и восстанавливается на основании фоновых знаний носителей языка. Имеются редкие примеры, где основание параметра выражено эксплицитно в позиции подлежащего, а первый компарат занимает место определения в атрибутивной конструкции.

Рассмотренные сравнительные частицы, в отличие от служебных компаративных слов типа *ошкош* ‘подобно’, ‘как’, *чылап* ‘словно’, ‘как’ и др., акцентируют, усиливают сравнительные отношения, они используются как экспрессивное средство с целью придать высказыванию бóльшую образность, эмоциональность и выразительность.

Список условных обозначений и сокращений

= – морфемный шов; **1** – 1-е лицо деятеля (‘я’, ‘мы’); **2** – 2-е лицо деятеля (‘ты’, ‘вы’); **3** – 3-е лицо деятеля (‘он’, ‘она’, ‘оно’, ‘они’); **ABL** – аблатив; **ACC** – аккузатив; **ADJ** – имя прилагательное; **AUX** – вспомогательный глагол; **CMPR1** – первый компарат (предмет сравнения); **CMPR2** – второй компарат (эталон, или стандарт, сравнения); **COMP** – компаративный показатель; **COND** – условное наклонение; **CONJ** – союз; **CV** – деепричастие; **DAT** – датив; **GEN** – генитив; **INFX** – инфикс; **INTJ** – междометие; **LOC** – локатив; **MOD** – модальное слово; **N** – имя существительное; **NEG** – аффикс отрицания; **NOM** – номинатив; **PAST** – форма прошедшего времени; **PL** – множественное число; **POSS** – посессивный (лично-притяжательный) аффикс; **POSSV** – аффикс обладания; **POSTP** – послелог; **PP** – причастная форма прошедшего времени; **PRES** – форма настоящего времени; **PRM.ASP** – аспект параметра; **PRM.FUND** – основание параметра (свойство компарата, на которое направлено внимание, например, «рост», «цвет», «форма» и т. п.); **PrP** – причастие настояще-будущего времени на *=ap*; **PTCL** – частица; **RECIP** – совместно-взаимный залог; **REL** – показатель сравнительных отношений; **REL.SIM** – симилятивное, символически обозначается знаком подобия (≈); **SG** – единственное число; **( )** – круглые скобки символизируют контекстуальную неполноту, них заключаются компоненты, не выраженные в конкретном высказывании, но однозначно восстанавливаемые по контексту; **[ ]** – квадратные скобки символизируют обязательные в смысловом отношении позиции, не представленные эксплицитно, восстановить которые однозначно не представляется возможным, поэтому их значение реконструируется в самом общем виде.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 911 с.

Горбунова В. А. Способы выражения сравнительных отношений неравенства в ульчском и других тунгусо-маньчжурских языках // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52). С. 62–73.

Кошкарева Н. Б, Плотников И. М. Метаязык описания семантики сравнения как языкового знака // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 180–216. DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-180-216

Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н. Компаративные конструкции с семантикой эквивалентности в мансийском языке // Сибирский филологический журнал. 2024. № 3. С. 80–94.

Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н. Адъективные эквативные сравнительные конструкции в хантыйском языке // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 205–219. DOI 10.17223/18137083/91/16

Крюкова Е. А. Сравнительные конструкции в кетском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52). С. 74–81. DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-74-81

Невская И. А. Типологические особенности шорских эквативных и симилятивных конструкций // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 286–299.

Озонова А. А. Способы выражения сравнения в алтайском эпосе (на материале эпоса «Очы-Бала») // Эпосоведение. 2023а. № 3. С. 42–55.

Озонова А. А. Сравнительная полипредикативная конструкция с послелогом *чылап* / *чилеп* ‘как, как будто’ в алтайском языке // Сибирский филологический журнал. 2023б. № 4. С. 260–271.

Озонова А. А., Тыбыкова Л. Н. Сравнительный аффикс *-ДЫй* и модально-сравнительные показатели, образованные на его основе (на материале алтайского языка) // Сибирский филологический журнал. 2024. № 3. С. 29–46.

Скрибник Е. К., Даржаева Н. Б. Бурятские эквативно-симилятивные конструкции со сказуемым *адли* ‘похожий; такой же’ // Сибирский филологический журнал. 2024. № 3. С. 63–79.

Тажибаева С. Ж., Невская И. А., Дыбо А. В. Грамматический статус синтетического показателя сравнения *-ДАй* в казахском языке // Сибирский филологический журнал. 2024. № 3. С. 12–28.

Тазранова А. Р. Семантика именных компаративных конструкций с лексемой *ошкош* ‘как, подобно, похоже’ в алтайском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52). С. 82–97.

Тыбыкова Л. Н. Способы выражения сравнения в алтайском языке // Вопросы алтайского языкознания. Горно-Алтайск, 1988. С. 111–127.

Тыбыкова Л. Н. Сравнительные конструкции алтайского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Алма-Ата, 1989. 17 с.

Тыбыкова А. Т., Черемисина М. И., Тыбыкова Л. Н. Синтаксис осложненного предложения в алтайском языке. 2-е изд. Горно-Алтайск, 2013. 268 с.

Федина Н. Н., Кошкарева Н. Б. Редукция как механизм варьирования сравнительных аналитико-синтетических полипредикативных конструкций с послелогом *шылап* // *щылап* // *щынап* ‘как, как будто’ в чалканском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 2 (Вып. 46). С. 53–64.

Федина Н. Н., Кошкарева Н. Б., Плотников И. М. Сравнительные конструкции с полифункциональной лексемой *уш* ‘как; такой же’ как средство формирования образности в чалканском фольклоре // Эпосоведение. 2023. № 4. С. 62–75.

Черемисина М. И., Шамина Л. А. Выражение сравнения в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1996. Вып. 3. С. 65–84.

Шамина Л. А. Стратегия маркирования компаративной лексики в тувинских текстах // Вестник Тув. гос. ун-та. Вып. 1. Социальные и гуманитарные науки. 2022. № 1 (88). С. 35–46.

Шамина Л. А., Байыр-оол А. В. Модально-компаративные конструкции с семантикой кажимости в тувинском языке // Сибирский филологический журнал. 2024. № 3. С. 47–62.

Шенцова И. В. Семантика и функции шорских маркеров подобия в сфере компаративности // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 192–207.

Список источников

Каинчин Ј. Айлыбыс јаңыс өзөктө. Горно-Алтайск, 1984.

Кокышев Л. Алтайдың кыстары. Горно-Алтайск, 1980. 495 с.

Маскина Ј. Элес јўрўмниң чалузы. Горно-Алтайск, 2020. 396 с.

Укачин Б. Туулар, туулар ла бойы артар. Горно-Алтайск, 1985.

Эл-Алтай. Горно-Алтайск, 2020. 176 с.

References

Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow, LRC Publishing House, 1999, 911 p.

Cheremisina M. I., Shamina L. A. Vyrazhenie sravneniya v tuvinskom yazyke [Comparative constructions of the Russian language]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, Izd. SO RAN, 1996, iss. 3, pp. 65–84.

Fedina N. N., Koshkareva N. B. Reduktsiya kak mekhanizm var'irovaniya sravnitel'nykh analitiko-sinteticheskikh polipredikativnykh konstruktsiy s poslelogom shylap//shchylap//shchynap 'kak, kak budto' v chalkanskom yazyke [Reduction as a mechanism of variation of comparative analytical-synthetic polypredicative constructions with the postposition shylap//shylap//shynap 'as if' in the Chalkan language]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2023, no. 2, iss. 46, pp. 53–64

Fedina N. N., Koshkareva N. B., Plotnikov I. M. Sravnitel'nye konstruktsii s polifunktsional'noy leksemoy ush 'kak; takoy zhe' kak sredstvo formirovaniya obraznosti v chalkanskom fol'klore [Comparative constructions with the multifunctional lexeme *ush* 'as; the same' as a means of forming imagery in Chalkan folklore]. *Epic Studies*. 2023, no. 4, pp. 62–75.

Gorbunova V. A. Sposoby vyrazheniya sravnitel'nykh otnosheniy neravenstva v ul'chskom i drugikh tun-guso-man'chzhurskikh yazykakh [Ways of expressing comparative inequality in the Ulch and other Tungusic languages]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4, iss. 52, pp. 62–73.

Koshkareva N. B., Plotnikov I. M. Metayazyk opisaniya semantiki sravneniya kak yazykovogo znaka [Metalingistic representation of the semantics of comparison as a linguistic sign]. *Kritika i Semiotika* [Critique and Semiotics]. 2023, no. 2, pp. 180–216. DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-180-216.

Koshkareva N. B., Solovar V. N. Ad"ektivnye ekvativnye sravnitel'nye konstruktsii v khantyyskom yazyke [Adjectival equative comparative constructions in the Khanty language]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2025, no. 2, pp. 205–219. DOI 10.17223/18137083/91/16

Koshkareva N. B., Solovar V. N. Komparativnye konstruktsii s semantikoi ekvivalentnosti v mansiiskom yazyke [Comparative constructions with the semantics of equivalence in the Mansi language]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2024, no. 3, pp. 80–94.

Kryukova E. A. Sravnitel'nye konstruktsii v ketskom yazyke [Comparative constructions in the Ket language]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4, iss. 52, pp. 74–81. DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-74-81

Nevskaya I. A. Tipologicheskie osobennosti shorskikh ekvativnykh i similyativnykh konstruktsiy [Typological features of Shor equative and similative constructions]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2022, no. 4, pp. 286–299.

Ozonova A. A. Sposoby vyrazheniya sravneniya v altayskom epose (na materiale eposa "Ochy-Bala") [Ways of expressing comparison in the Altai epic (based on the material of the epic "Ochy-Bala")]. *Epic Studies*. 2023, no. 3, pp. 42–55.

Ozonova A. A. Sravnitel'naya polipredikativnaya konstruktsiya s poslelogom chylap/chilep 'kak, kak budto' v altayskom yazyke [Comparative polypredicative

construction with the postposition chylap/chilep ‘as if’ in the Altai language]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2023, no. 4, pp. 260–271.

Ozonova A. A., Tybykova L. N. Sravnitel’nyy affiks -DYy i modal’no-sravnitel’nye pokazateli, obrazovannye na ego osnove (na materiale altayskogo yazyka) [Comparative affix -DYy and modal-comparative markers derived from this affix (a case study of the Altai language)]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2024, no. 3, pp. 29–46.

Shamina L. A., Bayyr-ool A. V. Modal’no-komparativnye konstruktsii s semantikoy kazhimosti v tuvinskom yazyke [Modal-comparative constructions with the semantics of seemingness in the Tuvan language]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2024, no. 3, pp. 47–62.

Shamina L. A. Strategiya markirovaniya komparativnoy leksiki v tuvinskikh tekstakh [The strategy of marking comparative vocabulary in Tuvan texts]. *Vestnik of Tuvan State University. Issue 1. Social sciences and humanities*. 2022, no. 1 (88), pp. 35–46.

Shentsova I. V. Semantika i funktsii shorskikh markerov podobiya v sfere komparativnosti [Semantics and functions of Shore similarity markers in the field of comparativity]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2024, no. 1, pp. 192–207.

Skribnik E. K., Darzhaeva N. B. Buryatskie ekvativno-similyativnye konstruktsii so skazuemym adli ‘pokhozhii; takoi zhe’ [Buryat equative-similative constructions with the predicate adli (similar; the same as)]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2024, no. 3, pp. 63–79.

Tazhibaeva S. Zh., Nevskaya I. A., Dybo A. V. Grammaticheskiy status sinteticheskogo pokazatelya sravneniya -DAy v kazakhskom yazyke [The grammatical status of the synthetic marker of comparison -DAy in the Kazakh language]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2024, no. 3, pp. 12–28.

Tazranova A. R. Semantika imennykh komparativnykh konstruktsii s leksemoi oshkosh ‘kak, takoi zhe, podobnyi’ v altaiskom yazyke [Semantics of nominal comparative constructions with the lexeme oshkosh (like, same, similar) in the Altai language]. *Yazyki i Fol’klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4, iss. 52, pp. 82–97.

Tybykova A. T., Cheremisina M. I., Tybykova L. N. *Sintaksis oslozhnennogo predlozheniya v altayskom yazyke* [The syntax of a complicated sentence in the Altai language]. Gorno-Altaysk, 2013, 268 p.

Tybykova L. N. Sposoby vyrazheniya sravneniya v altayskom yazyke [Ways of expressing comparison in the Altai language]. In: *Voprosy altayskogo yazykoznaniya* [Issues of Altai Linguistics]. Gorno-Altaisk, 1988, pp. 111–127.

Tybykova L. N. *Sravnitel’nye konstruktsii altayskogo yazyka* [Comparative constructions of the Altai language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Alma-Ata, 1989, 17 p.

List of sources

El-Altay. Gorno-Altaysk, 2020, 176 p.

Kokyshev L. *Altaydyŋ kystary*. Gorno-Altaysk, 1980, 494 p.

Maskina D’. *Eles d’ürümniŋ chaluzy*. Gorno-Altaysk, 2020, 396 p.

Kainchin J. *Ailybys jaŋys ozokto.* Gorno-Altaysk, 1984.

Ukachin B. *Tuular, tuular la boiy artar*. Gorno-Altaysk, 1985.

Информация об авторе

Алена Робертовна Тазранова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Alena R. Tazranova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of the Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 18.08.2025;
одобрена после рецензирования 09.09.2025; *принята к публикации 09.09.2025*
The article was submitted on 18.08.2025;
approved after reviewing on 09.09.2025; *accepted for publication on 09.09.2025*

Научная статья

УДК 81:572+811.161.1-021.3+ 81-119+81’282
DOI 10.17223/18137083/93/15

Русский юридический текст в парадигме «новой вариантологии»

Николай Данилович Голев [1]
Виктория Сергеевна Мельникова [2]
Галина Викторовна Напреенко [3]

[1–3] Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия

[1] ngolevd@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0559-3007
[2] melnikovavika2017@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2480-1967
[3] galina_napreenko@mail.ru, http://orcid.org/0000-0002-9378-6633

Аннотация

Цель исследования – анализ особенностей русского юридического текста в контексте «новой вариантологии» на примере статей 6.1 и 7 Закона № 119-ОЗ от 26 ноября 2008 г. «О межбюджетных отношениях в Кемеровской области». Исследование посвящено выявлению закономерностей, возникающих вследствие сложности текстов законов. Рассмотрены ключевые аспекты применения новых методологических подходов к изучению юридических текстов. Экспериментально-теоретическое исследование русского юридического текста предполагает применение искусственного интеллекта для создания вторичных текстов с последующим выявлением и описанием деривационных процессов такого текстопорождения, а также выявлением особенностей языковой вариативности в нормативных актах. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые на материале региональных законодательных актов проанализированы механизмы формирования и функционирования языковых вариантов.

Ключевые слова

сложность текста, вариативность, текст закона, вариантология, понятность текста, вторичный текст, обратный машинный перевод, искусственный интеллект, нейросети

Для цитирования

Голев Н. Д., *Мельникова В. С.*, *Напреенко Г. В.* Русский юридический текст в парадигме «новой вариантологии» // Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 201–215. DOI 10.17223/18137083/93/15

© Голев Н. Д., Мельникова В. С., Напреенко Г. В., 2025

The Russian legal text within the “new variantology” paradigm

Nikolai D. Golev [1], **Victoria S. Melnikova** [2], **Galina V. Napreenko** [3]

[1–3] Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation

[1] ngolevd@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0559-3007
[2] melnikovavika2017@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2480-1967
[3] galina_napreenko@mail.ru, http://orcid.org/0000-0002-9378-6633

Abstract

This paper analyzes the features of Russian legal texts within the framework of “new variantology” through an examination of Articles 6.1 and 7 of the Kemerovo Region Law No. 119-OZ “On Interbudgetary Relations” (November 26, 2008). The analysis focuses on the important aspects of implementing new methodological approaches in legal text analysis, as well as on the characteristics of linguistic variation found in normative acts. This study breaks new ground by being the first to examine how different language versions appear and function in legal documents, specifically using regional laws. The findings demonstrate that the “new variantology” approach can facilitate the identification of patterns in using diverse linguistic tools for creating legal norms and elucidate the influence of local factors on regional legal discourse. Additionally, a reverse machine translation technique was used to analyze synchronous variability, thus positioning the investigation within the domain of translation variantology. According to a supplementary survey, legal texts present considerable comprehension challenges for students, whether they specialize in the subject or not. Ultimately, the practical significance of this work lies in its potential to contribute to scholarship on Russian legal texts, to aid in distinguishing between human- and AI-generated texts, and to identify components that affect text complexity.

Keywords

reverse machine translation, text complexity, variability, text of the law, variantology, text comprehensibility

For citation

Golev N. D., Melnikova V. S., Napreenko G. V. The Russian legal text within the “new variantology” paradigm. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*], 2025, no. 4, pp. 201–215. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/93/15

Введение

Вводя в название статьи термин «новая вариантология», авторы имели в виду следующее обстоятельство. В настоящее время в речевой обиход активно входят цифровые и машинные продукты, а в последнее время – продукты искусственного интеллекта. Все эти варианты стали активно конкурировать друг с другом. Такая конкуренция создает не только практические, но и теоретические проблемы. Первые связаны с необходимостью дифференцировать непосредственно созданные человеком и опосредованно компьютерные тексты. Последним посвящена настоящая статья.

Вопрос о расширении границ лингвистической вариантологии поднят в статье [Голев, Ким, 2009] в связи с рассмотрением текста как нового объекта исследования, в отличие от традиционного подхода, где в аспекте вариативности исследовались фонема / звук, лексема / лекса, морфема / морф, предложение / высказывание. Теоретические основания описываемого явления продолжают актуа-

лизироваться в наших работах: «укрупнение» предмета вариантологии (от фонемы до текста) [Голев, 2023]; вариативность текста в аспекте антиномии «тождество – различие» через призму межъязыкового пространства [Голев, Напреенко, 2023]. В настоящей статье рассматриваются процессы порождения вторичных текстов с помощью средств искусственного интеллекта, который предоставляет возможности создания неограниченного количества вариантов исходных текстов (ответы на промпты пользователей всегда различаются), что позволяет говорить о «новой вариативности» в языке в конкретном ее проявлении – вариативности текста через призму искусственного интеллекта. Экспериментально-теоретическое исследование русского юридического текста в контексте «новой вариантологии» является определенным шагом в понимании синхронного состояния и эволюции языка вообще и языка права в частности.

«Новая вариантология» в сфере юрислингвистики предполагает подход к анализу вариативности языка, включающий изучение вариантов одного и того же текста. Такой анализ помимо решения вопросов измерения и оценки качества продуктов законотворческой деятельности и их совершенствования помогает решению теоретических вопросов, в частности позволяет лучше понять механизмы создания и изменения юридических норм, а также оценить влияние социальных, политических и экономических факторов на языковую форму законов.

Наше исследование включено в контекст изучения сложного языка закона. *Проблема сложности правовых текстов существует во всем мире, и сейчас везде уделяется большое внимание стилю изложения правовой информации, ее однозначности и доступности для понимания* (Грамота.ру. 2024).

Целью работы является исследование вариативности русского юридического текста, который рассматривается в статье через призму антиномии «тождество – различие». Предметом исследования выступают варианты, выявляемые на шкалах простоты / сложности, понятности и переводимости. Исследование посвящено выявлению закономерностей, возникающих ввиду сложности текстов законов. Для достижения цели применены методы, каждый из которых решает конкретную задачу, а их совокупность обеспечивает верификацию и уточнение результатов.

«Новая вариантология» рассматривает появление искусственных текстов в вариативном пространстве естественного языка и конкуренцию двух форм бытия языка как объективную данность, которую лингвистическая наука должна принимать и изучать. Настоящая статья находится в этой парадигме. Материалом исследования явились статьи 6.1 и 7 Закона № 119-ОЗ от 26 ноября 2008 г. «О межбюджетных отношениях в Кемеровской области» и их варианты, сгенерированные искусственным интеллектом. При отборе в качестве материала данных статей была использована русскоязычная нейросеть от Сбера – GigaChat [1], промптом для нейросети выступили формулировки: «Назови самый сложный для восприятия и понимания текст закона Кемеровской области – Кузбасса»; «Назови конкретный закон Кемеровской области – Кузбасса в области налогового законодательства, который вызывает трудности в понимании».

Ответ GigaChat: *Одним из примеров сложного закона Кемеровской области-Кузбасса в области налогового законодательства является Закон Кемеровской области № 119-ОЗ от 26 ноября 2008 года <…>.*

С целью выявления языковых средств, вызывающих сложности в понимании текста закона, проведено несколько этапов исследования: 1) применение метода

[1] GigaChat//https://giga.chat/ (дата обращения 22.11.2024).

обратного машинного перевода, заключающегося в переводе исходного текста на другой язык, отличный от изначального, а затем обратно на исходный язык; 2) определение уровня сложности текста путем обращения к ресурсам Текстометр [2], Главред [3]; 3) упрощение / усложнение исходных текстов нейросетью [4]; 4) опрос студентов с целью обнаружения трудностей, возникающих в процессе чтения юридического текста.

На первом этапе применяется цифровое моделирование, за которым следует этап ручного анализа. Необходимо подчеркнуть, что с точки зрения гносеологии первый этап подразумевает использование автоматизированных средств работы с текстом. Следует учитывать, что с исторической и онтологической точек зрения ручной анализ традиционно предшествует цифровому этапу. В рамках нашего исследования на втором этапе осуществляется процедура верификации результатов.

Постановка теоретической проблемы

Проблемы юридической определенности, сложности юридического текста, его избыточности освещена в работах [Голев, 2021; Мельникова, 2021; Иркова, 2021]. Л. Г. Ким [2022] исследовала вопросы интерпретации законов обычными гражданами и специалистами-юристами. Работа В. И. Поповской [2019] затрагивает вопросы ясности правовых норм и проблему интерпретации юридического текста. Авторы статьи «Простой язык права. Постановка проблемы, общие подходы и современные тенденции» исследовали проблему доступности и понятности юридических документов с точки зрения современных реалий [Гриценко, Антонов, 2022].

Под сложностью юридического текста лингвистами понимается совокупность характеристик, делающих его трудным для восприятия, понимания и применения. Сложность юридического текста, возникающая при его чтении и понимании, обусловлена целым рядом факторов, начиная от терминологии и заканчивая особенностями стиля и культуры права.

Понятность юридического текста означает способность такого текста быть легко воспринимаемым и понимаемым аудиторией, включая как профессионалов в сфере права, так и обычных граждан. Понятность юридического текста важна для обеспечения справедливого и эффективного функционирования правовой системы, поскольку она позволяет всем участникам процесса, независимо от их профессиональной подготовки, понимать свои права и обязанности.

Простой язык – это стиль общения, ориентированный на учет потребностей аудитории, исключающий ненужные слова и жаргон, технические термины и длинные предложения: «простой язык представляет собой юридически понятное, доступное и удобное в использовании правовое решение» [Там же, с. 4].

Создание вариантов текстов при помощи нейросети обусловливает расширение границ лингвистической вариантологии. Нейросеть позволяет создавать безграничное количество текстов самого разного плана: на определенную тему, в соответствии с каким-либо функциональным стилем, жанром и т. п. Сам способ

[2] Текстометр. Анализ сложности текста. URL: https://textometr.ru/ (дата обращения 10.12.2024).

[3] Главред. URL: https://glvrd.ru/ (дата обращения 10.12.2024).

[4] GigaChat. URL: https://giga.chat/ (дата обращения 22.11.2024).

создания текста (на линии оппозиции «естественный – искусственный» занимает позицию искусственного) и результаты такого текстопорождения включаются в парадигму лингвистической вариантологии, что позволяет рассмотреть исходный текст в аспекте его деривационного потенциала и вторичный текст как реализацию этого потенциала, практически ничем не ограниченного в пространстве искусственного интеллекта. Рассмотрение текста в зеркале его вариативности как объекта вариантологии заявлено в наших статьях [Голев, Ким, 2009; Голев, 2023; Голев, Напреенко, 2023]. В статье [Голев, Ким, 2009] в пространстве лингвистической вариантологии исследуется текст в аспекте его вариативно-интерпретационного функционирования в речевой деятельности реципиента. Л. Г. Ким вводит новый предмет изучения в вариантологию – интерпретационную вариативность текста, что предопределяет расширение горизонтов вариантологии. В дальнейшем эта концепция разрабатывалась в работах Т. Г. Рабенко, в которых рассматривалось вариативное функционирование речевого жанра (см. [Рабенко, 2017; Рабенко, Лебедева, 2018] и др.). Н. В. Мельник [2010] рассматривает вариативность реализации деривационного потенциала текста.

Новым предметом функционирования текста в вариантологической парадигме становится его цифровой характер, факт создания не естественным, а искусственным интеллектом, что формирует оппозицию «естественное – искусственное», а также обусловливает выявление и описание тождества и различия между ними.

Обсуждение и результаты
«Цифровой» вариант интерпретации юридического текста

На первом этапе создан «цифровой» вариант юридического текста статьи 6-1 (Дифференцированные нормативы отчислений в местные бюджеты от акцизов на автомобильный и прямогонный бензин, дизельное топливо, моторные масла для дизельных и (или) карбюраторных (инжекторных) двигателей, производимые на территории Российской Федерации) посредством обращения к методу обратного машинного перевода (далее – ОМП). ОМП как метод позволяет проверить понимание текста, передачу изначального смысла; с помощью данного метода можно изучать лексику и грамматику, производить анализ ошибок и неточностей в понимании; анализировать текст, интерпретировать его содержание и принимать решение о выборе эквивалентных и адекватных слов и конструкций [Голев, Мельникова, 2020]. В рамках данной исследовательской парадигмы переводящий язык рассматривается как инструмент, который является не объектом изучения, а средством разработки и валидации методического аппарата. Выбор немецкого языка в качестве лингвистического посредника обусловлен не его специфическими лингвистическими характеристиками, а функциональной ролью в эксперименте. С методологической точки зрения принципиальная вариативность языкового материала (будь то немецкий, английский, китайский или польский) подтверждает универсальность предлагаемого подхода. Ключевым аспектом является не конкретный язык, а процедура перевода и ОМП как механизм верификации, направленный на выявление сложностей в исследуемом тексте.

Исходный текст имеет более сложную структуру предложений, а в варианте ОМП заметно ее упрощение. Например, фраза «Дифференцированные нормативы отчислений <…>» заменена на «Региональным законом установлены дифференцированные нормы отчисления». Выявлено упрощение терминологии: в оригинальном тексте используется слово «нормативы», которое является юридически

точным термином, обозначающим установленные правила или стандарты. В ОМП это слово заменено на «нормы», которое может быть менее точным в контексте юридических документов. Исходный текст закона содержит сложные конструкции с использованием причастий («устанавливаемые законом»; «производимые на территории Российской Федерации»), а обратное переведенное предложение разбивает эти длинные конструкции на более простые части, делая их менее официальными и сложными для восприятия. Фраза «исходя из зачисления в местные бюджеты 10 процентов налоговых доходов...» в ОМП становится «на основе бюджетного трансферта… отчисления 10 процентов...». В исходном тексте указано, что речь идет о налогах на определенные виды топлива и масел, производимых на территории РФ. В ОМП эта информация передана менее точно: вместо «производимые на территории Российской Федерации» использовано «произведенных на территории Российской Федерации» – это изменение грамматики может создать двусмысленность относительно того, где именно производится продукция. В исходном тексте говорится о «законе об областном бюджете», который устанавливает нормативы, а в ОМП используется выражение «региональным законом». Вместо «зачисление в местные бюджеты» в ОМП получено «на основе бюджетного трансферта», что изменяет смысл, в результате чего читатель может быть введен в заблуждение относительно источника этих средств.

Тексты могут быть сложными в силу разных факторов: смысла текста, его структуры, языковых особенностей и необходимости специальных знаний. Обращение к ресурсу «Текстометр» позволяет установить уровень сложности текста, рассчитать индексы удобочитаемости, коэффициент лексического разнообразия текста. Согласно результатам анализа статья 6-1 Закона № 119-ОЗ является «сложной даже для носителя». Онлайн-ресурс выделяет редкие слова в тексте, которые можно интерпретировать как потенциально сложные для читателя: *инжекторный*, *акциз*, *протяженность*, *зачисление*, *карбюраторный*, *консолидированный*, *кемеровский*, *моторный*.

Ресурс «Главред» создан для улучшения текста, помогает находить в тексте штампы, языковой мусор, канцелярит с целью создания более понятного, короткого и информативного текста. При оценке чистоты текста выделяет канцеляризмы («Российская Федерация», «пользования»), корпоративные штампы (словосочетания с предлогом от), отглагольные слова («производимые»), которые предлагает заменить на глаголы. Ресурс не учитывает значения слов. Так, оценка слова «настоящий» в словосочетании «к настоящему Закону» характеризуется как «необъективная оценка»: «Читателю хотелось бы увидеть доказательства: фактами, примерами или иллюстрациями». В качестве иллюстрации приводится пример: «Нет – Это очень влиятельный человек», «Да – Он дружил с прокурорами, сенаторами, промышленниками и бандитами». При оценке читаемости ресурс выделил следующие «основные проблемы»: синтаксис, однородные члены («прямогонный бензин, дизельное топливо, моторные масла» – Цепочка слов в общем падеже – Перечитайте вслух. Если это близкие по смыслу однородные члены, оставьте один из них. Если просто так совпало, попробуйте упростить»), скобки («и (или) карбюраторных (инжекторных) двигателей»), страдательный залог («производимые», «дифференцированных»), деепричастие («исходя», рекомендация – заменить на глагол).

Таким образом, обратное машинное переводческое вмешательство привело к упрощению текста, потере юридической точности и к возможной двусмысленности в некоторых местах.

Посредством обращения к методу ОМП также создан «цифровой» вариант юридического текста – статьи 7 Закона № 119-ОЗ. Обнаружены следующие трансформации: замена терминов «дотации», «субсидии», «субвенции» на общее «субсидия» (потеря различий между видами трансфертов и унификация терминов), нарушение целостности списка (пропуски пунктов исходного текста), изменение формулировок (например, «в бюджеты» вместо «бюджетов») – снижение точности.

Итак, ОМП привел к ряду изменений, среди которых наиболее значимыми являются упрощение терминологии, потеря различия между формами межбюджетных трансфертов, нарушение целостности списка и несогласованность использования терминов, что снижает точность юридического текста.

Ресурс «Текстометр» выделяет следующие редкие слова в тексте статьи 7 Закона № 119-ОЗ: *межбюджетный трансферт*, *внебюджетный*, *субвенция*, *субсидия*, *дотация*. Ресурс «Главред» к основным сложностям текста относит канцеляризм («Российская Федерация»), фичеризм (слово «системы» – «Если описываете новые возможности продукта, описывайте их в мире клиента»).

Таким образом, с помощью метода ОМП можно анализировать текст с целью выявления точек напряженности в процессе его понимания.

Опрос студентов: естественный вариант интерпретации юридического текста

Для обоснования специфичности интерпретационной деятельности искусственного интеллекта проведен опрос студентов с целью выявления понимания ими, что такое сложный текст, какими параметрами такой текст обладает, а также являются ли тексты закона сложными для них. Были опрошены 1) студенты, получающие профильное юридическое образование, 2) студенты, не получающие профильное юридическое образование (лингвисты, медики, психологи). Студентам необходимо было прочитать тексты закона и ответить на вопросы:

1) На Ваш взгляд, данный текст сложный для понимания или нет?
2) Если текст закона для Вас сложный, то напишите почему.
3) Напишите конкретные слова, конструкции, вызывающие сложности в понимании.
4) Напишите, какие трудности возникли у вас в процессе чтения этого текста.
5) Как Вы понимаете, что текст является сложным / что такое сложный текст в вашем понимании?

Опрошено 78 студентов юридического института. Распределение ответов на первый вопрос представлено в табл. 1.

При ответе на вопрос, что такое сложный текст, студенты выделяют следующие его особенности: наличие терминов («много юридических и сложных терминов, которые являются сложными для понимания обычного гражданина» [5], «текст представляет собой сборник узконаправленных и профессиональных терминов»), наличие сложных и непонятных для читателей слов («текст, в котором очень много новых и непонятных слов и конструкций», «это текст, который сложно прочитать, и написано непонятными словами»), сложные конструкции («в тексте большое количество терминов и сложных предложений», «в тексте используются

[5] Приводятся некоторые ответы студентов из опросов.

деления на пункты, подпункты. Без специальных знаний понимание затруднено», «отсутствие связей в тексте»). Подчеркивается сложность понимания текста при первом прочтении, необходимость перечитывать и вникать в содержание текста («является сложным, если приходится перечитывать на второй раз»), зависимость определения текста как сложного от субъективных знаний, субъективного понимания опрашиваемого («если не понимаю смысл текста, то он для меня сложный, часто это не зависит от присутствия сложных конструкций»).

Слова, вызывающие сложности в понимании: субвенции (в 48 ответах), дифференцированные (43), консолидированного бюджета (30), прямогонный (17), дотации (29), трансферты (28), субсидий (15), карбюраторный (3), акцизов (3), 10 процентов налоговых доходов (1).

На вопрос «какие трудности возникли в процессе чтения текста» получены следующие ответы: непонимание некоторых слов; трудность в общем понимании текста из-за незнания понятий конкретных слов; текст очень нудный, его неинтересно читать; много сложных конструкций, длинных предложений; трудности возникли в связи с тем, что не изучала данную тему.

В некоторых ответах отмечается, что текст не является сложным, однако дается указание на его потенциальную сложность для людей, не связанных с юриспруденцией, например: «для большинства, как мне кажется, будут сложными такие конструкции, как “дифференцированные нормативы отчислений”, “консолидированный бюджет”», «текст содержит слова, не понятные простому человеку».

Опрошено 73 студента, будущая профессиональная деятельность которых не связана с юриспруденцией (см. табл. 1).

При ответе на вопрос, что такое сложный текст, студенты, не получающие профильное юридическое образование, отмечают такие же трудности, что и в опросе, представленном выше: наличие терминов, сложных слов, сложных конструкций, трудность понимания текста при первом прочтении. Отмечается необходимость дополнительной подготовки для адекватного понимания подобных текстов: «его (текст) нельзя понять без предварительной подготовки, его не может понять любой человек».

Таблица 1

Ответы студентов на вопрос, являются ли тексты статей 6-1 и 7 Закона № 119-ОЗ сложными для понимания

Table 1

Students’ responses on the comprehensibility of the texts from Article 6.1 and Article 7 of Law No. 119-OZ

Институт	Текст 1		Текст 2	
	да	нет	да	нет
Юридический	30 (38,4 %)	48 (61,5 %)	40 (51,2 %)	38 (48,7 %)
Неюридический	53	20	41	32

Слова, вызывающие сложности в понимании опрошенных: консолидированного бюджета (в 25 ответах), субвенции (23), дифференцированные нормативы (21), межбюджетные трансферты (17), прямогонный (10), акцизов (9), карбюраторный

(9), субсидий (4), «все» (3), дотации (3), дизельных и карбюраторных (инжекторных) двигателей (2), трансфертов бюджетам, бюджетной системы (1), инжекторные (1).

На вопрос, какие трудности возникли в процессе чтения текста, получены следующие ответы: «в потоке речи очень тяжело воспринимать текст, так как не связан с моей профессиональной деятельностью», «рядом несколько однокоренных слов», «не понятен смысл юридических слов», «текст распадается на отдельные слова, не складывается в целое». Подчеркивается жанровое и стилевое своеобразие текстов статей законов: «статьи довольно своеобразно пишутся, поэтому довольно сложно понять его суть», «сухой бюрократический язык затрудняет понимание прочитанного».

Вариативность текста закона

В качестве эксперимента мы обратились к нейросети с целью создания вариантов анализируемых текстов закона и последующего выявления и описания деривационных процессов в полученных вторичных текстах. Промпт для создания вторичных текстов: «Сделай сложнее следующий текст закона <текст закона>»; «Сделай проще следующий текст закона <текст закона>». Таким образом, по исходным текстам статей было получено по два варианта текстов: один вариант сложнее исходного, второй – проще.

На первый взгляд создание текста сложнее / проще исходного варианта соответствуют деривационным процессам усложнения / упрощения на всех уровнях текста в семантическом, формальном и функциональном планах. Однако были выявлены немногочисленные случаи усложнения во вторичном варианте, являющемся более простым по сравнению с начальным вариантом текста закона.

Полученные варианты имеют количественные изменения относительно исходных текстов (ИТ), что обусловлено качественными деривационными процессами. Вторичные тексты (Т2), которые стали сложнее, увеличились в объеме; тексты, которые стали проще, уменьшились (табл. 2).

Таблица 2

Количество словоупотреблений в исходном и вторичных текстах

Table 2

Word frequency in source and secondary texts

	Статья 6-1			Статья 7		
	ИТ	Т2		ИТ	Т2	
		сложнее	проще		сложнее	проще
Число слов	96	103	52	51	125	42

Выявлены следующие деривационные процессы качественного характера. Во вторичном тексте сохраняются лексические единицы ИТ, несущие основную смысловую нагрузку: например, *субсидии местным бюджетам*, *субвенции местным бюджетам*. Однако далее предложения разворачиваются, усложняются в семантическом (на лексическом, грамматическом уровнях), формальном планах, при этом усложнение лексически не всегда мотивировано исходным текстом, на-

пример: *субвенций местным бюджетам – субвенции местным бюджетам для исполнения делегированных полномочий или реализации отдельных государственных функций*; *субвенций федеральному бюджету – субсидирование федерального бюджета в целях обеспечения сбалансированности его доходной части*; *в соответствии с методикой – в соответствии с методическими рекомендациями, 10 процентов – десятипроцентной доли* и т. п. На уровне предложения усложнение происходит следующим образом: словосочетания, данные в ИТ в перечне, осложняются во вторичном тексте путем появления причастных оборотов, в том числе причастных оборотов как однородных членов предложения; появляются конструкции выражения цели в простых предложениях: ДЛЯ + Р. п. (сущ. со значением конкретного действия), В целях (с целью) + Р. п. сущ. Например: для достижения (конкретных результатов), для исполнения (делегированных полномочий или реализации отдельных государственных функций), для финансирования (мероприятий), в целях (обеспечения сбалансированности его доходной части). Появление конструкций цели не мотивировано исходным текстом. Усложнение, в частности, на грамматическом уровне: *предоставляются – могут быть предоставлены*; *субвенций – субвенционирование*; *субсидий – субсидирование.*

При сохранении базовых семантических компонентов предложения разворачиваются путем вставок слов (*данный*, *в рамках*, *таких* и т. п.), и вместе с тем усложняются и распространяются грамматические конструкции: *в местные бюджеты 10 процентов налоговых доходов консолидированного бюджета Кемеровской области – Кузбасса от указанного налога – в местные бюджеты десятипроцентной доли совокупного объема налоговых поступлений по данному виду налогов, аккумулированных в рамках консолидированного бюджета Кемеровской области – Кузбасса*; *в соответствии с методикой согласно приложению 6 к настоящему Закону – в строгом соответствии с методическими рекомендациями, изложенными в приложении № 6 к действующему законодательному акту* и т. п.

В тексте, созданном нейросетью по типу упрощения ИТ, были выявлены следующие деривационные процессы. Упрощение перечня: вместо «п. 6-1» нейросеть указала «п. 7», а пункт 7 исходного текста во вторичном тексте остался без номера.

Замена «*субъектов Российской Федерации*» на «*другим регионам*» соответствует упрощению на лексическом уровне, на синтаксическом уровне – замена управления как вида связи в словосочетании на согласование.

Упрощение на семантическом уровне с утратой части смысла: *субвенций бюджету государственного внебюджетного фонда Российской Федерации – Субвенций государственным фондам* (теряется лексема «внебюджетного» и соответствующий смысл предоставления субвенций бюджету именно внебюджетного фонда).

Предложение сворачивается, устраняются перечисления, дается ссылка на соответствующий документ: *устанавливаются исходя из протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения соответствующих муниципальных образований, органы местного самоуправления которых решают вопросы местного значения в сфере дорожной деятельности, в соответствии с методикой согласно приложению 6 к настоящему Закону – рассчитывается по специальной методике, описанной в приложении 6 к этому закону*.

В «упрощенном» тексте наблюдаются не только упрощения, предполагаемые на первый взгляд, но и усложнения, в частности, на грамматическом уровне: *пре-*

доставляются – могут предоставляться (для сравнения, в «усложненном» тексте также происходит усложнение на «*могут быть предоставлены*»).

Заключение

Настоящее исследование вводит в сферу лингвистической вариантологии продукты искусственного интеллекта, благодаря которым появилась возможность создания самых разнообразных вариантов исходного текста. При этом вторичный текст, создаваемый нейросетью, является порождением таких же деривационных процессов, которые наблюдаются при создании вторичных текстов человеком. К таковым относятся процессы усложнения и упрощения на семантическом, формальном и функциональном уровнях. В качестве эксперимента с помощью нейросети созданы варианты текстов, сложнее и проще исходных русских юридических текстов, порождение которых коррелирует с процессами усложнения и упрощения на разных уровнях.

В рамках исследования языковых особенностей русских юридических текстов применялась комплексная методология, направленная на выявление средств, затрудняющих понимание законов. Основные методы включали метод обратного машинного перевода для обнаружения семантических и синтаксических искажений, автоматизированный анализ с помощью инструментов «Текстометр» и «Главред» для оценки лексико-синтаксической сложности, генерация вторичных текстов, социолингвистический опрос студентов, позволивший учесть субъективный фактор в восприятии текста. Результаты опроса показали, что юридический текст является сложным как для студентов, получающих профильное образование, так и для студентов, чья деятельность не связана с юриспруденцией. Сочетание описываемых методов эффективно выявляет системные сложности юридического языка, подтверждая наличие проблемных зон на разных уровнях. Такой подход соответствует принципам «новой вариантологии», акцентирующей внимание на вариативности текста и вариативности интерпретаций текста.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в развитии научного знания о русском юридическом тексте, в идентификации текстов, написанных человеком и нейросетью, выявлении компонентов, усложняющих текст. Дальнейшее исследование заявленной проблематики имеет широкий спектр возможностей и может внести значительный вклад в развитие юрислингвистики, вариантологии и дериватологии.

Список литературы

Голев Н. Д. Сложность vs доступность и понятность языка закона как теоретическая и экспертная проблема // Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах: Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 18 мая 2021 г.). СПб.: Первый класс, 2021. С. 160–176.

Голев Н. Д. Макромоделирование языковой вариативности: к расширению границ лингвистической вариантологии (аспектуализированный обзор работ российских лингвистов) // Научный диалог. 2023. № 12 (8). С. 86–125.

Голев Н. Д., Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста (к вопросу о расширении границ лингвистической вариантологии) // Вестник ЧелГУ. 2009. № 27. С. 12–20.

Голев Н. Д., Мельникова В. С. Обратный машинный перевод на службе юридической лингвистики // Инновационные, информационные и коммуникационные

технологии: Сб. тр. XVII Междунар. науч.-практ. конф. (Сочи, 01–10 октября 2020 г.). М., 2020. С. 8–11.

Голев Н. Д., Напреенко Г. В. Переводимость и вариативность текста в аспекте антиномии «тождество – различие» // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 299–311. DOI 10.17223/18137083/85/22

Гриценко А. С., Антонов А. В. Простой язык права. Постановка проблемы, общие подходы и современные тенденции // Журнал Белорус. гос. ун-та. Право. 2022. № 1. С. 3–15.

Иркова А. В. Типология юридических терминов в аспекте сложности языка // Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах: Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 18 мая 2021 г.). СПб.: Первый класс, 2021. С. 187–200.

Ким Л. Г. Объективные и субъективные факторы вариативности интерпретаций текста закона в специальной юридической литературе и в обыденном сознании носителей языка // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 298–311.

Мельник Н. В. Деривационное функционирование текста: лингвоцентрический и персоноцентрический аспекты. Кемерово, 2010. 211 с.

Мельникова В. С. Измерение степени сложности текста закона с помощью компьютерных программ: к постановке проблемы // Филология, иностранные языки и медиакоммуникации. 2021. Вып. 22. С. 31–33.

Поповская В. И. Интерпретация юридического текста: к постановке проблемы // Актуальные вопросы речевого взаимодействия: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. юбилею профессора Л. А. Месеняшиной (Челябинск, 24 октября 2019 г.). Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2019. С. 177–184.

Рабенко Т. Г. Речевой жанр с позиций лингвистической вариантологии (на материале речевого жанра «Личное письмо») // Научный диалог. 2017. № 12. С. 189–199.

Рабенко Т. Г., Лебедева Н. Б. Речевой жанр в фокусе вариантологической модели языка (на материале речевого жанра «личная записка») // Культура и текст. 2018. № 1 (32). С. 144–152.

Список источников

Главред. URL: https://glvrd.ru/ (дата обращения 10.12.2024).

Как современные технологии помогают оценить сложность текста. URL: https://gramota.ru/journal/stati/tekhnologii/kak-sovremennye-tekhnologii-pomogayut-otsenit-slozhnost-teksta (дата обращения 15.12.2024).

Текстометр. Анализ сложности текста. URL: https://textometr.ru/ (дата обращения 10.12.2024).

Google-переводчик. URL: https://translate.google.ru (дата обращения 10.12.2024).

GigaChat. URL: https://giga.chat/ (дата обращения 22.11.2024).

References

Golev N. D., Kim L. G. Variativno-interpretatsionnoe funktsionirovanie teksta (k voprosu o rasshirenii granits lingvisticheskoy variantologii) [Variational-interpretative functioning of the text (on the issue of expanding the boundaries of linguistic variantology)]. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2009, no. 27, pp. 12–20.

Golev N. D. Makromodelirovanie yazykovoy variativnosti: k rasshireniyu granits lingvisticheskoy variantologii (aspektualizirovannyy obzor rabot rossiyskikh lingvistov) [Macromodeling of linguistic variability: towards expanding the boundaries of linguistic variantology (an aspectualized review of the works of Russian linguists)]. *Nauchnyi dialog (Scientific Dialogue).* 2023, no. 12 (8), pp. 86–125.

Golev N. D., Mel'nikova V. S. Obratnyy mashinnyy perevod na sluzhbe yuridicheskoy lingvistiki [Reverse machine translation in the service of legal linguistics]. In: *Innovatsionnye, informatsionnye i kommunikatsionnye tekhnologii: Sb. tr. XVII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Sochi, 01–10 oktyabrya 2020 g.)* [Innovation, information, and communication technologies: Proceedings of the XVII International Scientific and Practical Conf. (Sochi, October 1–10, 2020)]. Moscow, 2020, pp. 8–11.

Golev N. D., Napreenko G. V. Perevodimost' i variativnost' teksta v aspekte antinomii "tozhdestvo – razlichie" [Translatability and text variability in the aspect of the "identity–difference" antinomy]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2023, no. 4, pp. 299–311. DOI 10.17223/18137083/85/22

Golev N. D. Slozhnost' vs dostupnost' i ponyatnost' yazyka zakona kak teoreticheskaya i ekspertnaya problema [Complexity vs. accessibility and comprehensibility of the language of law as a theoretical and expert problem]. In: *Voprosy russkogo yazyka v yuridicheskikh delakh i protsedurakh: Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Sankt-Peterburg, 18 maya 2021 g.)* [Issues of the Russian language in legal matters and procedures: International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, May 18, 2021)]. St. Petersburg, Pervyy klass, 2021, pp. 160–176.

Gritsenko A. S., Antonov A. V. Prostoy yazyk prava. Postanovka problemy, obshchie podkhody i sovremennye tendentsii [The simple language of law. Statement of the problem, general approaches, and current trends]. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2022, no. 1, pp. 3–15.

Irkova A. V. Tipologiya yuridicheskikh terminov v aspekte slozhnosti yazyka [Typology of legal terms in terms of language complexity]. In: *Voprosy russkogo yazyka v yuridicheskikh delakh i protsedurakh: Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Sankt-Peterburg, 18 maya 2021 g.)* [Issues of the Russian language in legal matters and procedures: International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, May 18, 2021)]. St. Petersburg, Pervyy klass, 2021, pp. 187–200.

Kim L. G. Ob"ektivnye i sub"ektivnye faktory variativnosti interpretatsiy teksta zakona v spetsial'noy yuridicheskoy literature i v obydennom soznanii nositeley yazyka [Objective and subjective factors for variability in interpreting the law text in specialized legal literature and in everyday consciousness of language speakers]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2022, no. 2, pp. 298–311.

Mel'nikova V. S. Izmerenie stepeni slozhnosti teksta zakona s pomoshch'yu komp'yuternykh programm: k postanovke problemy [Measuring the complexity of legal texts using computer programs: toward a problem statement]. In: *Filologiya, inostrannye yazyki i mediakommunikatsii. Materialy simpoziuma v ramkakh XVI (XLVIII) Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh. Tom Vypusk 22. Nauch. redaktor* [Philology, foreign languages, and media communications. Proceedings of the Symposium within the framework of the XVI (XLVIII) International scientific conference of students, postgraduates, and young scientists]. Yu. V. Podkovyrin (Ed.). Kemerovo, 2021, vol. 22, pp. 31–33.

Mel'nik N. V. *Derivatsionnoe funktsionirovanie teksta: lingvotsentricheskiy i personotsentricheskiy aspekty* [Derivational functioning of the text: linguacentric and personacentric aspects]. Kemerovo, 2010, 211 p.

Popovskaya V. I. Interpretatsiya yuridicheskogo teksta: k postanovke problem [Interpretation of a legal text: toward a problem statement]. In: *Aktual'nye voprosy rechevogo vzaimodeystviya: Materialy Vseros. nauch. konf., posvyashch. yubileyu professora L. A. Mesenyashinoy (Chelyabinsk, 24 oktyabrya 2019 g.)* [Current issues of speech interaction: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference dedicated to the anniversary of Professor L. A. Mesenyashina (Chelyabinsk, October 24, 2019)]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University, 2019, pp. 177–184.

Rabenko T. G., Lebedeva N. B. Rechevoy zhanr v fokuse variantologicheskoy modeli yazyka (na materiale rechevogo zhanra "lichnaya zapiska") [Speech Genre in the focus of the variantological model of language (based on the speech genre "personal note")]. *Culture and text*. 2018, no. 1 (32), pp. 144–152.

Rabenko T. G. Rechevoy zhanr s pozitsiy lingvisticheskoy variantologii (na materiale rechevogo zhanra "Lichnoe pis'mo") [Speech genre from the standpoint of linguistic variantology (based on the speech genre "Personal letter")]. *Nauchnyi dialog (Scientific Dialogue)*. 2017, no. 12, pp. 189–199.

List of sources

GigaChat. URL: https://giga.chat/ (accessed 22.11.2024).

Glavred. URL: https://glvrd.ru/ (accessed 10.12.2024).

Google-perevodchik [Google Translate]. URL: https://translate.google.ru (accessed 10.12.2024).

Kak sovremennye tekhnologii pomogayut otsenit' slozhnost' teksta [How modern technologies help assess text complexity]. URL: https://gramota.ru/journal/stati/technologii/kak-sovremennye-tekhnologii-pomogayut-otsenit-slozhnost-teksta (accessed 15.12.2024).

Tekstometr. Analiz slozhnosti teksta [Textometer. Text complexity analysis]. URL: https://textometr.ru/ (accessed 10.12.2024).

Информация об авторах

Николай Данилович Голев, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия)
Scopus Author ID 56642816700
WoS Researcher ID B-6471-2019

Виктория Сергеевна Мельникова, аспирант кафедры русского языка и литературы Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия)
WoS Researcher ID LXU-5011-2024

Галина Викторовна Напреенко, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия)
WoS Researcher ID HKF-7776-2023

Information about the authors

Nikolay D. Golev, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian language and literature at Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)
Scopus Author ID 56642816700
WoS Researcher ID B-6471-2019

Victoria S. Melnikova, postgraduate student of the Department of Russian Language and Literature, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)
WoS Researcher ID LXU-5011-2024

Galina V. Napreenko, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Stylistics and Rhetoric at Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)
WoS Researcher ID HKF-7776-2023

Статья поступила в редакцию 17.01.2025;
одобрена после рецензирования 12.05.2025; *принята к публикации 12.05.2025*
The article was submitted on 17.01.2025;
approved after reviewing on 12.05.2025; *accepted for publication on 12.05.2025*

Научная статья

УДК 811.161.1
DOI 10.17223/18137083/93/16

Разноуровневая репрезентация оценочных признаков концептов в поликодовых текстах

Алина Алексеевна Алексеева

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
alina.alexeeva@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-4913-1506

Аннотация

Рассматривается репрезентация оценочных признаков концептов в поликодовых текстах социальной сети «ВКонтакте», описывающих различные образовательные проекты. Показывается, что из 7 гипотетически возможных комбинаций одно- и разноуровневых способов реализации признаков в реальном материале встречается только 4: (1) только на вербальном, (2) только на параграфическом, (3) на вербальном и параграфическом, (4) на вербальном и иллюстративном. Отношения между вербальным и иконическим элементами данных текстов являются только автосемантическими, причем в качестве облигаторного элемента может выступать не только словесный, но и параграфический элемент. Наибольшая эксплицитность при репрезентации оценочных признаков концептов характерна для вербального и параграфического уровней, наименьшая – для иллюстративного.

Ключевые слова

поликодовый текст, креолизованный текст, концепт, признаки концепта, оценка

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10076, https://rscf.ru/project/23-78-10076/

Для цитирования

Алексеева А. А. Разноуровневая репрезентация оценочных признаков концептов в поликодовых текстах // Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 216–228. DOI 10.17223/18137083/93/16

© Алексеева А. А., 2025

Multilevel representation of axiological attributes of concepts in polycode texts

Alina A. Alekseeva

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
alina.alexeeva@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-4913-1506

Abstract

This paper explores the multilevel representation of appraisal attributes of concepts in polycode texts. The study is based on an analysis of texts dedicated to various educational projects from the social network VKontakte. These texts were found to integrate verbal and visual codes, the latter comprising emoticons, images, and videos. The analysis was conducted on all the codes (excluding video) used for the representation of key concepts. Out of seven hypothetically possible combinations of single-level and multilevel attribute implementations, only four were found in the actual data: (1) verbal level only, (2) paragraphic level only, (3) verbal and paragraphic levels, and (4) verbal and illustrative levels. The findings indicate an exclusively autosemantic relationship between verbal and visual components, with one element being mandatory and the other being optional. In contrast with "classical" polycode texts, the texts under examination demonstrate not only the verbal element but also the paragraphic element serving as a mandatory component. The greatest explicitness in representing the appraisal attributes of key concepts was identified at the verbal and paragraphic levels. Words and phrases were identified that contain appraisal, along with emoticons such as facial expressions, gestures, and other conventional symbols. The illustrative level, represented by drawings and photographs, demonstrates the least explicitness. The sole means of conveying evaluation through illustrative means is to use images as visual metaphors. Images and photographs demonstrated the most implicit form of communication. The only way to reflect appraisal through illustrative means is to use images as visual metaphors.

Keywords

polycode text, creolized text, concept, concept attributes, appraisal

Acknowledgments

The research was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 23-78-10076 (https://rscf.ru/project/23-78-10076/) as a part of the project of Novosibirsk State University "Verbal and Visual Representation of Lingocultural Concept in Polycode Text"

For citation

Alekseeva A. A. Multilevel representation of axiological attributes of concepts in polycode texts. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*], 2025, no. 4, pp. 216–228. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/93/16

Аксиологический вектор современных гуманитарных исследований предполагает изучение репрезентации оценки не только и не столько на словарном материале, сколько в рамках различных дискурсов. Особую актуальность, на наш взгляд, имеет анализ оценочности поликодовых текстов, которые приобретают всё большее распространение, а возможно, даже доминируют количественно над семиотически гомогенными текстами. При этом в настоящее время здесь наблюдается исследовательская лакуна: если вербальная репрезентация оценки в дискурсах разных типов изучена достаточно хорошо, то невербальная экспликация еще не стала объектом лингвистического изучения, как и взаимосвязь разноуров-

невых средств реализации оценки. Цель настоящего исследования – начать заполнение этой лакуны, что определяет его научную новизну.

Рассмотрим прежде всего понятие поликодового текста. Отметим отсутствие исследовательского единодушия в выборе термина, описывающего тексты, включающие в себя помимо вербальных еще и другие компоненты (изображения, параграфические средства, видео, аудио и т. д.): креолизованный, контаминированный, полимодальный, мультимодальный, видеовербальный, семиотически осложненный и т. д. В рамках данного исследования мы используем термин «поликодовый текст», который был введен в лингвистическую практику Г. В. Ейгером и В. Л. Юхтом: к текстам такого типа в широком смысле относятся случаи соединения «естественного языкового кода» и кода другой семиотической системы (например, изображения, музыка) [Ейгер, Юхт, 1974, с. 107].

По мнению Н. С. Валгиной, поликодовый (в ее терминологии – креолизованный) текст по характеру связи вербального и визуального элементов может быть текстом с частичной или полной креолизацией. В первом случае между компонентами устанавливаются автосемантические отношения, предполагающие относительную автономию словесного элемента и отсутствие облигаторности иконического. Во втором случае между элементами наблюдаются синсемантические отношения: вербальный компонент не автономен, а визуальный элемент не факультативен [Валгина, 2003, с. 127]. Мы исследовали наш материал в том числе с этой позиции отношений между вербальным и иконическим элементами.

Материалом данного исследования послужили поликодовые тексты социальной сети «ВКонтакте», описывающие и рекламирующие различные образовательные проекты и отдельных преподавателей. Все выбранные тексты являются поликодовыми – содержат и вербальный, и визуальный код, причем визуальный код представлен как на уровне различных изображений (рисунков, фотографий, видеоряда), так и на параграфическом уровне (с помощью эмотиконов) – он был назван нами иллюстративным.

Методика проведенного исследования предполагала обращение к концепту как ментефакту, т. е. «элементу “содержания” сознания» [Красных, 2002, с. 40], «идеальной сущности, которая формируется в сознании человека, как глобальная мыслительная единица, представляющая квант структурированного знания» [Попова, Стернин, 1999, с. 4]. Ментальная, психическая природа концепта предполагает, что он может быть эксплицирован совершенно разными средствами – не только вербальными, но и визуальными, музыкальными, тактильными и т. д. Однако возможность такой разноуровневой экспликации далеко не всегда предполагает, что она реализуется, особенно когда речь идет не о поликодовых текстах, имеющих художественную ценность (например, о фильмах – об этом см., например, [Капитонов, 2013; Шестакова, 2014; Афонина, 2017; Кузина, Берендеева, 2023] и др.), а о поликодовых текстах другого рода – информационных, рекламных, а также текстах наивного дискурса. Одна из задач данного исследования – выявление и характеристика межуровневых связей при экспликации оценочных признаков концептов.

Более того, в рамках этого исследования мы изучаем репрезентацию не всех признаков концептов, а только оценочных. По словам Р. Р. Даниловой, «познавая мир в практической деятельности, человек не просто отражает явления действительности и их признаки и качества, но одновременно отражает свое отношение к реальной действительности» [Данилова, 2011, с. 138]. В своей работе мы вслед за Н. Д. Арутюновой трактуем оценку как результат сопоставления реальных

свойств оцениваемого объекта с идеализированной моделью мира, соответствие которой связано с понятием хорошего, а несоответствие по какому-либо из присущих ей параметров – с понятием плохого [Арутюнова, 1988, с. 59]. Таким образом, оценка является не простым, «зеркальным» отражением объектов реальной действительности в языке, а результатом нескольких логических операций – сравнения и абстрагирования, что определяет особые черты репрезентации в текстах.

Аксиологические компоненты значений слов в ходе нашей работы выявлялись путем компонентного анализа их значений с опорой на классификацию оценок по их основанию, выработанную нами на основе нескольких существующих типологий (см.: [Арутюнова, 1988; Сердобольская, Толдова, 2005; Фомина, 2007]) с добавлением ряда новых типов оценок и несколько иного принципа классифицирования, что представлено в статье [Алексеева, 2019]. В задачи данной работы не входит составление типологии оценок по их основанию на материале анализируемых поликодовых текстов, однако при необходимости типы оценок будут указываться.

Поскольку в настоящий момент отсутствуют исследования механизмов выражения оценки с помощью параграфических средств (или по крайней мере результаты таких исследований, если они проводились, не опубликованы ни на русском, ни на английском языке), при анализе оценок, выражаемых эмотиконами, мы опирались на словарь Emojiall [1] и энциклопедию Emodjipedia [2], в которых описаны наиболее употребительные значения эмодзи, в том числе аксиологические.

Так как выбранные для анализа тексты были взяты из пабликов образовательных проектов в социальных сетях, которые являются, по сути, рекламными площадками этих проектов, то в данных текстах наблюдается характерное для любого рекламного текста преобладание слов с положительной оценочной семантикой. Разные исследователи рекламного дискурса, в частности Е. А. Важдаева, отмечают, что «лексика с отрицательной оценочной семантикой в общеоценочном или частнооценочном значении применительно к рекламируемому объекту не используется. Такая лексика встречается только при вербализации проблемы, которую предлагается решить с помощью рекламируемого продукта» [Важдаева, 2020, с. 178]. Нами было установлено, что и на параграфическом, и на визуальном уровне также абсолютное большинство единиц выражают положительную оценку.

Рабочей гипотезой исследования послужило предположение о том, что в общем объеме поликодовых текстов будут выявлены все возможные комбинации одно- и разноуровневой реализации оценочных признаков концептов: (1) только на вербальном уровне, (2) только на иллюстративном, (3) только на параграфическом; (4) на вербальном и иллюстративном, (5) на вербальном и параграфическом, (6) на иллюстративном и параграфическом, а также (7) на всех трех уровнях – вербальном, иллюстративном и параграфическом.

В ходе исследования было выяснено, что в случае одноуровневой репрезентации оценочных признаков концептов в качестве средств экспликации выступают либо только вербальные, либо только параграфические средства.

[1] https://www.emojiall.com/ru
[2] https://emojipedia.org/

Так, в тексте [3] на рис. 1 присутствуют лексические единицы, выражающие оценку (они подчеркнуты нами) [4]. Прилагательное *обширный* в словосочетании *обширные каталоги*, слова *большая* и *профессионалы* (*большая команда профессионалов*) являются оценочными признаками концепта *ПОРТАЛ «РЕШУ ЕГЭ»*. Прилагательное *обширный* используется здесь в значении ‘большой по объему, содержанию’ [5] и в данном контексте имеет положительную количественную оценку: «обширные каталоги» портала предполагают, что учащиеся могут найти большое количество тренировочных вариантов, и это является достоинством данного сервиса. Словосочетание «большая команда профессионалов» также содержит слово с положительной количественной оценкой (*большая*), а существительное *профессионал* обладает в данном случае положительной адгерентной (привнесенной контекстом) оценкой. Узуальное значение данного слова не содержит аксиологического компонента (профессионал – ‘тот, кто сделал какое-л. занятие, деятельность своей профессией (БТС, 2000), ‘человек, который в отличие от любителя занимается каким-л. делом как специалист, владеющий профессией’ (БТСРС, 2008)), однако оно приобретает положительную коннотацию в контексте описания портала. По замечанию Н. Д. Арутюновой, «оценка требует определенных прагматических условий, ее стимулирует ситуация альтернативы» [Арутюнова, 1988, с. 55], и в данном случае профессиональные авторы материалов имплицитно противопоставляются людям с неподтвержденными профессиональными компетенциями, которые также нередко публикуют в интернете материалы для подготовки к ЕГЭ.

Рис. 1. Пример экспликации оценочных признаков концепта только на вербальном уровне

Fig. 1. Example of axiological attributes of a concept represented only verbally

[3] Все примеры приведены с сохранением авторской орфографии, пунктуации, стилистики. Некоторые цветные эмотиконы заменены на аналогичные черно-белые.

[4] https://vk.com/reshuege

Параграфических элементов данный текст не содержит, а имеющаяся фотография эксплицирует другой признак этого концепта – «день рождения» описываемого портала.

Рассмотрим другой пример: «Представьте сколько инстанций нужно пройти, и сколько требований соблюсти, чтобы быть уверенным, что дети находятся в *безопасной* среде 👶👧» [6]. В данном фрагменте содержатся вербальные и параграфические средства, однако они репрезентируют разные признаки концепта *ЛИЦЕНЗИЯ*. Прилагательное *безопасный* эксплицирует оценочный признак ‘безопасность’, а словосочетания *сколько инстанций нужно пройти*, *сколько требований соблюсти*, содержащие интенсификатор *сколько*, – отрицательную диффикультарную оценку, т. е. оценку с точки зрения простоты / сложности выполнения какого-либо действия [Алексеева, 2019, с. 10], в данном случае – трудностей в получении лицензии. Использованные иконки, изображающие мальчика и девочку, репрезентируют уже другой признак концепта – ‘детское учреждение’, который оценочным не является.

Подобный пример видим в другом тексте: «❄ *Уникальные*, разработанные специалистами Образовательного проекта “Учишка” нейротетради предназначены для занятий с детьми 4–12 лет» [7]. В данном случае также только вербальное средство (прилагательное *уникальные*) выражает аксиологический признак, тогда как параграфическое средство репрезентирует неоценочный признак ‘новогодняя тематика’ в составе концепта *НЕЙРОТЕТРАДЬ*.

Интересны случаи, когда оценка репрезентирована только на параграфическом уровне. Например, в предложении «В этом году третий тур конкурса и финальный Гала-концерт проходят в сопровождении Академического симфонического оркестра Северо-Кавказской государственной филармонии имени В. И. Сафонова 👏» [8] эмотикон, изображающий аплодисменты, эксплицирует как рукоплескание зрителей во время концерта, так и положительную оценку данного мероприятия в целом или мастерства конкурсантов в частности: согласно словарю Emojiall, данный значок – «это аплодирующие руки. Означает звук аплодисментов, согласие, одобрение или празднование» [9]. На вербальном уровне в данном фрагменте текста оценка не выражается.

В следующем абзаце того же текста видим пример взаимосвязи в экспликации аксиологического признака концепта: «✨ О работе с молодыми талантами рассказала генеральный директор Северо-Кавказской государственной филармонии – заслуженная артистка России Светлана Бережная». Предложение начинается с эмотикона, изображающего звёзды. «Словарь эмодзи» дает следующее объяснение: «Это три искорки или четыре звезды. Представляет чистоту, что-то блестящее и новое» [10]. Исходя из существования вербального воплощения этой иконки (*звезда*, ЛСВ 3 – «тот, кто прославился в какой-либо сфере деятельности, обычно в искусстве, спорте» [БТС, 2000]), мы трактуем его и как экспликацию признака ‘успешность’ в отношении конкурсантов (*молодых талантов*; *талант* – «1. Выдающаяся врождённая способность, особая природная одарённость. 2. Человек с такими способностями, дарованием»), *заслуженной* (*заслужить* – «своей дея-

[6] https://vk.com/baobeinsk
[7] https://vk.com/uchishka_ru
[8] https://vk.com/sirius.talents
[9] https://www.emojiall.com/ru/emoji/%F0%9F%91%8F
[10] https://www.emojiall.com/ru/emoji/%E2%9C%A8

тельностью, действиями, поведением добиться какого-либо отношения; стать достойным чего-либо) артистки Светланы Бережной или всех вместе.

Отметим, что в поликодовых текстах используется довольно ограниченный набор эмотиконов, репрезентирующих оценку. Некоторые из них повторяют жесты одобрения (аплодирующие руки, большой палец, поднятый вверх, показанный пальцами знак OK), а также мимические проявления эмоциональных оценок (улыбающееся, грустное лицо и т. д.), другие являются параграфическим отражением словесных метафор и символов: сердечки различных цветов, огонь, взрыв бомбы, звёзды, лицо со звёздами вместо глаз и т. д.

В нашем материале не было выявлено примеров экспликации оценочных признаков концептов с использованием средств исключительно иллюстративного уровня. Также не были выявлены случаи синтеза иллюстративных и параграфических средств для репрезентации подобных признаков. Изображения используются как подкрепление вербальных средств экспликации.

Иллюстрации различаются по степени имплицитности воплощаемых признаков концепта. Наименее имплицитные изображения предполагают явную параллель между вербальным и невербальным уровнями. Так, рис. 2 сопровождает следующий текст: «Прохождение курса позволит вашему ребенку *без проблем и истерик* освоить базовый материал, который поможет справиться с операциями вычитания и сложения, а также в дальнейшем изучение дробей» (курсив наш. – *А. А.*). Оценочные признаки, вербализованные в выражении *без проблем и истерик*, подкреплены изображением радостных детей. Есть также связь и между разноуровневыми средствами репрезентации неоценочных признаков концепта: идея освоения базового материала по математике – операций сложения и вычитания – передана на иллюстративном уровне расположением детей, взобравшихся на кубики-лесенки, будто преодолевших таким образом ступени образовательного процесса и оказавшихся «на пьедестале почёта». В данном случае межуровневая связь как оценочных, так и неоценочных признаков очевидна – вероятно, в расчете на то, чтобы гарантированно привлечь внимание потенциальных клиентов.

Рис. 2. Пример явного дублирования оценочного признака концепта на вербальном и визуальном уровнях экспликации

Fig. 2. Example of explicit doubling of axiological attributes of a concept at verbal and visual levels of representations

Однако в ряде случаев использованы более тонкие ходы. Рассмотрим рис. 3. Фраза «Итальянский – это просто» содержит оценочную единицу *просто*, которая вербализует идею легкости изучения итальянского языка в рекламируемом центре. Иллюстрации также выражают идею простоты, причем двумя способами. С одной стороны, в тексте изображены известные большинству людей, даже незнакомых с итальянским языком, символы этой страны: макароны, мотоцикл, венецианская маска. С другой стороны, сами по себе рисунки выполнены в минималистичной (простой) манере.

Рис. 3. Пример 1 неявного дублирования оценочного признака концепта на вербальном и визуальном уровнях экспликации

Fig. 3. Example 1 of non-explicit doubling of axiological attributes of a concept at verbal and visual levels of representations

Еще один пример: на рис. 4 представлен поликодовый текст, рекламирующий проект по подготовке к ЕГЭ по математике [11]. Оценочный признак концепта *ЕГЭ ПО МАТЕМАТИКЕ* выражен с помощью префикса *супер-* в слове *суперинтенсив.* Данная приставка «обозначает высшее качество, усиленное действие» (Быков, 2007) и в данном контексте репрезентирует оценку объема информации и количества времени, которое отводится на этот курс, а также качества подготовки школьников к экзамену. Идея высокой оценки реализована и во фразе «План 90+». В данном случае имеется в виду количество набранных школьниками баллов, т. е. высокая оценка их знаний, и к ней должен привести именно высококачественный «суперинтенсив». На визуальном уровне идея высоты (высокого качества, уровня полученной отметки) реализована благодаря изображению, по всей видимости, космического пространства, которое также ассоциируется в сознании людей с идеей высоты (неслучайно существуют разговорные слова *космос*, *космический*, используемые для описания высоких цен, высокого качества чего-либо).

В целом данный контекст отражает использование метафоры верха на вербальном и визуальном уровнях. По замечанию Р. М. Гайсиной и Т. В. Григорьевой, «в основе диады ‘верх – низ’ лежит вертикальное направление, которое чело-

[11] https://vk.com/profimatikaa

век на символическом уровне наделяет аксиологическим смыслом» [Гайсина, Григорьева, 2017, с. 827], причем «вступая в сочетаемостные отношения с наименованиями гносеологических объектов, вербальные единицы ‘верха’ традиционно для современного русского языка помогают оценить хорошие знания, умения, навыки и т. п., ‘низа’ – плохие: Он достиг высоты в науке – у него низкие результаты в учебе» [Там же, с. 826–827].

Рис. 4. Пример 2 неявного дублирования оценочного признака концепта на вербальном и визуальном уровнях экспликации

Fig. 4. Example 2 of non-explicit doubling of axiological attributes of a concept at verbal and visual levels of representations

Таким образом, в ходе исследования были сделаны следующие выводы.

1. Изначальная гипотеза о 7 вариантах одно- и разноуровневой экспликации оценочных признаков концептов не подтвердилась. В поликодовых текстах данного типа возможна экспликация на одном уровне (только на вербальном или только на параграфическом) либо на двух уровнях одновременно (вербальном и параграфическом, вербальном и иллюстративном).
2. При разноуровневой экспликации оценочных признаков концептов в данных текстах проявляются автосемантические отношения, причем речь может идти об автономности не только вербального, но и иконического элемента (в случае репрезентации оценки только на параграфическом уровне). Синсемантические отношения в текстах данного типа не встречаются.
3. Наибольшая эксплицитность в выражении оценочных признаков концептов достигается на вербальном и параграфическом уровнях, наименьшая – на иллюстративном. Данное наблюдение мы объясняем спецификой оценки, которая предполагает абстрагирование, что, вообще говоря, противоположно той конкретной наглядности, которая является основным качеством иллюстрации.

Перспективы данного исследования лежат в плоскости проверки полученных результатов на ином материале – поликодовых текстах другой тематики, а также в плане репрезентации не только аксиологических, но и других признаков концептов, поскольку, вполне вероятно, выявленные результаты отчасти связаны именно со спецификой оценки как лингвокогнитивного феномена.

Список литературы

Алексеева А. А. Классификация аксиологических значений по основанию оценки: молодое вино в новые мехи? // Вестник ТГУ. № 449, 2019. С. 5–15.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 341 с.

Афонина Ю. В. Концепт «Дом» в творчестве С. А. Есенина и фильмах А. Тарковского // Современное есениноведение. 2017. № 4 (43). С. 66–71.

Важдаева Е. А. Оценочная лексика как способ репрезентации качества в рекламе товаров для детей // Учен. зап. Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, кн. 5. С. 177–194.

Валгина Н. С. Понятие креолизованного текста // Теория текста: Учеб. пособие. М., 2003. С. 127–128.

Гайсина Р. М., Григорьева Т. В. Механизмы формирования оценочного значения (на примере оппозиции ‘верх – низ’) // Вестник Башкир. ун-та. 2017. Т. 22, № 3. С. 825–828.

Данилова Р. Р. Категория оценки как способ выражения антропоцентризма в лингвистике // Вестник ТГГПУ. 2011. № 1 (23). С. 137–139.

Ейгер Г. В., Юхт В. Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста: Материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1974. Ч. 1. С. 107–108.

Капитонов Д. С. Концепт «маленький человек» в фильмах Киры Муратовой «Чувствительный милиционер» (1992) и «Увлечения» (1994) // Артикульт. 2013. № 10. С. 124–130.

Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Лекционный курс. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

Кузина С. Е., Берендеева М. С. Способы языковой и визуальной репрезентации концепта ГЕНИЙ / GENIUS в русском и английском кинодискурсах // Метаморфозы культуры. Lingus musica: музыка в системе интермедиальных связей русской культуры XIX–XX вв.: Сб. материалов Междисциплинарной науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения С. В. Рахманинова: В 2 ч. Новосибирск, 2023. Ч. 2. С. 39–42.

Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: ВГУ, 1999. 30 с.

Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю. Оценочные предикаты: тип оценки и синтаксис конструкции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии»: Тр. Междунар. конф. «Диалог’2005» (Звенигород, 1–6 июня, 2005 г.). М.: Наука, 2005. С. 436–443.

Фомина Ю. А. Аспекты изучения языковой оценки // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2007. № 20. С. 154–161.

Шестакова И. В. Образ дома и дороги в кинотворчестве В. М. Шукшина // Изв. АлтГУ. Филология и искусствоведение. 2014. № 2 (82). С. 205–208.

Список словарей

БТСРС – Большой толковый словарь русских существительных: свыше 15 000 имен существительных. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / [Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, Пробл. группа «Русский глагол»; авт.-сост.: Л. Г. Бабенко и др.], под общ. ред. Л. Г. Бабенко. 2-е изд., стер. М.: АСТ Пресс,

АСТ-Пресс Книга, 2008 (печ. 2007). 862, [1] с. URL: https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar-russkikh-sushhestvitelnykh (дата обращения 17.04.2025).

Быков А. А. Анатомия терминов. 400 словообразовательных элементов из латыни и греческого: учебный словарь-справочник. М., 2007. 192 с. URL: https://anatomy_terms.academic.ru/ (дата обращения 17.04.2025).

БТС – *Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция. 2000. 1536 с. URL: https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar (дата обращения 17.04.2025).

URL: https://www.emojiall.com/ru (дата обращения 17.04.2025).

URL: https://emojipedia.org/ (дата обращения 17.04.2025).

Список источников

URL: https://vk.com/reshuege (дата обращения 17.04.2025).

URL: https://vk.com/baobeinsk (дата обращения 17.04.2025).

URL: https://vk.com/uchishka_ru (дата обращения 17.04.2025).

URL: https://vk.com/sirius.talents (дата обращения 17.04.2025).

URL: https://vk.com/profimatikaa (дата обращения 17.04.2025).

References

Afonina Yu. V. Koncept “Dom” v tvorchestve S. A. Esenina i fil’mah A. Tarkovskogo [The concept of “Home” in the works of S. A. Yesenin and the films of A. Tarkovsky]. *Sovremennoe eseninovedenie*. 2017, no. 4 (43), pp. 66–71.

Alekseeva A. A Klassifikatsiya aksiologicheskikh znacheniy po osnovaniyu otsenki: molodoye vino v novyye mekhi? [The classification of appraisals by their semantic bases: new wine into new wineskins?]. *Tomsk State University Journal*. 2019, no. 449, pp. 5–15.

Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znacheniy: otsenka, sobytie, fakt* [The types of language meanings: appraisal, event, fact]. Moscow, Nauka, 1988, 341p.

Danilova R. R. Kategoriya ots enki kak sposob vyrazheniya antropotsentrizma v lingvistike [The category of appraisal as a way to express anthropocentrism in linguistics]. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. 2011, no. 1 (23), pp. 137–139.

Fomina Yu. A. Aspekty izucheniya yazykovoy otsenki [Aspects of the Study of Appraisal]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2007, no. 20, pp. 154–161.

Gaysina R. M., Grigor’yeva T. V. Mekhanizmy formirovaniya otsenochnogo znacheniya (na primere oppozitsii ‘verkh – niz’) [Evaluation value shaping mechanisms]. *Bulletin of Bashkir University*. 2017, vol. 22, no. 3, pp. 825–828.

Kapitonov D. S. Kontsept “malen’kiy chelovek” v fil’makh Kiry Muratovoy “Chuvstvitel’yy militsioner” (1992) i “Uvlecheniya” (1994) [The concept of “little man” in Kira Muratova’s films “Sentimental Policeman” (1992) and “Passions” (1994)]. *Artikult*. 2013, no. 10, pp. 124–130.

Krasnykh V. V. *Etnopsiholingvistika i lingvokul’turologiya* [Ethnopsycholinguisitcs and linguoculturology]. Moscow, Gnosis, 2002, 284 p.

Kuzina S. E., Berendeeva M. S. Sposoby yazykovoy i vizual’noy reprezentatsii kontsepta GENIY/GENIUS v russkom i angliyskom kinodiskursakh [The ways of language and visual representations of the concept of GENIY/GENIUS in Russian and English cinematic discourse]. In: *Metamorfozy kul’tury. Lingua musica: muzyka v siste-*

me intermedial'nykh svyazey russkoy kul'tury 19–20 vv.: Sb. materialov Mezhdistsiplinarnoy nauch. konf., posvyashch. 150-letiyu so dnya rozhdeniya S. V. Rakhmaninova: V 2 ch. [Metamorphoses of culture. Lingua musica: music in the system of intermedial connections of Russian culture in 19–20 centuries: Proceedings of the Interdisciplinary Scientific Conference dedicated to the 150th anniversary of S. V. Rachmaninov's birth: In 2 pts.]. Novosibirsk, 2023, pt. 2, pp. 39–42

Popova Z. D., Sternin I. A. *Ponyatiye "kontsept" v lingvisticheskikh issledovaniyakh* [The concept of "concept" in linguistic research]. Voronezh, VSU, 1999, 30 p.

Serdobol'skaya N. V., Toldova S. Yu. Otsenochnye predikaty: tip otsenki i sintaksis konstruktsii [Evaluation Predicates: Type of Evaluation and Syntax of Construction]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Tr. Mezhdunar. konf. "Dialog'2005" (Zvenigorod, 1–6 iyunya, 2005 g.).* [Computer Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialog'2005" (Zvenigorod, June 1–6, 2005)]. Moscow, Nauka, pp. 436–443.

Shestakova I. V. Obraz doma i dorogi v kinotvorchestve V. M. Shukshina [The concept of 'Home' and 'Road' in the cinematography of V. M. Shukshin]. *Izvestiya of Altai State University. Philology and Study of Art*. 2014, no. 2 (82), pp. 205–208.

Valgina N. S. Ponyatiye kreolizovannogo teksta [The concept of a creolized text]. In: *Teoriya teksta: Ucheb. posobiye* [Text theory: Textbook]. Moscow, 2003, pp. 127–128.

Vazhdaeva E. A. Otsenochnaya leksika kak sposob reprezentatsii kachestva v reklame tovarov dlya detey [Evaluative vocabulary as a method for quality presentation in advertising of children's products]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki.* 2020, vol. 162, no. 5, pp. 177–194.

Yeyger G. V., Yukht V. L. K postroyeniyu tipologii tekstov [Towards the construction of a typology of texts]. In: *Lingvistika teksta: Materialy nauchnoy konferentsii pri MGPIIYA im. M. Toreza* [Linguistics of the text: Proceedings of the scientific conference at the The Maurice Thorez Institute of Foreign Languages]. Moscow, 1974, pt. 1, pp. 107–108.

List of dictionaries

Bol'shoy tolkovyy slovar' russkilh sushchestvitel'nykh: svyshe 15000 imen sushchestvitel'nykh. Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy [A large explanatory dictionary of Russian nouns: over 15,000 nouns. An ideographic description. Synonyms. Antonyms]. L. G. Babenko (Ed.). 2 ed., Moscow, AST Press, AST-Press Kniga, 2008, 862, 1 p. URL: https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar-russkikh-sushhestvitelnykh (accessed 17.04.2025).

Bykov A. A. Anatomiya terminov. 400 slovoobrazovatel'nykh elementov iz latyni i grecheskogo: uchebnyy slovar'-spravochnik [The anatomy of terms. 400 derivational elements from Latin and Greek: educational dictionary]. Moscow, 2007, 192 p. URL: https://anatomy_terms.academic.ru/ (accessed 17.04.2025).

Kuznetsov S. A. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka. Avtorskaya redaktsiya* [A large explanatory dictionary of the Russian language. The author's edition]. 2000, 1536 p. URL: https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar (accessed 17.04.2025).

URL: https://www.emojiall.com/ru (accessed 17.04.2025).

URL: https://emojipedia.org/ (accessed 17.04.2025).

List of sources

URL: https://vk.com/reshuege (accessed 17.04.2025).
URL: https://vk.com/baobeinsk (accessed 17.04.2025).
URL: https://vk.com/uchishka_ru (accessed 17.04.2025).
URL: https://vk.com/sirius.talents (accessed 17.04.2025).
URL: https://vk.com/profimatikaa (accessed 17.04.2025).

Информация об авторе

Алина Алексеевна Алексеева, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания, доцент кафедры истории, культуры и искусств Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, старший научный сотрудник НОЦ «Наследие» (Новосибирск, Россия)
Scopus Author ID 57196652211
WoS Researcher ID LFT-6684-2024

Information about the author

Alina A. Alekseeva, Candidate of Philology, Lecturer, Department of General and Russian Linguistics, Department of History, Culture, and Arts, Institute of Humanities, Novosibirsk State University; Senior Researcher, Scientific and Educational Centre “Naslediye” (Novosibirsk, Russian Federation)
Scopus Author ID 57196652211
WoS Researcher ID LFT-6684-2024

Статья поступила в редакцию 21.10.2024;
одобрена после рецензирования 17.04.2025; принята к публикации 17.04.2025
The article was submitted on 21.10.2024;
approved after reviewing on 17.04.2025; accepted for publication on 17.04.2025

Научная статья

УДК 81.42+821.161.1
DOI 10.17223/18137083/93/17

Флористические образы в лирике Т. Николаевой: семантико-стилистический анализ

Ирина Алексеевна Пушкарева [1]
Юлия Евгеньевна Пушкарева [2]

[1] Кузбасский гуманитарно-педагогический институт
Кемеровского государственного университета
Новокузнецк, Россия

[2] Северо-Западный институт управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
Санкт-Петербург, Россия

[1] Irina_Pushkareva2016@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2161-4039
[2] j.e.pushkareva2016@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0008-4592-8001

Аннотация

Представлены результаты семантико-стилистического анализа флористических образов в лирике кузбасского поэта Татьяны Николаевой (1956–2021). Материалом анализа является сборник «Где ты, потомок первого?..: драматургия любви», опубликованный в региональном издательстве (галерея «Сибирское искусство», Новокузнецк) и содержащий стихотворения разных лет. Проанализированы три функции флористических образов, являющиеся основными для идиостиля Т. Николаевой: пейзажная, психологическая и функция олицетворения.

Ключевые слова

семантико-стилистический анализ, региональная литература, Т. Николаева, флоросемантика, флористические образы

Для цитирования

Пушкарева И. А., Пушкарева Ю. Е. Флористические образы в лирике Т. Николаевой: семантико-стилистический анализ // Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 229–241. DOI 10.17223/18137083/93/17

© Пушкарева И. А., Пушкарева Ю. Е., 2025

Floral images in the poetry of Tatiana Nikolaeva: semantic and stylistic analysis

Irina A. Pushkareva [1], **Yulia E. Pushkareva** [2]

[1] Kuzbass Institute of Humanities and Pedagogy
of the Kemerovo State University
Novokuznetsk, Russian Federation

[2] Northwestern Management Institute
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
St. Petersburg, Russian Federation

[1] Irina_Pushkareva2016@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2161-4039
[2] j.e.pushkareva2016@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0008-4592-8001

Abstract

This study offers a semantic-stylistic analysis of floral imagery in the poetry of Tatiana Nikolayeva (1956–2021), a poet from Novokuznetsk, thereby contributing to the understudied field of regional literature. The analysis is based on her collection "Where are you, descendant of the first?..: the drama of love," which features poems written over several decades, from the late 1970s onward. This chronological span allows for identifying the systemic features of the poet's mature individual style. The examination of twenty-five poems containing plant imagery reveals three primary functions: a descriptive function as a landscape detail (12 poems), a psychological function reflecting the heroine's inner state and emotions, particularly in love contexts (8 poems), and a personification function expressing the kinship or fusion of humanity and nature (5 poems). The plant world constitutes a central element of Nikolaeva's poetic universe, interwoven with core themes and motifs. These include: the dialogue between humans and nature (evident in the sustained correlation of a person with a tree); specific chronotopes (home vs. forest/field, city vs. nature); themes of love—including its destructive and sacrificial aspects – and death, alongside motifs of grief, acceptance, and memory; the image of one's native land and the connection to it; and finally, motifs of loneliness, existential self-search, and the theme of creativity itself.

Keywords

semantic and stylistic analysis, regional literature, Tatiana Nikolaeva, semantics of flora, floral images

For citation

Pushkareva I. A., Pushkareva Yu. E. Floral images in the poetry of Tatiana Nikolaeva: semantic and stylistic analysis. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*], 2025, no. 4, pp. 229–241. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/93/17

Наименования растительного мира образуют особую группу в лексической парадигматике, хранят многовековой культурный код и подвергаются эстетической трансформации в поэтическом языке. Значительное количество филологических исследований посвящено контекстуальному «приращению смыслов» у флористических образов в рамках идиостиля (см. [Эпштейн, 2007; Доманский, 2009; Ширина, Гремячих, 2010; Борзых, 2011; Комиссарова, 2011; Налегач, 2017; Тропкина, Сурьянинова, 2018; Темаева, 2022; Сухова, 2022; Никитина, 2023] и др.).

Актуальность предпринятого филологического анализа флористических образов определяется также выбором в качестве материала исследования региональной литературы, а именно стихотворений новокузнецкого поэта Татьяны Николаевой (1956–2021). Т. Н. Николаева – член Союза писателей России с 2007 г.

Ее творчество представлено в собрании поэзии и прозы кузбасских авторов «Классика земли Кузнецкой» [Современная литература Кузбасса, 2022, с. 254–273]. Первые публикации стихотворений Татьяны Николаевны в кузбасских газетах относятся к ноябрю 1980 г. (6 ноября – «Комсомолец Кузбасса», 22 ноября – «Кузнецкий рабочий»), первая публикация в литературном альманахе приходится на 1981 г. (это «Огни Кузбасса», первая встреча с альманахом у юной поэтессы произошла в 1973 г.) [1]. Т. Н. Николаева с 1980-х гг. являлась участником различных литературных объединений («Притомье», «Гренада», «АЗ», «Мастер-круг»), стала автором издательского проекта первого новокузнецкого литературного альманаха (2008 г.) [2].

В 2002 г. в Новокузнецке без указания издательства вышел сборник Т. Николаевой «Живи меня, Господи». Материалом для семантико-стилистического анализа стали стихотворения первого сборника – «Где ты, потомок первого?..: драматургия любви» (2004) (издательство галереи «Сибирское искусство») [Николаева, Башарина, 2004] [3], явившегося результатом совместного творческого проекта поэта Татьяны Николаевой и художницы Елены Башариной: «Стихи и размышления-откровения поэта чередовались с прозрачной, невесомой графикой Елены Башариной» [4]. Сборник содержит стихотворения, написанные на протяжении нескольких десятилетий (начиная с конца 1970-х гг.) и позволяет судить о системных чертах идиостиля зрелого поэта.

Книга включает 5 глав: «Пусть греются у твоего огня», «Против течения», «След от плети», «Спаси тебя Господи», «Мне нужен взгляд в меня». Каждая глава имеет название и предваряется стихотворением-эпиграфом (оно выделено курсивом) и исповедальным эссе, своего рода введением в главу. Название главы и вводное эссе эксплицируют эмоционально-смысловую доминанту входящих в композиционную часть стихотворений. Отметим, что для Т. Николаевой очень важны заглавия (преобладают стихотворения с названиями). Заголовки, стихотворения-эпиграфы, вводные эссе – всё свидетельствует о концептуальной выстроенности сборника. Первым ключевым знаком авторской концепции является название сборника, эксплицирующее тему любви в ее драматическом звучании, образ Адама, который также появляется в эссе первой главы, и образ женщины, обращающейся к мужчине.

Методом сплошной выборки было выявлено 25 стихотворений сборника, содержащих флористические образы. Семантико-стилистический анализ контекстов, включающих 31 субстантивную номинацию растительного мира (8 из них встречаются неоднократно), был выполнен в соответствии с классической концепцией лингвистического толкования стихотворений Л. В. Щербы, который видел его основу в «разыскании тончайших смысловых нюансов отдельных выразительных элементов русского языка» и подчеркивал неизбежность субъективного начала в семантических наблюдениях над художественным текстом [Щерба, 1957,

[1] *Киреева Т. Н.* (сост.) Николаева (Соколаева) Татьяна Николаевна // Имя в истории города. URL: https://libnvkz.ru/chitatelyam/o-novokuznetske/imya-v-istorii/nikolaeva-t-n?ysclid=m777g46ga8681294436 [Официальный сайт библиотеки им. Н. В. Гоголя] (дата обращения 15.02.2025).

[2] *Киреева Т., Козлова О.* Биография Татьяны Соколаевой (Николаевой) // Современная литература Кузбасса // Классика земли Кузнецкой: В 3 т. / Сост.: Б. В. Бурмистров, С. Л. Донбай, Г. И. Карпова. Кемерово: Кузбасский центр искусств, 2022. Т. 3. С. 268–273.

[3] Далее при ссылках на это издание в круглых скобках указываются страницы.

[4] *Киреева Т., Козлова О.* Биография Татьяны Соколаевой (Николаевой). С. 270.

с. 26–28]. Семантико-стилистический анализ показал, что растительный мир в поэзии Татьяны Николаевой велик и многообразен. В нем представлены как обобщенно номинированные растения и их части (деревья (например, «Осенняя гроза», «Молчание»), листья («Час ведьмы», «Небесная, незримая, живая...»), кроны («Дождь в ноябре», «Мне нужен взгляд в меня...»), ветви («Новорожденными губами...», «Я выклянчила это у небес...»), травы («Серая корова», «Перед грозой»)), так и конкретные виды растений («ушастый подорожник», мята, осока, земляника, герань, тополя, ракиты, яблоня, кедр, березы, клены). Образы растений встраиваются в художественный мир стихотворений, выполняя в нем различные функции.

Вопрос о функциях флористических образов в филологических исследованиях чаще рассматривается в комплексе с другими аспектами, но становится также и предметом специального рассмотрения. Так, В. А. Доманский дифференцирует информативную, психологическую, эстетическую и драматургическую функции, анализируя произведения И. С. Тургенева [Доманский, 2009]. Разграничение функций флористических образов представляется чрезвычайно сложным, поскольку они существуют синкретично. Условно обозначим три основные функции флористических образов в идиостиле Т. Н. Николаевой, учитывая эстетическую доминанту контекста: во-первых, роль пейзажной детали, формирование пейзажа как важной составляющей предметного уровня текста; во-вторых, психологическая функция, связанная с раскрытием эмотивных смыслов; в-третьих, функция экспликации антропоморфического символического значения. Данные функции выявлялись в соотнесении отобранных контекстов, включающих флористические образы, с художественным целым. Рассмотрим их последовательно, учитывая степень представленности в стихотворениях.

Самая очевидная функция образов растений в художественном тексте – роль **пейзажной детали**, формирование пейзажа. Данная функция прослеживается во многих стихотворениях Николаевой. Яркий пример – экспрессивный пейзаж в стихотворении «Осенняя гроза»: *Тридцатилетними плечами* / *Деревья сноп грозы качали:* / *То вскидывая к небу ветви,* / *То поклонясь порывам ветра,* / *Дождь подсекали, словно жницы* (с. 12). Лирическая героиня, выбегающая навстречу грозе, захвачена буйством стихии; многочисленные глаголы и деепричастия (*качали*, *подсекали*, *вскидывая*, *поклонясь*) создают динамическую картину – движение, бурлящая жизнь дождя и ветра. Наблюдается олицетворение природных образов – характерный прием Т. Николаевой: у деревьев есть «тридцатилетние плечи» (возможно, это намек на возраст героини, на пережитый ею обширный опыт; мотив женского опыта, женской мудрости, образ героини старше тридцати-сорока лет – смысловые центры лирики Николаевой), они сравниваются со жницами, «подсекающими» дождь. (Отметим, что образ женский: женщина и женственность в поэтическом мире Николаевой тесно связаны с природой, вплетены в нее, поэтому природные образы постоянно очеловечиваются, а человеческие приобретают природные черты.) Уподобление деревьев человеческому телу закрепляется в обороте «вскидывая ветви»; хотя прямое сравнение «ветви – руки» отсутствует, глагол «вскидывать» создает ассоциацию именно с человеческими руками. В грозе деревья будто вступают в незримый диалог с небом и ветром – то «кланяются» им, то бунтарски «вскидывают» навстречу руки-ветви. Образ деревьев роднит поэтический мир Т. Николаевой с лирикой почитаемого ею поэта – М. Цветаевой. Для поэтики Т. Николаевой важно влияние М. Цветаевой, которая становится мерилом истинного поэта: «Всё моё творчество – это, может быть,

только большая внутренняя подготовка к тому, чтобы хоть как-то, хоть боком, хоть кусочек, вместить Цветаеву» (с. 66). В сборнике мы встречаем формы единственного и множественного числа слова «дерево», старославянизм «древо». Чаще всего образ дерева конкретизируется номинациями «крона», «ветви», «листок» («листья», «листва»), также представлены гипонимы («тополь», «кедр», «береза», «ель», «яблоня», «клен», «ракита»), партитивные наименования («корни», «плод», «береста», «сережки», «почки»), слова, называющие массивы деревьев («лес», «роща») и создающие образы гибели деревьев («сухостой», «валежник»).

Так, в стихотворении «Осенняя гроза» пейзаж дополняют другие растительные детали: «листвы осенний желтый глянец», а также лист, прилипший ко лбу героини (*Листок – пятак – на лоб – с размаху!*; экспрессивная конструкция с опущенными глаголами подчеркивает детский восторг героини перед грозой, ее яркие эмоции). Весь грозовой пейзаж метафорически уподобляется «языческому танцу» (мотивы язычества и языческих верований, образ ведьмы, источником магии которой является единство с природой, неоднократно сопровождают природные образы у Николаевой; ср. образ листвы в стихотворении «Час ведьмы» ниже), «празднику»; гроза и «танцующий» в ее вихре растительный мир выманивают героиню из дома – пространства покоя и безопасности (*Меня, сбежавшую из дома* / *На клич земли, воды и грома*).

Функцию пейзажной детали выполняет образ кедра (символа Сибири – родных краев автора) в философском стихотворении «Судьба»: *Почти прозрачна, крона кедра* / *Гудит от ветра и зари.* // *Ее пронзительные недра* / *Росой сияют изнутри* (с. 122). Удивительная яркость образа создается необычным ракурсом – взгляд героини направлен снизу вверх, она изучает кедр от корней и росы в траве до небес – «ветра и зари», рассматривает небо сквозь переплетение ветвей (отсюда эпитет «почти прозрачна», а также слова «недра» и «изнутри» – героиня смотрит на крону изнутри, созерцательно погружается в нее). Кедр становится не только частью пейзажа, но и одним из символических воплощений архетипа Мирового Древа – устремляясь ввысь, держит и сохраняет единство земного мира, частью которого является героиня. Отметим, что слово «крона» неоднократно встречается в стихотворениях Т. Никоновой, усиливая акцент на вертикальной организации художественного пространства.

Другой повторяющийся в стихотворениях Т. Никоновой флористический образ – тра́вы, причем, несмотря на разнообразие номинаций (наиболее характерная – гипероним «травы», но представлены и гипонимы «осока», «подорожник»), отметим повторяющийся фитоним «мята». В стихотворении «Серая корова, или Дачный сезон в Корчите» предгрозовой пейзаж формируют образы трав – в частности, уже упоминавшейся мяты. Предчувствуя грозу, в поле выходит одинокая корова; перед грозой в природе копится напряжение, замирание, переданное рядом ярких однородных эпитетов: *Травы сонные долу клонятся,* / *Сенокосные, перезрелые* (с. 16). Глядя на корову и склонившиеся под ветром травы, героиня вновь отрекается от цивилизованного, окультуренного мира («Не читается книга умная») и отдается миру природному, языческому. Языческое слияние человека и природы достигает предела в последних строках: *Пусть хозяюшка-шорка вечером* / *Сцедит свежесть грозы и мяты* / *В ведра звонкие струйкой млечной*. В контакт с природой вновь вступает женщина, наделенная ласковой номинацией «хозяюшка»; при этом конкретизирована национальность женщины – шорка, т. е. коренная жительница сибирской земли, наделенная с ней особой внутренней связью. Дойка коровы – обыденный процесс, которым занята женщина, – становится

символом единства человека и природы: в традиционном сельскохозяйственном быту человек не наблюдает природу со стороны, а постоянно взаимодействует с ней, живет внутри нее как активный участник ее процессов. Молоко метафорически обозначено оборотом «свежесть грозы и мяты» – в нем будто заботливо сохранены дневные впечатления коровы. Чувственная характеристика «свежесть», характеризующая травы в целом и мяту в частности, – одна из центральных ассоциаций с растительным миром и природой в лирике Николаевой: образам растений регулярно сопутствуют ветер, гроза, дождь, пространство поля, мотивы свободы и простора.

В крупном стихотворении «Баллада о выходном дне» прослеживается противопоставление двух пространств – мира города (культуры, цивилизации, догм и ограничений) и мира природы (красоты, свободы, древней языческой гармонии). Героиня совершает обыденное действие – едет за город на электричке в выходной день; но эта поездка мифологизируется, поэтизируется, возвышается над обыденностью. Загородное пространство воплощает таинственную свободу и стихийность природы, и этому вновь сопутствуют образы растений: «утро <…> простое, как ушастый подорожник», «Устать и стать хотя бы на мгновенье / Слабей цветка» (с. 14). Простоту и чистоту утра на лоне природы воплощает подорожник – распространенное дикорастущее растение, часто считающееся сорняком, но при этом (как и мята, к образу которой постоянно обращается автор) обладающее целебными свойствами. День за городом своей тишиной и прохладой будто бы, как подорожник, лечит душевные раны героини, утомленной городской суетой – «сковородками площадей» и «возможностями угнаться»; отметим противопоставление жаркой духоты города и благодатной прохлады загородного пространства, выраженное в метафоре «сковородки площадей». Наедине с природой героиня ощущает себя «слабей цветка» – образ цветка символизирует красоту и хрупкость, от которой приходится отречься в городской жизни. Направляясь к озеру, героиня все больше и больше отдается растительному миру – его цветам, запахам, ощущениям: *И я вторгаюсь в мелкоцветье трав,* / *В тропический покой прибрежных тлений*. С миром растений связаны не только воздушная красота и чистота, но и тление – запах гнили; природа живет в циклах смерти и возрождения. Неожиданный эпитет «тропический» создает ряд чувственных ассоциаций – тепло, яркие цвета, соседство воды и растений; в эту картину вливается героиня, погружающаяся в воду, переходящая из одного мира в другой.

Вторая важная функция растительного мира в поэзии Николаевой – **психологическая**: образы растений выражают психологическое состояние, эмоции и чувства героини. В большей или меньшей степени эту функцию можно усмотреть в любом стихотворении Николаевой, поскольку ее поэзия является лирической, направленной в первую очередь на переживания лирического субъекта. Так, например, в «Молчании» заснеженный пейзаж отражает скорбь героини по сыну, березы после дождя в «Уже было» – ее печаль и раскаяние, осенняя гроза в одноименном стихотворении – ее радость и восторг среди разгулявшейся стихии. Однако к этой категории мы отнесем стихи, в которых психологическая функция является доминирующей, оттесняя на второй план описательно-пейзажную функцию и олицетворение. Психологизм связан с творческим кредо Т. Николаевой, утверждающей исповедальность как отличительную черту своих стихотворений: «Что такое стихи? Наверное, некая проекция моего существа, упреждающая сознание и сами события в потоке действительности. <…> стихотворение, воплощаясь во мне вдохновением, и через меня – в слове, само становится переживанием

не менее реальным, чем события жизни со всеми реальными последствиями» (с. 7). Установка на отражение в поэтическом тексте движений женской души является частью замысла сборника: «“Драматургия любви” – это <…> вопиющий факт каждой женской души, воплощённой в жизнь…» (с. 6).

Примером данной функции является первое стихотворение сборника – «Новорожденными губами...» Лирический сюжет – прогулка героини с возлюбленным, полная трепета и тихой задумчивости. Настроение формируют романтические природные детали: луна, озеро, комета; в ночной пейзаж вписывается и растительный мир: «шепчу: дорога... ель... луна...» (с. 5). Ель в ночи – мрачно-сказочный образ, вызывающий ассоциации с фольклором и балладами Жуковского; сопровождая любовный сюжет, она будто становится его безмолвной поверенной. Еще более отчетливо психологическое состояние героини отражено в образном сравнении: «Руки твоей, как ветви рая, / коснусь...» Ветвь рая (возможно, лавровая ветвь, в христианстве символизирующая вечную жизнь и пришествие Христа) – не реальный, а мифологически-религиозный образ, но все же растение; прикасаясь к руке возлюбленного, героиня обретает покой и счастье, будто прикасаясь к раю. Метафорическое соотнесение «руки – ветви» есть во многих стихах («Осенняя гроза», «Не нужна? И слава Богу!», «Я выклянчила это у небес...»); однако здесь в этом соотнесении просматривается не только диалог человека и природы, но и диалог человека, природы и духовного мира, мира небес, их онтологическое единство.

В стихотворении «Зеркало» героиня сама эксплицирует свои переживания: «печаль» и «усталость»; она вновь устремляется к природе – озеру, чтобы, увидев в нем свое отражение, утвердить единство с природой и обрести покой. С пейзажем озера связан и растительный мир: *Туда, где травы в рост* / *Над озером застыли* (с. 20). Собирательный образ трав, рассмотренный нами выше в других текстах Николаевой, всегда связан у нее с дикостью, свежестью, покоем и свободой природы; здесь травы не просто обильны, они «застыли в рост», величаво стоят, высокие и несокрушимые, отвоевав природное пространство у человека и цивилизации (ср. их позицию внизу, под ногами, в «Перед грозой»: *И запах трав стелился подо мной...*). Близость растительного мира к воде, водоему – устойчивая черта в лирике Николаевой; например, в «Балладе о выходном дне» героиня тоже обретает душевный покой, пройдя через заросли трав и деревьев и погрузившись в воду.

В стихотворении «Час ведьмы» образ растительного мира связан с ролевым образом ведьмы, который примеряет на себя героиня. Выстраивается метафорическая параллель: осенние листья готовятся к сожжению – так же, как возлюбленный героини готовится к встрече с нею: *В предвкушении огня* / *Лист осенний льнет к ограде.* // *Ты не бойся, Бога ради,* / *Предвкушения меня* (с. 27). Третий компонент этой параллели, открывающийся в финале стихотворения, – костер, к которому приговорена сама героиня: *Что от счастья сердце сжалось* / *В предвкушении костра?* Человеческие эмоции (скорбь, печаль, тревога, страх, неопределенность и шаткость союза человека и ведьмы) напрямую уподобляются образу растительного мира – сожженным листьям. Любовь в лирике Николаевой часто разрушительна и трагична, связана с мотивами огня, сожжения, жертвенного самосожжения (горящий сухостой в «Любимому», образ возлюбленного как «источника живого огня» в стихотворении «Люблю!», к которому мы обратимся далее). Если себя лирическая героиня регулярно соотносит с деревом или иным порождением леса, то возлюбленного – с огнем или ветром; соответственно,

в образе огня возлюбленный и чувство к нему действуют на нее разрушительно, а в образе ветра – он улетает от нее прочь (как в «Не нужна? И слава Богу!»). «Драматургия любви», заявленная в подзаголовке сборника, метафорически оборачивается драматургией природных процессов.

Эмоциональную и экзистенциальную проблематику имеет стихотворение «Ты пришел», где героиня вновь соотносит себя с деревом, метафорически «превращается» в него: *Как старое дерево на погосте –* / *Судьба моя в полинялом платье* (с. 108). Отмечая, что герой «пришел некстати», героиня будто бы сетует на приближающуюся старость, душевную усталость, невзрачный облик своей исстрадавшейся души (образ полинялого платья). Образ растительного мира – дерево – не имеет реального пейзажного воплощения и абсолютно метафоричен, автопсихологичен (редкость для лирики Николаевой, наполненной земными, чувственными образами; схожий случай из данного сборника – разве что «ветвь рая» в «Новорожденными губами...»). Дерево, в соответствии с самоощущением героини, наделяется эпитетом «старое» и локализуется «на погосте», что тоже нетипично для поэзии автора: в большинстве рассмотренных выше стихотворений растения, в частности деревья, связаны с природой и жизнью, а не со смертью. Однако дерево, в образе которого метафорически заключена судьба героини, находится между двумя мирами – на погосте присутствуют как смерть, так и жизнь (память живых людей об усопших, их скорбь, молитвы, забота о могилах). Под сенью дерева на кладбище – традиционный романтический образ, ассоциирующийся с созерцательным покоем, смирением перед ходом времени, вечным концептом *memento mori*, – подводятся итоги жизни, продолжается вечный цикл, происходит переход из жизни земной, физической, в жизнь духовную; не случайно дерево у Николаевой не впервые становится символом судьбы (вспомним кедр в одноименном стихотворении).

На протяжении всего текста продолжаются параллели «я – дерево» и «моя судьба – дерево». На глазах у героини свершилось столько «событий, смертей, одиноких будней», что радость героя уже не трогает ее – как приходы и уходы новых и новых людей не трогают старое дерево, пережившее много столетий; образ дерева в мифологии, фольклоре, искусстве устойчиво соотносится с древностью, жизнью более долгой, чем человеческая (дуб в «Войне и мире» Толстого, деревья на кладбище в финале «Отцов и детей» Тургенева и т. д.). Роль, избираемая героиней в разговоре, тоже подобна роли безмолвного дерева, молча и величаво внимающего исповедям людей: *Я буду видеть тебя и слушать <...> Ты говоришь, а я внемлю, внемлю...* В финальной строфе описана структура дерева, ассоциативно напоминающая структуру человеческого тела – как в «Не нужна? И слава Богу!», хоть и без эксплицированного момента превращения: ветви и листья – руки, ствол – тело, корни – ноги (*Роняют ветви росу на землю,* / *А под землей цепенеют корни*). Возвращаясь к образу «корневой неволи», героиня вновь утверждает свою нерушимую, онтологическую связь с землей (это усиливает повтор слова «земля» в двух соседних строках); и здесь ее корни «цепенеют», т. е. уже переходят в мир смерти, духовный, потусторонний мир, который холоднее и таинственнее живого. Образ росы вызывает ощущения влаги, свежести и прохлады – ассоциации, постоянно сопутствующие растительному миру у Николаевой (ср. упоминания росы в «Судьбе», «Люблю!»). Финальная автохарактеристика героини – «заката тише, травы покорней» – неожиданно низводит ее из образа дерева в образ травы – чего-то еще более простого, земного, «тихого» (обыгрывается идиома «тише воды, ниже травы»); трава в стихах Николаевой – природное

укрытие, покорное и принимающее: в «Люблю!» героиня прячется в траве, как таежная птица, в «Зеркале» ее окружают «травы в рост». Мотив смирения и принятия хода времени, старости, смерти становится центральным в стихотворении и выражается в образах дерева и травы.

Третья значимая функция образов растений в поэзии Николаевой – уже упоминавшееся **олицетворение**: мир человека и мир природы в ее стихах поразительно близки, и растения – один из «посредников» их прямого контакта. Единство человека и природы подчеркнуто и в лирической прозе Т. Николаевой, когда она, глядя на реку Абу, ищет ее лицо и воспринимает себя как реку, когда признаётся в любви к раздавленному вороненку: «Воронёнок, я всё равно тебя люблю, глубоко люблю, и ты живёшь во мне: косишься, взлетаешь, каркаешь вслед… Знаю, что и мной – раздавленной – действительность тоже перед кем-то потрясёт, угрожая. А в это время мы с тобой в райском дворике будем сидеть на веточке и беседовать на равных» (с. 121).

Наиболее ярко мотив слияния человека и растения (а именно дерева) прослеживается в стихотворении «Не нужна? И слава Богу!»: *Мне, как древу в чистом поле,* / *В кронах прятать свисты птах,* / *В корневой своей неволе –* / *Боль, и ветер – на устах <…> Я же с мятой и осокой* / *Из земли произросла* (с. 79). Героиня, отвергнутая возлюбленным, отправляет его прочь – бесприютно скитаться по небу, как «ясного сокола», и, противопоставляя себя ему, подчеркивает свою связь с природой и землей. Здесь эта связь доводится до предела – героиня не просто наблюдает за деревьями, «общается» или «танцует» с ними, но сама становится деревом, превращается в часть растительного мира. Метафорический образ «корневой неволи» (отметим яркую напевную звукопись: «нево – нево») выражает «приращенность» героини к земле, их нерушимую связь; именно в корнях героиня «прячет» боль, утверждая свою свободу от прошлого, переживая скорбь и отказываясь от нее. На «устах» героиня чувствует ветер – ее губы, таким образом, «врастают» в крону дерева, ветви и листья. Она «произросла» из земли «с мятой и осокой» – конкретно номинированные травы дополняют чувственную картину, подобную образу нимфы-дриады. Как и в «Байке о диве», мята становится своеобразным символом природы вообще, земного мира, противопоставленного небу; как и в «Серой корове», образ мяты создает чувственную ассоциацию – свежесть, сопутствующую растительному миру. Это стихотворение наиболее показательно воплощает мифологизированное, наполненное языческими мотивами и персонификацией восприятие растений в творчестве автора.

Персонификация растительного мира наблюдается в стихотворении «Я выклянчила это у небес...», где героиня вновь утверждает свое родство с природой, стремясь к лесу: *Всю жизнь я льнула к лесу <…>* // *И лес меня, как друга, привечал,* / *И длинные лучи в ветвях качал* (с. 99). Героиня становится «другом» леса – и этот статус (здесь эксплицированный) можно отнести к ней во всех лирических стихотворениях Николаевой, касающихся природы. Взгляд героини направлен снизу вверх, по сравнению с лесом она ощущает себя хрупкой, крошечной, нуждающейся в защите (это выражает глагол «льнула») – и лес берет на себя защитную роль, подобно кедру в «Судьбе», под кроной которого укрывается героиня, или ракитам и валежнику в «Прости меня!», дающим приют испуганной сбежавшей собаке. Тем не менее, более глобальный, собирательный образ не деревья и травы, не конкретный вид растения, а лес целиком, объемлющий собой весь растительный мир, который вносит в эту защиту коннотации покровительства, отцовства: лес не просто вступал в диалог с героиней – «привечал» ее и «качал»

лучи в ветвях (ассоциативный ряд заставляет представить героиню ребенком, порождением леса, а лес – отцом, баюкающим дочь, или древним языческим божеством, привечающим человека). Также отметим, что растительный мир вновь связан с образом дождя и ощущением свежести: покидая лес, героиня «просила на прощанье» дождя.

В стихотворении «Плаха», посвященном теме смерти, героиня вновь соотносит себя – и любого человека, к которому в обобщенно-личной форме обращается «ты», – с природой, растительным миром: *И выдохни с любовью:* / *это я –* / *Раздавленное тело* / *муравья,* / *И клейким цветом* / *брызнувшие почки* / *На тополях,* / *заждавшихся весны* (с. 136). В момент смерти вся жизнь человека будто собирается в одну точку, подводится итог; уходя, человек не исчезает, а растворяется в бытии, становится един и с жизнью природы (почки на тополях), и с ее смертью (раздавленный муравей). Такая картина соотносится скорее с языческим или пантеистическим, чем с христианским или рационально-научным пониманием смерти, но отлично вписывается в образ лирической героини, последовательно выдержанный в стихах Николаевой. Почки, набухшие на тополях – символ весны, возрождения, юности, новой жизни; смерть, таким образом, становится не концом, а лишь новым витком вечного цикла. Если в «В реликтовой роще» тополя символизируют связь с родной землей, здесь им сопутствует философская, экзистенциальная проблематика.

Если сравнить флористические образы Т. Николаевой и ее любимого поэта, то обнаруживаются различия: из всего растительного мира М. Цветаева выбирает как центральные образы деревьев и куста, воплощением ее лирической героини становится образ рябины [Эпштейн, 2007, с. 285–286; Пушкарева, 2000]; у Т. Николаевой мы не обнаруживаем подобной сосредоточенности на отдельных флористических образах – они многообразны, образ лирической героини не воплощается последовательно в одном из них, героиня Т. Николаевой находит в себе многие из них и себя – в мире природы. Доминантой поэтической картины мира становится идея неразрывной связи человека и природы, которая имеет фольклорные истоки, а в конце XX в. сопрягается с экологической проблематикой («экологический» этап натурфилософии русской поэзии [Эпштейн, 2007, с. 33–35]).

Образы растений встречаются в 25 стихотворениях из сборника «Где ты, потомок первого?..»: драматургия любви». Центральными флористическими образами у Т. Николаевой становятся деревья и травы. В сборнике мы встречаем формы единственного и множественного числа слова «дерево», старославянизм «древо». Чаще всего образ дерева конкретизируется номинациями «крона», «ветви», «листок» («листья», «листва»), также представлены гипонимы («тополь», «кедр», «береза», «ель», «яблоня», «клен»), партитивные наименования («корни», «плод», «береста», «сережки», «почки»), слова, называющие массивы деревьев («лес», «роща») и создающие образы гибели деревьев («сухостой», «валежник»). Травы представлены не только гиперонимом, который наиболее характерен для стихотворений, но также и гипонимами «мята», «осока», «подорожник».

Из 25 стихотворений в 12 доминирующей является функция пейзажной детали (описательная); в 8 – психологическая функция: образы растений отражают психологическое состояние, эмоции героини, в том числе любовные сюжеты; в 5 – разные вариации олицетворения (персонификации) растений, выражающие родство человека и природы либо их слияние.

Растительный мир занимает важное место в творческом мире Николаевой, связан с рядом смыслообразующих тем, образов, сюжетов и мотивов. Среди них мо-

тив близости, диалога человека и природы (в частности, устойчивое соотнесение человека с деревом и иными объектами растительного мира); особенности хронотопа (дом и лес / поле, город и природа); тема любви и мотив разрушительной, жертвенной любви; тема смерти, мотивы скорби, принятия смерти, памяти; образ родных краев, мотив связи с родной землей; мотивы одиночества, экзистенциального поиска себя; тема творчества.

Список литературы

Борзых Л. А. Поэма С. А. Есенин «Пугачёв»: художественная функция растительных образов // Вестник ТГУ. 2011. Вып. 12 (104). С. 239–243.

Доманский В. А. Флористический код любовных коллизий прозы И. С. Тургенева // Спасский вестник. 2009. № 16. С. 43–50.

Комиссарова А. А. «И роскошь цветников, где проступает тленье…» (Символика флористических образов в поэзии И. Анненского) // Русский язык в школе. 2011. № 4. С. 54–59.

Налегач Н. В. Образы цветов в поэтическом мире И. Анненского // Studia Litterarum. 2017. Т. 2, № 2. С. 212–227.

Никитина Е. М. Художественные функции флористических образов в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Вестник научно-практической лаборатории по изучению литературного процесса XX века: Сб. ст. / Науч. ред. А. Б. Удодов. Воронеж, 2023. Вып. 26. С. 33–38.

Пушкарева И. А. Об ассоциативно-смысловом поле слова-образа «рябина» в лирике М. И. Цветаевой // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте: Науч. тр. кафедры современного русского языка и стилистики ТГПУ. Томск: УНТИ, 2000. С. 35–52.

Современная литература Кузбасса // Классика земли Кузнецкой: В 3 т. / Сост.: Б. В. Бурмистров, С. Л. Донбай, Г. И. Карпова. Кемерово: Кузбасский центр искусств, 2022. Т. 3. 594 с.

Сухова К. И. Фитонимический код в лирике В. А. Солоухина (на примере цветочных растений) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 4 (47). С. 76–83.

Темаева Х. Н. Своеобразие цветочной семантики поэзии Беллы Ахмадулиной и Новеллы Матвеевой // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 94, № 5. С. 99–103.

Тропкина Н. Е., Сурьянинова У. А. Художественная семантика флористических образов в лирике Б. Ахмадулиной: соотношение рационального и эмоционального // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». 2018. № 1 (54). С. 78–81.

Ширина С. А., Гремячих Е. А. Особенности создания флористических образов в лирике И. А. Бунина // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 154–157.

Щерба Л. В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. I. “Воспоминание” А. С. Пушкина // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 26–44.

Эпштейн М. Н. Стихи и стихии. Природа в русской поэзии XVIII–XX вв. Самара: Бахрах-М, 2007. 352 с.

Список источников

Николаева Т., Башарина Е. «Где ты, потомок первого?..»: драматургия любви». Новокузнецк: Галерея «Сибирское искусство», 2004. 144 с.

References

Borzykh L. A. Poema S. A. Esenin “Pugachev”: khudozhestvennaya funktsiya rastitel'nykh obrazov [The poem “Pugachev” by Sergey Esenin: artistic function of floral images]. *Tomsk State University Journal*. 2011, iss. 12 (104), pp. 239–243.

Domanskiy V. A. Floristicheckiy kod lyubovnykh kolliziy prozy I. S. Turgeneva [Floral code of love collisions in the prose by I. S. Turgenev]. *Spasskiy vestnik*. 2009, no. 16, pp. 43–50.

Epshteyn M. N. *Stikhi i stikhii. Priroda v russkoy poezii 18–20 vv* [Verses and elements. Nature in the Russian poetry of the 19th and 20th centuries]. Samara, Bakhrakh-M, 2007, 352 p.

Komissarova A. A. “I roskosh’ tsvetnikov, gde prostupaet tlen’e…” (Simvolika floristicheskikh obrazov v poezii I. Annenskogo) [*And the splendor of flower gardens where decay is visible…* (Symbolic meanings of floral images in the poetry by I. Annensky)]. *Russian Language at School*. 2011, no. 4, pp. 54–59.

Nalegach N. V. Obrazy tsvetov v poeticheskom mire I. Annenskogo [Images of flowers in the poetic world of I. Annensky]. *Studia Litterarum*. 2017, vol. 2, no. 2, pp. 212–227.

Nikitina E. M. Khudozhestvennye funktsii floristicheskikh obrazov v romane M. A. Sholokhova “Tikhiy Don” [Artistic functions of floral images in the novel “And Quiet Flows the Don” by Mikhail Sholokhov]. In: *Vestnik nauchno-prakticheskoy laboratorii po izucheniyu literaturnogo protsessa 20 veka: sbornik statey* [Bulletin of Literary Process of the 20th Century Research Laboratory: collection of articles]. Udodov A. B. (Ed.). Voronezh, VSPU, 2023, iss. XXVI, pp. 33–38.

Pushkareva I. A. Ob assotsiativno-smyslovom pole slova-obraza “ryabina” v lirike M. I. Tsvetaevoy [Associative and semantic field of the word-image “rowan” in the poetry by Marina Tsvetaeva]. In: *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty slova v khudozhestvennom tekste: Nauch. tr. kafedry sovremennogo russkogo yazyka i stilistiki TGPU* [Communicative and pragmatic aspects of the word in a literary text: scientific works of the Department of Russian Language and Stylistics, TSPU]. Tomsk, UNTI, 2000, pp. 35–52.

Shcherba L. V. Opyty lingvisticheskogo tolkovaniya stikhotvoreniy. I. “Vospominanie” A. S. Pushkina [Experiments in linguistic interpretation of poems. I. “Memories” by A. S. Pushkin]. In: Shcherba L. V. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on Russian language]. Moscow, Uchpedgiz, 1957, pp. 26–44.

Shirina S. A., Gremyachikh E. A. Osobennosti sozdaniya floristicheskikh obrazov v lirike I. A. Bunina [Characteristics of floral images in the poetry by I. A. Bunin]. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2010, no. 3, pp. 154–157.

Sovremennaya literatura Kuzbassa [Modern literature of Kuzbass]. In: *Klassika zemli Kuznetskoy: V 3 t.* [Classics of Kuznetsk: In 3 vols.]. B. V. Burmistrov, S. L. Donbay, G. I. Karpova (Comps.). Kemerovo, Kuzbasskiy tsentr iskusstv, 2022, vol. 3, 594 p.

Sukhova K. I. Fitonimicheskiy kod v lirike V. A. Soloukhina (na primere tsvetochnykh rasteniy) [Phytonymic code in the poetry by V. A. Soloukhin (using the

example of flowers)]. *Actual Issues of Modern Philology and Journalism*. 2022, no. 4 (47), pp. 76–83.

Temaeva Kh. N. Svoeobrazie tsvetochnoy semantiki poezii Belly Akhmadulinoy i Novelly Matveevoy [Semantics of flowers in the poetry by Bella Akhmadulina and Novella Matveeva]. *Humanities and social sciences*. 2022, vol. 94, no. 5, pp. 99–103.

Tropkina N. E., Sur'yaninova U. A. Khudozhestvennaya semantika floristicheskikh obrazov v lirike B. Akhmadulinoy: sootnoshenie ratsional'nogo i emotsional'nogo [Artistic semantics of floral images in the poetry by Bella Akhmadulina: the correlation between the rational and emotional]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal VGSPU "Grani poznaniya."* 2018, no. 1 (54), pp. 78–81.

List of sources

Nikolaeva T., Basharina E. *"Gde ty, potomok pervogo?..": dramaturgiya lyubvi* ["Where are you, the descendant of the first?..: the drama of love]. Novokuznetsk, Galereya "Sibirskoe iskusstvo," 2004, 144 p.

Информация об авторах

Ирина Алексеевна Пушкарева, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета (Новокузнецк, Россия)
Scopus Author ID 57196727270
SPIN 6918-1060

Юлия Евгеньевна Пушкарева, кандидат филологических наук, преподаватель факультета среднего профессионального образования Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Санкт-Петербург, Россия)
Scopus Author ID 57225222482
SPIN 6127-5479

Information about the authors

Irina A. Pushkareva, Doctor of Philology, Professor, Russian Language and Literature Department, Kuzbass Institute of Humanities and Pedagogy, Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation)
Scopus Author ID 57196727270
SPIN 6918-1060

Yulia E. Pushkareva, Candidate of Philology, Lecturer, Faculty of Secondary Vocational Education, Northwestern Management Institute, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation)
Scopus Author ID 57225222482
SPIN 6127-5479

Статья поступила в редакцию 12.03.2025;
одобрена после рецензирования 20.05.2025; *принята к публикации 20.05.2025*
The article was submitted on 12.03.2025;
approved after reviewing on 20.05.2025; *accepted for publication on 20.05.2025*

Научная статья

УДК 81’272
DOI 10.17223/18137083/93/18

Язык в этнологической экспертизе: опыт исследования северного города

Айса Николаевна Биткеева [1]
Ирена Семеновна Хохолова [2]
Виктория Викторовна Филиппова [3]

[1] Институт языкознания Российской академии наук
Москва, Россия

[2] Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова
Якутск, Россия

[3] Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
Якутск, Россия

[1] an.bitkeeva@iling-ran.ru, https://orcid.org/0000-0003-3765-2144
[2] iskhokholova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0066-7537
[3] Filippovav@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3900-918X

Аннотация

Статья посвящена методике оценки социального воздействия на язык и культуру в северных городах, основанной на социолингвистических подходах. Учитываются социокультурные факторы, влияющие на языковую ситуацию: близость к природе, история, политика, экономика, демография, языковая конкуренция и идеологии. Городская среда отрывает возможности для межкультурного диалога, но и создает риски языковой ассимиляции, уязвимости языков коренных народов. Языковая комфортность зависит от социально-экономического развития города. Разработаны универсальные индикаторы языковой ситуации для оценки качества жизни и интеграции в различные системы оценки, включая международную систему оценки благополучия населения Арктики. Исследование опирается на материалы комплексного анализа языкового пространства в Мирном, Якутске, Билибино, Анадыре с анкетированием и интервьюированием в 2023–2024 гг.

Ключевые слова

языки России, языковая ситуация, языковая политика, языковое пространство, социокультурные факторы, городская среда, индикатор языковой ситуации, арктические индикаторы

Для цитирования

Биткеева А. Н., Хохолова И. С., Филиппова В. В. Язык в этнологической экспертизе: опыт исследования северного города // Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 242–256. DOI 10.17223/18137083/93/18

© Биткеева А. Н., Хохолова И. С., Филиппова В. В., 2025

Language in ethnological expertise: a case study of a northern city

Aysa N. Bitkeeva [1], **Irena S. Khokholova** [2]
Viktoriya V. Filippova [3]

[1] Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

[2] M. K. Ammosov Northeastern Federal University
Yakutsk, Russian Federation

[3] Institute for Humanitarian Studies
and Problems of Indigenous Peoples of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russian Federation

[1] an.bitkeeva@iling-ran.ru, https://orcid.org/0000-0003-3765-2144
[2] iskhokholova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0066-7537
[3] Filippovav@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3900-918X

Abstract

This paper introduces a sociolinguistic methodology for evaluating the social impact on language and culture. The framework proposed makes it possible to analyze the interplay between key socio-cultural factors that are key in shaping the image of the city. These include the urban community's relationship with the natural environment, alongside historical, political, and economic influences, demographic composition, communicative and symbolic power dynamics, linguistic competition and monopoly, language ideologies, and linguistic activism in the North. While offering opportunities for intercultural exchange and the expansion of linguistic repertoires among Arctic populations, urban environments also introduce the risk of linguistic assimilation and the weakening of native languages. Linguistic comfort is directly related to socio-economic development, which consequently leads to cultural diversity and may foster either the creation of hybrid cultural forms or the integration of a local community under a single predominant language, potentially harming less widely spoken languages due to demographic expansion, labor mobility, and industrial growth. Universal linguistic indicators for quality-of-life assessment may be incorporated into a classification of indigenous communities based on their life support systems, cultural resilience, and ethnological impact evaluations. In addition, these metrics can be integrated into the international system for assessing the welfare of the Arctic population, including in urban settings. The study draws on data from a comprehensive survey of the linguistic space (2023–2024) in Anadyr, Yakutsk, Bilibino, and Mirny, with questionnaires completed by 800 respondents and interviews performed with 41 individuals from diverse social groups.

Keywords

languages of Russia, language situation, language policy, linguistic space, socio-cultural factors, urban environment, language situation indicator, arctic indicators

For citation

Bitkeeva A. N., Khokholova I. S., Filippova V. V. Language in ethnological expertise: a case study of a northern city. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*], 2025, no. 4, pp. 242–256. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/93/18

Введение

Необходимость поиска баланса между урбанизацией, индустриализацией, модернизацией и сохранением культурно-языкового наследия, обеспечения устойчивого развития арктических сообществ в условиях стремительных социокультурных изменений – один из основных вызовов нашего времени. Городская среда открывает новые возможности для межкультурного диалога и расширения языкового репертуара жителей Арктики, но в то же время создает риски языковой ассимиляции и утраты языков коренных народов. Несмотря на растущий интерес исследователей к проблемам языкового взаимодействия в северных и арктических городах, многие вопросы, связанные с функционированием и развитием многоязычия в урбанизированной среде Крайнего Севера, остаются малоизученными. Северные и арктические города редко становятся объектом гуманитарного научного анализа. Сложные природно-климатические условия, отдаленность и неразвитость транспортной инфраструктуры существенно затрудняют проведение полевых исследований в северных и арктических городах, что отражается на количестве и глубине имеющихся научных работ по данной проблематике.

Практикоориентированных исследований проблем северных и арктических регионов не гуманитарного плана больше. Так, экологами, биологами и зоологами разработаны критерии и методики для проведения экологической экспертизы, которые позволяют точно оценить и выработать стратегии развития, направленные на минимизацию экологического ущерба при освоении территорий. Это поспособствовало тому, что с 2011 г. в России началась практическая реализация закона об этнологических экспертизах.

Понятие этнологической экспертизы появилось в российской правовой системе в 1999 г. в федеральном законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»: «этнологическая экспертиза – научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса» [Этнологическая экспертиза в России, 2022, с. 10].

Немаловажна роль языка как социального показателя благополучного развития человека в Арктике, однако как оценить качественные изменения в языковом потенциале северных и арктических городов? Ученые и общественность говорят об угрозе исчезновения языков и культур народов России. Сегодня почти все языки РФ находятся на разных стадиях языкового сдвига. Казалось бы, язык и культура – величины абстрактные, но тоже поддающиеся количественному анализу. В статье представлена методика оценки социального воздействия на язык и культуру на основе комплекса показателей, влияющих на языковую ситуацию.

Представленная методология экспертизы социального воздействия на язык и культур северного города разработана на основе экспертных исследований, включающих этнокультурные показатели: зарубежных практик оценки социального воздействия (Social Impact Assessment, SIA) и арктических социальных индикаторов (Arctic Social Indicators – ASI), отечественного опыта проведения этнологической экспертизы. При разработке методологии учитывались этнокультурные показатели, представленные в рассматриваемых экспертных исследованиях.

Апробация модели экспертизы социального воздействия на язык и культуру проводилась на материале, полученном в ходе полевых исследований языкового пространства северных и арктических городов авторами статьи в Анадыре, Якут-

ске, Билибино в октябре 2023 г., Мирном и Билибино в мае – апреле 2024 г. Исследование включило проведение масштабного анкетирования и интервьюирования разных социальных групп населения городов Республики Саха (Якутия) – Якутск, Мирный и Чукотского автономного округа – Анадырь, Билибино. По численности населения Якутск относится к крупным городам (от 250 тыс. до 1 млн), Анадырь, Билибино и Мирный являются малыми городами (до 50 тыс.). В анкетировании приняли участие около 800 информантов из разных социальных групп – горожан из Якутска, Мирного, Анадыря, Билибино. Было записано 41 интервью в указанных городах (полевые материалы авторов 2023 и 2024 гг., далее – ПМА-2023 и ПМА-2024 соответственно).

1. Зарубежные практики оценки социального воздействия на язык и культуру: SIA и ASI

В зарубежной исследовательской практике термин *Social Impact Assessment* (SIA) «оценка социального воздействия» используется для обозначения процесса понимания того, как человеческие сообщества изменяются / могут измениться в результате предполагаемых или непреднамеренных управленческих действий. Под социальным воздействием (как положительным, так и отрицательным) понимается то, что переживается или ощущается отдельной социальной группой вследствие какого-либо действия (или его отсутствия) [1]. В данном документе не указаны конкретные индикаторы языковой ситуации. «Профилирование, выполненное на основе полевых исследований и анализе вторичной информации, включает анализ социально-экономических характеристик региона, ключевые социальные проблемы и характеристики затронутого сообщества (образ жизни, культура, здоровье и благополучие, права, страхи и чаяния, ключевые отрасли хозяйства), а также обзор государственного законодательства и политики, в том числе (при наличии) меры по смягчению социальных последствий, связанных с проектом» [Mathur, 2016].

В SIA основное место занимают традиционные знания (ТЗ), передаваемые из поколения в поколение, дают глубокое понимание местных экосистем и принципов устойчивого управления ресурсами. ТЗ, которые все чаще используются в рамках информированного согласия, дополняют научные данные и помогают выявлять, оценивать и смягчать потенциальные последствия с учетом культурных особенностей. По мере того, как международные документы, такие как Декларация ООН о правах коренных народов (UNDRIP), получают все большее признание, важность свободного, предварительного и осознанного согласия (СПОС) также становится все более очевидной как отдельный процесс, который необходимо соблюдать наряду с информированным согласием. В рамках SIA взаимодействие с коренными народами может включать в себя стратегии консультаций, коммуникацию с учетом культурных особенностей и разработку соглашений, таких как меморандумы о взаимопонимании (МОВ) или соглашения о выгодах от воздействия (СГВ) [2].

В российской отечественной науке за проведение исследований с опорой на международный опыт SIA высказывается Д. А. Функ. Он считает, что нужно пе-

[1] Официальный сайт ассоциации International Association for Impact Assessment. URL: https://www.iaia.org/index.php (дата обращения 24.04.2025).

[2] Официальный сайт ассоциации International Association for Impact Assessment.

рестать изобретать собственные экспертизы и начать использовать накопленный опыт SIA. По его мнению, совмещение ставшего традиционным экспертного подхода, ориентированного на оценку воздействия добывающей индустрии на локальные сообщества коренных народов, с попыткой синхронного рассмотрения адаптивных стратегий бизнес-корпорации, несомненно, ценно, поскольку максимально широкий охват различных аспектов социального воздействия добывающих компаний на местные сообщества при проведении соответствующей экспертизы (SIA), в отличие от распространенных в российской практике попыток осуществить этнологическую или этноэкологическую экспертизу, сфокусированную в основном на этнических (этносоциальных, этнокультурных) аспектах взаимодействия [Функ, 2018].

Однако сложно согласиться с данным мнением ввиду того, что зарубежный подход к языковой политике, предлагаемый недостаточный набор показателей и специфичная языковая ситуация в полиэтничной России, правовые основы, которые определяют языковую жизнь страны, не совместимы.

Первый комплексный научный обзор циркумполярного Севера как особого региона планеты был предпринят в Докладе о развитии человека в Арктике (ДоРЧА) в 2014 г. Доклад содержит всестороннюю оценку социально-экономического, культурного и политического потенциала Арктики. В данном документе в основном были представлены социально-экономические показатели, а данные по языку и культуре отсутствовали. Для устранения данного пробела был разработан следующий документ – «Арктические социальные индикаторы (Arctic Social Indicators – ASI)», в задачи которого входила разработка социальных показателей для мониторинга тенденции развития человека в Арктике. В рамках ASI-I и ASI-II были разработаны критерии отбора, исходящие из наличия данных, их доступности, простоты измерений, надежности, масштабируемости и инклюзивности в любом из арктических государств. Для ASI были выбраны шесть областей: «Демография / Здоровье», «Образование», «Материальное благосостояние», «Близость с природой», «Жизнеспособность культуры» и «Управление судьбой». Данные индикаторы хорошо отражают характерные особенности понятия благополучия в Арктике в контексте сохранения устойчивости развития населения [Fondahl et al., 2014].

В ASI-II из этнокультурных параметров были включены следующие.

1. Блок «Культурная автономия» содержал такие вопросы: Существуют ли в данном штате или регионе законы и политика, признающие институты, выступающие за культурную автономию национальных меньшинств? Существуют ли учреждения, представляющие культуры национальных меньшинств? Какова пропорция таких учреждений по отношению к меньшинствам, например, все ли народы представлены в таких организациях? Доступны ли ресурсы для таких учреждений? Существует ли политика финансирования и насколько она обеспечена ресурсами?

2. Блок «Сохранение языка» состоял только из одного вопроса: Какой процент населения говорит на языке своих предков по сравнению с населением в целом?

3. Блок «Принадлежность к культуре» определялся через два вопроса: Какой процент людей занимается рекреационной или традиционной деятельностью на земле? Каков относительный размер неформального (основанного на натуральном хозяйстве) сектора экономики?

Как видно при сопоставлении индикаторов этнокультурной ситуации в отчетах ASI-I и ASI-II, для выработки объективных выводов и принятия обоснован-

ных решений важно обеспечить сопоставимость данных по различным регионам Арктики. Однако в настоящее время такая сопоставимость отсутствует. Это затрудняет оценку состояния этнокультурного разнообразия и выработку мер поддержки отдельных этнических сообществ. Недостаточное количество специальных исследований и мониторинговых мероприятий, направленных на изучение языкового и культурного наследия народов Арктического региона, также является причиной слабого отражения проблем этнокультурных ситуаций в указанных отчетных документах.

Таким образом, проблема недостаточного отражения этнокультурной ситуации в отчетных материалах связана с отсутствием сопоставимых показателей, нехваткой специализированной информации и исследовательских инициатив.

2. Этнокультурная ситуация в этнологической экспертизе

Одной из экспертиз, в рамках которых проводятся комплексные междисциплинарные исследования, является этнологическая экспертиза (ЭЭ). Понятие этнологической экспертизы появилось в российской правовой системе в 1999 г. в федеральном законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»: «этнологическая экспертиза – научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса» [3].

Феномен этнологической экспертизы находится на начальной стадии как государственно-правового, так и научного осмысления [Этнологическая экспертиза, 2005; Ямсков, 2006; Новикова, 2018; Вахтин, 2019; Головнев, Комова, 2022].

Исследование этнологических экспертиз как эффективного инструмента регулирования имеет практическую направленность и актуально в связи с необходимостью поиска продуктивных форм взаимодействия местных сообществ и администрации; определения действенных стратегий сохранения этнокультурного наследия; разрешения конфликтных ситуаций, возникающих между коренными народами и промышленными компаниями; решения миграционных вопросов и др. Выделяются социологический, этноэкологический, феноменологический, правовой и системный подходы в проводимых сейчас в России этнологических экспертизах [Данилова, 2022].

Далее разберем этнокультурные показатели в ЭЭ, проводимых в Республике Саха (Якутия), чье законодательство в отношении ЭЭ существенно опережает федеральное.

Социально-культурная ситуация в зоне влияния планируемой и прогнозируемой хозяйственной и иной деятельности анализируется в разделе «Характеристика этнокультурного и социально-экономического развития малочисленных народов, в том числе медико-демографической, этносоциологической оценки населения». В данном разделе приводятся следующие этнокультурные показатели этнологического мониторинга:

- характеристика языковой ситуации, функционирование родного языка (социальная языковая ситуация (количество хранителей и носителей); владение род-

[3] Федеральный Закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ (ред. от 07.02.2022) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации консорциума «Кодекс». URL: https://docs.cntd.ru/document/901732262 (дата обращения 20.04.2024).

ным языком (признание языка родным); наличие литературы, СМИ, географических и административных названий на этнических языках, использование этнической символики в языковом ландшафте поселений, в оформлении административных зданий);

- преподавание родного языка и культуры в образовательных учреждениях: официальный статус школы (родной); количество часов родного языка и культуры; учебники, рабочие тетради, словари, справочники по родному языку и культуре; наличие преподавателей родного языка и культуры; экзамены по родному языку и культуре;
- характеристика культурного центра (включая местные музеи и библиотеки) по сохранению и развитию родного языка и культуры (наличие фольклорных ансамблей, сувенирных мастерских, обеспечение права на традиционные промыслы и фольклор; вклад общественных организаций в сохранение и развитие родного языка и культуры);
- описание мест историко-культурного наследия.

Ввиду того, что ЭЭ в основном проводятся в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера (КМНС), представленных в основном сельскими поселениями, авторы решили апробировать этнологическую экспертизу на материале северных городов, где наиболее контрастно высвечивается взаимосвязь и взаимозависимость вопросов недродобывающих компаний и коренных народов, состояние их традиционной среды обитания, культуры и языка. Авторы считают, что методика ЭЭ должна быть полимасштабна – региональный уровень (когда рассматривается вся страна), районный уровень (когда изучается регион и / или смежные регионы), территория муниципального образования (когда, рассматривается один район), поселенный уровень (когда рассматриваются отдельный город и / или сельский населенный пункт).

Разработка универсальных показателей (индикаторов) языковой ситуации для оценки качества жизни позволит интегрировать выработанные индикаторы не только при типологизации районов компактного проживания КМНС по потенциалу устойчивости системы жизнеобеспечения и этнической культуры, в оценках воздействия этнологической среды (ЭЭ), но и в международную систему оценки благополучия населения Арктики, в том числе и в городском пространстве.

Существующие подходы к оценке жизнеспособности языков, такие как методология ЮНЕСКО и факторы, выделенные А. Е. Кибриком, составляют ценную основу для понимания текущего состояния языкового разнообразия. Они позволяют выявить языки, находящиеся под угрозой исчезновения, и определить ключевые факторы, влияющие на их выживание. При разработке показателей витальности языка учитываются в первую очередь языковые данные (наличие межпоколенной передачи, коммуникативная мощность и др.), социальные параметры (демографическая мощность, способ расселения группы и др.). Однако, как мы полагаем, в современных условиях для более точной оценки необходимо учитывать расширенный спектр параметров. В быстро меняющемся мире, где социально-экономические факторы играют всё более важную роль, необходимо включать в анализ экономические аспекты, связь сообщества с природой, исторический контекст и идеологические установки. Игнорирование этих факторов может привести к неполной или даже ошибочной оценке витальности языка, упускающей важные движущие силы, которые влияют на его развитие или упадок.

В частности, развитие арктических регионов представляет собой яркий пример того, как экономические и социальные изменения могут оказывать глубокое воздействие на языки коренных народов. Дальнейшие исследования и разработки в области оценки жизнеспособности языков должны учитывать эти сложные взаимосвязи, стремясь к созданию комплексного и полимасштабного анализа, способного отразить реальную картину языкового ландшафта и обеспечить основу для эффективных мер по сохранению языкового и культурного наследия. Это особенно очевидно на примере развития северных и арктических регионов.

Эксперты и сами носители языков считают, что система оценки этнокультурного и языкового ущерба необходима. В. И. Шадрин вице-президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) в интервью отмечает, что в настоящее время полностью отсутствует методика расчета ущерба этнокультурным процессам, хотя с 2011 г. началась практическая реализация закона об этнологических экспертизах (ПМА, 2024).

В сборнике нормативных правовых актов и в аналитическом материале «Этнологическая экспертиза в России» под редакцией А. И. Горбуновой, отмечается, что «существующие методики расчета убытков (ЭЭ. – *А. Б., И. Х., В. Ф.*) построены на принципе доказывания валового дохода и не отражают весь комплекс взаимосвязанных потерь для традиционной экономики, сохранения языковой среды и т. д.» [Этнологическая экспертиза в России, 2022, с. 36]. Действительно, необходимым результатом научного изыскания по итогам экспертизы следовало бы считать разработку и внедрение системы мер, ориентированных на поддержание традиционного уклада жизни и хозяйствования, сохранение языков и культуры коренных малочисленных народов, а также создание рабочих мест как в традиционных, так и в новых отраслях, чтобы компенсировать утерянные объемы промыслов, что, в свою очередь, благоприятно скажется на языковой среде. При этом достижение обозначенного результата определяется не только качеством самой ЭЭ как таковой, но и, в равной степени, социальной ответственностью и политикой компании [Там же, с. 37]. Проблемы языковой среды коренных сообществ остаются вне ЭЭ, хотя как инструмент реализации государственной национальной политики Российской Федерации должны быть учтены и включены в рамках ЭЭ. Назрела необходимость разработки комплексной оценки социального воздействия на язык и культуру. При этом мы должны понимать, что языковая комфортность напрямую зависит от социально-экономического развития локуса, которое приводит в итоге к культурному многообразию и, возможно, развитию гибридных форм культур или унификации локальных сообществ, где доминирует один язык, малые языки «страдают» в результате роста численности населения, трудовой миграции, промышленного освоения и т. д. [Биткеева и др., 2023; 2025].

Соответственно, можно говорить о том, что гуманитарная проблематика оценивания этнокультурных и языковых ситуаций недостаточно разработана в отличие от социально-экономического развития арктических территорий. Учитывая, что язык является основой культуры и самоидентификации народа, его сохранение и развитие должны стать одним из приоритетов в стратегии развития Арктической зоны России. Для обеспечения языковой комфортности жителей городских поселений необходимо проводить соответствующие мероприятия, включая поддержку и развитие национальных языков, обеспечение доступа к образованию на родном языке, создание условий для использования языка на рабочих местах и в повседневной жизни и др.

3. Методология экспертизы социального воздействия на язык и культуру

В предыдущих публикациях нами подробно рассматривался комплекс методов, позволяющих системно подойти к исследованию языковой ситуации городского пространства посредством оценивания языковой комфортности [Биткеева и др., 2023].

Разработка комплексной оценки языковой комфортности базируется на ряде ключевых положений, которые определили метод расчета и источники данных. Во-первых, комплексная оценка должна быть применима к любому территориальному объединению, а не только к отдельным категориям, выделенным по численности сообщества или территориально-административному статусу. Во-вторых, предполагается возможность отслеживания динамики и адаптации оценки к изменениям, происходящим в каждом конкретном территориальном объединении. В-третьих, используемые индикаторы должны быть общедоступны, открыты и применимы для качественного и количественного выражения комплексного анализа.

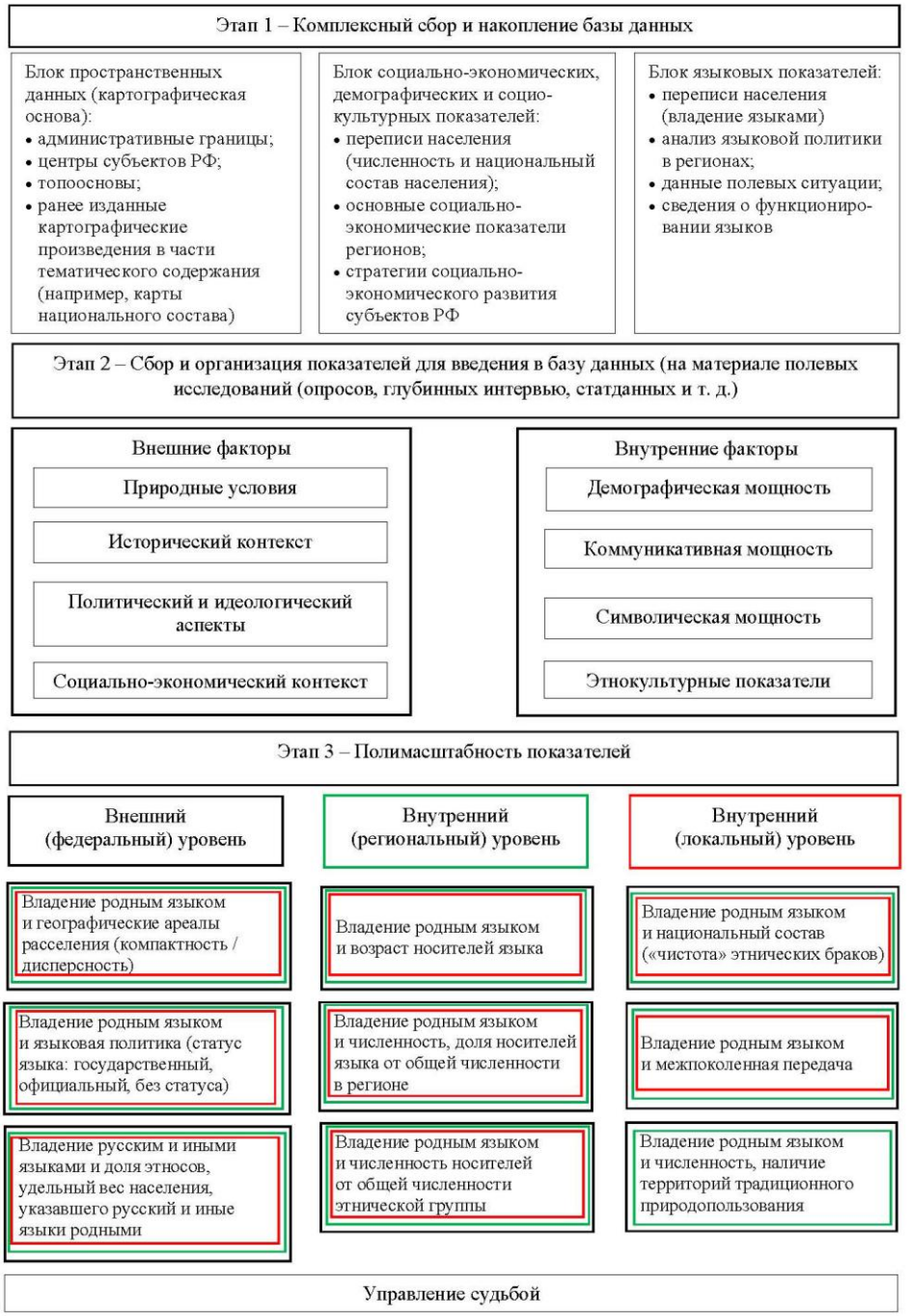
Полагаем, основой языковой экспертизы могут послужить многофакторная модель прогнозирования развития языков, разработанная сотрудниками Института языкознания РАН [Биткеева, 2022], и индикаторы оценки языковой комфортности, предлагаемые нами ранее (см.: [Биткеева и др., 2025]).

В данной статье нами предлагается усовершенствовать эту модель в части этнокультурных показателей (ЭП) и дать оценку этноязыковой ситуации (ЭС). Оценка ЭС проводилась с учетом всех факторов, детализирована в части определения оценочных факторов и суммирования их количественных и качественных показателей и определялась по формуле

$$ЭС = (ПУ + ИК + ПиИА + ДМ + СЭК + КМ + СМ + ЭП) \cdot УС,$$

где ЭС – этноязыковая ситуация; ПУ – природные условия; ИК – исторический контекст; ПиИА – политический и идеологический аспект; ДМ – демографическая мощность; СЭК – социально-экономический контекст; КМ – коммуникативная мощность; СМ – символическая мощность; ЭП – этнокультурные показатели; УС – управление судьбой.

Индикатор УС «Управление судьбой» означает механизм успешного функционального развития языков с учетом четырех аспектов, из которых первые три аспекта – правовая и институциональная поддержка развития языков, деятельность языковых активистов и научный подход в деле сохранения языков [Кибрик, 2020]. Мы к этим аспектам добавляем еще один важный аспект – социально-коммуникативный климат, который включает всех участников социально-коммуникативной системы и представляет собой языковой (коммуникативный) баланс в полиязычном, поликультурном сообществе, гармоничное софункционирование идиомов и их широкую функциональную дистрибуцию. Социально-коммуникативный климат представляет собой цепь причинно-следственных отношений в софункционировании идиомов. При учете этих четырех аспектов можно оценить языковую комфортность (см. рисунок).



Этапы проведения экспертизы влияния социального фактора на язык и культуру

Stages in assessing the social impact on language and culture

Суммирование числовых показателей выраженности исследованных факторов проводится для каждой группы показателей. Ввиду того что единицы измерения каждого показателя разные, для последующей комплексной оценки применена балльная шкала от 0 до 5. Дооценка количественных показателей проводится с привлечением качественных показателей (исторический, политический контекст и др.) для определения уровней комфортности. Для качественных показателей принимались два значения: 0 – если показатель отсутствует, 1 – если показатель имеется. При выставлении баллов учитывались особенности каждого показателя. Значимость показателя зависит от того, какое значение оно носит: негативное (отрицательное) или положительное. Больший балл ставится, если показатель имеет негативное (отрицательное) значение, меньший – если положительное. Так, чем больше площадь города, тем сложнее организовать качество жизни в нем и т. д.

Соответственно, уровни комфортности определяются через суммирование количественных показателей по каждой группе с учетом качественных показателей. В ее основу положен системный подход, который дает возможность многостороннего, взаимосвязанного рассмотрения взаимодействующих элементов, характеризующих языковую комфортность городского пространства. Подсчет баллов идет по минимальной сумме значений показателей. Чем меньше набрано баллов – тем лучше значение группы показателей. Результатом является критерий оценки, осуществленный по подсчету баллов по каждой группе показателей: *критически неблагоприятная* – более 20 баллов; *неблагоприятная* – 15–20 баллов; *относительно благоприятная* – 10–15 баллов; *благоприятная* – менее 10 баллов (см. таблицу).

Выбранный способ оценки позволяет детально рассмотреть соотнесенность таких социокультурных факторов, как исторический контекст, близость городского сообщества к природе, демографическая мощность, политический, экономический и этнокультурный контексты, коммуникативная и символическая мощность, представленных ключевыми показателями и выстраиванием городским сообществом судьбы – проявлений языковой конкуренции или языковой монополии, языковых идеологий, языкового активизма и др.

Заключение

В современных кризисных условиях усиливающееся неравенство в сфере экономики, доступа к социальным ресурсам городов провоцируют конкурентный режим взаимодействия проживающих в них этнических групп. В этой связи актуальной научной проблемой становится моделирование языковых процессов и прогнозирование их развития.

Рассмотренная методика экспертизы влияния социального фактора на язык и культуру универсальна, и в целом преимущества предложенной методики заключаются в визуализации социолингвистической ситуации среды и в совокупности представлений коллективного образа пространства, местности (района). С помощью данной методики мы можем проводить промежуточные исследования – оценивать и прогнозировать социолингвистическую ситуацию в динамике, вырабатывать стратегию и работать в фокус-группах для выявления роли глокальной культуры, сохранения или утраты идентичности в условиях урбанизации и – шире – глобализации, а также по определенным направлениям, таким как межэтнические контакты (например, проведение глубинных интервью).

Комплексная оценка этноязыковой ситуации (ЭС)
Comprehensive assessment of the ethno-linguistic situation (ES)

Город	Индикатор								Итого	Оценка языковой комфортности
	Природные условия	Исторический контекст	Политический и идеологический аспекты	Демографическая мощность	Социально-экономический аспект	Коммуникативная мощность	Символическая мощность	Управление судьбой		
Якутск	2	1	1	1	4	1	1	1	12	Относительно благоприятная
Мирный	1	2	2	4	1	4	1	3	18	Неблагоприятная
Анадырь	3	4	3	2	2	2	2	2	20	Неблагоприятная
Билибино	3	3	4	3	3	3	3	4	26	Критически неблагоприятная

Языковая комфортность заключается во взаимообусловленности правовой, административно-институциональной поддержки языков, деятельности языковых активистов, наличии научного подхода при языковом планировании и благоприятного социально-коммуникативного климата, который, в свою очередь, зависит от социально-экономического благополучия города. В зависимости от полученных итоговых баллов комплексной оценки показателей выделяются следующие уровни языковой комфортности: критически неблагоприятные – более 20 баллов, неблагоприятная – 15–20, относительно благоприятная – 10–15, благоприятная – менее 10. В исследованных городах отсутствует благоприятная языковая комфортность, что в первую очередь обусловлено суровыми природными условиями, низким качеством жизни, труднодоступностью и удаленностью.

Предлагаемая модель языковой экспертизы носит обобщающий характер, учитывает всё многообразие факторов. Данная методика оценивания требует апробации в других городах, модификации с учетом особенностей отдельного города / района и отдельных языков. Универсальность методики позволяет применять ее и в практике проведения этнологической экспертизы.

Список литературы

Биткеева А. Н. Модель социолингвистического прогнозирования и актуальные тенденции языковой политики в регионах России // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 38–52. DOI 10.25178/nit.2022.4.3

Биткеева А. Н., Хохолова И. С., Филиппова В. В. Модель языковой комфортности в городском пространстве: новые аспекты и методы исследования // Новые исследования Тувы. 2023. № 3. С. 151–170. DOI 10.25178/nit.2023.3.10

Биткеева А. Н., Хохолова И. С., Филиппова В. В. Оценка языковой комфортности в городском пространстве северного и арктического города // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 169–187. DOI 10.25178/nit.2025.2.9

Вахтин Н. Б. Этнологическая экспертиза: этносы или люди? // Этнографическое обозрение. 2019. № 4. С. 135–139.

Головнев А. В., Комова Е. А. Этноэкспертиза: таймырский дискурс // Сибирские исторические исследования. 2022. № 4. С. 158–175. DOI 10.17223/2312461X/38/9

Данилова Е. Н. Этнологическая экспертиза в теории и практике современной российской науки: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2022. 262 с.

Кибрик А. А. Сохранение языкового разнообразия России: контуры программы // Социолингвистика. 2020. № 1. С. 17–28.

Новикова Н. И. Этнологическая экспертиза в академическом дискурсе и ожиданиях коренных народов // Арктика: экология и экономика. 2018. № 1. С. 125–135.

Функ Д. А. Этнологическая экспертиза: российский опыт оценки социального воздействия промышленных проектов // Этнографическое обозрение. 2018. № 6. С. 66–79. DOI 10.31857/S086954150002453-8

Этнологическая экспертиза. Вып. 1: Оценка воздействия ООО «МетАл», ОАО «ММК» – «Магнитогорский металлургический комбинат» и УК «Южный Кузбасс» (стальная группа «Мечел») на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашенской сельской администрации МО «г. Мыски» Кемеровской области / А. Н. Садовой, О. В. Нечипоренко, В. И. Бойко, В. С. Шмаков, М. В. Белозерова. Кемерово: СКИФ, 2005. 216 с.

Этнологическая экспертиза в России. Сборник нормативных правовых актов и аналитический материал. 2022. № 1. 93 с.

Ямсков А. Н. Этноэкологические экспертизы в международных организациях // Этнология обществу / Под ред. С. В. Чешко. М.: Оргсервис-2000, 2006. С. 10–62.

Fondahl G., Susie C., Filippova V. Sakha Republic (Yakutia), Russian Federation // Arctic Social Indicators: ASI II: Implementation / Eds. Joan N. Larsen, P. Schweitzer, A. Petrov. Copenhagen: Nordisk Ministerråd, 2014. P. 55–91

Mathur H. Social Impact Assessment: An Approach to Improving Development Outcomes // Assessing the Social Impact of Development Projects: Experiences in India and other Asian Countries. Cham: Springer International Publ., Switzerland, 2016. P. 19–43.

References

Bitkeeva A. N., Khokholova I. S., Filippova V. V. Model’ yazykovoy komfortnosti v gorodskom prostranstve: novye aspekty i metody issledovaniya [Model of language comfort in urban space: New aspects and research methods]. *The New Research of Tuva.* 2023, no. 3, pp. 151–170. DOI 10.25178/nit.2023.3.10

Bitkeeva A. N., Khokholova I. S., Filippova V. V. Otsenka yazykovoy komfortnosti v gorodskom prostranstve severnogo i arkticheskogo goroda [Assessing language comfort in the urban space of a Northern and Arctic city]. *The New Research of Tuva*. 2025, no. 2, pp. 169–187. DOI 10.25178/nit.2025.2.9

Bitkeeva A. N. Model sotsiolingvisticheskogo prognozirovaniна i aktualnye tendentsii yazykovoy politiki v regionakh Rossii [Model of sociolinguistic forecasting and current trends of language policy in the regions of Russia]. *The New Research of Tuva*. 2022, no. 4, pp. 38–52. DOI 10.25178/nit.2022.4.3

Danilova E. N. *Etnologicheskaya ekspertiza v teorii i praktike sovremennoy rossiyskoy nauki* [Ethnological expertise in the theory and practice of modern Russian science]. Cand. hist. sci. diss. St. Petersburg, 2022, 262 p.

Golovnev A. V., Komova E. A. Etnoekspertiza: taymyrskiy diskurs [Ethnoexpertise: Taimyr discourse]. *Siberian Historical Research.* 2022, no. 4, pp. 158–175. DOI 10.17223/2312 461X/38/9

Etnologicheskaya ekspertiza [Ethnological expertise]. A. N. Sadovoy, O. V. Nechiporenko, V. I. Boyko, V. S. Shmakov, M. V. Belozerova. Kemerovo, SKIF, 2005, iss. 1, 216 p.

Etnologicheskaya ekspertiza v Rossii. Sbornik normativnykh pravovykh aktov i analiticheskiy material [Ethnological expertise in Russia. Collection of normative legal acts and analytical material]. 2022, no. 1, 93 p.

Fondahl G., Susie C., Filippova V. Sakha Republic (Yakutia), Russian Federation. In: *Arctic Social Indicators: ASI II: Implementation*. J. N. Larsen, P. Schweitzer, A. Petrov (Eds.). Copenhagen, Nordisk Ministerråd, 2014, pp. 55–91.

Funk D. A. Etnologicheskaya ekspertiza: rossiyskiy opyt otsenki sotsial’nogo vozdeystviya promyshlennykh proektov [Ethnological Expertise: Russian Experience in Assessing the Social Impact of Industrial Projects]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2018, no. 6, pp. 66–79. DOI 10.31857/S086954150002453-8

Kibrik A. A. Sokhranenie yazykovogo raznoobraziya Rossii: kontury programmy [Preserving the linguistic diversity of Russia: outlines of the program]. *Sociolinguistics*. 2020, no. 1, pp. 17–28.

Mathur H. Social Impact Assessment: An Approach to Improving Development Outcomes. In: *Assessing the Social Impact of Development Projects: Experiences in India and other Asian Countries*. Cham, Springer International Publ. Switzerland, 2016, pp. 19–43.

Novikova N. I. Etnologicheskaya ekspertiza v akademicheskom diskurse i ozhidaniyakh korennykh narodov [Ethnological expertise in academic discourse and indigenous expectations]. *Arctic: Ecology and Economy*. 2018, no. 1, pp. 125–135.

Vakhtin N. B. Etnologicheskaya ekspertiza: etnosy ili lyudi? [Ethnological expertise: ethnic groups or people?]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2019, no. 4, pp. 135–139.

Yamskov A. N. Etnoekologicheskie ekspertizy v mezhdunarodnykh organizatsiyakh [Ethnoecological expertise in international organizations]. In: *Etnologiya obshchestvu* [Ethnology for society]. S. V. Cheshko (Ed.). Moscow, Orgservis-2000, 2006, pp. 10–62.

Информация об авторах

Айса Николаевна Биткеева, доктор филологических наук, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН (Москва, Россия)

Ирена Семеновна Хохолова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Международной научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическая экология Арктики», доцент Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (Якутск, Россия)

Виктория Викторовна Филиппова, кандидат исторических наук, и. о. руководителя Центра арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия)

Information about the authors

Aysa N. Bitkeeva, Doctor of Philology, Head of the Scientific Research Center on Ethnic and Language Relations, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Irena S. Khokholova, Candidate of Philology, Senior Researcher, International Research Laboratory “Linguistic Ecology of the Arctic”, Associate Professor, Institute of Foreign Philology and Regional Studies, M. K. Ammosov Northeastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation)

Viktoriya V. Filippova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Acting Head, Center for Arctic Studies, Institute for Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 01.05.2025;
одобрена после рецензирования 11.06.2025; *принята к публикации 11.06.2025*
The article was submitted on 01.05.2025;
approved after reviewing on 11.06.2025; *accepted for publication on 11.06.2025*

Научная статья

УДК 811.511.1
DOI 10.17223/18137083/93/19

Языковая лояльность в марийской диаспоре Республики Башкортостан

Владислав Андреевич Орлов

Институт языкознания Российской академии наук
Москва, Россия
vladorlov@iling-ran.ru, https://orcid.org/0009-0008-6180-7154

Аннотация

Освещается вопрос языковой лояльности у марийцев старой диаспоры Республики Башкортостан. Основой исследования послужили данные, собранные в ходе опроса представителей диаспоры в трех районах Республики: Калтасинском, Мишкинском и Шаранском. Материал собирался путем глубинного полуструктурированного интервью, посвященного языковой биографии респондента, функционированию марийского языка в различных сферах жизни, отношению к марийской культуре и языку. Всего было опрошено 95 представителей диаспоры. Языковая лояльность, понимаемая в работе как отношение к языку в широком смысле, принимается как один из ключевых факторов, определяющих сохранность марийского языка в диаспоре. Обсуждаются проявления высокого уровня языковой лояльности в диаспоре, заключающиеся, в частности, в отношении к марийскому языку как к символу принадлежности к сообществу. Показывается, как языковая лояльность дает основание и мотивацию членам сообщества использовать родной язык.

Ключевые слова

марийский язык, старые диаспоры, восточные марийцы, языковая лояльность, языковая ситуация, сохранность языка, языковой сдвиг, символическая роль языка

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта “Функционирование марийских идиомов в старых диаспорах”, поддержанного РНФ (№ 24-28-00157).

Автор выражает глубокую признательность М. В. Куцаевой и Т. Б. Агранат за возможность участия в проекте и обсуждение исследования.

Для цитирования

Орлов В. А. Языковая лояльность в марийской диаспоре Республики Башкортостан // Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 257–271. DOI 10.17223/18137083/93/19

© Орлов В. А., 2025

Language loyalty in the Mari diaspora in Bashkortostan

Vladislav A. Orlov

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
vladorlov@iling-ran.ru, https://orcid.org/0009-0008-6180-7154

Abstract

This paper examines language loyalty within the Mari people in the Republic of Bashkortostan. In Russia, the Mari diaspora, dating back to the 16th century, is considered one of the older Finno-Ugric diasporas. The research data were compiled in 2024, using thorough, semi-structured interviews with ninety-five speakers from three Republic districts: Mishkinsky, Sharansky, and Kaltasinsky. The interviews addressed linguistic background, the functional spheres of the Mari language, and perceptions of Mari culture and language. This research defines language loyalty as a set of attitudes toward one's ethnic language and a key factor for its preservation within the diaspora. The findings reveal a high degree of language loyalty, manifested in the perception of Mari as a symbol of community belonging. This loyalty provides ground and motivation for the community members to use their native language as a primary means of communication and fosters disapproval of ethnic Maris who refuse to use the language. A conclusion is drawn that knowledge of Mari is a fundamental ethnic attribute and an essential component of the traditional Mari religion, necessary for performing and following rituals.

Keywords

Mari language, Eastern Mari, language loyalty, old diaspora, language shift, language preservation, language situation, symbolic function of the language

Acknowledgments

This research was conducted within the project "The functioning of Mari idioms in old diasporas," supported by the Russian Science Foundation, project no. 24-28-00157.

The author expresses her profound gratitude to M. V. Kutsaeva and T. B. Agranat for the opportunity to participate in the project and for the insightful discussions of the research.

For citation

Orlov V. A. Language loyalty in the Mari diaspora in Bashkortostan. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*], 2025, no. 4, pp. 257–271. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/93/19

Введение

Отношение сообщества к языку образует один из ключевых компонентов языковой ситуации. Это особенно актуально в случае многоязычных сообществ, в которых сосуществует несколько идиомов. Возникающее в таком случае распределение языков часто приводит к конкуренции между ними, когда один из идиомов начинает вытесняться из той или иной сферы. Более того, неустойчивость языковой ситуации может привести к постепенной утрате компетенции во владении одним из языков, т. е. спровоцировать языковой сдвиг. В этом случае рациональные и эмоциональные установки, определяющие отношение к этому языку в целом, могут стать важнейшим фактором, определяющим сохранность идиома.

В настоящей работе изучается вопрос языковой лояльности в старой марийской диаспоре Республики Башкортостан на примере марийцев Калтасинского (с. Калтасы, д. Бабаево и Кояново) Мишкинского (с. Мишкинское и Чураево,

д. Баймурзино) и Шаранского (с. Шаран, д. Акбарисово и Емметово) районов. Языковая лояльность понимается нами как «языковая приверженность коллектива» [Вахтин, Головко, 2004, с. 47], т. е. набор оценок своего языка, характеристика его пригодности для осуществления возлагаемых на него функций (см. также [ССТ, 2006, с. 261]).

Марийская диаспора Башкортостана начала образовываться в XVI в., когда марийское население массово покидало места своего исторического расселения. Среди причин исхода следует отметить частые военные столкновения Московского царства с Казанским ханством, затрагивающие местное марийское население, а также постоянно усиливающийся социальный и экономический гнёт, сопровождавший присоединение марийских земель к Московскому царству. Важнейшую роль также сыграло сопротивление политике христианизации, проводимой Российским государством (подробнее о причинах и процессе образования марийских диаспор см. [Сепеев, 2006]).

Таким образом, марийскую диаспору Башкортостана можно рассматривать как «старую» диаспору, для которой характерна сформированная идентичность, противопоставляющая себя и сообществу на «родине», и доминирующей группе в новом месте проживания (см. [Кондрашкина, 2016]). В случае с марийцами Башкортостана основаниями для такого противопоставления в первую очередь выступают язык и культура.

Марийцы Башкортостана относятся к группе восточных марийцев (*эрвел марий*), проживающих помимо Башкортостана на территории Татарстана, Удмуртии, Пермского края и Свердловской области. Язык восточных марийцев близок к луговому, но имеет ряд характерных черт, часть из которых возникла благодаря длительным и интенсивным контактами с носителями тюркских языков (башкирского и татарского). Отдельным восточномарийским говорам Башкортостана посвящены работы [Апсатарова, 1999; Сельдюкова, 2011], в которых, однако, основное внимание уделяется грамматической системе. С социолингвистической точки зрения марийская диаспора Башкортостана подробно не изучалась.

Важнейшим культурным отличием марийцев Башкортостана является традиционная марийская религия, в силу исторических причин гораздо лучше сохранившаяся здесь по сравнению с Марий Эл. Следует также отметить значительное количество культурных практик, выработанных в контакте с окружающими народами (подробнее см. [Сепеев, 1976; Садиков, 2016]).

В настоящее время Башкортостан является крупнейшим регионом проживания марийцев за пределами Республики Марий Эл (табл. 1).

Материалы исследования были собраны автором в ходе полевой работы в Калтасинском, Мишкинском и Шаранском районах Республики Башкортостан в 2024 г. С участниками исследования проводились глубокие полуструктурированные интервью на русском языке [1]; длительность интервью варьировалась

[1] Как справедливо отмечает рецензент этой статьи, проведение интервью на марийском языке могло бы способствовать большей открытости респондентов. Мы выбрали русский в качестве языка интервью по следующим соображениям. Во-первых, как отмечается далее, среди наших респондентов встречались люди, испытывающие затруднения при общении на марийском (в первую очередь это касалось детей, живущих в райцентре). Во-вторых, общение на марийском языке с исследователем, не являющимся носителем марийского языка, могло бы привести к коммуникативным затруднениям, вызванным сомнениями респондента в том, что его понимают. Наконец, проведение интервью на русском языке согласуется

в зависимости от человека и в среднем составляла 1 час. Задаваемые вопросы касались языковой биографии участника исследования, использования им марийского и иных языков в различных сферах жизни, отношения к марийской культуре и соблюдения традиций, а также отношения к марийскому языку. В табл. 2 представлен половозрастной состав итоговой выборки, указано количество респондентов в каждой когорте по населенным пунктам. Итоговое число опрошенных респондентов составило 95 человек [2].

Выборка не является сбалансированной, что объясняется, во-первых, спецификой полевой работы и зависимостью исследователя от желания респондентов, во-вторых, демографическими особенностями. Последнее особенно влияет на число респондентов в более молодых когортах (молодежь уезжает учиться и работать в более крупные города), а также на количество респондентов мужского пола.

Марийский язык занимает значительное место в жизни марийцев Башкортостана. Он остается основным языком внутрисемейного общения между родственниками старшего поколения, однако во многих семьях от него отказываются при общении с детьми. Среди причин этого явления чаще всего называется преимущественное использование русского языка в детском саду, а также интернет, подавляющее количество контента в котором также на русском языке. При этом отмечается, что материалов на марийском слишком мало, и они не способны заинтересовать ребенка. Наконец, русский язык воспринимается как гораздо более перспективный по сравнению с марийским, в связи с чем многие родители, желающие своим детям лучшего будущего, учат их в первую очередь именно русскому (см. также обсуждение в разделе 3).

Указанные тенденции в первую очередь характерны для более крупных населенных пунктов (сёла-райцентры: Калтасы, Мишкино, Шаран), в которых роль русского исторически выше. Однако и в деревне, как отмечает большинство респондентов, дети массово перестают усваивать марийский язык, в связи с чем и взрослые при общении с ними переключаются на русский.

В таких обстоятельствах языковая лояльность становится важным фактором сохранности языка. Межпоколенческая передача языка во многом зависит от того, считают ли родители значимым то, что их дети владеют родным языком. В настоящей работе показывается, что в условиях, когда русский язык является доминирующим практически во всех социальных и экономических сферах, сохранность марийского языка во многом обеспечивается тем, что в сообществе ощущается его важность для самоидентификации и ассоциации себя с марийской культурой.

Дальнейшее изложение организовано следующим образом. Раздел 1 посвящен понятию языковой лояльности и обсуждению различных взглядов на языковую лояльность в литературе. Основные результаты исследования представлены в разделах 2 и 3, где приводятся характеристики языковой лояльности в диаспоре, а также исследуется связь между языковой лояльностью и сохранностью языка. Основные выводы и перспективы исследования приводятся в разделе «Заключение».

с методикой более ранних исследований марийской диаспоры в Московском регионе [Кучаева, 2020; 2023], что облегчает сопоставление результатов этих работ с нашей.

[2] В силу различных причин с отдельными респондентами не удавалось обсудить тот или иной вопрос, из-за чего итоговое количество ответов отличается для каждого вопроса. Я указываю количество опрошенных для каждого вопроса в тексте.

Таблица 1

Динамика численности марийского населения в регионах РФ по данным переписей населения [*]

Table 1

Dynamics of the Mari population in the regions of Russia according to the census data

Место	Год								
	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2020
РСФСР / РФ	428 001	476382	498 066	581 082	599 637	643 698	604 298	547 605	423 803
Марий Эл	247 979	273 332	279 450	299 179	306 627	324 349	312 178	290 863	246 560
Башкортостан	79 298	90 163	93 902	109 638	106 793	105 768	105 829	103 658	84 988

[*] Таблица составлена по: Всероссийская перепись населения 2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul; Demoscope weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6/. Цит. по: [Куцаева, 2023].

Таблица 2

Половозрастной состав выборки по населенным пунктам

Table 2

Sex and age demographics of the sample, categorized by the respondent residency

Когорта	Калтасинский р-н		Мишкинский р-н		Шаранский р-н		Итого	
	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М
12–20	**2**; из них: К – 2; Б – 0; Кй – 0	0	**5**; из них: М – 1; Ч – 2; Бай – 2	**5**; из них: М – 2; Ч – 2; Бай – 1	**2**; из них: Ш – 1; А – 1; Е – 0	0	**9**	**5**
21–30	0		0		**1**; из них: Ш – 1; А – 0; Е – 0	**1**; из них: Ш – 1; А – 0; Е – 0	**1**	**1**

Окончание табл. 2

Когорта	Калтасинский р-н		Мишкинский р-н		Шаранский р-н		Итого	
	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М
31–40	**3**; из них: К – 1; Б – 0; Кй – 1	**1**; из них: К – 0; Б – 1; Кй – 0	**4**; из них: М – 3; Ч – 1; Бай – 0	0	0		**7**	**1**
41–50	**4**; из них: К – 3; Б – 0; Кй – 1	0	**3**; из них: М – 0; Ч – 1; Бай – 2	0	**1**; из них: Ш – 0; А – 1; Е – 0	0	**8**	**0**
51–60	**14**; из них: К – 4; Б – 5; Кй – 5	**1**; из них: К – 1; Б – 0; Кй – 0	**7**; из них: М – 0; Ч – 3; Бай – 4	0	**4**; из них: Ш – 0; А – 3; Е – 1	0	**25**	**1**
61–70	**3**; из них: К – 0; Б – 2; Кй – 1;	**1**; из них: К – 1; Б – 0; Кй – 0	**13**; из них: М – 4; Ч – 5; Бай – 4	**4**; из них: М – 1; Ч – 1; Бай – 2	**4**; из них: Ш – 0; А – 2; Е – 3	**1**; из них: Ш – 0; А – 0; Е – 1	**20**	**6**
71+	**1**; из них: К – 1; Б – 0; Кй – 0	**2**; из них: К – 1; Б – 1; Кй – 0	**4**; из них: М – 1; Ч – 2; Бай – 1	**1**; из них: М – 0; Ч – 1; Бай – 0	**3**; из них: Ш – 1; А – 2; Е – 0	0	**8**	**3**
Итого	**27**	**5**	**36**	**10**	**15**	**2**	**78**	**17**
						Всего	**95**	

Условные обозначения: А – д. Акбарисово, Б – с. Бабаево, Бай – д. Баймурзино, Е – д. Емметово, К – с. Калтасы, Кй – д. Кояново, М – с. Мишкинское, Ч – с. Чураево, Ш – с. Шаран.

1. О языковой лояльности

Термин «языковая лояльность» восходит к работе У. Вайнрайха (1953), посвященной языковым контактам, где определяется как установка в сообществе, придающая родному языку более высокую ценность по сравнению с другими языками; ценность, которая нуждается в активной защите. Важнейшим аспектом языковой лояльности считается наличие действий, направленных на поддержку своего языка, а также осознание его как символа сообщества [Weinreich, 1979, p. 99–102].

Дальнейшее развитие термин получил в работах Дж. Фишмана, где больший упор делается уже на психологическое отношение группы к своему языку (см., например: [Fishman, 1966; 1991]). При таком подходе языковая лояльность определяется как совокупность оценок коллективом языка, которая может варьироваться от активной поддержки языка до пренебрежения и даже отрицательного отношения к нему.

Это определение принимается и в настоящей статье. Необходимо, однако, учитывать, что вопрос языковой лояльности рассматривался Дж. Фишманом в том числе с практической перспективы, и подъем уровня языковой лояльности в его работах считался важным шагом на пути сохранения или возрождения языка (см. обсуждение в [Баранова, 2010, с. 16]). В рамках данной работы мы по большей части отвлекаемся от практического аспекта языковой лояльности и сосредотачиваемся на описании степени языковой лояльности как психологического набора установок к языку в сообществе (см. аналогичный подход в [Баранова, 2010; Куцаева, 2020]).

2. Языковая лояльность в марийской диаспоре Башкортостана

В предыдущем разделе мы определили языковую лояльность как отношение к языку в сообществе. В этом и следующем разделах мы подробно рассмотрим отношение к марийскому языку в старой марийской диаспоре Башкортостана, а также затронем вопрос о связи языковой лояльности и сохранности языка.

Ответы респондентов, отражающие степень их языковой лояльности, могли возникнуть при обсуждении различных тем, однако в основном концентрировались вокруг следующих вопросов:

1) Какой, по Вашему мнению, язык необходимо знать Вам, Вашим детям? Какой набор языков понадобится в будущем?

2) Достаточно ли марийский язык преподается в школе?

3) Стараетесь ли Вы сохранить язык – передать его детям? Если да, то каким образом?

4) Боитесь ли Вы, что марийский язык исчезнет?

5) Назовите Ваш родной язык.

6) Можете ли Вы назвать марийцем марийца (по происхождению), который не знает марийского языка?

7) Будете ли Вы поправлять марийца, если он начнет говорить с Вами по-русски? Перейдете ли Вы сами на русский?

8) Что Вас делает марийцем / марийкой?

При этом вопросы (1)–(4) в основном направлены на «утилитарную» оценку марийского языка и его перспективы, тогда как (5)–(8) в большей степени затрагивали личное отношение к языку и его связь с идентичностью респондента.

Вопрос о языковой лояльности в значительной степени связан с тем, какой язык респондент определяет в качестве родного. Отметим, что само понятие «родной язык» неоднозначно (см. [Беликов, 1997, с. 13–14]), и ответ на вопрос (5) может, в частности, восприниматься как ответ на вопрос о языке, доминирующем функционально, или же о языке-символе, отражающем принадлежность к группе.

Как обсуждалось выше, функциональное доминирование марийского языка коррелирует с возрастом респондента и местом проживания, и представители более старших поколений (30 лет и более), а также жители деревень, используют марийский язык практически во всех сферах жизни за исключением общения с детьми и немарийцами.

Однако родным марийский язык указывают и марийцы – жители райцентра, а также молодые респонденты, что свидетельствует о его значимой символической роли. Среди 89 респондентов, ответивших на вопрос (5), лишь 2 человека указали родным языком не марийский язык. В обоих случаях в качестве родного языка был указан русский. Ответ обосновывался тем, что русский язык для них – функционально первый. При этом о том, что они преимущественно пользуются русским языком, заявило 24 респондента. Об определении марийского как родного в символической функции говорит и то, что его указывают респонденты, по их словам, не владеющие (в полной мере) языком: «Марийский родной, хоть я и не разговариваю <…> в детстве только, а сейчас только с подружками секретничаем. <…> Подружки смеются, что акцент у меня» (Ж, 44, К) [3].

О высокой символической значимости марийского языка может свидетельствовать также ответ на вопрос (8). Отметим, однако, что для многих респондентов сама формулировка этого вопроса вызывала некоторые затруднения, что – можно предположить несколько спекулятивно – в какой-то степени отражает устойчивость положения башкирских марийцев по отношению к внешней среде, не требующей от них активного отстаивания своей идентичности (ср. с во многом противоположной ситуацией и соответствующими размышлениями московских марийцев в [Куцаева, 2020]) [4].

[3] Каждая цитата сопровождается информацией о поле, возрасте респондента и месте его проживания (условные обозначения см. в табл. 2). Далее в цитатах курсив используется для выражений на марийском языке; жирным шрифтом отмечены наиболее важные реплики, подтверждающие тезис.

[4] Если это предположение верно, то можно несколько уточнить слова У. Вайнрайха [Weinreich, 1979, p. 100] о процветании языковой лояльности в условиях языкового контакта. Многовековые интенсивные контакты с тюркскими народами и их влияние во многом определили идентичность современных марийцев Башкортостана, что привело к тому, что значительный культурный пласт, образовавшийся в результате этого влияния, стал осознаваться частью этой идентичности, во многом сглаживая возможную проблемность межэтнического общения. Напротив, все более возрастающее влияние русского языка и культуры осознается нашими респондентами как проблемное и потенциально опасное для сохранности марийской идентичности. Отметим также, что как проблемное воспринимается и влияние литературного марийского языка, в значительной степени непонятного для наших респондентов, в особенности для тех, кто не изучал его в достаточной мере в школе. Ср.: «Раньше ‘государство’ *государством* было, а сейчас *кугыжаныш*. Я считаю, что это издевательство над языком. ‘Марийская литература’ – *мари литература*. А сказали, что *а* – рус-

Нам удалось получить 77 ответов на вопрос (8). Язык в качестве средства осознания себя марийцем указало 34 человека (примерно 44 %).

О символической роли марийского языка говорят также ответы на вопрос (6). Марийцы, не владеющие этническим языком, – явление относительно новое для марийской диаспоры Башкортостана, и все еще не до конца осознанное многими членами сообщества (см. подробнее в разделе 3). Из 74 респондентов, ответивших на вопрос (6), половина (37 человек) указала, что марийцем нельзя назвать человека, не владеющего марийским языком. По нашим данным не прослеживается связи между ответом на этот вопрос и местом жительства респондента.

Однако существует зависимость между ответом респондента на вопрос (6) и его возрастом. Так, наиболее часто о том, что марийцем может быть и человек, не знающий языка, говорили люди в когорте 71+ (5 человек из 7 ответивших), что связано с пониманием этничности как национальности, указанной в «графе в паспорте»: «Родом-то все равно мариец. У меня и дети в паспортах марийцами написаны, хоть и не знают своего языка. Но национальность – марийцы» (М, 90, К). В остальных когортах распределение примерно равное. Отметим также мысль о необходимости учить марийский язык в случае его незнания, встречающуюся, как правило, у более молодых респондентов.

Большинство опрошенных подчеркивало роль языка для осознания себя марийцем: «Не знаю, кто это! Как можно не знать свой родной язык? Если мариец, то свой родной язык не забывает. С материнским молоком если впитал, то не забывает!» (Ж, 62, Ч). Указывалось также на то, что без языка понять, является ли человек марийцем, невозможно.

Знание языка также воспринимается как важная часть связи с культурой. Так, одна из респонденток, размышляя о своей семье, сказала следующее: «У меня дочка по идее наполовину марийка. Она хотя бы понимает. Но внуки уже всё. Я думаю, марийский надо знать хотя бы на уровне бытовом. Ладно, хотя бы понимаешь если. Но если не понимаешь – это уже не мариец. Кто понимает, но не говорит, – на нем уже порвется эта нить» (Ж, 59, К).

При этом примерно половина ответивших респондентов считает, что знание марийского языка не является ключевым фактором в определении человека марийцем.

Некоторая часть из этих ответов подразумевала определение «по паспорту» (см. выше), однако встречались и размышления на тему того, что знание языка в нынешних реалиях доступно далеко не для всех марийцев, что особенно верно в отношении тех, кто проживает вне диаспоры: «Это тяжелый вопрос. Люди живут далеко, себя марийцами считают. **У них возможности нет учить язык. Но при этом у них хватает мужества называть себя марийцами.** Надо гордиться такими людьми!» (Ж, 66, Б). Некоторые респонденты отмечают также, что «марийскость» не сводится только к языку: «Мариец – это не только язык. Это и выражение через мысли и через жесты. Даже через танец. “Веревочку” правильно

ское окончание, поэтому *мари литературо. Музей* – интернациональный корень же! А теперь *тоштер* – ‘центр старины’ получается, что ль. Может, я не права, но считаю, что нельзя до такой степени издеваться над языком. Поэтому некоторые даже газет не читают – выписывают на русском, потому что не понимают, что там написано [если на марийском. – *В. О.*]. Когда на русском читаешь, все понятно и ясно кажется. А на марийском, когда переводишь, – настолько это сложно! Если человек много этим занимается, ему нетрудно. А те, кто много на русском говорят – на марийском [только. – *В. О.*] на бытовом уровне, – они перестают выписывать» (Ж, 56, Б).

только мариец танцевать может. Тоже, **как мариец, танцевать будет**, а не как татарин или русский» (Ж, 58, Кй).

В связи с этим значимыми представляются данные по вопросу (6), в первую очередь отражающему коммуникативные предпочтения респондентов, но также и связь между этническим языком и принадлежностью к сообществу. Подавляющее большинство респондентов (58 человек из 72 опрошенных) будут общаться с марийцем на марийском, даже если тот изначально обратился к ним по-русски; 37 человек заявили, что сделают замечание марийцу, говорящему по-русски (табл. 3).

Таблица 3

Будете ли Вы поправлять марийца, если он начнет говорить с Вами по-русски? Перейдете ли Вы сами на русский?

Table 3

Would you correct a Mari if he addressed you in Russian? Would you switch to Russian yourself?

Когорта	Всего опрошенных	Перейдут на марийский и сделают замечание	Просто перейдут на марийский	Продолжат общение на русском
12–20	11	3	6	2
21–30	2	2	-	–
31–40	4	-	3	1
41–50	7	-	5	2
51–60	20	12	7	1
61–70	20	14	–	6
71+	8	6	–	2
Всего	**72**	**37**	**21**	**14**

Естественно, что более склонны делать замечания возрастные респонденты. Так, среди 28 респондентов старше 61 года 20 заявили о том, что с марийцем будут общаться по-марийски, при этом все указали, что сделают марийцу замечание при попытке заговорить с ними на русском. В более молодых когортах респонденты чаще считают замечания потенциально конфликтной линией поведения, но всё равно переходят на марийский.

В ответах респондентов прослеживается две основные причины, почему они предпочтут общаться на марийском. Во-первых, общение на марийском воспринимается как более простое и естественное, и респонденты мотивируют переход тем, что им «на марийском проще общаться» (Ж, 15, Бай), и тем, что «у марийцев на русском акцент есть» (Ж, 56, Бай). Вторая причина заключается в негативном отношении к марийцам, избегающим говорить на родном языке: «У меня внутри уже начинает гореть. Ты кто, блин? Ты мариец или кто?! Если другой национальности человек, то все нормально. Но если мариец по-русски начинает, у меня внутри все горит. Есть какое-то. **Выпендривается или это**. Это куда годится?» (М, 62, Бай); «Если в городе встретишь, то мы сначала на русском. А вдруг он мариец, но на марийском не знает? Или он такой, что не хочет на марийском. Если это такого уровня человек – пожалуйста, я с тобой на марийском не буду.

Но если он человек, и, если мы начали на русском, я спрошу, мариец ли он. И **мы начинаем на марийском. Значит, этот человек достоин уважения.** А е**сли он на марийском не хочет, то, значит, бесполезно с ним спорить. Значит, такого уровня этот человек. Значит, нету уровня**» (Ж, 56, Б).

Таким образом, в диаспоре поддерживается высокий уровень языковой лояльности, и марийский язык играет важную символическую роль для значительного числа респондентов, являясь признаком принадлежности к сообществу. В следующем разделе мы обсудим вопрос взаимосвязи языковой лояльности и сохранности языка. В частности, будет показано, что в отсутствие прагматических причин именно высокий уровень языковой лояльности в диаспоре дает мотивацию к поддержке и использованию марийского языка.

3. Языковая лояльность и сохранность языка

Взаимосвязь между языковой лояльностью и сохранностью языка достаточно сложна, и исследователи по-разному отвечают на вопрос, является ли высокая лояльность достаточной предпосылкой для ведения практической деятельности в сообществе по поддержке языка (см. обсуждение в поддержку этой точки зрения в [Fishman, 1991]; критику в [Баранова, 2010] и цитируемую там литературу). В этом разделе мы рассмотрим вопрос о связи языковой лояльности и сохранности языка в марийской диаспоре Башкортостана, в частности вопросы восприятия практической значимости марийского языка в сообществе и взгляд на основные риски для языка, а также отношение в сообществе к различным мерам по поддержке марийского языка.

Обратимся для начала к вопросу оценки сохранности марийского языка в сообществе. Основные суждения на эту содержались в ответах на вопросы (3) и (4). Среди 82 человек, ответивших на эти вопросы, 69 признались, что испытывают страх за будущее марийского языка. Отметим, что среди 23 респондентов, не считающих, что марийский язык может исчезнуть, преобладают выходцы из Калтасинского (11 из 29 ответивших) и Шаранского (7 из 14 ответивших) районов.

Основная причина страха заключается, как уже отмечалось выше, в том, что во многих семьях язык перестает передаваться детям. Наши респонденты предлагают несколько объяснений этого. Во-первых, отмечается негативная роль детского сада, где детей обучают на русском языке: «Боимся, конечно. Наши внуки и внучки точно говорить не будут. Ругаю своих: “почему не говорят на марийском?”. В Чураево боимся особенно. **В соседних деревнях хотя бы садика нет, а тут с двух лет начинают уже по-русски**. Воспитательница марийка, но часть детей из города, по-марийски совсем не понимают, поэтому уж по-русски приходится» (Ж, 55, Ч). При этом часто отмечается, что воспитатели просят родителей больше говорить с детьми на русском, мотивируя это тем, что у русскоговорящего ребенка будет преимущество в школе. Иногда говорится даже о некоем официальном распоряжении, предписывающим воспитателям учить детей исключительно на русском. Среди причин языкового сдвига у детей называют также смешанные браки, когда родители, не владеющие языком друг друга, переходят на русский язык (см. цитату далее), а также интернет и телевидение, где также преобладает русский язык.

Вторая причина страха за марийский язык связана со взглядами на будущее деревни. Многие респонденты отмечают практически полное отсутствие перспектив жизни в деревне для молодых и прогнозируют в этой связи исчезновение ма-

рийского языка с уходом старших поколений – деревенских жителей: «Мы-то еще ладно – разговариваем... А вот в город уезжает [кто] – там всё меньше разговаривают... Детей в школе всё меньше – так и школа закроется... А там и деревня всё! Бабушки с дедушками только останутся» (Ж, 44, Бай); «…бывает страшно иногда, что пропадет наш язык; дети больше в городе, а в деревне работы нет. **Если бы в деревне жили, тогда, может, продолжилась бы традиция**… Но женятся на других нациях – и всё – может язык пропасть! **Мариец женится на русской – дети по-русски будут говорить.** Так и пропадает, наверно, язык...» (Ж, 60, Бай).

Таким образом, угрозы для марийского языка в диаспоре наши респонденты главным образом связывают с социально-экономическими факторами. В этих условиях изучение родного языка может восприниматься как менее перспективное по сравнению с доминирующим русским. Молодые люди в меньшей степени связывают свое будущее с деревней и, соответственно, могут считать, что марийский язык в будущем им не пригодится.

В этих условиях высокий уровень языковой лояльности представляется тем фактором, который определяет желание членов сообщества пользоваться марийским языком. Как было показано в предыдущем разделе, знание и использование марийского языка играет важную символическую роль в диаспоре, являясь одним из основных маркеров принадлежности к сообществу и ассоциации себя с марийской культурой.

Последний пункт определяет также взаимосвязь между марийским языком и марийской традиционной религией, также являющейся одним из оснований марийской идентичности в диаспоре (см. выше). Знание марийского языка необходимо для правильного соблюдения ритуала. Вот, например, как описывает молитвенный день, одна из респонденток из с. Бабаево «Как умею, как мама делала. А читать что-то еще душа уже не лежит… *Кумал ме кече* еще, молитвенный день после *Кугече*. В воскресенье это бывает. В печку блины кидаем и молимся. Но я стараюсь много не говорить (не молиться). Я точных наук человек, но соблюдать обычаи хочется. (Л: А мóлитесь на марийском языке?) Р.: – **на другом и нельзя молиться: не поймут, наверно**» (Ж, 76, Б).

Цитата показывает также, что в контексте религии язык также играет ключевую роль как средство общения с предками. Отдельные респонденты напрямую указывали на необходимость знать марийский язык, чтобы можно было обращаться к своим предкам: «[говоря о языках, которые понадобятся в будущем. – *В. О.*] как без родного? Это же связь с предками! Как же без него? предки же не услышат!» (Ж, 45, Ч). В более широкой перспективе об этом говорит и следующая респондентка, утверждающая, что знание родного языка – это в том числе проявление почтения к своим предкам: «Некоторые прямо говорят: “зачем марийский язык нужен? Он только для деревни!”. Да не в этом дело! Это ведь корни твои! Оно дает тебе силы на всю дальнейшую жизнь. Через материнское молоко тебе передается зов твоих предков – твои корни. А если ты это не ценишь, то, значит, у тебя этого нет. Значит, ты свою семью не уважаешь. А если ты на родном языке говоришь, то у тебя неосознанно... на генетическом уровне ты даешь добро своим детям. Ты, может, не задумываешься над этим, но это есть. Это законы жизни» (Ж, 56, Б).

Таким образом, высокий уровень языковой лояльности обеспечивает мотивацию для представителей марийской диаспоры Башкортостана пользоваться своим языком, что поддерживает его высокий статус в сообществе.

Заключение

В статье была описана языковая лояльность, т. е. набор психологических установок, членов сообщества к языку в старой марийской диаспоре Республики Башкортостан. Исследование основывалось на собственных полевых данных автора, собранных методом глубинного полуструктурированного интервью с представителями диаспоры.

Судя по этим данным, диаспора демонстрирует высокий уровень языковой лояльности по отношению к марийскому языку. Марийский язык не только является основным коммуникативным средством в диаспоре, но и выполняет важную символическую функцию, являясь наравне с традиционной марийской религией важнейшим компонентом идентичности восточных марийцев. Владение марийским языком отличает членов сообщества не только от соседних тюркских народов, но и от марийцев Мари Эл, которые часто воспринимаются в диаспоре как «обрусевшие».

Помимо описания проявлений языковой лояльности в диаспоре, мы также выдвинули гипотезу, что языковая лояльность может давать мотивацию членам сообщества для поддержки своего языка, давая основания для его использования в условиях, когда язык последовательно вытесняется из всех сфер социально-экономической жизни. В марийской диаспоре Башкортостана это проявляется в том, что знание языка является необходимым условием принадлежности к сообществу и к марийской культуре в целом. Марийский язык также продолжает играть важную духовную роль в сообществе, будучи языком религии, что дает еще одно основание для его использования.

Следует отметить, однако, что подобная мотивация, хотя и сильная, вряд ли может помочь в поддержании марийского языка среди марийцев, оторванных от сообщества. В поколении, выросшем вне сообщества марийцев Башкортостана, символическая роль марийского языка ощущается уже не столь явно (см. [Куцаева, 2020; 2023] об этом на примере марийцев московского региона), что может привести к утрате языка.

Список литературы

Апсатарова С. И. Мишкинский говор в системе диалектов марийского языка: Фонетико-морфологическая характеристика: Дис. … канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1999. 195 с.

Баранова В. В. «Каждый калмык должен знать родной язык?» Языковая лояльность сообщества в диахронии // Nomen est omen: Сб. ст. к 60-летию Николая Борисовича Вахтина (от непослушных учеников) / Под ред. А. К. Байбурина, Е. В. Головко. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2010. С. 15–23.

Беликов В. И. Надежность советских этнодемографических данных // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект: Сб. ст. / Сост. А. И. Кузнецова, О. В. Раевская, С. С. Скорвид. М., 1997. С. 12–43.

Вахтин Н. Б., Головко Е. В. Социолингвистика и социология языка: Учеб. пособие. СПб.: Гуманитарная Академия, 2004. 336 с.

ССТ – Словарь социолингвистических терминов / Под ред. В. Ю. Михальченко. М.: ИЯз РАН, 2006. 312 с.

Кондрашкина Е. А. Диаспора // Язык и общество. М.: Азбуковник, 2016. С. 134–142.

Куцаева М. В. Марийцы Москвы: этническая идентичность и языковая лояльность в условиях внутренней диаспоры // Родной язык. 2020. № 2. С. 124–150.

Куцаева М. В. Из старой диаспоры в новую: к вопросу о сохранности языка и культуры башкирских марийцев (на материале социолингвистического обследования в марийской диаспоре московского региона) // Урало-алтайские исследования. 2023. Т. 51, № 4. С. 54–79.

Садиков Р. Р. Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография). Уфа: Первая типография, 2016. 274 с.

Сельдюкова А. Т. Исследование марийского диалекта в иноязычном окружении (прибельский диалект). М.: ИЯз РАН, 2011. 275 с.

Сепеев Г. А. Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX в.). Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1976. 247 с.

Сепеев Г. А. История расселения марийцев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 200 с.

Fishman J. A. Language loyalty in the United States: the maintenance and perpetuation of non-English mother tongues by American ethnic and religious groups. The Hague: Mouton, 1966. 478 p.

Fishman J. A. Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Multilingual Matters, 1991. 431 p.

Weinreich U. Languages in Contact: Findings and Problems. Hague: Mouton Publishers, 1979. 265 p.

References

Apsatarova S. I. *Mishkinskiy govor v sisteme dialektov mariyskogo yazyka: Foneti-ko-morfologicheskaya kharakteristika* [Mishkino Mari in the system of the Mari dialects. Phonological and morphological characteristics]. Cand. Philol. Sci. diss. Yoshkar-Ola, 1999, 195 p.

Baranova V. V. “Kazhdyy kalmyk dolzhen znat’ rodnoy yazyk?” Yazykovaya loyal’nost’ soobshchestva v diakhronii [Should every Kalmyk know his native language?” Linguistic loyalty of the community in diachrony]. In: *Nomen est omen: Sb. st. k 60-letiyu Nikolaya Borisovicha Vakhtina (ot neposlushnykh uchenikov)* [Nomen est omen: Collection of articles for the 60th anniversary of Nikolai Borisovich Vakhtin (from disobedient students)]. A. K. Bayburin and E. V. Golovko (Eds.). St. Petersburg, Evropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge, 2010, pp. 15–23.

Belikov V. I. Nadezhnost’ sovetskikh etnodemograficheskikh dannykh [Reliability of Soviet ethnodemographic data]. In: *Malyye yazyki Yevrazii: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Minor languages of Eurasia. Sociolinguistic perspective]. A. I. Kuznetsova, O. V. Raevskaya, S. C. Skorvid (Eds.). Moscow, 1997, pp. 12–43.

Fishman J. A. *Language loyalty in the United States: the maintenance and perpetuation of non-English mother tongues by American ethnic and religious groups*. The Hague, Mouton, 1966, 478 p.

Fishman J. A. *Reversing language shift: Theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages*. Clevedon, Multilingual Matters, 1991, 448 p.

Kondrashkina E. A. Diaspora In: *Yazyk i obshchestvo* [Language and society]. Moscow, Azbukovnik, 2016, pp. 134–142.

Kutsaeva M. V. Mariytsy Moskvy: etnicheskaya identichnost’ i yazykovaya loyal’nost’ v usloviyakh vnutrenney diaspory [Moscow Mari. Ethnic identity and language loyaty in an inner diaspora]. *Rodnoy yazyk*. 2020, no. 2, pp. 124–150.

Kutsaeva M. V. Iz staroy diaspory v novuyu: k voprosu o sokhrannosti yazyka i kul'tury bashkirskikh mariytsev (na materiale sotsiolingvisticheskogo obsledovaniya v mariyskoy diaspore moskovskogo regiona) [From the old diaspora to a new one: Language and culture preservation in Bashkir Mari diaspora (based on sociolinguistic research on the Moscow region diaspora)]. *Ural-Altaic Studies*. 2023, vol. 51, no. 4, pp. 54–79.

Sadikov R. R. *Finno-ugorskie narody Respubliki Bashkortostan (istoriya, kul'tura, demografiya)* [Finno-ugric people of the Bashkortostan Republic (History, Culture and Demography)]. Ufa, Pervaya tipografiya, 2016, 274 p.

Sel’dyukova A. T. *Issledovanie mariyskogo dialekta v inoyazychnom okruzhenii (pribel’skiy dialekt)* [Research on a Mari dialect in foreign sorrounding (Pribelsky dialect)]. Moscow, Institute of Linguistics RAS, 2011, 275 p.

Sepeev G. A. *Istoriya rasseleniya mariytsev* [History of Mari resettlement]. Yoshkar-Ola, MNRILCL, 2006, 200 p.

Sepeev G. A. *Vostochnye mariytsy. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie material'noy kul’tury (seredina 19 – nachalo 20 v.)* [Eastern Mari. Ethnohistoric research on material culture]. Yoshkar-Ola, Mariyskoye kn. izd., 1976, 247 p.

Slovar’ sotsiolingvisticheskikh terminov [Dictionary of sociolinguistic terms]. V. Yu. Mikhal’chenko (Ed.). Moscow, Institute of Linguistics RAS, 2006, 312 p.

Vakhtin N. B., Golovko E. V. *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka: Ucheb. posobie* [Sociolinguistics and sociology of language: A textbook]. St. Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya, 2004, 336 p.

Weinreich U. *Languages in Contact: Findings and Problems*. Hague, Mouton Publishers, 1979, 265 p.

Информация об авторе

Владислав Андреевич Орлов, младший научный сотрудник Группы финно-угорских языков Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН (Москва, Россия)

Information about the author

Vladislav A. Orlov, Junior Researcher, Group for Finno-Ugric Languages, Department of Ural-Altaic Languages, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 30.09.2024;
одобрена после рецензирования 20.03.2025; *принята к публикации 20.03.2025*
The article was submitted on 30.09.2024;
approved after reviewing on 20.03.2025; *accepted for publication on 20.03.2025*

Рецензия

УДК 821.161.1(092)
DOI 10.17223/18137083/93/20

Валентин Распутин в диалоге научных идей и творческих практик

Рецензия на книгу:

Валентин Распутин: pro et contra, антология. Современные аспекты исследования: Монография / Науч. ред., сост., вступ. ст. Н. В. Ковтун; отв. ред. Ю. М. Брюханова. СПб.: РХГА, 2024. 664 с.

Екатерина Евгеньевна Вахненко

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия
katy250579@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2728-7465

Аннотация

Представлен взгляд на издание, которое предполагает аккумуляцию разных научных и критических взглядов на творчество В. Распутина, систематизацию представлений о художественном мире его текстов, демонстрацию различных рецепционных практик в чтении произведений классика деревенской прозы. Одновременно с этим намечается перспектива не хрестоматийного подведения итогов, а наращения смыслов и расширения интерпретационного поля, возможного благодаря новым аспектам взаимодействия (межкультурным, междисциплинарным и т. д.). Актуальность издания также связана с повышающимся запросом современного общества на переосмысление парадигмы традиционных ценностей, ставшей ключевым звеном этически содержательной структуры так называемой деревенской прозы.

Ключевые слова

Валентин Распутин, традиционализм, деревенская проза, реалистическая традиция

Для цитирования

Вахненко Е. Е. Валентин Распутин в диалоге научных идей и творческих практик. Рецензия на книгу: Валентин Распутин: pro et contra, антология. Современные аспекты исследования: Монография / Науч. ред., сост., вступ. ст. Н. В. Ковтун; отв. ред. Ю. М. Брюханова. СПб.: РХГА, 2024. 664 с. // Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 272–276. DOI 10.17223/18137083/93/20

© Вахненко Е. Е., рец., 2025

Valentin Rasputin
in the dialogue of research and creative practice

The book review:

Valentin Rasputin: pro et contra, antologiya. Sovremennye aspekty issledovaniya, monografiya [Valentin Rasputin: Pro et Contra, an Anthology. Modern Aspects of Research, Monograph]. Eds. N. V. Kovtun, Yu. M. Bryukhanova. St. Petersburg, RCHA, 2024, 664 p.

Ekaterina E. Vakhnenko

Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation
katy250579@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2728-7465

Abstract

This paper is a review of the monograph "Valentin Rasputin: pro et contra, an anthology. modern aspects of research", published in the "Russkiy put'" ("Russian way") series by the Russian Christian Humanitarian Academy in St. Petersburg in 2024. The monograph presents a compilation of diverse scholarly and critical perspectives on the works of Valentin Rasputin. In addition, it provides a systematization of thoughts on the artistic nature of his texts, and an illustration of and demonstrate various reception practices in reading this classic of "village prose." The monograph highlights the prospect of not merely summarizing existing research but also expanding interpretative horizons through new aspects of interaction: intercultural, interdisciplinary, and intergeneric. The relevance of the anthology under review is associated not only with the need to systematize the currently available information about the artistic worldview of Valentin Rasputin, but also with the increasing demand of modern society to re-think the paradigm of traditional values, which has become a key element in the value-content structure of "village prose".

Keywords

Valentin Rasputin, traditionalism, village prose, realism

For citation

Vakhnenko E. E. Valentin Rasputin in the dialogue of research and creative practice. The book review: Valentin Rasputin: pro et contra, antologiya. Sovremennye aspekty issledovaniya, monografiya [Valentin Rasputin: Pro et Contra, an Anthology. Modern Aspects of Research, Monograph]. Eds. N. V. Kovtun, Yu. M. Bryukhanova. St. Petersburg, RCHA, 2024, 664 p. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*], 2025, no. 4, pp. 272–276. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/93/20

В последнее десятилетие появилось много работ, посвященных аспектам творческой личности В. Г. Распутина, его наследию, проводятся конференции, круглые столы и семинары [1]. Однако, по справедливому замечанию Н. В. Ковтун, оби-

[1] См., например: Творческая личность Валентина Распутина: живопись – чувство – мысль – воображение – откровение / Ред. И. И. Плеханова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015; Александр Вампилов и Валентин Распутин: творческий потенциал «иркутской истории» / Ред. И. И. Плеханова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017; Валентин Распутин. Правда памяти / Ред. В. Я. Иванова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018; Валентин Распутин. Исконное и зло-

лие исследовательских интенций не дает системного представления об особенностях художественного мира мастера сибирской прозы, «остается ощущение, что тайны, загадки в понимании его пути, творчества только множатся» [Ковтун, 2024, с. 11].

На этом фоне востребованным становится появление коллективного труда как попытки обобщения и отражения многомерности мира В. Г. Распутина, основных парадигм его творчества. Можно с уверенностью утверждать, что эта работа является промежуточным подведением итогов исследовательских исканий последних двух десятилетий: в со- и противопоставлении взглядов обозначены константы авторского мировоззрения, основы понимания человека в мире, раскрыта специфика метафизических смыслов произведений Распутина. В то же время продолжается процесс открытий, обнаружения новых граней уже известного, изучение поэтики, связей с отечественным наследием и с мировой словесностью и культурой.

Книга состоит из пяти частей, которые обозначают тематически и концептуально сближенные направления творчества Распутина и позволяют решить отдельные исследовательские задачи. Каждый раздел содержит как сопоставимые и совпадающие точки зрения, так и абсолютно полярные взгляды ученых. Н. В. Ковтун во вступительной статье отмечает, что в распутиноведении многочисленные, зачастую совершенно противоречивые суждения о произведениях писателя, его авторской позиции тяготеют к оценочности, что уводит читателя от целостного восприятия текстов. Поэтому принцип наполнения настоящей антологии основан на четко определенной задаче: «показать разнообразие критических взглядов на произведения мастера и их схождение в признании его дара» [Там же, с. 7]. Следует отметить, что эта попытка вполне удалась: именно анализ текстов (обращение к мотивно-образной системе, композиции и сюжету, хронотопу, тематике, особенностям характеров героев, эстетике и языку) создает полноту и глубину понимания доминант художественного мира Распутина, позволяет осознать динамику его творчества.

В структуре антологии вполне логичным представляется и расположение частей: от рассмотрения специфики миропонимания автора, этических и эстетических констант («Художественное сознание Валентина Распутина») – к изображению человека в цельности и определенности, сложности и противоречивости («Многомерность характеров: богатырки, юродивые, трикстеры…») и, наконец, к творческому сопряжению или противостоянию с классиками и современниками («Диалог художественных систем»). Первые три части книги можно читать как единое целое, обращающее нас к личности автора и специфике его сознания, к ключевым темам и проблемам, поднимаемым в произведениях. Так, специфика образа героя, его характера и воплощения рассматривается исследователями с различных точек зрения: метафизической и онтологической (Т. Л. Рыбальченко, О. Н. Меркулова, И. А. Митрофанова, А. А. Дырдин), аксиологической и философской (Е. В. Сумарокова, Н. М. Щедрина), в мифологическом, фольклорном и культурологическом контекстах (Н. В. Ковтун, А. А. Иванова и Н. П. Хрящева, Н. Л. Новикова, Т. Ю. Климова), с позиции преобладания иррационального начала (А. И. Куляпин) и ориентации на патриархальную традицию, родовую память,

---

бодневное в сознании художника. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2023; *Плеханова И. И.* Александр Вампилов и Валентин Распутин: диалог художественных систем. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016.

духовный опыт поколений и семейные ценности (О. Ю. Юрьева, В. В. Компанеец, А. В. Игнатьева, П. Е. Фокин, Р. Банерджи), в гендерном аспекте (Н. Н. Подрезова).

Немаловажным является четвертый раздел антологии, который погружает читателей в область межкультурной коммуникации и в поле рецептивных практик. Содержание статей позволяет составить представление о восприятии художественного мира и творческой личности В. Г. Распутина за рубежом (во Франции, Испании, Сербии, Белоруссии, Китае), проблемах перевода его текстов. Несколько одиноко в этом ряду интерпретаций смотрится статья иркутского исследователя А. Г. Лухнёва, посвященная специфике театральной рецепции повести «Живи и помни», о соотнесенности инсценировок и театральных постановок с авторским словом. Удивительно, что эта область распутиноведения в содержании коллективного труда осталась практически не заполненной.

Из системы научных работ выбивается и статья о создании и функционировании музея В. Г. Распутина в Иркутске. Однако она логически завершает этот содержательно емкий, немного эклектичный раздел, имеет особую информационную нагрузку и историко-культурную ценность: мир писателя представлен в единой жизненно-творческой концепции через систему артефактов, архивных материалов, визуального и аудиального знакомства с личностью автора. Поэтому в разделе «Приложение» помещены фотографии музея, позволяющие читателю понять атмосферу творческой жизни и быта мастера.

О пятой части «Распутин: полемический контекст творчества», представляющей свод оценочных суждений, составители сообщают: «итоговый раздел <…> стоил создателям монографии многих дискуссий и споров» [Ковтун, 2024, с. 16]. Представляется обоснованным решение о включении раздела в структуру книги: авторы статей не только отражают точки соприкосновения и расхождения писателя со своим временем, историей и народом, но и в контексте социально-политических и философских взглядов представляют его художественный мир на суд читателя в достаточно категоричной форме и оценках, где анализ или подкрепляется, или заменяется инвективой.

Практически все работы в монографии обращают читателя к системе традиционных ценностей как основе миропонимания Распутина, отразившейся в художественном полотне его произведений.

Интерес к поэтике традиционализма в современном литературоведении все чаще проявляется у исследователей [2] и находит отклик в современной художественной картине мира (произведениях З. Прилепина, М. Тарковского, Р. Сенчина). Традиционалистские формы мышления не только дают возможность обратиться к традициям как явлению прошлого (многие считают их пережитком, препятствующим новым социально-культурным формам жизни, модернизации общества), но скорее являются условием сохранения традиции в настоящем, определением ее сути в быстро изменяющемся мире, способом понимания действительности. Именно этот путь постижения человеком себя через обращение к корням, традициям и христианским ценностям отражен в художественном мире Распутина как единственная возможность сохранения личности, родовой памяти и связи поколений, истории в ее национальной и общекультурной основе. Поэтому практически все труды в антологии в большей или меньшей степени отражают суть традицио-

[2] См.: *Ковтун Н. В.* Современный русский традиционализм: итоги и перспективы // Филологический класс. 2015. № 4. С. 87–90.

налистского мышления писателя, трактуемого с различных позиций: в контексте философских, социально-исторических, духовно-нравственных ценностей, мифологического и фольклорного начал.

Хочется отметить, что все работы отвечают поставленной задаче и подчинены замыслу составителей. С сожалением констатируем отсутствие в монографии статьи И. И. Плехановой, но отмечаем, что мысли и идеи авторитетного ученого нашли отражение практически в каждой представленной работе и в определенной степени заложили смысловую основу научных разысканий.

Можно с уверенностью заключить, что книга «Валентин Распутин: pro et contra, антология. Современные аспекты исследования» состоялась как целостный, завершенный и фундаментальный труд, подводящий промежуточный итог многолетним подходам и решениям в области распутиноведения, но вместе с тем открывающий горизонты для творческой и исследовательской мысли.

Список литературы

Ковтун Н. В. Вместо введения // Валентин Распутин: pro et contra, антология. Современные аспекты исследования: Монография. СПб.: РХГА, 2024. С. 7–16.

References

Kovtun N. V. Vmesto vvedeniya [Instead of an introduction]. In: *Valentin Rasputin: pro et contra, antologiya. Sovremennye aspekty issledovaniya: Monografiya* [Valentin Rasputin: pro et contra, an anthology. Modern aspects of research: Monograph]. St. Petersburg, RCHA, 2024, pp. 7–16.

Информация об авторе

Екатерина Евгеньевна Вахненко, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

Information about the author

Ekaterina E. Vakhnenko, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian and Foreign literature, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 17.07.2025;
одобрена после рецензирования 07.08.2025; *принята к публикации 07.08.2025*
The article was submitted on 17.07.2025;
approved after reviewing on 07.08.2025; *accepted for publication on 07.08.2025*

Сибирский филологический журнал
Научный журнал
2025. № 4

Учредители

Сибирское отделение РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

Институт филологии СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия

Иркутский государственный университет
ул. Карла Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия

Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия

Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Томский государственный педагогический университет
ул. Киевская, 60, Томск, 634061, Россия

Томский государственный университет
пр. Ленина, 66, Томск, 634050, Россия

Главный редактор
член-корреспондент РАН И. В. Силантьев

Адрес редакции, издателя
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-77938 от 04.03.2020

Ответственный за номер В. А. Горбунова
Редактор И. А. Похорукова
Корректор текста на английском языке Е. В. Давыдова

Сдано в набор 14.10.2025. Подписано в печать 05.11.2025
Дата выхода в свет 20.11.2025. Бумага офсетная № 1. Формат 70×108/16
Гарнитура Times New Roman. Печать цифровая
Подписная цена 1000 руб.
Уч.-изд. л. 34,5. Тираж 45 экз.
Заказ № 212

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре НГУ
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

ISSN 1813-7083